

Андрей Евгеньевич Фролов
Пути Держателей

http://samlib.ru/f/frolov_a_e/pd_fullversion.shtml

Аннотация

Что это по сути? Это фэнтези, но с изрядным "закосом" в аниме. Не могу сказать, что сие фанфик по известным мультсериалам, но их просмотр немало повлиял на написание. Вообще же в основе лежит "дэнжен" (сугубо авторский мир), по которому я в

свое время неоднократно "водил", а затем решил воплотить наброски на бумаге.

В свое время это произведение собиралось купить одно небезызвестное издательство, но переговоры зашли в тупик, и оно осело в столе. Теперь оно здесь.

Что будет в тексте? Будет своеобразная система магии, будут монстры, будут герои в неприятных ситуациях, и любовь тоже будет, и судьбоносные решения, и битвы, и поединки, и яркие (надеюсь) образы.

Андрей Фролов ПУТИ ДЕРЖАТЕЛЕЙ

Гипнотизирующие цветные сполохи блистали богатством и глубиной палитры. Истончаясь до призрачных оттенков, они переливались всем многообразием спектра, накатывая волнами и отступая невесомой пеной. Брызжа горячим пламенем, тут же сменялись холодным лаком равнодушного ожидания. Вспышки подчеркивали причудливые силуэты, сотканые из дыма, наполнявшего бездонную пустоту вокруг миров Креста.

Набросок был плох, даже на самой начальной стадии картины. Мазок за мазком соперники пытались выровнять ситуацию, умоляя фортуна перейти на свою сторону, а время — не спешить. Но многообразие ударов разноцветной кисти лишь усугубляло беспорядок, делая рисунок размытым, смазанным, вульгарно абстрактным.

Мольбы художников мироздания лились впустую, и лишь зловещая маска Властителя Путей беззвучно шевелила губами, раз за разом повторяя единственное слово — судьба.

Вот с протяжным свистом вспыхнули две Синие, спелые, буквально брызжащие соком. Были брошены небрежно, как подачка надоевшему псу. Но Зеленый Дом встрепнулся, неожиданно спасовав, стараясь как можно быстрее убраться в тени. Встревоженный дым метнулся в стороны, закручиваясь силуэтами драконов и быстрокрылых парусных лодок.

Над Крестом раскатился переливчатый смех, бескрайние в своих размерах образы тревожно зашевелились. Издали, словно даже из-за пределов бездны, ударил гонг, наполняя воздух бронзовой дрожью.

В следующую секунду Золотые, бросившись в неожиданную атаку, скрестились с Красными. Вступив в невольную схватку с союзниками, медленно угасли, шипя и проклиная известные миры.

Развязка близилась. Словно предчувствуя это, цвета принялись все быстрее размывать очертания полотна. Теперь они вспыхивали бессистемно, все ускоряя темп. Длани всемогущих Ткачей создавали уникальные цветовые сочетания и нюансы, прихотливо заставляя краски умирать и снова оживать.

Вновь взвыл гонг, каждым новым стоном отмечая уход Домов и участников схватки. Крохотная песчинка чьей-то судьбы упала в жернова, заставив сложную систему поперхнуться и сбиться с ритма. Бабочка взмахнула крыльями, порождая тайфун, грозящий смести с Креста все живое. Теперь над бездонным кругом бытия воцарился полнейший хаос. Все безумнее и смелее становился сверкающий поток, набат звенел уже мерным ритмом. Над мирами, не умолкая, металась стена проигравших и гремел победный смех, как вдруг все замерло в ожидании чего-то очень важного.

Тишина, столь внезапно наступившая, оглушала много сильнее триумфального хохота.

Последний мазок ударил по холсту столь неожиданно, что был подобен блеску молнии. Держатели Нитей в ужасе выдохнули, всматриваясь в Серую матовую мглу, окружившую лучи Креста, словно дыхание чудовища. В тумане проявлялся смутный образ. Скрестив руки на груди, небрежно и с вызовом улыбаясь, стоял...

Эпизод I. Охота

Пронзительный вой милицейской сирены с хрустом выдрал Бактияра из холодных

пальцев клейкого сна. Мгновенно отшвырнул к стене, пригнув в стойке и растянув пересохшие губы в оскале. Тонкое шерстяное одеяло клубком забилося под кровать, утащив за собой добрую половину смятой простыни. За окном, прикрытым лишь прозрачным пыльным тюлем, темнота начинала расцветать оттенками огненного марева.

Бактияр прислушался, не торопясь расслаблять напряженные плечи. За последнюю неделю множество примет научило его быть готовым. Всегда. К чему угодно... За последнюю неделю слишком много событий и вещей заставляли его вздрагивать, пробуждаясь среди ночи, и замирать, вслушиваясь в холодную мглу.

За окном в ночи, словно соревнуясь за спасение чужих жизней в гонке, с ревом пронеслись две пожарные машины. Свет маяков и фар создавал причудливую пляску кругов яркого света, бешено вертящихся по потолку. Круги исчезли, снова погрузив комнату в темень.

Бактияр заставил себя расслабиться. Подобрал откинутае одеяло, присел на край продавленной кровати. Жадно вдохнул полуночную прохладу, льющуюся через приоткрытое окно. Студеный, не прикрытый даже ковролином, драный линолеум пола приятно морозил босые ноги. Юноша осмотрел свое убогое убежище, стряхивая остатки сна.

Темно, по ощущениям — самая середина ночи. Из-под двери номера выбивается слабая полоска света, рожденная мерно потрескивающей коридорной лампой. Телевизор в углу отчаянно шипит, мерцая серым экраном.

Бактияр тяжело поднялся, ладонями потирая глаза, и щелчком кнопки прервал мучения древнего аппарата.

На столе засыхал недоеденный ужин: двойной хот-дог из картонной булки и картонных сосисок, подпиравший бумажный стакан из-под "Спрайта". Бактияр пристукнул по столу пальцем, подняв настоящую панику в рядах тараканьего войска, оккупирующего ужин.

Где-то в соседнем номере не умолкая скрипела кровать. Крики и стоны лишь изредка заглушались диким пьяным хохотом из номера напротив и скрипом автомобильных шин на улице. Сумасшедший дом, наверное, более уютен и спокоен...

Бактияр вернулся к окну, кутаясь в шерстяное одеяло, царапавшее кожу даже сквозь застиранный тонкий пододеяльник. Вгляделся в темноту. Толкнул дешевую пластиковую створку, закрывая раму. С тоской уставился на одинокий фонарь и столь же одинокого бомжа под ним. На голую кирпичную стену через улицу напротив гостиницы, украшенную цветными разводами местных художников. Гостиница... одно слово, ночлежка — старый трехэтажный дом, в свое время выкупленный предприимчивыми коммерсантами. Дешевые грязные квартиры сдаются по неделям и суткам. Притон.

Бактияр взглянул на небо, приложившись щекой к мутному стеклу. Дождь кончился давно, может быть, еще вечером, но небо и не думало светлеть или избавляться от серой пелены низких облаков. В неподвижности простояв несколько минут, он снова приоткрыл окно, впуская в тесную комнату ветер, неприятный запах переулка и шум машин, летящих в сторону Речного вокзала. С востока, откуда-то с улицы Восход, тянуло дымом.

Пожар. Сейчас там шумно и людно, а люди сражаются с огнем. Совпадение? Возможно, еще год назад Бактияр и верил в совпадения, но не сейчас. Значит, придется вновь уходить... Проклятье.

Он небрежно отбросил жесткое одеяло обратно на кровать и, не зажигая света, принялся быстро одеваться. Тот, кого юноша боялся, всегда приходит вслед за пожарами. А если предчувствие не обманывает, значит, что он скоро будет здесь.

Джинсы, майка, сверху рубаша, в карманах позвякивает мелочь. Перочинный нож, коробка спичек, выроненная в спешке, ключ от квартиры-номера, тощий бумажник. За оплату можно не переживать, хозяева гостиницы брали плату вперед.

Уже шнуруя потертые кроссовки, Бактияр вскинул голову... Отметил, что пьянка, похоже, наконец-то утихла, в вот страстные стоны по-прежнему неслись из-за тонкой стены. Ничего. Ничего нового. Ему лишь показалось. Прожужжав молнией спортивной сумки, хранящей скромные пожитки обреченного на скитания бродяги, парень подался к двери. И

замер, невольно взглянув в мутное зеркало прихожей.

Когда-то здоровый, сильный и красивый молодой человек, с кожей, отливающей тусклой бронзой — сейчас из зеркала на него смотрел другой. Когда-то он был похож на Джета Ли в годы его юности, или даже на Дакаскоса, одинаково легко становясь похожим и на казаха, и на японца, и на корейца. Кожа его носила печать вечного загара, мышцы играли... Сейчас все иначе. Погоня словно затянула его лицо паутиной, матовой патокой, превращая в одного из тысяч нелегальных мигрантов, приезжающих в столицу Сибири на заработки.

Нужно было уходить, но Бактияр медлил, в полумраке тесного коридора рассматривая свое отражение.

— Ну же, — противно заскрежетал внутренний голос, — взгляни. Ты истощен, небрит и напуган. И все это сделал с тобой именно он. Измотал, словно тряпичную куклу. Загоняет, словно зверя, и, в конце концов, убьет. Ведь ты же не думаешь, что он станет щадить тебя вечно? Он не утруждает себя прятками, почти всегда давая знать, что приближается. Как всегда. На что остается надеяться? На то, что когда-нибудь все вернется? Вернется лоск и сила, вернется настоящее имя, не имеющее ничего общего с казахским? Вернется спокойная жизнь? В этот раз тебя точно не пощадят. Тогда остановись и дай бой. Не можешь? Я так и знал...

Тупая боль сломанных костей в правом плече была ответом. Видят Боги — он пытался. Человек, называющий себя Бактияром, рассеяно провел рукой по спутанным черным волосам. Встряхнулся, словно волк перед долгим бегом, и открыл дверь. Медленно накатывающий страх, наконец, достиг высшей точки, рассыпав по спине щедрую горсть мурашек. Хотелось бессильно сесть на пол и спрятать лицо, опустив голову между колен. Хотелось ждать, пока на плечо не опустится рука.

Лампа дневного света, кое-как подвешенная под потолком коридора, с треском мигнула, на какое-то мгновение превратив реальность в набор картинок.

Он был там.

Нет, не стоял перед дверью, ожидая триумфального момента встречи, купаясь в тенях полуживой лампы, хотя такой поступок был бы вполне в его стиле. Просто Бактияр почувствовал его присутствие в самой гостинице, как Ткач ощущает бесшумный полет Нитей.

Время остановилось.

Юноша двинулся вперед, внимательно осматриваясь и приняхиваясь, будто зверь. Миновал коридор, обклеенный выгоревшими и отлетевшими от стен обоями, ряды обшарпанных дверей со сбитыми номерками. Остановился на краю погруженной в полумрак узкой лестницы. Ноздри его расширились, а пальцы до побелевших костяшек стиснули ремень сумки.

Кто-то медленно поднимался по деревянным ступеням. Поднимался неспешно, нарочно задевая стены полами своего длинного плаща, мерно постукивая ногтями по перилами, и раскачивая в воздухе ближайшие Нити. Тень, еще более густая, чем темнота ночи, медленно поднялась на этаж. Крупная фигура в широкополой шляпе перекрыла последний свет, летящий снизу.

Значит, рана не смогла остановить его...

Бактияр рванулся назад, без разбега и подготовки. В секунду долетел до конца коридора, выходящего в переулок. Уже врезаясь в оконный проем, он сгруппировался и попытался свободной от сумки рукой ухватить Нить. Уцепился за Золотую, с коротким вскриком разжал зашипевшую от ожога ладонь, и кулем рухнул вниз. Рама с грохотом вывалилась наружу, стекло шумной струей устремилось следом.

Захватило дух, в ушах засвистел воздух, и все три этажа разом пронесли мимо.

Он упал на дорогу, разбрызгивая прохладную воду луж, и покатился по асфальту, роняя сумку с лопнувшим ремнем. Тут же подхватил, сгребая в охапку. По глазам ударили ярко-желтые фары, и Бактияр машинально прикрыл голову — полуночный водитель, даже не

успев просигнализировать, резко свернул вправо. Визжа тормозами, иномарка с грохотом врезалась в угол бетонного забора. Буквально в этот же миг кто-то закричал.

Бактияр поднял голову, оглядываясь на сутулую гостиницу. В комнатах зажегся свет, что-то голосили люди. За его спиной, бессвязно бормоча и пытаясь оттереть кровь, покрывающую лоб, из разбитой машины выбирался водитель.

А наверху, в проеме с выбитой оконной рамой, зловеще темнел силуэт очень высокого мужчины в свободном плаще и широкополой шляпе. Приготовленные к удару Нити змеями клубились у его ног. Над дальним крылом нищей гостиницы начал подниматься дым.

Тогда Бактияр побежал.

Улица замелькала под ногами, когда он понесся по узким переулкам частного сектора, петляя и сворачивая, в мгновение ока оставив за спиной и горящую ночлежку, и преследователя. Он бежал как животное, выкладываясь из всех своих нечеловеческих сил и редко втягивая воздух сквозь сжатые зубы. Мусорные мешки, коробки и ящики разлетались в стороны, громяхая и отскакивая от стен, несколько бродяжек в ужасе шарахнулись прочь. Страх, невидимой волной подталкивающий в спину, усиливался.

Сбросить тело не оставалось времени. Бактияр бежал.

Фонари рекламных щитов перед новеньким сияющим автоцентром ударили по глазам, и он свернул направо, в сторону заправки и трамвайного моста над ней. Здания, машины, редкие люди — все стало неисчерпаемым потоком слайдов, заливающих глаза.

Навстречу метнулись задворки бензоколонки, бетонный плац с торчащими из него люками, кусты, сырая земля под ногами. Скопление металлических гаражей на взгорье, заваленные мусором трамвайные пути, компания подвыпившей молодежи, сидящая у костерка. Крики, смех, проклятия вслед. В несколько гигантских шагов миновав мост, он выскочил на Серебренниковскую, остановившись лишь на миг.

Слева, со стороны автовокзала, темная сторона улицы принялась расцветать красочным сиянием милицейских маяков. Буквально тут же притаившаяся "четверка" ВОХРа с места набрала скорость, включая сирену, а Бактияр бросился вправо, во двор высотного здания. Два зеленых мусорных бака на время скрыли его от фар и прожекторов. Почти не сбавляя скорость, машина вкатилась следом и остановилась, гася сирену. Захлопали двери. Парень обернулся, взглядом упираясь в кирпичную стену массивного гаражного комплекса. Двор, как ловушка, рассматриваемый пристальными прищурами десятков темных окон. Двери — на электронных замках, в сторону Октябрьского шоссе можно прорваться только за углом одноэтажной коробки гаражного комплекса.

Двое ВОХРовцев выскочили из машины, что-то крича на бегу. Бактияр буквально прирос к стене высотки, а в этот момент на краю трамвайного моста, словно из ничего, бесшумно материализовался двухметровый силуэт. Милицейские фонари без устали щупали податливую темень детской площадки, заработала рация. Юноша глубоко вздохнул, нащупывая на мокрой стене пару Красных.

Менты так и не поняли, что же мелькнуло от ближайшего подъезда, подчистую срезая их фонари и в мелкую хрустальную крошку расшибая фары казенной "четверки". Расценив удар, как обстрел, вооруженные бросились за машину, вызывая подкрепление. Во внезапно наступившей темноте мелькнул размытый силуэт, глухие шаги ударили по рубероиду гаражной крыши, и стало совершенно тихо. Почти не растерявшись, один из ВОХРовцев едва не открыл огонь из пистолета, но напарник рывком заставил опустить руку. Темнота двора дышала пустотой, а будить жителей напрасной пальбой не имело смысла. Беглец перепрыгнул преграду и направлялся к Октябрьскому шоссе.

Бактияр мягко приземлился на рыхлый газон, отделяющий гаражи от шоссе, и вновь побежал, не давая себе ни секунды отдыха.

Преследование не прекратилось, он чувствовал это. Охотник шел за ним, как за подранком, пусть медленно, но безошибочно читая колебания Нитей и неумолимо приближаясь. Вот на крыше все той же высотки слева вновь мелькнул силуэт. Бактияр прибавил скорость, даже не задумываясь, что бежит по встречной, к счастью — пустой. Вода

из разбитых им луж вставала стенами.

Тень метнулась впереди, идя наперерез, и Бактияр прыгнул к очередному гаражному комплексу, сворачивая ей навстречу, рассчитывая перехитрить и вернуться на Серебренниковскую. Но теперь силуэт мелькал всюду: в окнах домов, сзади, вставал на пути, бесшумно летел по крышам. Бактияр бежал. Через несколько вздохов лабиринт гаражей и остатков строительного мусора вывел его на ярко освещенную улицу.

Бег парня остановил внезапный удар о низкое розовое крыло дорогой машины. Подбросил над капотом на добрую пару метров и швырнул о землю. Запоздало Бактияр успел услышать скрип тормозов, женский вскрик, как удар смешал его мысли, погрузив в пыльную пелену полузабытья.

Но мокрый асфальт быстро приводил в чувство, и юноша открыл глаза. Шикарный розовый БМВ, летевший по ночной Серебренниковской не меньше восьмидесяти, горделиво встал поперек трамвайных путей, красуясь свежей вмятиной. Из машины, оцепенело обхватив голову руками, выбиралась девушка. В Новосибирске в последнее время много таких — молодых и красивых, разъезжающих на баснословно дорогих иномарках... Ее затравленный взгляд метался с помятого крыла на пытающегося подняться казаха. Несмотря на то, что следов крови на лице девчонки не наблюдалось, ее откровенно шатало. В окнах окружающих домов начали зажигать свет.

— Ты что, козлина, офанарел под машины кидаться?

Однако в голосе ее не звучало гнева — лишь испуг, прикрытый демонстративным гневом. Лицо девчонки менялось на глазах, как восковая маска, оплывало — ужас произошедшего сражался с яростью за покоренную машину. Она неуверенно топталась вокруг Бактияра, даже не пытаясь помочь тому подняться.

— Господи, как же я испугалась... — и вновь пошла в атаку, не давая страху затопить сознание. — Да я даже не превышала! Куда же ты попер!? Господи, как же это так...

Но Бактияр более не слушал. Затравленный взор его был устремлен назад, через левое плечо. Оттуда, по длинной улице, убегавшей к Автовокзалу, мерным шагом поднимая брызги дождевой воды, к месту аварии приближался силуэт в широкополой шляпе.

— Урод, да я же за рулем уже шесть лет, даже права не покупала! Господи, как же так... Парень, я клянусь, что не заметила... Ты в порядке вообще?

Бактияр взглянул на девушку снизу вверх и она мгновенно умолкла, прекратив поток оскорблений, перемешанных с причитаниями. Захлебнулась собственным дыханием, зачарованная и испуганная багровым огоньком, светившимся в глубине его глаз.

— Жить хочешь? — грубо рявкнул он прямо ей в лицо.

Вскочил, тряхнув перепачканной сумкой.

Девчонка побледнела и сжалась в комок, судорожно ухватившись за воротник блузы. Не в силах произнести ни слова, глупо уставилась на сбитого парня, словно тот заговорил на незнакомом языке.

— Ну?! — Бактияр оказался рядом, схватил за хрупкое плечо, ощущая крупную дрожь.

По едва наклонной улице поднимался его преследователь.

Девушка резко мотнула головой, с трудом сдерживая рыдания.

— За руль! — скомандовал Бактияр, одним легким движением перемахивая через капот. Таких приказов не ослушиваются, им подчиняются беспрекословно и мгновенно.

Девушка, словно заколдованная, немедленно выполнила команду — вернулась в машину, захлопнула дверцу, обеими руками хватаясь за рулевое колесо. Теперь она двигалась, как заговоренная кукла древнего культа.

Охотник остановился.

Казалось, он задумался.

Бактияр обернулся, сосредотачиваясь, поймал две парящие Красные и быстро начал вить.

Нити, с едва слышным звоном появляющиеся из холодного ночного воздуха, свились в подобие жгута. Бактияр, ощущая приятное давление в груди, резким толчком придал им

твердость, удлинил и поднял над головой.

Охотник равнодушно скрестил руки на груди, а клубящиеся и извивающиеся у его ног Нити принялись подниматься в воздух, будто сонные змеи. Машина завелась, и боковым зрением Бактияр увидел распахнутые глаза девушки на белом, как бумага лице.

Существо в шляпе медленно двинулось вперед, и Красные щупальцами колыхались под его ногами. Бактияр резко вскрикнул, чувствуя, как заломило ребра, а плечи свело судорогой. Перед глазами пронеслась знакомая пелена, вызванная заклинанием. Юноша ударил в землю.

Его импровизированный бур слетел с рук, изогнувшись трехметровой дугой, и без труда проткнул асфальт дороги, ломая и разбрасывая обломки. Ночная улица вздрогнула, с лязгом отлетели несколько кусков рельсов. Проталкивая Нити под дорогой, Бактияр со звериным оскалом наблюдал, как растет ком встающего дыбом асфальта, приближаясь к Охотнику, чьи бездонные глаза начинали светиться все ярче.

Одновременно задребезжав, по всей протяженности улицы вверх рванулись тяжелые канализационные люки, вышибаемые огненной энергией заклинания. В следующий миг они с грохотом посыпались обратно, пробивая крыши припаркованных машин и с оглушительным перезвоном отплясывая по тротуарам. Кто-то пронзительно закричал с балкона.

Поймав еще одну Красную, Бактияр бросил ее вслед заклинанию, удлиняя свое оружие. Словно огромный червь полз под дорогой, вздыбливая асфальт.

Охотник, опираясь сразу на несколько Нитей, торопливо взмыл, поднимаясь над улицей, и принялся раскручивать остальные для удара. Юноша упал на колено, концентрируясь и усиливая напряжение, с силой выдохнул короткую формулу, и развернул свитые под асфальтом концы Нитей.

Его преследователь не успел всего на одно мгновение. Дорога взорвалась, треснув, словно старый порез, и взвилась в небо горой осколков, обрывками проводов, кусками труб и тучами пыли, растягивая улыбку разлома во всю длину улицы. Черный блестящий "форд", на немалой скорости выскочивший со стороны Красного проспекта, закрутился, пытаясь отвернуть, но соскочил в провал, исчезая под кусками рушащегося сверху дорожного полотна.

Стена хаоса выросла в эту секунду между двумя воинами, недвижно застывшими напротив. Один, преклонивший колено, как будто молчаливо восхищался этим театром разрушения, другой — небрежно паря над землей, взирал на таинство уничтожения с равнодушной усмешкой. А между ними в проломе танцевали, как две умирающие змеи, постепенно угасая, сплетаясь и раскручиваясь, поднимаясь и опадая, Красные Нити.

Бактияр вскочил на ноги и рванул дверцу, втискиваясь на заднее сиденье.

— Жми!

Машина с визгом рванулась вперед, выворачивая на тротуар, и с места набрала скорость. Охотник закричал, Нити его заклинаний мгновенно потянулись сквозь опадающую стену обломков, слепо тычась в витрины магазинов и двери офисов, вышибая стекла и плиты гипсокартона. Новые взрывы сотрясли раскуроченную улицу, струи пара и воды хлестали по начинающему разгораться огню пожара.

Перекрывая крики напуганных людей, над городом прокатился рев.

Девушка до отказа выкрутила руль, сворачивая на боковую улицу, и впечатала в пол педаль газа.

Ее трясло.

Через какое-то время то здесь, то там завывли, приближаясь, сирены милицейских и пожарных машин.

Бактияр судорожно выдохнул и откинулся на мягкую плоть заднего сиденья. Пальцы, еще хранившие тепло заклинания, начинало привычно покалывать, болело внутри. Да и плечо снова заныло, противно пульсируя...

Кажется, на этот раз погоня вновь отстала, и раунд снова остался за ним. С каждым

мгновением удаляясь от места схватки, он приобретал новую крупницу драгоценного времени.

Но что дальше?

Бактияр закрыл глаза. Ему просто нужен отдых, покой. Спокойный сон, в конце концов.

— Молодой человек, вы ведь не причините мне вреда? Если хотите, у меня есть деньги... У моего друга есть деньги, немалые, я могу заплатить за то, что сбита вас...

Он вздрогнул. Заработали, легонько жужжа, "дворники", смывая с лобового стекла разводы грязной дорожной воды.

Проклятье, девчонка. Бактияр заставил себя разлепить глаза и осмотрел невольную спутницу.

Молоденькая, примерно одного с ним возраста, по человеческим, естественно, меркам. Смазливое, но симпатичное личико, курносая. Спортивная фигурка, развитые формы. Хорошая девчонка. В другое время Бактияр даже заинтересовался бы ею, но не сейчас. Сейчас она была напугана, чертовски напугана, и падающие до плеч прямые темные волосы лишний раз подчеркивали неестественную бледность ее лица. Карие глаза с мольбой смотрели на похитителя через зеркальце заднего вида, и в них отчетливо читался страх.

Немудрено. Сначала ты внезапно сбиваешь молодого казаха, после чего тот, как ни в чем не бывало, поднимается с земли и начинает махать руками. Затем неожиданно взрывается уличный газопровод, а тебя, в заключение, похищают вместе с машиной, увозя неизвестно куда. Любой бы испугался. Чего ждать от узкоглазого? Может, у него пистолет, или ржавая отвертка с собой... А может, это и вовсе наркоман.

Машина шла плавно, четко выполняя все предписанные знаками правила. Такую менты просто так не остановят, это хорошо. Через миндальный аромат освежителя пробивался резкий запах пластика и кожи. Стильная приборная доска, как рождественская елка, мерцала разноцветными огоньками. Кондиционер, телефон, кожаный салон. В одном фильме Бактияр видел, как молодые девчонки зарабатывают на такие машинки...

Автомобиль только ровно гудел, изредка вздрагивая и поднимаясь на ухабах. Оживленно размахивая лапками, под зеркальцем болтался смешной динозаврик, на каждом повороте хлопая по пузу длинным хвостом.

— Не надо меня бояться, — только и смог придумать Бактияр. — Просто езжайте вперед...

— Вы не причините мне вреда?

— Нет.

— Отпустите меня, пожалуйста, я могу заплатить...

— Отпущу, но позже... Обещаю.

— Этот взрыв... я не могу поверить... я видела кого-то... вы от него убегали? Это террористы?

— О, нет, — как можно убедительней и спокойней произнес он. — Не террористы, но я и правда убегал... Это моя вина, что я бросился под колеса...

Если удастся успокоить девчонку, она еще сможет помочь.

— Но сейчас все позади. Не бойтесь, я действительно не причину зла. Просто мне нужно кое-куда добраться, а там мы расстанемся.

— В милицию? — плечи девушки, наконец-то, отпустило окаменение. Она заерзала, усаживаясь удобнее. Привыкли ничего не бояться, эти молодые любовницы богатых бизнесменов.

— Нет! — тут же поняв, что совершает ошибку, он мгновенно сменил тон. — Я... я просто прошу не пугаться меня. Поверьте, я не убийца и не наркоман. Я мишень.

Пауза. Такие простые слова... Почему она должна вот так вот запросто верить им, фактически находясь в заложницах? Долгое время ее глаза пристально изучали молодого человека через крохотное зеркало заднего вида, но чувствовалось — она все же понемногу отходит. Бактияр покорно опустил взор, лихорадочно обдумывая произошедшее.

Они ехали на север, в сторону площади Калинина, осторожно пропуская милицейские машины и прибавляя скорости на безлюдных участках проспекта. Ночной город проплывал за бортом. Очередной ночной город, погруженный в осеннюю меланхолию. Какие же они все одинаковые... Бактияр на треть опустил стекло, наполняя салон прохладой.

— Хорошо, — она тряхнула волосами, снова посмотрела на него через зеркальце, — я помогу вам, хотя это и не означает, что я поверила во все. После этого мы будем в расчете за аварию?

— Конечно, — он потер лоб. Ему не часто приходилось общаться с человеческими женщинами.

— Без претензий? Без заявлений в милицию? Я подвожу вас, и вы отпускаете меня?

— Клянусь...

Она вынула руку из-под бедра, бросая на приборную панель сотовый телефон. Номер, приготовленный к набору, так и не был набран.

— Учтите, что если вы попытаетесь обмануть меня, это обернется тяжелыми последствиями...

Бактияр был поражен — еще мгновение назад перед ним сидела до полусмерти испуганная девчонка, но сейчас это уже был едва ли не хозяин положения, уверенный в себе и своих силах. Началась игра на чужом поле.

Девушка на ощупь вынула из сумочки тонкую сигарету "Vog". Прикурила, сквозь дым рассматривая странного пассажира.

— Ты точно цел? Ничего не сломал?

— Нет, упал удачно, спасибо.

— Вмятину оставил немалую...

— Крепкая кость, — честно ответил он, так и не сумев сосредоточиться. — И везение.

— Ясно.

Розовый БМВ проехал станцию метро "Гагаринская". Улицы ночного Новосибирска были пусты.

— Куда мы едем и как мне тебя называть?

— Меня зовут Бактияр, — привычно солгал он, осматривая разорванный бок сумки. — А тебя?

— Называй меня Линдой. Как певицу, знаешь такую? — она шумно затянулась сигаретой. Выбросила, не докурив, в приоткрытое окно.

Понапридумывают себе прозвищ... ну и ладно, Линда — так Линда.

— Куда тебя?

— Давай на Авиастроителей, там покажу.

Бактияр назвал улицу наугад, лишь бы та находилась подальше от центра. В глазах девушки молниеносно блеснул лукавый огонек. Машина свернула на Кропоткина и принялась уверенно оставлять за спиной квартал за кварталом.

— Разборки, да? — многозначительно спросила она. — Я слышала, у вас это жестче, чем у русских... И чего только дома не сидится?

— У кого это — у нас? — он заставил себя оторваться от видов ночного города, возвращаясь к беседе.

— У китайцев... Или ты не китаец?

— Нет, я не китаец... Я казах. И никакие это были не разборки...

— Ладно, как хочешь... Я просто успела уже такого насмотреться...

Бактияр устало мотнул головой. Пусть думает, что коллеги из солнечного Казахстана пытались поделить очередной наркотрафик, что с того... Девушка, назвавшаяся Линдой, продолжала о чем-то болтать. Пусть болтает, это ему только на руку. Кроме того, он знал, что после шока может наступить неудержимая разговорчивость. Главное сейчас, что по крышам домов больше не мелькал черный силуэт, обдавая в затылок зловонным дыханием.

Теперь можно подумать о будущем.

Нужно подумать.

Травля снова сорвалась, но на этот раз не по прихоти Охотника, а по его, еще не сломленной и желавшей выжить воле. Он чудом ушел. Что дальше? Союзников у него не прибавилось, друзья далеко, а случайные знакомые в игру не вступят. Спрятаться? Возможно, ведь драться становилось все труднее — Охотник терял терпение и было видно, что забава скоро превратится для него в серьезную работу. И тогда, наконец, он отнимет его жизнь. Хотя при чем тут жизнь, когда все дело в том, что юноша носит на шее.

Спрятаться? Но где?

Бактияр до предела, как позволял салон, вытянул ноги, расслабляя мышцы. Нужно бы, по-хорошему, скинуть тело... Машина теперь ехала по безлюдным и грязным районам, с левой руки раскинулся частный сектор, погруженный в непроглядную темень.

Скоро с ним перестанут играть в кошки-мышки, постаравшись просто убрать. Вернуться на Тоэх? Он слишком неопытен для самостоятельного прохода. Спрятать кулон? Бактияр не был уверен, что не выдаст тайник при пытках. Уничтожить? Он не был готов к такому повороту событий.

Проклятье, как вообще гончая смогла вычислить его в этот раз? Совпадение? Чушь. Слишком уж много совпадений, чтобы поверить. Сначала смерть Вадимова, потом гон, с каждым этапом которого ему давали все меньше шансов уйти. А может, и на этот раз Охотник сохранил ему жизнь намеренно? Может, его звериная забава не окончена?

Юноше хотелось завывать, мечась по замкнутому кругу.

Девушка по имени Линда... Бактияр вскинул голову. Чудесное спасение. Совпадение? Его спутница болтала, голосом выдавая напряжение, до конца не отпустившее ее.

— Линда? — он спросил это так, что она мигом умолкла. Ее глаза снова расширились, а плечи окаменели. — Скажи мне, ты человек?

По-другому он не мог, рассчитывая на откровенность. И пусть он спрашивает несурзные вещи у этой напуганной, втянутой в неприятности девушки. Что ему до людского рода? Пусть потом считает, что в машину действительно сел ненормальный...

Лицо девушки удивленно вытянулось.

— Что ты имеешь в виду? — она улыбнулась, но улыбка была фальшивой, наскоро приклеенной.

— Пожалуйста, ответь мне честно, — Бактияр собрался, не дав ей отвести глаз, — ты человек?

Линда закусила губу.

— Мой первый муж частенько называл меня ангелом, если ты это имеешь в виду. Но все же думаю, что я человек. Или ты тоже разглядел мои крылья?

Бактияр столь же неубедительно улыбнулся в ответ. Сущность девчонки и правда не выдавала ничего подозрительного. О, Держатели, пусть она говорит правду... Сейчас беглецу было просто необходимо во что-либо поверить, без опасения, что тот будет обманут.

Линда вновь сосредоточилась на дороге. Даже немного жаль, что она всего лишь человек.

Бактияр вновь убедил мысли спокойно течь, омывая его воспаленный охотой разум.

Машина притормозила. Въехав в парковочный карман, встала на "нейтралку". Линда не поворачивалась — спина прямая, пальцы нервно играют с золотой шейной цепочкой. Шли секунды. Левой рукой девушка заправила за ухо выбившуюся прядку. В ночном свете волосы блестели, как смоль.

— Это здесь.

Здесь. Что здесь? Улица Авиастроителей. Адрес, брошенный в спешке... Бактияр куснул губу, закашлялся, потер лоб, оттягивая время, и отчаянно пытаясь придумать хоть что-нибудь еще. Шестеро подвыпивших парней, покупавших пиво в ларьке на автобусной остановке, начали приглядываться к дорогой машине, что-то обсуждая. Линда оставалась неподвижной, как выключенный робот.

Бактияр замер, перешагивая порог принятого решения. Пришедшая мысль была тиха и незаметна, как морской бриз. Прозвучав, она уже собиралась уйти, когда юноша мягко, но

решительно ухватился за нее. Шансы, конечно, весьма незначительны... В лучшем случае, его выставят вон. В худшем же... Однако сейчас, с погоней на хвосте, других вариантов нет.

Он открыл рот, но промолчал, мгновенно переключая внимание. Линда, вцепившись побелевшими пальцами в руль, казалось, вовсе перестала дышать. Ее взгляд испуганно бегал по темным силуэтам, почти окружившим БМВ. Рассмотрев водителя, парни широко лыбились, обмениваясь сальными шутками. Сквозь качественную тонировку пассажир был не виден.

В переднее окно раздался легкий перестук безвкусной золотой печатки, украшавшей палец одного из гуляк. В яркие лучи фар вышли двое, один из которых практически лег на капот. В глазах молодежи танцевали пьяные бесы.

Бактияр прищурился, стараясь разглядеть на силуэтах хоть какое-то подобие Нитей. Хрусталик его глаза треснул, меняя форму, а в следующий миг ночь озарилась почти дневным светом, мерцая и переливаясь совершенно новыми красками. Все чисто, как и с несчастной гонщицей — машину окружали обычные люди... Шестеро, в руках у каждого по стеклянной бутылке пива. К приоткрытому окну наклонилось рябое лицо самого храброго. Запах перегара летел много впереди его обладателя. Парень оскалился, сверкая желтыми прокуренными зубами.

— Девушка, не поймите нас неправильно. Но мне и моим друзьям очень интересно, что такая хорошая машина может делать в нашем гостеприимном районе так поздно ночью. Может быть, вы составите нам компанию и выпьете пивка? У нас сегодня праздник, а вы, как нам кажется, его и ищете? — желтозубый стрельнул похотливыми глазами по полумертвой от страха Линде, и улыбнулся.

Просто люди. Это несложно. Помнится, наставник Хозда и вовсе не принимал человеческую расу за разумный и, тем более, опасный вид. Бактияр положил пальцы на ручку двери.

— Пожалуйста, не выходи из машины, — коротко бросил он, но, кажется, девушка все-таки не услышала. Резко толкнул дверь, уверенно становясь на мокрый асфальт.

Один из парней отшатнулся, еще не до конца осознавая, что же начало происходить. А затем Бактияр быстро и без лишних движений дотянулся до говорливого, толкнув ладонью в челюсть. Гуляка лязгнул зубами, оседая, словно мешок костей. Его початая бутылка "Короны" зазвенела, откатываясь в лужу. Ночной пассажир БМВ шагнул вперед, аккуратно прикрывая за спиной дверь машины.

Остальные гопники недвижимо стояли в тени, обалдело взирая на кучу спортивного тряпья, секунду назад бывшую самым смелым из них.

— Сука, ты же его убил! Пацаны, да он же его замочил... Убил Бурого...

От дерзкого узкоглазого шарахнулись в разные стороны.

Бактияр улыбнулся.

— Ах ты, падла! — завыл, замахиваясь бутылкой, стоящий слева, одетый в черную мотоциклетную куртку и нахлобучивший по самые брови ярко-красную спортивную шапку.

Два его приятеля, чуть помедлив, ринулись на выручку, причем один вцепился в запертую дверь водителя, ожесточенно дергая и безбожно ругаясь.

Бактияр сделал полшага вперед, поймал летящую руку, и крутанулся против часовой стрелки, утягивая противника за собой, звонко захрустев его пальцами. Смельчак заорал, через миг врезаясь в спешащего на подмогу друга, а Бактияр добавил ногой — старался не сильно, но что-то все-таки затрещало. Пинок в спину парня со сломанными пальцами смел всю троицу, считая насевшего на дверцу.

Узкоглазый двигался медленно, очень медленно, не тратя попусту сил и забавляясь, глядя на неловкие и неуклюжие танцы людей. Примерно так, пожалуй, только наоборот, выглядела бы его драка с Охотником. Также, как не удостоили бы его самого, он не торопился уважить своих противников ритуальными боевыми беседами.

Грохот бьющегося стекла, сопение сзади — некто отважный изо всех сил готовился к удару разбитой бутылкой. Спиной вперед Бактияр скользнул к нему, оборачиваясь уже в

упор, и ударил двумя раскрытыми ладонями в грудь. Щелкнули, трескаясь, ребра. Стекло "роза", словно приклеенная к воздуху, осталась висеть еще секунду, а бойца унесло прочь. Стекло зазвенело по асфальту, разбиваясь о поребрик.

Бактияр глубоко вздохнул и обернулся, осматривая поле брани. Уцелевшая шпана исчезла еще быстрее, чем появилась. Паренек в красной шапке на четвереньках пытался уползти за машину, вскидывая к груди изувеченную руку, что-то нечленораздельно бурча и постанывая. Самый смелый, предлагавший Линде отдохнуть и выпить пива, все также лежал на дороге, не двигаясь, но дыша.

Юноша еще раз глубоко вздохнул, рассматривая легкое, как запах цветка, облачко пара, вылетевшее из рта. Похолодало....

Дождавшись исчезновения красной шапки в темноте дворов, Бактияр вернулся в машину. Мягко захлопнул дверь и поднял стекло.

Линда бросила на него затравленный взгляд, все еще не решаясь сдвинуться с места.

— Ты молодец, что двери заперла...

Она с трудом кивнула и сморщилась, начав растирать затекшую шею.

— Я ошибся с адресом, — Линда, казалось, пока его не слышит. В глазах девушки, наконец, появились слезы. — Другое место...

— Ты обещал.

— Я держу свое слово. Но нам нужно не сюда. Сейчас вспомню. Как только доберемся — ты свободна. Правда.

— Если ты меня еще раз обманешь, я буду звать на помощь.

— Хорошо.

Бактияр откинулся на сиденье, закрыл глаза и сосредоточился, чувствуя, как медленно уплывает из машины прочь. Через минуту он видел Новосибирск с высоты птичьего полета, размазанный, широко разбросивший щупальца районов, накрытый пеленой смога и дыма, летящего от коптящих небо заводов. Возможно, он сейчас и был птицей, летя в низких серых облаках, начинавших накрапывать моросью. Птицей, высматривающей внизу одну единственную точку, существование которой в каждом городе родины людей стало возможно лишь после войны Бешенства.

Новосибирск бесформенным пятном раскинулся под ним, вспыхивая мертвыми огнями реклам и уличных фонарей, мигая фарами машин. Но вот Бактияр заметил и одновременно почувствовал присутствие в юго-западной части причудливой кляксы. Почти за городом, у самой его границы. Тусклый синий огонь, пульсирующий и дышащий, словно живое существо. Огонь, различимый с любой точки мегаполиса — Маяк Куратора. Отметив расположение Маяка, Бактияр заставил свой дух вернуться в машину.

— Нам нужно на юг, по основной трассе...

— Далеко?

— Да, почти до границы города.

— Академгородок?

Бактияр нахмурился, вспоминая изученную днем ранее карту.

— Нет, дальше. Там есть поселок из частных домов, дорогих и малоэтажных... От трассы налево.

— За Городком?

— Да, немного не доезжая до Бердска.

— Если ты о Новом поселке, то я туда тебя не повезу. Лучше бы сразу предложил мне ехать в чащу и стелить на земле покрывало...

— Я не причиню вреда, — Бактияр посмотрел на паренька, лежащего у края тротуара. — Но если ты будешь против, я заберу машину.

Тишина продлилась недолго.

— Господи, зачем я это делаю... Могла бы уже сто раз убежать... — она сказала это негромко, на самой грани беззвучного шепота, и завела мотор.

Он услышал. Никак не отреагировал.

Машина плавно развернулась, возвращаясь в центр.

Бактияр потер лицо. Усталость давала о себе знать, дружески пожимая мышцы и тонким пальчиком прикасаясь к раненому плечу. Если не гнать, привлекая внимание ДПС, на месте они будут только через полчаса...

Юноша откинул голову, прикрыл глаза, ровно задышал, и позволил себе провалиться в чуткий сон.

* * *

Камень был похож на живое существо, серый и морщинистый. На разноцветном мхе, покрывавшем кожу валуна, подставляя лицо бледно-голубому солнцу чужой осени, сидел путник. Ноги вальяжно раскинуты, пальцы ласкают ковер из крохотных перламутровых цветков. На путнике надета потертая куртка из зеленой кожи, подпоясанная широким ремнем, усеянным бронзовыми бляхами. Кожаные штаны и стоптанные черные сапоги с высокими персиковыми отворотами, выдавали в нем странника, немало побродившего по свету. Длинные темные волосы на затылке были схвачены в хвост медной застёжкой, но даже из-под пышной гривы виднелись длинные, звериные уши.

Рядом с путешественником лежала широкая походная сумка, медные застёжки которой изображали лохматых драконов, кусающих себя за лапы; синим ремешком к суме был крепко прихвачен длинный, чуть изогнутый меч, отдаленно напоминающий оружие человеческих самураев. Клинок его был спрятан в ножны, охваченные желто-зеленой змеиной кожей. Отшлифованная ладонью гладкая рукоять и испещренная зазубринами цуба сверкали начищенным желтым металлом.

Продолжая гладить лепестки цветов, свободной рукой странник поигрывал длинным обоюдоострым кинжалом, небрежно вращая тот в пальцах и точными движениями сшибая длиннохвостых стрекоз. Все оружие было отковано из Нитей и, судя по виду, очень давно, особенно кинжал, в клинке которого причудливо сплетались Синие и Золотистые узоры. Было очевидно, что из всего небогатого имущества путника наиболее ухоженным выглядело именно оружие.

Воин приоткрыл блаженно прищуренные глаза и обернулся через плечо. Зеленые кошачьи зрачки расширились. Человек, странник, воин, зверь повернулся всем телом и привстал, в широкой улыбке обнажая белоснежные зубы:

— Киоши?..

Эпизод II. Куратор

— Ну, доволен теперь?

Бактияр вздрогнул и окончательно проснулся. Розовый БМВ замер перед двухметровой кованой решеткой, опоясывающей величественный коттедж в готическом стиле. Массивные каменные горгульи, притаившиеся по обе стороны короткой подъездной аллеи, могучими лапами поднимали к ночному небу крупные шары светильников. Казалось, что под желтым стеклом горит не электрический свет, но пляшет рыжее пламя.

Декоративные башни усадьбы гордо возносились вверх, целясь шпилями в далекую луну, уже потревоженную первыми проблесками зари. Окружавшие особняк домики новосибирских бизнесменов по сравнению с мрачной красотой готики казались проектами первокурсников архитектурной академии. Усилившийся ветер раскачивал когтистые кроны елей, прикрывавших дом со спины.

Линда обернулась, впервые за весь вечер, устало прищуриваясь.

— Все, как ты и объяснил. Приехали. Доволен теперь? Я свободна?

Бактияр промолчал и открыл дверцу. Девчонка в один миг потеряла для него всяческий интерес.

— Да, спасибо, мне именно сюда.

Он вышел из машины, ступив на плотную, без зазоров, мозаику крупных булыжников, мостивших подъезд к воротам. Уже прикрывая дверцу, коротко кивнул.

— Мы в расчете.

— Отлично. Надеюсь, парень, мы больше не увидимся, — в голосе девушки сквозили злость и усталость. Она нервно потянулась назад, чтобы захлопнуть дверь.

Через секунду мотор довольно заурчал, машина развернулась, фарами освещая лишённые вкуса постройки, и помчалась прочь, с места набирая скорость. Бактияр обернулся, поднимая глаза к острым крышам дома.

На трёхэтажной башне с декоративным балконом, над самым высоким шпилем здания, насквозь пронзая небо тонкой иглой луча, ровным синим светом горел Маяк Куратора — символ власти и контроля над разделёнными после войны колониями людей. Всевидящий глаз хозяина города пристально оглядывал свои владения, отмечая любые беспокойства Нитей внутри городской черты.

Бактияр взялся за холодные кованые прутья, бесшумно отворяя решетчатую калитку. Как он и предполагал, было не заперто.

Электрическое пламя в светильниках поднялось, яростно зашипев, и Бактияру показалось, что горгульи с опаской наблюдают за непрошеным гостем. Миновав ряды недвижимых охранников аллеи, он поднялся на широкое каменное крыльцо, останавливаясь перед здоровенными, потемневшими от времени и непогоды двустворчатыми дверями из дуба. Плоская золоченая кнопка старинного звонка справа от дверей была оправлена в металлическое изображение оскаленной волчьей пасти.

В роще за домом заверещала ночная птица, стройные деревья что-то шептали, раскачиваясь над головой. Бактияр уверенно утопил кнопку. В глубине дома расплескался глубокий мелодичный перезвон.

Почти сразу одна из створок двери приоткрылась и, поправляя потертые очки, из дома выглянул невысокий старик в темно-синем пиджаке. Словно специально сидел в прихожей, ожидая гостей.

— Чем вызван ваш столь поздний визит в этот дом? — невозмутимо надменным тоном поинтересовался он, презрительно оглядывая Бактияра с ног до головы.

— Я искренне прошу прощения за столь поздний час, но настаиваю на незамедлительной встрече с Куратором, — тот просительно склонил голову, ожидая ответа.

Для встреч с Кураторами не существовало ни времени суток, ни обязательных формальностей, так что Бактияр с равным успехом мог быть впущен, так и изгнан прочь. Колониальные наместники пользовались почти безграничными правами.

Старик помедлил, цепко осматривая ночного посетителя, затем дверь беззвучно отворилась шире, и он отступил, жестом приглашая следовать за ним. Зоркие, не постарчески быстрые глаза ощупали аллею и сад камней, раскинувшийся вдоль нее. Бактияр осторожно вошел, без труда разглядев в слуге одного из низших, даже не владеющих Нитями. Хотя бывает, что такие обладают иными умениями, за что и ценятся Ткачами. Например, виртуозно стреляют или дерутся клинком...

Плотно прикрыв тяжелые створки, дворецкий вернул Бактияру его оценивающий взгляд и тем же небрежным жестом пригласил на небольшой пуф.

— Ждите, молодой человек, — старик говорил по-русски, но в его речах отчетливо прослеживался странный акцент.

Еще раз внимательно осмотрев потертые кроссовки и испачканные джинсы ночного гостя, дворецкий величественно исчез за одной из многочисленных дверей дома.

Бактияр завертел головой. Просторная гостиная сразу покоряла уютом и неброской роскошью старины. Большая овальная комната с высоким потолком, вдоль дальней стены — балкон второго этажа с рядами дверей в глубине. Крутая лестница, застеленная выдавшим виды красным ковром, широкие кресла по углам, небольшой пузатый диван, пара пуфов. Юноша присел.

Вся мебель была изготовлена из красноватого дерева и блестела лаком, местами

давшим сеть трещинок. Выгоревшие, но еще яркие обои пестрели переплетениями пунцовых лент на золотистом поле. Несколько картин на разных стенах изображали портреты двоих рыцарей в полных миланских латах и даму верхом на шикарном арабском жеребце. Рамы желтели потемневшим золотом, овальное зеркало в аналогичной оправе висело у входных дверей. В лестничной тени прятались узкие маятниковые часы, мерно отмахивающие секунду за секундой, казалось, с первого дня сотворения Миров. Толстый пушистый ковер в центре пола, как и обшивка мебели, в цветах придерживался красно-коричневой гаммы. Висящая на цепях под крестом из грубых балок люстра омывала гостиную мягким светом, печально звеня сотнями хрустальных капель. Атмосферу дополнял легкий и приятный запах пыли. Бактияр постепенно чувствовал то, о чем начал забывать — чувство безопасности...

Юноша окончательно изломил зрачки, вытягивая их в истинную, звериную форму; по-новому оглядел комнату, и дыхание невольно перехватило...

Было бы наивно предполагать, что судьба настолько благосклонна.

Свисая вдоль стен, струясь по потолку и даже перечеркивая дверные проемы, повсюду были растянуты Синие Нити.

Мидзури.

Было бы глупо, хоть немного познав Новосибирск, полагать, что им управляют воины и хищники, а не чародеи и колдуны... Каждый переулок и проспект сибирского мегаполиса буквально дышал Синими, и надеяться, что Куратором окажется тоэх, было неразумно.

Молодой человек, называющий себя Бактияром, устало потер глаза.

Пугаться не было сил. Кроме этого, хозяин наверняка понимает вес собственного статуса, чтобы сразу объявлять гостя своим врагом. Но станет ли бывший противник союзником? Это уже сомнительно. Сейчас все сомнительно, ведь ничто не помешало внезапно превратиться во врагов сородичам самого Бактияра...

Юноша вознес краткую молитву Властителю Путьей, скрестил пальцы и приготовился ждать, прислонившись спиной к теплой стене. Минутная стрелка лениво ползла по полю старинных часов. Дом наполняла тишина.

Глубокий приятный голос застал его врасплох, заставив вздрогнуть.

— Приветствую вас в моем доме даже в столь поздний час, но имею желание как можно быстрее узнать, чем же обязан визиту.

Бактияр поднял глаза.

По лестнице в гостиную неспешно спускался хозяин особняка. По виду — классический европеец, высокого роста, в походке которого четко просматривалась воинская поступь. Седина, изрядно дотронувшаяся до аккуратно уложенных каштановых волос, активно спорила с тонкими чертами лица и гладко выбритым волевым подбородком, стараясь прибавить к внешности лишний десяток земных лет. Он остановился у подножия лестницы и по-хозяйски облокотился локтем о перила, покачивая шнуром халата, словно недовольная кошка хвостом. Темные пронзительные глаза внимательно изучали Бактияра. Значит, вот как выглядит царственный Куратор Новосибирска и прилегающих земель.

Разумеется, тот сразу догадался, что за существо находится перед ним.

— Меня зовут, — Бактияр встал, кланяясь и сцепляя руки в Знаке Почтения, — Кюоши Мацусиро, тоэх джегал из клана Небесных Пловцов. Меня привела нужда, почтенный, иначе я никогда не осмелился бы тревожить ваш покой. Я прибыл сюда, чтобы просить помощи и искать защиты у Куратора Новосибирска. Согласно законам и собственной воле я отдаю себя вам в этом городе.

Возможно, чуть позже Куратор так и не позволил бы юноше проситься под свою защиту, выставив за дверь, но молодой тоэх презрел формальность беседы, сразу озвучив собственные стремления. Вероятно, неспроста.

Снова наступила тишина, нарушаемая только приглушенным ходом часов. Куратор молчал, щуря глаза и поглаживая подбородок. Взвешивал, пользуясь затишьем, вспоминая

букву законов. Конечно, он знал, что в город прибыл тоэж, причем несанкционированно, без регистрации, причем не один. Конечно, он понимал, что тот и без ритуала все это время находился в его власти. Конечно, отдавал себе отчет в том, что может сделать с непрошенным гостем.

Время шло, стрелки отмеряли вторую минуту шестого. Затем высокий статный человек с пронзительным взглядом отпустил концы широкого пояса, чуть кланяясь и складывая руки в Знак.

— Я, Виктор Конта, мидзури джегал из рода Раконов, Куратор Новосибирска, согласно законам и собственной воле беру тебя, Киоши Мацусиро, под свою защиту и обещаю посильную помощь.

И замолчал, наслаждаясь реакцией юноши. Защита, гарантированная Куратором, совсем не означала, что уже утром тоэж не может быть тайно передан специальным службам мидзури. Но юноша, которому более не требовалось называть себя Бактияром, выдержал этот взгляд. Дело сделано, и сказанного не вернешь.

Виктор сделал несколько шагов вперед, протягивая крепкую руку.

— Добро пожаловать в мой скромный дом, Киоши. Но мое гостеприимство вовсе не означает, что за дверью уже наступило утро. Судя по твоему виду, тебе необходимо принять ванну и переодеться. Слуги отведут в гостевые апартаменты, где ты сможешь отдохнуть. Разумеется, после я желал бы немного поболтать. Например, за обедом.

— Безусловно, мастер Конта. Я искренне благодарен за предоставленную защиту и...

— Не стоит лишних слов, — Куратор неторопливо приподнял руку, а его глаза в свете люстры показались вовсе бездонными. — Я чту законы, и пусть об этом знают все. Идем. Еще одно — называй меня просто Виктор.

Киоши прошел за ним в смежный, все столь же богато обставленный зал, где Виктор отдал необходимые распоряжения одному из слуг. Затем хозяин особняка вежливо пожелал юноше хорошо отдохнуть, пообещал обязательную беседу, если не за обедом, так хотя бы за ужином, и чинно удалился к себе.

Слуга скупно пригласил гостя следовать за ним, проведя по скромной винтовой лестнице в глубине дома. Небольшая, но со вкусом обставленная комната на втором этаже приняла Киоши в свои объятия. Убедившись, что гостю ничего более не требуется, прислуга оставила его в одиночестве. Молодой тоэж осмотрелся, машинально принохиваясь.

Убранство не впечатляло, хоть и предоставляло все необходимое для отдыха. Высокая кровать, застеленная меховым одеялом, тумба у изголовья, стул, книжная полка. Стараясь не скрипеть паркетом пола, Киоши подступил к зарешеченному витыми узорами окну. Узкому, словно крепостная бойница. За домом лежал сад, обнесенный кованой оградой, виднелась крытая веранда.

Несмотря на великолепное ночное зрение, Киоши зажег висящую над кроватью бра. Необходимо проявить уважение...

В правой стене обнаружилась дверь в ванную комнату. Набор лекарств в зеркальном шкафчике над раковиной впечатлял разнообразием. Юноша задумчиво замер, разглядывая отражение в закрывшейся дверце. Убежище найдено. Надолго ли?

Киоши закрыл дверь комнаты на защелку. Поймав одну из редких Красных, набросил на замок простенькую удавку. Покусав губу, снял ее, растворяя в воздухе. Необходимо проявить уважение...

Он опустился на край кровати.

Теперь его защитник — мидзури. Можно ли ему доверять? Конечно, старинный ритуал на его стороне, но формула слишком ко многому обязывает, и в другое время он бы тысячу раз подумал, прежде чем так поступить. Киоши откинулся на мягкую, чертовски удобную кровать. Виктор Конта, обремененный обязанностями наместника. Друг? В безопасности ли он теперь? Утро расскажет. Молодой тоэж понял, что засыпает.

Киоши проснулся, когда солнце прошло почти весь дневной путь, собираясь вновь упасть за край земли. Еще яркие лучи пронзали пелену тумана, расстелившегося по коттеджному поселку за пределами ограды дома, так что были видны лишь темные профили зданий. Новый дождь передумал начинаться, и облака разбрелись, обнажая рваные куски холодного осеннего неба.

Наконец-то ощутив себя отдохнувшим, тоэх позволил себе еще немного понежиться под одеялом, жадно впитывая чувство комфорта. Поднявшись, обнаружил на спинке стула новые джинсы, пару носков, красную рубашу и джинсовую куртку без рукавов. С удовольствием сбросив старую, рваную и заляпанную кровью одежду, Киоши полез в небольшую ванну. Погрузившись с головой, он не смог сдержать довольного урчания, вырывавшегося из его глотки. Горячая вода принесла расслабление и даже сняла боль в плече.

Четверть часа пролежав в пене и приняв душ, Киоши побрился одноразовым станком, преподнесенным ему прислужгой, причесался. Насвистывая простенький мотивчик, натянул свежую одежду, раскидав по карманам немногочисленное имущество. Осмотрев себя, подмигнул крепкому молодому азиату, невесть откуда появившемуся в зеркале.

Почти тут же в дверь постучали, словно кто-то наблюдал в ожидании. Пришел уже знакомый Киоши слуга и сообщил, что мастер Конта приглашает к столу, если гость чувствует себя достаточно отдохнувшим. Последовав за слугой по знакомому пути, молодой тоэх оказался в одном из просторных залов первого этажа, посреди которого обнаружил длинный, сверкающий белоснежной скатертью стол, сервированный на две персоны. В животе юноши невольно заурчало.

Эта комната оказалась просторней овальной гостиной, но была еще меньше заполнена мебелью — лишь старинный обеденный стол и два ряда высоких резных стульев. Лучики солнца мигали на начищенном паркете пола.

Виктор, на этот раз одетый в мягкие черные штаны и белую просторную рубашу, стоял у окна. Отодвинув в сторону тяжелую палевую штору, хозяин дома разглядывал улицу, поигрывая стаканом воды. При появлении Киоши обернулся и, коротко кивнув гостю, направился навстречу.

— Люблю эту погоду, — вместо приветствия произнес он, вновь поразив глубиной и бархатистостью голоса. — В такие дни приятно думать о будущем и вспоминать прошлое — человеческой осенью правят печаль и романтика. Рад видеть тебя отдохнувшим, ночью на тебе не было лица.

Киоши благодарно пожал протянутую руку, и они вместе вернулись к окну.

— Я хочу еще раз выразить вам свою признательность, Виктор, — несмотря на опасения, Куратор становился симпатичен тоэху, и он не усматривал в этом никакого чародейства.

Открытые и уверенные в себе персоны всегда располагают к себе. Особенно, когда берут на себя смелость приютить беглеца. Особенно, дитя чуждого народа.

— Не стоит, — Виктор протянул ему стакан, наполненный чистейшей минеральной водой. — Полагаю, уже стоит подавать ужин?

— О, да, — не смог сдержаться Киоши, и быстро отхлебнул воды, скрывая смущение.

Здесь, в этой теплой зале, воспоминания о погоне и сражениях меркли, отходя на задний план.

Виктор улыбнулся одними уголками тонких губ, демонстрируя совершенное знание простой сущности тоэхов. Поставил воду на край стола, негромко хлопнув в ладоши.

— Прошу, — они неторопливо заняли стулья на разных торцах стола.

В следующую секунду трое слуг внесли блюда, от разнообразия которых у Киоши закружилась голова. Стараясь не спешить, он принялся за еду, краем глаза поглядывая за Контой, безупречно искусенном в этикете.

Виктор насытился гораздо раньше своего гостя, отведав от каждого блюда буквально

по кусочку. Плеснув в высокий бокал белого вина, он наблюдал за Киоши, изредка поглядывая в окно. По паркету ползли теплые лучи, рассеченные тонкими линиями оконных переплетов. Тоэх продолжал вкушать богатую трапезу, не решаясь ни остановиться, ни первым начать разговор.

Трапеза подходила к концу, когда Виктор, наконец, заговорил, привлекая внимание гостя поднятым бокалом.

— За добрые вести и хороших гонцов! — Киоши поднял свой бокал, неохотно отодвигая тарелку.

Слуги неприметными тенями прибрали со стола, выставив десерты.

— За надежные стены и добрых хозяев! — тостом ответил тоэх, и они вновь отсалютовали друг другу.

Киоши поставил бокал, обратив внимание, что Виктор не спешит следовать его примеру.

— В последние годы, — доливая себе вина, негромко подытожил Куратор, словно продолжая прерванный рассказ, — я стал как никогда далек от интриг Дворов. Мне нравится в колонии, а жизнь моя заполнена уютными и необременительными заботами. Однако, прошу меня правильно понять, я не потерял былого интереса к событиям, происходящим за границами Земли.

В саду щебетали птицы, сквозь едва приоткрытое слугами окно ветер наполнял комнату приятной прохладой.

— Твой взгляд красноречивее любого вопроса, юный тоэх, — Виктор даже не взглянул на гостя, мелкими глоточками попивая вино. — Но поспешу развеять опасения, я не собираюсь выпытывать у тебя, что происходит вне Земли. Однако и ты должен понять меня: тоэх, прибегнувший к ритуалу и просящий защиты у меня, явление не частое. Наводит, знаешь ли, на весьма противоречивые и разнообразные мысли.

Киоши сохранял невозмутимое выражение лица, и лишь его восточные глаза с вертикальными зрачками стали еще уже. Чтобы скрыть даже тень смущения, он сделал глоток вина, внимательно вслушиваясь в интонации собеседника. Конечно, он понимал, куда тот клонит, но необходимо проявить уважение...

— И, тем не менее, — Виктор погладил свой выбритый подбородок, — я вынужден просить тебя, мой дорогой гость, поведать историю, приведшую тебя в стены этого дома. В башню Маяка. В особняк Куратора. Я вправе.

Он замолчал, разглядывая Киоши поверх бокала и покачивая прозрачный напиток.

— Как мы оба знаем, вчера ночью в моем городе произошло событие, пришедшееся мне не по нраву. Не стану скрывать, такого не бывало давно, так пусть не повторится столько же. Также мы оба в курсе, что прямой долг Кураторов — бережно охранять доверенные им после войны Бешенства города... Согласись, что взрывы человеческих улиц не людьми, происшествие неприятное.

Итак, мишура реверансов окончена.

Киоши отправил в рот дольку мандарина, медленно пережевывая. Сейчас ему предстоит решить, кем считать сидящего напротив. Союзником или врагом. Умолчать или соврать? Виктор спокоен, но от звериных глаз не укроются пульсирующая жилка на виске, легкая дрожь пальцев, стремительные оценивающие взгляды.

Нет закона, по которому демон обязан отчитываться за совершенные разрушения, пусть даже это и создает проблемы Кураторам. Осталось понять, что движет Контой — праздное любопытство отшельника, или нечто большее. Как отреагирует тот, если гость попросит сохранить тайну? Выставит прочь, лишив покровительства, или поймет?

Виктор, словно читая его мысли, поднял бокал, скрывая тень улыбки. Казалось, что он улыбается игре вечернего света на идеальной глади оконных стекол. На улице стремительно темнело. Бесшумно появившиеся слуги зажгли люстры, прикрыли шторы и унесли со стола пустые блюда. Киоши медлил, Конта не торопил. Они пили вино, наблюдая, как на особняк опускается осенняя ночь.

Тоэх задумчиво поиграл чайной ложечкой, отодвинул остывший кофейник. В любом случае, если сохранить известную осторожность, много он не потеряет. Но приобретет расположение наместника. Киоши налил себе еще вина. Нарочито медленно, чтобы показать, что еще не решился. Виктор терпеливо ждал.

— Я почту за честь, и с удовольствием расскажу свою историю.

Бровь Виктора приподнялась, он отвернулся от окна.

— В таком случае, — Куратор плавно поднялся из-за стола, без стука отставляя стул, — я приглашаю к камину. Огонь украсит рассказ и позволит увеличить наслаждение.

Киоши покорно поднялся вслед. Хозяин Маяка направился к дверям.

Они миновали череду комнат, погруженных в мягкий полумрак, выходя в овальный зал, одну из стен которого занимал огромный изогнутый камин, наполненный сухими полешками. Обстановка полностью соответствовала скромному, но богатому убранству всего дворца: три огромных мягких кресла, резной столик на одной ножке, медвежья шкура поверх кроваво-красного ковра и картина над очагом составляли всю меблировку залы. Высокие, до пола, окна, зарешеченные вязью кованой листовы, выходили ровно на аллею с горгульями.

— Мне необходимо отдать ряд распоряжений, после чего я немедленно вернусь. Располагайся, — Виктор жестом предложил гостю занимать любое удобное кресло и исчез за дверью.

Невольно погружаясь в мрачные мысли, Киоши подошел к окну. Отодвинув тяжелую бархатную портьеру, выглянул на аллею и лежащие за ней ворота усадьбы. Осень полностью вступила в свои права, безраздельно властвуя на Земле, гоня по асфальту стаи желтых листьев и купая полумесяц в глубоких стылых лужах.

На соседней улице, скрывшись за кирпичным забором ближайшего коттеджа, притаился розовый БМВ с помятым передним крылом. Киоши закусил губу.

Скрипнула дверь, и тоэх поспешно отпустил штору, оборачиваясь. Виктор бросил на него долгий, оценивающий взгляд.

— У нас новые гости? — он осторожно поставил на столик пару пузатых бокалов, бутылъ коньяка и плоскую деревянную коробку. Плавно, но решительно прошел к окну, игнорируя неловкость Киоши. — Позволишь взглянуть?..

Конта поднял край шторы, и тоэх взглянул через его плечо. По поселку снова прогуливался дождик, прибивая листья, пыль и легкий мусор к земле. Автомобиль исчез. Пустой улицей пробежали, спасаясь от противной мороси, двое мальчишек. Виктор косо взглянул на юношу и опустил тяжелую ткань на место.

— Присаживайся, — он взял со столика бутылъ, придвинул к камину два кресла, и утонул в мягкости одного из них.

Киоши последовал приглашению. Глухо хлопнула пробка — Виктор сноровисто расплескал ароматный коньяк по стеклу бокалов, отставил бутылку. Протянул собеседнику, открыл деревянную коробку, но молодой тоэх вежливо улыбнулся, отказываясь от предложенной сигары.

— Еще мгновение, — попросил Виктор.

Свободной рукой он ухватил ближайшую Синюю, вонзая ее в сердцевину сухих поленьев, аккуратно сложенных в глубине камина. Дерево затрещало, когда Куратор начал накалять Нить, зашипело и, треснув, занялось веселым пламенем, охватывая всю поленицу. По залу замелькали тени, горячее заклинание выплыло из пальцев, кружась по воздуху и увядая, словно цветок.

Виктор вытянул к огню ноги и обернулся к гостю, поднеся к подбородку бокал.

Киоши вздохнул, словно перед прыжком в воду, и, тщательно подбирая слова, начал рассказ, неумело поигрывая богатым напитком.

* * *

— Я живу на Земле уже несколько десятилетий, после того, как в возрасте перемещения прибыл сюда с отцом. Визиты на родину стали редкостью: отец брал меня в клан на обряд инициации, да еще один раз недолго бывал у вас. Последние несколько лет неприметно жил в Красноярске. Обзавелся приличной работой, познакомился со многими людьми и даже нашел друзей.

Вынужденный жить в колонии, я стал всецело увлечен познанием человеческой расы изнутри. Меня интересовало все: их энергетика, характеры Нитей, Пути Держателей. Не так давно я купил хороший частный дом на окраине города. Дом на склоне горы, с которой ночью видно весь город и окружающие его сопки. Даже подумывал ненадолго жениться на человеческой девушке. Именно тогда произошла цепь страшных событий, итогом которой стал мой визит сюда.

Не вдаваясь в специфику своей работы, могу лишь рассказать, что пару лет назад познакомился с хорошим человеком. Сначала мы обсуждали лишь деловые вопросы, затем стали встречаться и пить пиво, потом познакомили друг друга, катались на рыбалку. Его звали Игорь Вадимов. Звали, да...

Незаметно для себя, проводя все больше времени среди людей, я постепенно стал ощущать его своим другом. Настоящим другом, если среди людей такое понятие все-таки существует. Мы вместе отдыхали, отмечали причудливые человеческие праздники, вместе дрались. В итоге я едва ли не проникся уважением к этому смертному, так самозабвенно упивающемуся своей короткой жизнью. Возможно, я даже чуть завидовал ему — Игорь был женат, и в скором времени собирался завести ребенка. Мне нравились эти люди, и все шло лучше некуда, когда Держателям стало неудобно видеть меня счастливым.

За то, что произошло с Игорем, я виню именно себя. Ведь именно я, в итоге, втянул его в эту историю и лично повинен в том, что случилось. Не сойдишь мы так близко, Вадимов и сейчас доживал бы свой краткий земной срок, наслаждаясь радостным смехом жены и малыша.

Киоши сделал большой глоток, неспешно смакуя мягкий букет. Бокал звякнул, когда тоэх опустил его на широкий подлокотник кресла.

— Неприятности начались внезапно — как они обычно и начинаются. Могу сказать одно, ночное телевидение и холодное пиво стремительно покинули мою жизнь. Буквально пару недель назад, в один из необычно теплых вечеров, Игорь позвонил мне. Необычный звонок, я это сразу почувствовал...

По голосу человека я сразу заподозрил неладное — Вадимов был откровенно напуган. Он сказал, что волнуется за меня, и посоветовал быть осторожней. Я просил встречи, но он уходил от ответа. Долго колебался, но все же рассказал, что в этот день ему набирали с неизвестного номера и, открыто угрожая семье, приказали передать мне послание. Передать послание... нашли не меня, его — по нему и ударили.

Послание заключалось в том, что некто желает встретиться со мной следующей ночью на выезде из Красноярска, в условленном месте. Игорь долго извинялся, что именно его семья послужила тем больным местом, на которое надавил незнакомец. Спрашивал, в какие неприятности я попал. Интересовался, может ли помочь. Спросил, не буду ли я обращаться в милицию. Я, как мог, заверил его, что дело не в деньгах или разборках. Успокоил, как умел, сам пребывая в полнейшем неведении, терзая себя догадками и всевозможными предположениями. Жизнь моя была тиха и неприметна, с бандитами я дел не имел, в конфликты с органами власти также не вступал. Тогда я и подозревать не мог, насколько серьезен был этот звонок, списав все на случайность или недоразумение.

Догадавшись, что я все же собираюсь принять приглашение, Вадимов твердо собрался пойти вместе со мной. Признаюсь, мне стоило больших трудов отговорить его — если бы дело дошло до серьезной драки и человек осознал мое истинное обличье, привычной жизни пришел бы мгновенный конец. Он и так пришел, но кто мог знать?

Убедив его в том, что буду вооружен, я обещал оставаться на связи. Думал, что смогу в одиночку положиться на свои силы тоэха...

Киоши машинально повел больным плечом, что не ускользнуло от Виктора. В камине приятно трещали дрова, пламя грело тела, а выпивка — души.

— Как бы то ни было, — продолжил юноша, — но к вечеру следующего дня я выехал в указанное мне место.

Помню еще, что, приехав, я вышел из машины и закурил. Курю я очень редко, но... Жаль, что чутье подвело меня, все списав на ложные тревоги. Итак, я ждал, и ждать пришлось недолго. То, что произошло далее, буквально ошарашило меня. Меня всегда, еще с детских лет, впечатляли Переходы, но этот был столь неуместен, что я буквально растерялся.

Вы, наверняка, должны знать, как это происходит... Прямо на пустую дорогу из воздуха выпал красный шарик. Я бросил сигарету и подошел поближе. Шарик, чуть звеня, начал пульсировать, подпрыгнул и развернулся в стандартный Портал, багровый, как это пламя. В это же мгновение с другой его стороны я услышал собственное имя, произнесенное мужчиной. Меня звали, приглашая в Портал. Я не стану скрывать, жизнь в колониях расслабила меня, на моем месте любой другой тоэх уже давно был бы готов к неприятностям. Но я все еще не понимал...

Вместо того, чтобы бежать или бросаться в бой, я спросил, что ему нужно, и что все это может означать. Мне не ответили, приказав немедленно войти в Портал для важного разговора. Также голос гарантировал безопасность. Не только мне, но и моим друзьям...

Вероятно, шагнуть внутрь меня заставило слабое представление о последствиях. Возможно, это оступилась усыпленная мирной жизнью интуиция. Но я вошел.

К немалому удивлению, смешанному с восторгом, миновав мутное марево прохода, я оказался на Тоэхе. Я отлично запомнил эту картину — ворота привели меня на вершину живописной горы, на небесах наступал момент Четырнадцатого Перелива. Вокруг раскинулась пурпурная роща, по виду так напоминавшая земные. Закипая меж камней, вниз убегала тонкая речка. Портал оставался открытым — это место было одним из относительно стабильных мест Перехода, поддерживаемое природными силами. Но и сейчас зверь не проснулся в душе, продолжая рассматривать происходящее, словно со стороны.

Своего незнакомца я обнаружил на другом берегу, вычислив по гудению напряженных Нитей. Однако тот находился в глубочайшей тени, и мне был заметен лишь огромный мешок его силуэта, мерцающие блюдца трех глаз и светящаяся грива до земли.

— Ты Киоши Мацусиро из клана Небесных Пловцов? — сказал силуэт.

— А ты, вероятно, тот, кто угрожает друзьям Киоши, не осмелившись найти меня лично?

Дыша воздухом родины, я чувствовал себя сильнее, быстрее, зорче. Осмотрев площадку, которая вполне могла стать местом нашей скорой схватки, я убедился, что мы здесь одни. Моя душа пела, взывая скорее сбросить обличье человека, вернувшись к истокам...

— Терпение, Киоши, — тень говорила со мной тихо и неторопливо, словно только что освобожденная ото сна. — Твои друзья — всего лишь правила игры, по которым ты живешь среди людей.

— А ты крепко ошибся, выбрав именно эту игру, — оскалился я, упиваясь собственным всесилием. — Из нее редко выходят уцелевшими...

— Может ли тоэх желать гибели своего Мира? — продолжал незнакомец, словно не слыша моих оскорблений. — Может ли он полагать, что именно в его руках находится возможность предотвратить катастрофу, приближающуюся к обители Тоэхов? Ощуаешь ли ты, юноша, ответственность, что несет каждый из нас за сохранение жизни и процветания собственного Дома?

Следующие несколько минут я оскорблял его уже открыто, вызывая на бой. Я предлагал ему отбросить загадки и мудрые речи, выйти вперед и сразиться, чтобы ответить за страх, причиненный моим друзьям. Размышлял, как сменю тело, убью ублюдка, потом вернусь в человеческий облик, отлежусь дома и вновь заживу прежней жизнью... Я насмехался, словно неразумный драчливый мальчишка, дразнящий дикое животное. Я

смеялся и угрожал. Казалось, меня не слышат...

— Надвигается война, — пророкотал он, заставив меня заткнуться. — Война, в которой вновь сойдутся тоэхи и мидзури. Война, подобная гремевшим в древние времена, когда вопрос власти не был решен до конца нашими мягкотелыми предками. Но сейчас все иначе. Многое иначе. Сегодня в огненном пекле Тоэха именно ты, Киоши Мацусиро, сможешь своим братьям одержать верх!

В комнате наступила тишина.

Киоши искоса взглянул на Виктора — тот сидел неподвижно, словно изящная мраморная статуя, поверх бокала глядя в пляшущий огонь, и только одна единственная морщинка пролегла через его высокий лоб.

Сейчас они оба представляли себе это — орды демонов, сливающиеся в яростной мясорубке, откуда нет выхода. Холод клинков и теплоту свежеевыпущенной крови. Падение крепостных башен и крушение царств. Хаос, царивший над мирами еще так недавно.

— Что бы вы не подумали, но я неожиданно поверил, — юноша отвернулся, глядя в темный проем окна. — Поверил в слова о войне, о новом столкновении рас. Вспомнил все, что рассказывал отец. И ужаснулся — нет в моем народе существ, способных шутить или издеваться на подобные темы. Однако подступивший страх не приоткрыл ни единой завесы понимания... Одинокaя мысль, бившаяся в моей голове, говорила о том, что среди кланов опять пронеслась волна интриг. Войну, на которую мудрые предки наложили величайший запрет, кто-то собирается развязать вновь.

Я молчал, но тень, казалось, и не ждала ответа.

— Отдай мне то, — громко продолжала она, едва покачиваясь, — чем одарил тебя отец, и будешь сказочно вознагражден. Ты получишь все, что пожелаешь, юный тоэх. Станешь приближен к величайшему трону Вселенной, когда-либо существовавшему в ней...

Он говорил еще долго, суля богатства и почет. Убедительно, осторожно, метко. Думаю, это его умение — убеждать, и я знаю мало существ, устоявших бы перед подобными обещаниями. Еще он говорил, что войны не миновать в любом случае. Настаивал на моей избранности. Связывал два этих факта, умело переплетая. Он соблазнял...

Я понимаю, что здесь и сейчас, перед этим домашним огнем, рассказываю вам очень непростые вещи. Казалось бы — щенок-тоэх и война, приближающаяся к двум Мирам. Но в моей истории нет лжи, и вам решать, насколько она значительна...

Виктор оставался неподвижен, ни одним движением не демонстрируя своего отношения к рассказу гостя. Тоэх вновь смочил губы коньяком, оставив попытки понять, о чем думает Конта. Возможно, он насмеялся над интригами кланов Тоэха. Возможно, думал о предстоящем докладе наверх.

— Я хочу услышать, что было дальше, — наконец произнес он.

— Конечно, я не поверил, — продолжил юноша, пожимая плечами. — За спиной Императора невозможно начать опасную игру, не оказавшись тут же нанизанным на стальной кол или четвертованным. Или скормленным кому-то. Или освежеванным заживо... Но хвалю себя за то, что следующее решение принял мгновенно, без раздумий или колебаний. И... даже слыша в голове убедительный голос неизвестного демона, я не жалею о принятом решении.

Пока тварь продолжала разливаться в соблазнительных уговорах, я, машинально нащупав под одеждой кулон...

Виктор сменил позу, пошевелившись впервые с начала рассказа.

— ...начал собирать Нити.

— Неужели, — крикнул ему я, уже готовясь к удару, — неужели ты, мразь, думаешь, что я нарушу обет, данный отцу? Неужели считаешь, что запятнаю честь клана? Даже склоняясь перед величием Императора, я не отдал бы его в царственные руки. Выполнил бы ритуальное самоубийство, но по своей воле — не отдал. И только мне решать, как распорядиться собственностью рода. Если нужно, защищая его ценой своей жизни и души.

— Дурак, — прошептали мне в ответ. — Нам сказали, ты сговорчив. Нам сказали, что в

кровопролитии не будет необходимости.

— Вас лихо обманули.

— Тогда я обыщу твой труп.

Три Красные Нити дугой взвились над речкой в тот же миг, с шипением падая на меня. Но я ждал, более не склонный к беседам. Прыгнул назад, швырнув в тень деревьев приготовленными Красными дисками, и ответом мне был вой. Будто три железнодорожные рельсы, в землю перед моими ногами ударили Нити врага. Швырнув еще одно заклинание, я без оглядки рванулся в Портал. Вместо того, чтобы ударить вновь, демон постарался Нитями перекрыть путь Перехода, но я успел.

Вернувшись домой, я обнаружил, что по меркам Земли отсутствовал больше суток. Зарядив телефон, я первым делом сразу позвонил Игорю, предполагая, что за это время он мог себе придумать. Немалых трудов стоило успокоить своего друга, также предупредив, что в ближайшие дни не появлюсь на работе.

Он был хорошим человеком. Другом, наверное. Да, действительно, другом.

Вадимов настойчиво рвался ко мне на помощь. Так уверенно, что мне пришлось надавить, пригрозив, что если Игорь вмешается, я навсегда покину Красноярск. Он вроде смирился... Тогда я затаился, обдумывая произошедшее и восстанавливая физическую форму. Предчувствие подсказывало, что событие на склоне горы под небом Тоэха стало лишь первым камешком лавины, надвигающееся с неизвестного направления. К сожалению, я не имел никакой возможности ни обратиться к родичам, ни даже узнать, что происходит в Империи. Все попытки связаться с клановым храмом с помощью Нитей сорвались. Либо мне не хватило умения, либо наставник Хоэда до сих пор блокировал связь с Землей. Либо, что хуже, блокировали меня.

Как известно, нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Я ждал. Через короткое время меня стали догонять.

А на третий день моего затворничества отзвонился Игорь.

Телефон зазвонил поздно вечером, когда на улице было темно уже не первый час.

— Бактияр, — Вадимов был на взводе, — немедленно уезжай из города! Немедленно. Думаю, тебе угрожает опасность. Кто-то хочет найти тебя, и для этого... — дальше я не разобрал из-за помех, на другом конце трубки раздалось шипение. — Бактияр, — я разобрал крик Игоря, — немедленно уезжай! Он...

Я не успел даже открыть рта, все произошло мгновенно. Затем на его конце провода раздался женский крик, было слышно, как вдребезги разбилось что-то стеклянное, и связь пропала. Охваченный самыми дурными предчувствиями, я немедленно бросился к дому Вадимова. Как не хотелось мне в это верить, но я опоздал...

Подъезд уже догорал, на все пять этажей охваченный пламенем. Кругом суетились соседи, пожарные и милиция, воздух был полон сирен, свет фонарей искажал человеческие лица. Я бросился к подъезду, даже понимая, что все кончено, но меня оттащили прочь двое пожарных. Люди продолжали кормить огонь водой, мимо прошли спасатели, обсуждающие утечку бытового газа. Помню, как врезал по боку своей машины, едва не пробив дверцу... Помню, как снова закурил.

Вадимов погиб из-за меня, даже в самый последний момент пытаясь предупредить. Не знаю, почему, но отныне я посчитал своим долгом отомстить. Долгом перед ним и его женой. Если у меня нет возможности разобраться в происходящем, решил я тогда, значит, нужно окунуться в самое пекло событий, оценив все собственными глазами.

Бросив последний взгляд на догорающие квартиры, я мысленно попрощался с Игорем Вадимовым — простым человеком, ставшим для меня чем-то большим. Затем я отправился домой. За несколько кварталов до своего коттеджа мне предстояло впервые столкнуться с Охотником.

Все произошло красиво, как в историях о схватках героев. Без нападений из-за угла или отравленных дротиков в спину. Притормозив на очередном светофоре, я задумчиво курил, полностью погруженный в невеселые мысли. Именно тогда тень в широкополой шляпе легла

на капот моей "Хонды". В этот раз я понял все сразу, даже обрадовавшись скорой развязке... Ведь тогда я еще не умел чувствовать страх, исходящий от Охотника. Страх, ставший моим неизменным спутником на ближайшие дни.

Я выбросил сигарету, пытаюсь разглядеть существо, вставшее перед моей машиной. Лица не рассмотрел, яркий свет бил в его спину, а от фар тот прикрывался полями шляпы. Однако я сразу догадался, с кем имею дело. Огромного роста, с широкими плечами, выпирающими из-под свободного плаща, стоял он посреди улицы, широко расставив ноги. Как я уже говорил, шляпа скрывала черты, но я заметил, как он улыбнулся, и в ночи сверкнули двухдюймовые клыки. Он нашел меня, перешагнув через трупы близких мне людей. Нити начали проявляться в свете фонарей, окутывая его ноги, словно дым.

— Многим пришлось пострадать, — сказал он так, что я слышал его даже сквозь шум мотора и разделяющие нас метры. — Ты должен своими руками отдать мне кулон. Сделай это, и, обещаю, останешься жить.

Кроме стартовавшей от светофора машины, улица была пуста.

Покрепче ухватившись за руль, я дал задний ход, а Охотник хищно оскалился, принимая условия. Удаляясь, я отчетливо видел, как он начал наматывать на руку Красную, одновременно используя две Черные. Дистанция между нами росла и уже доходила до сотни метров, когда он ударил. В небо взмыл узкий мост бича, падающего на мою машину. Сбросив скорость, я выпрыгнул.

Заклинание ударило, переламывая и крышу, и капот, и даже днище. Машина взорвалась, ударной волной меня отбросило в сторону. Оставив в асфальте глубокую трещину, бич, извиваясь, отползал к своему хозяину. На соседних улицах останавливались машины, к месту взрыва бросились несколько человек.

Охотник неспешно двинулся вперед, собирая новые заклинания. Схватка, которой я так жаждал эти дни, нашла меня. Подхватив несколько Красных и изгибая Нити в серпы, я тоже пошел вперед, переходя на бег и отшвырнув двоих парней, поспешивших мне на помощь. Охотник тоже ускорил шаг, чуть пригибаясь, и плащ развевался за его спиной. Из наших глоток вырвался дружный рев.

Испугался ли я тогда? Тоэх может сказать об этом только после боя. Тогда же... тогда же я просто хотел отомстить.

Не знаю точно, была это его человеческая форма или люди на шоссе видели только меня, обезумевшего и бросившегося вперед. А может, Охотник даже не прятался, явив смертным истинную суть.

Метров с двадцати мы прыгнули друг на друга, заноса Нити. Холодный огонь в глазах врага горел ярче уличных фонарей. Мои полыхали жаждой мести.

Я ударил, выводя левую руку вверх и прикрывая голову правой. Он ударил в ответ. На какой-то короткий миг мы недвижимо словно повисли в воздухе, а затем я рухнул вниз. Услышал, как мягко приземлился мой противник. Прошла секунда, и вот мое плечо зажглось болью, а еще через миг на асфальт со звоном посыпались обломки серпов.

Охотник, не поворачиваясь, разжал руку, роняя окровавленный клинок. Я почувствовал, как кровь заливает грудь, одновременно наполняя правый кроссовок. Словно в тумане, рассмотрел полуметровый кусок граненой Нити с Черными мерцающими вкраплениями, торчащий из правого плеча, и попытался встать. Он повернул голову и заговорил, шуря змеиные глаза. Думаю, он специально встал на фоне горящей "Хонды", отчего силуэт его выглядел предельно зловеще.

— Киоши Мацусиро, — сказал он ровным голосом, — ты достаточно наказан для первого раза. Теперь подумай вновь. Выбор таков: отдать кулон или умереть одной из самых мучительных смертей, какую можно только вообразить в четырех Мирах.

Вглядываясь в бездны его зрачков, похожих на пустыню, я поверил, что он не преувеличивает.

— Я вернусь, — кивнул он, неторопливо исчезнув в ночи.

Ухватившись руками за темный клинок, я не без усилий вынул его из плеча. Нить с

мраморным перестуком откатилась по бетону. На улице собирался народ, не торопящийся приближаться к молодому казаху, корчащемуся на коленях в луже крови. Кто-то вызывал скорую... Шатаясь, я бросился прочь, затерявшись в темных дворах.

Так началась эта погоня.

Добравшись до дома, я внимательно осмотрел раны. Рубец на бедре почти затянулся, но плечо страшно болело. В улыбке рваной раны было различимо, как под человеческой кожей поблескивали красные огоньки, пытаюсь изгнать остатки Черной Нити. Я был потрясен, напуган, ошарашен. Вместе с чувством поражения я впитал страх.

Собирался, как припадный, взяв только деньги и документы. На такси добравшись до вокзала, тут же купил билет на ближайший поезд. Тот, как оказалось, шел в Братск. Теперь я уже не ощущал себя сильным, способным дать отпор и победить. Дошло до того, что я принялся опасаться даже докучливой милиции, в каждой подворотне выглядывая темные фигуры. Плечо болело, не давая сосредоточиться, мутные черные змейки продолжали вытекать из раны, и я возблагодарил Властителя Путей за то, что родился тоэхом.

Вы, наверное, знаете не хуже меня, что из Красных плохо выходят средства медицинской помощи. Тем не менее, запершись в вагонном туалете, я свернул несколько тонких Красных в ниточки, попробовав зашить рану. Уже через пару часов и повязка, и Нити начали гореть, реагируя на присутствие Черных, и мне пришлось спешно пороть стежки.

Оценив ситуацию, я решил во что бы то ни стало найти демона, способного немедленно вернуть меня на родину. Добравшись до Канска, я пересел на другой поезд и отправился на юг, в Иркутск, где в деревне староверов, недалеко от Байкала, вот уже пару сотен лет живет один шаман-тоэх, старый знакомец отца. Не знаю, на что я рассчитывал, но мне была необходима любая помощь. Возможно, не начни я паниковать, ее можно было бы получить у Куратора Красноярска, к тому же тоэха, но... Я уже бежал и не мог остановиться.

Когда мой поезд остановился на вокзале Тулуна, охота снова меня нашла.

Он пришел ночью, когда я что-то покупал в привокзальном павильоне. Сначала, с шипением выставив витрину, в соседней забегаловке вспыхнул пожар. Опять кричали люди, примчалась пожарная машина. Я замер за прилавком, опустив пакет с покупками, а тянущая боль отозвалась в раненом плече. Медленно вышел на улицу, осматриваясь. Знаете, в языках пламени того пожара мне до сих пор видится его лицо.

— Я вернулся, как и обещал, Киоши Мацусиро.

Голос раздался сверху и сзади, а я, бросая пакет, отскочил от павильона. Поддерживаемый Красными, он висел в воздухе, скрестив руки на груди, метрах в пяти над землей. Завопив от ужаса, в сторону шарахнулась молодая парочка, входящая в лавку. Тут же наружу выглянул продавец. Заорал матом, побелев, как мел, и бросился за прилавком — на этот раз Охотник действительно материализовал перед людскими взорами свой облик. Да, тогда я позавидовал ему — человеческое тело весьма обременительная вещь, и я бы дорого дал в тот момент, чтобы быстро избавиться от своего...

Я пригнулся, разминая мышцы и ожидая неизбежной драки, но он медлил.

— Хочу надеяться, ты принял правильное решение, — Охотник опустился к земле, а тяжелые полы его плаща захлопали на усиливающемся ветру. — Теперь отдай.

И он протянул ко мне когтистую руку.

— Никогда, — я отступил назад, готовя защиту.

— Жаль, — пожал плечами он, окончательно опускаясь на землю и направляясь ко мне.

Это вновь не было дракой — я лишь уходил от его атак, успевая поражаться их стремительности и силе. Он попытался спеленать мои ноги, но я отпрыгнул, обрубая его Нити прозрачной полусферой. Охотник улыбался.

Присев, он откинул для замаха левую руку и внезапно, вынув из-за спины короткую Красную с Черными шарами на концах, метнул мне в грудь. Так сильно, что от рывка его развернуло на месте, окутав плащом. Я увернулся, почти порвав собственное тело, но исчерпал на это большую часть сил. Охотник переместился к зданию скромного вокзала и продолжил атаки, разом сплетя пару багрово-красных шестов. Я падал, прыгал и катался по

земле, но удар сыпался за ударом. На коже, куда доставало оружие Охотника, оставались едкие, светящиеся в темноте пятна красной слизи.

Выстрела я не услышал из-за гула в ушах. Заметил только, как Охотник, вскрикнув, покачнулся, а полы плаща взметнулись, словно птичьи крылья. Затем он медленно завалился набок, прижимая руки к развороченной дробью груди. Хозяин павильона — толстый, но крепкий мужик, выскочил из дверей, переламывая охотничью двустволку и перезаряжая.

— Жив, китаеза?

Он подмигнул мне, но было видно, что это лишь маска, прикрывающая страх.

— Звони ментам... — пустые гильзы упали на землю. — Я тебе, сука...

Но тут толстяк замер, во все глаза уставившись на лежащего Охотника. Я же смог лишь отползти на пару шагов.

Охотник приподнял голову, но на этот раз смельчак не успел вскинуть ружье. Невидимым скальпелем ему смахнуло половину двустволки вместе с кистями рук. Закричав, человек упал на колени, прижимая обрубки к лицу.

Мой враг приподнялся, отбрасывая искалечившую толстяка Нить, и тут же подобрал из воздуха новую. Тонкие разрезы красными росчерками молниеносно покрыли тело продавца ровной сеткой, превращая одежду в лоскуты. Тот замер, словно вмиг окаменел, а затем развалился по прочерченным надрезам, превращаясь в бесформенную гору мяса. Охотник встал в полный рост, и кровь уже не шла из ран. Шляпа скрыла лицо — он осматривал повреждения. Затем тот устало покачал головой и стремительно бросился на меня.

В голове моей мутилось, раненое плечо надрывалось кровью, и я почти не соображал, что делаю, продолжая бороться за жизнь. О, мастер Конта, это настоящий виртуоз смерти, могу в этом поклясться.

Охотник прошел в клинч, словно напоминая, что он не только могучий колдун, но еще и тоэж, жаждущий ближнего боя. Я же, как и прежде, лишь блокировал удары его когтистых лап, почти не пытаясь ударить в ответ. В этот раз он сломал мне три ребра и оставил на груди гребенку шрамов сантиметровой ширины.

Юноша невольно приподнял руку к груди, где под рубашкой белели следы свежей, еще не до конца регенерировавшей, раны. Кончиками пальцев коснулся висящего на шее амулета.

Виктор, по-прежнему не произнося ни слова, дотянулся до бутылки, подливая и себе, и собеседнику. На улице царила глухая ночь, и комнату освещал лишь неровный, беспокойный свет огня. В его свете задумчивое лицо Куратора казалось неживым. Киоши сделал еще один щедрый глоток, и продолжил:

— Я не помню, сколько времени он избивал меня, загоняя на пустырь. Но в себя пришел уже там — на пустыре за вокзалом, на старых железнодорожных путях. Там я упал, больше не способный сопротивляться, и начал молиться, решив, что сейчас умру.

Он приближался спокойно, даже величественно, мерно отстукивая шаги по старым шпалам, легко перешагивая сразу через три штуки, а за его спиной полыхало зарево пожара. Голосили люди, а пожарные сирены в который раз пели свой скорбный гимн. Пусть это звучит глупо, но в тот миг Охотник казался мне самым Ангелом Смерти, поднявшимся из глубин Ямы. Он подошел вплотную, нависая...

Виктор Конта повернулся, словно впервые за все время рассказ начал интересоваться его.

— ...наклонился, по-прежнему не открывая лица. Он был так близко, что поля шляпы касались меня... Осторожно, двумя окровавленными когтями, он поддел цепочку, висящую на моей шее.

— Нет, — прошептал он, качая головой. Едва слышно. — Это оказалось слишком просто...

Не знаю, сколько мы провели на этом пустыре. Так и стояли, почти не дыша, победитель и побежденный. Потом он отпустил цепь и выпрямился, запахивая плащ.

— Игра не окончена, Киоши Мацусиро. И это я не оканчиваю ее, будь я хоть трижды наказан за это и хоть четырежды проклят. Ты сам отдашь его мне. Клянусь, отдашь сам.

Его пронзительные желтые глаза второй раз встретились с моими. Был ли я избит и напуган, но мне показалось, что в глазах этих заключена половина силы моего противника — они гипнотизировали и приковывали, ломая волю, не давая оторваться и разглядеть остальную часть лица.

— А сейчас беги, Киоши, — сказал он мне, дыша в лицо. — Беги, и мы закончим эту игру позже. Будь верен данному слову, и станешь идеальным соперником.

С этими словами он обернулся и с хохотом ринулся к вокзалу, к стоящим у перрона поездам. Там он принялся невидимой стихией убивать людей и жечь автомобили, насыщая свою дикую жажду крови. Я, спотыкаясь и падая, побежал прочь, не думая ни о чем.

Пренебрегая сном, я ринулся обратно на Запад, надеясь обхитрить преследователя.

Поездами больше не пользовался, пересаживаясь с автобуса на автобус, с одной попутной машины — на новую. Так и не придумав, как быть дальше, я бежал, находя покой в самом процессе. Через деревни и города, обогнув Красноярск с юга, истощая последние силы. Старался вовсе не пользоваться Нитями и запутывал следы.

Вчера вечером я въехал в Новосибирск, где рассчитывал хоть немного отдохнуть и собраться с мыслями. Рана Охотника, нанесенная отчаянным продавцом ночного павильона, по моим расчетам, должна была хоть немного задержать его. И, признаюсь честно, последние пару дней я уже начал тешить себя надеждой, что смог улизнуть, оторваться...

Но прошлой ночью Охотник снова напал на меня.

И вновь я бежал, ускользнув из его капканов. Тогда я понял, что могу принять единственное в этой ситуации решение — приехать на Маяк.

* * *

— Вот мой рассказ, — Киоши бросил осторожный взгляд на неподвижную фигуру Куратора. — Как вы знаете, теперь мне остается надеяться только на вашу помощь.

Виктор утонул в кресле, сцепив пальцы на пустом бокале, и задумчиво смотрел на прогоревшие в камине дрова. За окном сгустилась мокрая ночная мгла. Молодой тоэх ждал, обдумывая историю, только что рассказанную наместнику. Он только что открыл перед хозяином особняка почти все свои карты и теперь оценивал, не совершил ли роковой ошибки.

— Я благодарен тебе, Киоши, — заговорил Виктор, неотрывно глядя на гаснущий огонь, — за доверие, с которым ты пришел в стены моего дома. Полагаю, что теперь нам необходимо продумать дальнейшие действия. Если, конечно, ты желаешь и далее оставаться в живых и сохранить семейную ценность.

Киоши расслабился, утопая в спинке кресла, и не смог скрыть глубокого вздоха. Волна тепла омывала его сознание — отныне игра продолжалась со свежими козырями на руках.

— Мы имеем амулет, — Виктор мягко поднялся на ноги.

Поставил бокал на подлокотник кресла, начал расхаживать по темной комнате, неслышно ставя ноги на огромную звериную шкуру.

— Амулет, содержащий в себе...

Короткая пауза.

Виктор вопросительно посмотрел на юношу, но тот поджал губы, словно не заметил взгляда.

— ...нечто, очень важное, — невозмутимо продолжил Куратор, ничуть не смутившись. — Меня почти не интересуют феодальные войны Тоэха, но очевидно, что некие силы начали охоту за этой вещью. Имея возможность убить тебя, они настаивают, чтобы ты сам отдал им амулет. Совершают поступки странные, местами не вполне логичные. Вероятно, этому есть объяснение.

Треснуло полено, рассыпав искры.

— Ты мог бы попробовать спрятать кулон. Однако учитывая, что Охотник, кажется, умеет ходить по горячим Нитям — это бессмысленно. Убить его ты тоже не в силах, а я в

данном деле помощи оказать не смогу, только если он не перешагнет черту моего закона.

Виктор взял из открытой коробки сигару, миниатюрную гильотинку. Щелкнул. Медленно, глядя в пол, прошел до камина, присаживаясь на корточки.

— Киоши, — Куратор вынул из камина еще тлеющий уголек и замолк, раскуривая сигару. Сделал несколько пробных затяжек и продолжил на выдохе, позволяя дыму свободно вытекать изо рта. — Мне понадобится немного времени, но я попробую что-нибудь придумать. Пока что — ты находишься в безопасности. Можешь отдохнуть, набирайся сил и регенерируй.

Он выпустил в потолок огромный клуб дыма.

— А в доказательство своей искренности, я тоже хочу рассказать одну занятную историю.

Виктор вернулся в кресло, выдохнул под потолок несколько призрачных колец.

— Сегодня утром, пока ты спал, сюда приходил гость, — мурашки пробежали по спине Киоши, но он не подал виду. — Он разыскивал тебя. Больше двух метров ростом, смуглый, совершенно лысый. Тоэх, разумеется. Он одевается в черный плащ и носит широкополую шляпу.

Киоши окаменел. Виктор продолжил, небрежно свесив через подлокотник руку с сигарой, чей огонек подмигивал в темноте. Куратор смотрел на прогорающие дрова.

— Он хотел, чтобы я отдал тебя ему, — мидзури криво усмехнулся. — Сначала уговаривал, затем даже угрожал. Я отослал его прочь, диктуя слово защиты. Он убрался, хоть и не с добрым лицом — мне показалось, в планы твоих врагов не входит война на два фронта. Ушел, пообещав все равно найти тебя, рано или поздно, ибо не смогут эти стены скрывать тебя вечно.

Снова наступила тишина, лишь угли лениво щелкали в камине.

— Я рад, что положился именно на вас, Виктор, — твердо сказал Киоши. Сказал истинную правду, без капли лести или лжи.

— Спасибо, — Виктор потер лоб. — Еще вопрос, если позволишь?

Юноша кивнул с готовностью.

— Полагаю, ты много размышлял, спасаясь от преследования. Тебе лучше, чем мне, известны политические течения, наполняющие Империю. Как же ты сам полагаешь — кто стоит за описанными событиями? Подумай хорошо, ведь в твоём рассказе, как я понял, речь шла именно о войне двух миров, а не обычном конфликте кланов. В вашем мире действительно мог произойти заговор?

— Я уже давно не был на родине... Но точно знаю лишь одно, — молодой тоэх говорил от всего сердца, — это не Император! Если заговор направлен не внутрь Тоэха, а имеет цель вновь развязать войну между расами, Владыка не имеет к этому никакого отношения. Он в действительности чтит законы предков. Именно с началом его правления с мидзури честно поддерживается длительный мир. Но также я знаю, что на Тоэхе найдется гораздо больше противников Императора, обвиняющих его в мягкотелости и трусости, чем сторонников двора, твердо стоящего на позициях мира.

— Я не хотел усомниться в принципах твоего хосадаку, — Куратор примирительно раскрыл ладонь. — Просто хочу убедиться, что ранее, когда-либо, ты не встречался со своим Охотником. Не видел его в клановой цитадели. В свите отца. Или при дворе. Или еще где-то. Может, вспомнишь ниточки, раньше казавшиеся случайными?

— Нет, — Киоши снова откинулся на мягкую спинку кресла, — если бы я знал этого тоэха, сказал бы об этом сразу. Мы не встречались раньше. Скорее всего, это наемник, один из охотников за головами, причем Ткач Красной и Черной. Матерый, обладающий собственным почерком.

— Хорошо, спасибо, — Виктор встал, откладывая сигару. — Бессонная ночь мне гарантирована.

— Спасибо вам, — Киоши тоже поднялся, — что вообще помогаете мне.

— Пустяки, просто я уже давно...

Голос, донесшийся из соседнего зала, оборвал его на полуслове.

— Отец?

Киоши бросил на дверь затравленный взгляд, а Виктор впервые не совладал с эмоциями, чуть заметно закусив губу. Повернулся, пряча неловкость.

Резная красная дверь бесцеремонно распахнулась, и в каминную комнату быстрой походкой вошел молодой человек. Остановился на пороге, щурясь в темноту.

Он был примерно одного возраста с Киоши, если мерить категориями людей. Высокий, под стать отцу, однако, в отличие от своего родича, от парня буквально веяло самоуверенностью. Современный цветастый стиль мешковатой одежды, вкупе с развязными манерами, неслышно нашептывали, что подобные выходки не являлись редкостью при общении с ним. При этом резкие черты лица и волевой подбородок сразу выдавали в нем чистокровного Конту.

— Я искал тебя, отец, — он повернулся и, заметив сидящего незнакомца, добавил. — А, наш гость! Я уже слышал от слуг... Надеюсь, не помешал вашему разговору? Отец, здесь же темно, отчего сидите в темноте?

— Двери, сын, делаются деревянными, чтобы в них было удобно стучать.

Виктор сделал несколько шагов навстречу, но парень лишь легкомысленно взмахнул рукой. Стучать в двери? В собственном-то доме?

— Киоши, я хочу познакомить тебя со своим сыном.

Тоэх поднялся, отставляя пустой бокал, и подошел. Несколько секунд младший Конта и Киоши молча мерили друг друга взглядами. Затем молодой мидзури совершенно небрежно потер нос, другой рукой поправляя повязанную на поясе куртку.

— Это Киоши Мацусиро, мой гость, — сказал Виктор, и тоэх чуть поклонился. — Киоши, это Борис Конта, мой сын. Это, как и у меня, его настоящее имя.

— Мне приятно познакомиться с наследником столь славного мастера.

— Будем знакомы, — кивнул Борис, и они пожали друг другу руки.

— Отец, — когда Киоши отошел в сторону, наследник Куратора посмотрел на часы, циферблатом улавливая свет, летящий из соседней комнаты, — искал тебя, чтобы предупредить, что мне нужно уехать. Назначена важная встреча, и, возможно, я не буду ночевать дома, хорошо? Буду утром, хотя могу потеряться и на пару дней — не переживай. Возьму "мерс", ладно?

Виктор кивнул, но по его лицу чувствовалось, что он скрывает напряжение. Было так странно наблюдать за хладнокровным Куратором, теряющим самообладание в присутствии собственного ребенка... Но Киоши не торопился с выводами.

Борис наскоро попрощался с отцом, кивнул Киоши и вышел, скрипя по паркету толстыми рифлеными подошвами здоровенных ботинок. В дверях соседней залы он вдруг задержался и обернулся, криво и лукаво ухмыляясь.

— Надеюсь, уважаемый Киоши оценит гостеприимство нашего дома, задержавшись подольше.

Неприкрытая усмешка. Намек. Даже, возможно, вызов. В этом не было ничего несправедливого — враждовавшие с Тоэхом многие сотни лет, далеко не все мидзури были столь сдержаны и дипломатичны, как Виктор Конта.

Киоши замешкался, но Виктор спас положение.

— Уважаемый Киоши уже оценил гостеприимство дома Конта, и уедет, как только мы решим все интересующие нас вопросы, Боря.

Тот еще раз криво улыбнулся, щуря глаза. Кивнул, тряхнув взъерошенной копной темных волос, и ушел. Вскоре от дома с ревом стартовал черный "Мерседес", громкая музыка из салона которого еще долго гуляла по поселку забытым эхом.

— Прошу простить бестактное поведение моего сына, Киоши Мацусиро, — Виктор откашлялся в кулак. — Ты должен понимать, что Борис воспитывался у матери, потому у нас сложились... я бы сказал, сложились непростые отношения. Ты, как тоэх, живущий в колонии, должен понимать, что на наших родинах детей воспитывают в совсем ином

идеологическом ключе.

Юноша кивнул. Он не совсем понял, что такое идеологический ключ воспитания, но то, что расы недолго любили друг друга до сих пор, знал и без того. Те, кому хотелось мира и терпимости — уезжали в колонии.

— Сейчас я покину тебя, — Куратор не торопился прикрывать дверь. — Однако повторяю — можешь не волноваться, о твоём пребывании здесь не узнает никто. Дом полностью в твоём распоряжении. Все, что тебе понадобится, требуй у слуг, я отдам нужные приказы. Полагаю, теперь мы увидимся за завтраком.

Тоэх ещё раз поклонился.

— Спокойной ночи, Виктор.

— Спокойной ночи, Киоши.

Виктор уже переступал порог, но вдруг остановился, оборачиваясь. Закрыл дверь, прислоняясь к дереву плечом. Отрезанный от света из соседней комнаты, во внезапно наступившей темноте Киоши не сразу разглядел морщины, перечеркнувшие лоб Куратора.

— Война Бешенства закончилась не доминированием одной расы над другой. И даже не вмешательством сильных, — сказал Конта, старательно взвешивая каждое слово. — Только в объединении против единого врага тоэхи и мидзури смогли найти силы, чтобы избежать крушения своих миров. Мы, их далекие потомки, ныне пожинаем плоды этих трудов. Конечно, мелкомасштабные войны и пограничные стычки между нашими народами не прекращались никогда, невзирая на перемирия и запреты. Конечно, на протяжении многих столетий находились недовольные существующим положением дел, равно как и разбойники, мародеры, бунтари. Но... Буду честен, Киоши — ты не первый приносишь мне вести о странных событиях, происходящих в наших домах. Исходя из имеющейся информации, я могу предположить, что заговорщики, предлагающие богатства и почет в обмен на пустяк, пусть и важный пустяк, вряд ли являются бандитами. А потому хочу задать последний вопрос. Киоши, скажи, при твоей первой встрече с представителем заговорщиков на вершине горы на Тоэхе, не упоминал ли трехглазый... суэджигари?

Ледяной ветер пронесся по комнате, всколыхнув золу и тревожно зашевелив шторы. У тоэха перехватило дыхание, и он стиснул зубы, падая в пучину ужасных догадок. По спине сбежала капля холодного пота.

Конта терпеливо ждал, глядя куда-то в темноту, почти в окно. Затем юноша, сбрасывая оцепенение, чуть заметно покачал головой. Это бы он запомнил точно...

Виктор не мог видеть его реакции — мидзури не дано, словно диким зверям, видеть в темноте, но он все же услышал ответ. Решительно кивнув, Куратор стремительно вышел из каминного зала, оставив дверь прикрытой.

Тоэх облокотился о спинку кресла и решил еще немного выпить.

* * *

Киоши шел по бесконечному бетонному шоссе. Дорога, висевшая в утреннем небе, начиналась на рассвете, изгибалась через необъятный небосвод и исчезала на закате.

Орел, гордо раскинув широкие крылья, парил над головой.

Киоши брел.

Орел наблюдал.

Это не дорога, это Нить. Серая Нить суэджигари, злым роком простертая над всеми мирами. И не знают ни люди, ни демоны Держателя ее. И мысль, кольцом охватившая разум. Кулон смертельно опасен! Он один, этот кусок камня, способен причинить владельцу столько зла, что с лихвой хватит и на десять тоэхов во все долгие века их жизней. Рано или поздно, амулет заставит хозяина самому искать смерти.

Бросить... Потерять... Отдать?

Голос отца, заглушаемый гулом моря.

Серая паутина на лице.

Бег по протянутой кем-то дороге, над медленно встающим солнцем.

Снова сверкают красочные палитры, приближая неизбежный миг. И вот, врываясь струей тумана, вспыхивает Серая.

Ты способен видеть Нити?

А он все столь же неподвижен. Замер, победно ухмыляясь, скрестив на груди руки, спрятанные в полах мышиного плаща с багровым подбоем. Пепельные волосы длинной прядью скрывают половину обезображенного шрамом лица.

Крик орла летит далеко, далеко, далеко...

Эпизод III. Варианты ходов

Ночь бережно выпустила молодого тоэха из своих объятий, ретушируя мертвящие сны бледными красками рассвета. Киоши сел на кровати, потирая глаза. Ему было уютно и тепло, но ощущения, оставленные видениями, разрушали покой. Тьма любит шутить с живыми — пресытившись свежими впечатлениями, она рисует палитрой снов по холсту разума самые странные вещи. Несколько позже, когда Виктор поинтересуется, что снилось сегодня его гостю, тот, не задумываясь, ответит: ничего.

Долгожданный отдых действовал лучше любого лекарства. Зарубцевавшаяся рана на плече уже не пульсировала, и настроение юноши приподнялось — он возвращался в прежнюю форму. Умываясь и чистя зубы, Киоши поймал себя на том, что мурлычет старый, полузабытый мотив. Подмигнув себе в зеркало, он торопливо оделся и спустился вниз, к ожидающему его появления слуге.

На этот раз стол был накрыт на террасе, выходящей на часть сада и сосновую рощу за домом. Там, под нежарким сентябрьским солнцем, Куратор и его гость позавтракали, наслаждаясь звуками шумящих ветвей и вороньей переключки, любясь опадающими с редких берез листьями. Когда слуги принялись убирать со стола опустевшие кофейники, Виктор пригласил Киоши внутрь. Ничего не объяснив, он провел его в одну из самых дальних комнат особняка.

— Ночью я много думал о твоём рассказе, — за время завтрака они почти не возвращались ко вчерашнему разговору, но юноша не торопил наместника. Если Конта молчит, значит, у него на это есть причина.

Виктор закрыл за собой тяжелую дверь, щелкая выключателем.

— Здесь наши переговоры в полной безопасности. Не хочешь сообщить мне ничего нового?

— К сожалению, нет.

— Так я и думал. Толковых мыслей у меня появилось немного, но кое-что тебе предложить хочу.

Киоши не без удивления осмотрел пустую комнату без окон, превзошедшую своих собратьев скудностью обстановки. Железный столик на гнутых ножках и пара таких же стульев — вот и все убранство. Да плоский, словно размазанный по потолку светильник. А вот Нити...

Тоэх не смог сдержать волну дрожи, прокатившуюся от пяток до загривка — кругом царила непроглядная синева. Такой плотности Нитей почти не бывает в природе, либо дом намеренно строился на Ключе, либо Виктор провел здесь массу времени, прививая в комнате несметное количество живых Синих.

Киоши задумался, невольно размышляя, существует ли на свете сила, способная победить мидзури, скажем, того же Виктора, в таком месте? Только кровью, немалой кровью... Память юноши мгновенно наполнилась картинками боев, осевших в сознании с далекого детства. В свое время и отец, и наставник Хоэда потратили не одну сотню вечеров, по много раз пересказывая маленькому Мацусиро хронологию войны Бешенства, войны противоположностей. И крохотный слушатель навсегда запомнил, сколь широки были потоки крови тоэхов, пролитой в попытках воинов добраться до тщедушных тел магов —

Ткачей мидзури.

Из воспоминаний его вернул звонкий щелчок — Виктор открывал резную, богато украшенную золотом шкатулку, стоявшую на столике. Протянул Киоши ароматную сигару, но тот вновь отказался. Виктор достал из коробки спички и гильотинку, неспешно закурил. Указав задымившей сигарой на стул, сел напротив.

Несколько раз глубоко затянувшись, Куратор неторопливо заговорил:

— Понимая всю тщетность попытки, я, тем не менее, считаю себя обязанным сделать тебе предложение, — густой сизый дым плавал между ними, поднимаясь к потолку. — Можешь оставить амулет у меня. В полной безопасности и неприкосновенности.

Виктор натолкнулся на холодные глаза тоэха. Юноша молчал.

— Ясно. Но я должен озвучить все варианты.

Киоши понимающе кивнул, по-прежнему не комментируя. На какое-то время в комнате повисло неловкое молчание. Виктор курил, будто и не собирался продолжать. Здесь, в этой зале, он мог с легкостью забрать кулон силой, будь в этом необходимость... К счастью, такой необходимости не было.

— Я отлично понимаю, — наконец продолжил Куратор, — что расовые различия никогда не дадут нам полного понимания и доверия. Потому хочу предупредить заранее. Помощь, которую я намерен предложить, возможно, покажется странной. Но если ты отвергнешь ее, я бессилён сделать что-либо еще. Во всяком случае, на данный момент.

Тоэх слушал, разглядывая переплетенные пальцы. Он уже выбрал путь доверия, и не собирался сворачивать.

— В моем мире, недалеко от родовых земель, существует одно известное место. Разумеется, известное мидзури, — в голосе Конты не слышалось ни капли иронии или сарказма, скорее искреннее благоговение. — Древняя гора Буредда, сама по себе, уже много веков назад, ставшая и чудом света, и произведением искусства, и местом религиозного паломничества. Вершина ее возносится до звезд, а корни плавают в горне мира. Доказано, что Буредда пронзает все четыре мира, воплощаясь в каждом во что-то иное, но не менее могучее. Десятки храмов, заброшенных и посещаемых, украшают склоны ее подножья. Известно мидзури, что у самой вершины, где нет ни дорог, ни построек, живет мудрец, чье рождение лицезрели Держатели, а смерть не увидит никто. Имя его известно в любом уголке Мидзури, и многие почитают его, наравне с именами героев и правителей. Его прозывают Мокено, но чаще паломники именуют его просто Мудрецом. Считается, что это величайший оракул, живущий ныне, а легенды и слухи о его силах лишь приумножают это суждение. Если бы ко мне пришел родич и просил совета в столь сложном вопросе, как твой, я бы без промедления отправил его к вершинам Буредды... Когда не знаешь, кому доверить тайну, отдай ее тому, кто стоит выше тайн.

Когда Куратор заговорил о родине, Киоши услышал уважение и светлую печаль. Наверное, то же самое подмечал в его словах сам Виктор, внимая вчерашнему рассказу...

— Наверняка, — продолжал Конта, — ты уже догадался, к чему я клоню?

Тоэх коротко кивнул. Конечно, он догадался.

— Я полагаю, что путешествие на Мидзури — единственный выход. Отправься к Буредде, и проси совета у Мокено. Исчезни с Земли. Есть немалый шанс, что никто не станет искать тебя в нашем мире... Нет, постой, я еще не закончил, — Виктор не просил, он приказывал, и Киоши смолчал. — Вероятно, Тоэх не менее славен оракулами и мудрецами, но возвращаться тебе опасно. Более, чем опасно. За твоим кланом следят, это наверняка. За семьей и друзьями — тоже. Следят за замком, границами префектуры, дорогами и лесными тропами. Вернуться сейчас на Тоэх, означает добровольно шагнуть в капкан. Однако я не стану давить... если ты действительно хочешь на родину, рассчитывая на сильных и надежных союзников, я помогу тебе и в этом...

Теперь Киоши и сам не решился возразить, задумчиво рассматривая паркет, покрытый Синими. Покачал головой, причем не без грусти. Клан никогда не станет его союзником, даже если в Империи назревает заговор. Самым логичным в его действиях было бы

направиться напрямик ко двору Императора. Однако если Виктор прав, ему не дадут даже проникнуть в клановую префектуру, не говоря уже о столице.

Конта молчал, осознавая тяжесть мыслей, давивших сейчас на юношу.

— Этот Мокено... Чем он может помочь? Ему ведомо происходящее на Тоэхе?

— Стоя на перепутье, ищи указатель или верстовой камень. Сила мудреца в том, что ему ты можешь открыться полностью. Если угодно, исповедаться. Вероятно, он также знает что-то, скрытое от глаз и ушей простых смертных.

— Возможно...

— Ты должен знать, что гарантий я дать не могу. Возможно, Мокено действительно поможет тебе, возможно нет. Непредсказуема мудрость, и отмалчиваются искавшие помощи на вершине Буредды. Но я считаю, что вопрос равновесия наших миров не позволит отшельнику отвернуться от тебя. В любом случае, этим ходом мы собьем преследователей с толку. Я предлагаю тебе подумать, Киоши. Подумать, взвесить и решить. Но клянусь Синими Путиями, если бы я точно знал, что стоит на кону, наверняка бы не раздумывал.

Виктор бережно провел пальцами по рядам Синих, парящих в воздухе перед ним. Отложил затушенный окурок сигары на край столика.

— В любом случае знай, что я способен переправить тебя на Мидзури, — он выдохнул последний клуб дыма.

— Мне нужно немного времени, — Киоши поставил подбородок на сцепленные кисти рук.

— Несомненно.

Наступила полная тишина, здесь — в самом сердце особняка, была не слышна даже тревожная переключка ворон в сосновых ветвях.

Ждет ли в чужом мире подготовленная ловушка, или Виктор действительно желает помочь? Напасть на Киоши здесь и сейчас Куратору мешает слово Защиты, но на нейтральной территории все может измениться. Вчера вечером, после разговора с Контой, молодой тоэх неоднократно обдумывал свои дальнейшие действия, но любые варианты приводили его в тупик, грозя полным отчаянием. Приведет ли соломинка, протянутая хозяином Маяка, к спасению или станет отравленной иглой?

Каменное лицо Виктора не выражало ровным счетом ничего. В этой комнате без окон время, казалось, потеряло свое значение.

Киоши пятерней взлохматил гриву темных волос. Нет, так нельзя. Отправляться в земли чужого Мира, даже не попробовав найти помощи дома, не узнав, цела ли семья — так нельзя. Конечно, дома ему не рады, Киоши знал это совершенно точно, и помощи ждать не приходится... но вдруг что-то изменилось, вдруг вернулся Хозда?

— Виктор, — юноша прочистил горло, удобнее усаживаясь на стуле. — Я полагаю, первым делом мне необходимо связаться с кланом. Со... со своими родными. Вы можете помочь мне в этом?

Куратор лишь кивнул. Конечно, он мог.

— Хорошо. Следуй за мной.

Они покинули комнату, и Виктор запер дверь на прокованный Нитями ключ. Уже знакомыми коридорами провел в овальную каминную комнату. Золу убрали, в камине лежала аккуратная стопка сухих поленьев. Широко открытые шторы впускали в залу неяркий осенний свет. Конта запер дверь, раздвинул кресла к стенам.

— Сейчас я создам неполноценный Портал, через который ты сможешь связаться со своей семьей. Если захочешь уйти, я смогу дополнить заклинание для Перехода.

— Скорее всего, второе не понадобится, — Киоши скривил губу, и Виктор кивнул, словно догадался, о чем идет речь.

Куратор встал в середине зала, плавно разводя в стороны руки.

— Подойди, — гость подчинился, вставая напротив. Если для страха оставалось время, оно прошло.

Конта прикрыл глаза, опустив руки на виски Киоши. Ладони Виктора оказались

теплыми, словно нагретыми на живом огне.

Нити заколыхались.

— Мне нужен образ места, где раскроется Портал. Когда услышишь гул, отойди к двери и жди.

Тоэх постарался машинально кивнуть, но руки Виктора крепко держали его голову. Облизнув пересохшие губы, он тоже закрыл глаза, сосредотачиваясь.

Это остров... Остров, покрытый пушистым одеялом холмов. Вот быстрая река, накатывающаяся на пологий берег. Это шумят на ветру рощи, за которыми раскинулись щедрые поля. Кровавый нарост скальной породы у самой кромки воды. Замок. Летучей мышью Киоши летел над землями клановых владений, приближаясь к цитадели. Еще быстрее. Внутрь, проскочив через щель бойницы. Комнаты, комнаты, залы. Он уже так давно не был дома, но помнил его в мельчайших подробностях. Где открыть Портал будет удобнее всего?

Тоэх представил себе главный зал, столы, скамьи, гобелены и оружие на стенах, снующих слуг, горящие очаги и высокие коптящие светильники. Как давно он не был дома...

— Здесь.

Жужжание за спиной усилилось.

Юноша открыл глаза и послушно шагнул в сторону, выскальзывая из рук Куратора. Яркие, как неоновые провода, Синие Нити затрепетали, покачиваясь. Виктор развернул ладони вперед, с его пальцев стекли ручейки светящейся энергии. Каждая струйка шипела, отплевываясь крохотными острыми протуберанцами. Как наэлектризованные, ручейки вбирали в себя все больше Синих, стелясь по полу клубящимся варевом.

Виктор расставил ноги, словно начал испытывать сопротивление. Киоши сглотнул. Он знал, что сейчас чародей преодолевает частную блокаду, выстроенную вокруг замка, получая разрешение на сотворение своего заклинания. Но и без прорыва барьеров, молодой тоэх это тоже знал, работа была не из легких...

Открывать Портал по обрывкам чужих образов, через чужое сознание — это непросто. Тоэху такая работа и вовсе оказалась бы не под силу — редкие из них способны на ювелирные манипуляции Нитями, только если речь не заходит о том, чтобы кого-то разорвать...

Из марева начал приподниматься, гулко вибрируя, ровный синий круг с красной каймой по краю, казалось, созданный из стекла. Две короткие Синие свились в металлические шарики, Виктор опустил руки, и те глухо упали в звериную шкуру, в ожидании застыв по разные стороны висящего в воздухе зеркала. Поверхность Портала покрылась сетью трещин-молний, разгладилась, вновь постарела — Красные природные Нити Тоэха создавали помехи.

— У нас совсем немного времени, — Виктор потер ладони, размял сведенные пальцы. Отошел к камину, кивком головы приглашая тоэха начинать. — Прикоснись к поверхности, и заклинание активизируется. Все необходимые разрешения получены.

Киоши шагнул вперед, вставая напротив искрящегося круга.

— И помни, — тоэх обернулся, наблюдая, как Виктор собирает несколько насыщенных Синих, придерживая их в воздухе. — Я буду рядом, если что...

— Спасибо.

Виктор несколько раз взмахнул руками, и Нити ожили, сплетаясь друг с другом. Прошли считанные секунды, и на сгибе локтя у Куратора уже покоился тончайший длинный плащ, стекающий мягкими складками. Конта поудобнее прислонился к камину, набросил ткань на голову и... исчез. Не только сам — исчезли и камин, и дрова, и невысокий столик с сигарами. Киоши обомлел. Теперь вновь увидеть Куратора можно было только ответным заклинанием. Хотя... Тоэх принял. Здесь он, точно здесь.

— Тебя не проведешь, — заметил из пустоты голос Конты. Усталый, но чуть насмешливый.

Киоши обернулся к Порталу. Ох, неудобно...

— Искренне желаю, — рука, потянувшаяся к глади заклинания, вновь замерла, — удачи. И постарайся не рисковать.

— Постараюсь, — юноша дотронулся до ледяного полотна, и круг наполнился образами.

Дом. Его родовой замок, в котором почти ничего не изменилось — тот же погруженный в полумрак зал, низкие столы, великолепная коллекция холодного оружия на стенах. Постепенно образ обретал еще большую четкость, послышались звуки — стук мисок, плеск наполняющей чашу воды. Казалось, протяни руку и коснись, словно он смотрел в зал сквозь открытое окно.

Но в видении, открывшемся в порталном окне, не билась жизнь. Все происходило, как в телевизионной передаче, тоэха не покидало неуловимое ощущение, что картинка ненастоящая, только образ. Киоши вновь облизнул губы.

— Я призываю клан Небесных Пловцов. Пользуясь правом крови, я взываю к любому из представителей рода, требуя ответа и помощи.

Звуки затихли в тот же миг. В неподвижной пока картине появился силуэт.

— Кто призывает клан Небесных?

Слова замерли на языке, и Киоши онемел. Повезло, нечего сказать... Этот голос он узнал мгновенно. Отступить поздно.

— Киоши Мацусиро.

— Киоши? — звериный рык наполнил каминную комнату особняка Куратора, а фигура стремительно приблизилась к Порталу.

В слабом свете, источаемом заклинанием, проступило размытое лицо. В глаза тоэха смотрел Ангус — двоюродный брат. Почти враг. Сын врага.

— Какого дьявола тебе понадобилось, Киоши Мацусиро? — Ангус присел на задние лапы, слегка покачиваясь. Шерсть на его плечах приподнялась, как перед рывком. — Может быть, желаешь очередную трепку?

— Я имею право знать, чем живет мой клан.

— Имеешь право? — его брат еще сильнее качнулся вперед, рассматривая Портал и комнату, лежащую за ним. — У тебя нет никаких прав, щенок. Убирайся, пока я добр!

Киоши сжал кулаки.

— Твоя тупость крепнет с веками, как доброе вино, Ангус. Неужели ты считаешь, что я воспользовался Порталом лишь для того, чтобы позлить тебя или вспомнить прежние обиды? Я хочу, чтобы ты вызвал своих отца или мать. Они в замке?

— Как ты смеешь спрашивать об этом?! Ублюдок, хочешь, чтобы я дал тебе поговорить с моим отцом? Хочешь помощи от меня?!

Ангус заревел, вскинув оскаленную морду к сводчатому потолку. Заскрежетал зубами, бросаясь вперед, и Киоши отшатнулся.

К немалому удивлению Виктора, атаковавший кузен юноши все-таки проткнул Портал. К счастью для самого себя — не до конца. Прорвавшись через полотно одним могучим звериным рывком, в комнате появился еще один тоэх, по пояс застрявший в кольце Портала. Внешне Ангус был очень похож на своего брата — волчий верх, огромная седая грива, и длинные, невероятно мощные когтистые лапы. С оскаленных клыков стекала слюна. Желтые глаза полыхали.

— Ты смеешь призывать клан?! Ну так иди же сюда! Посмотрим, как ты смел?!

Размахивая когтями, Ангус пытался протащить на Землю и вторую лапу. Безобразный шрам, начинающийся под шеей на правом плече и исчезающий в шерсти правого бедра, все так же, как и в прошлом, перечеркивал его тело. Заклятая рана не заживет никогда...

Киоши вдруг осознал, что остается предельно спокоен, лицом чувствуя звериное дыхание кузена, не оставлявшего отчаянных попыток дотянуться до него. Повисший в воздухе тоэх внезапно вовсе перестал волновать его. Юноша покачал головой, внимательно контролируя дистанцию. А Ангус внезапно замер, жадно втягивая воздух широкими влажными ноздрями.

— Кто здесь? — его глаза заматались по комнате. — Это мидзури?

Красная кромка Портала начала наползать внутрь круга. Ангус заревел вновь, заставив люстры особняка задрожать. В следующий миг поверхность заклинания остекленела, врезаясь в кожу демона все глубже и глубже, на ковер упали первые капли крови.

— Ах ты жалкий трус! Изменник! Предатель! — но затем его крик перешел в вой боли — Виктор продолжал сжимать заклинание.

Киоши торопливо вскинул руку:

— Не убивайте его, пожалуйста.

Теперь Ангус извивался, стараясь вернуть тело домой. Что-то скулил, продолжал бессвязно рычать и брызгал пеной. Киоши отвернулся — за время его отсутствия не изменилось ничего. Возможно, стоило открыть Портал в башне отца, но защита амулетов там настолько сильна, что не пробился бы и Конта...

С кланом покончено. Небесные Пловцы не помогут, если не постараются помешать. Хозда не вернулся, и, возможно, вовсе мертв. Ангус и его отец по-прежнему в замке. Скорее всего, приняли управление над префектурой. Киоши тяжело покачал головой. Попытка стоила усилий...

В комнате стало тихо, и он обернулся. Портал исчез без следа.

Растворяя в воздухе плащ, появился Виктор.

— Мне очень жаль.

Киоши не ответил. Видят Держатели — он попытался.

— Даже если бы я наткнулся на кого-то, не столь обозленного на свою персону, изменилось бы немного... Может быть, не было бы всех этих воплей и попыток перегрызть мою глотку, но не более. Зато теперь я точно знаю, что с кланом все в порядке. Как и прежде.

— У тебя интересные родственники, Киоши, — Виктор смотрел туда, где только что висело зеркало Портала, словно раз за разом прокручивал в голове увиденное. — Скажи, аферу с добычей семейного амулета не могли устроить именно они?

Конта провел по воздуху рукой, стирая остатки отмерших Нитей.

Киоши решительно замотал головой.

— Сильно сомневаюсь. Ангус или его отец действовали бы совершенно иначе.

— Тебе виднее. Тем не менее, как я понимаю, — осторожно сказал Виктор, оборачиваясь, — помощи на Тоэхе тебе теперь искать негде?

Вопрос неловко повис между ними.

Киоши вздохнул. Правду не скроешь, даже если умолчишь о ней. Префектура Мацусиро перестала быть его домом ровно со смертью отца. А сейчас он как будто расцарапал старую, уже зарубцевавшуюся рану.

Виктор выжидающе стоял за его плечом.

Молодой тоэх взглянул в по-осеннему тусклое окно.

Вечно пользоваться покровительством Виктора он не сможет, но помощь ему все столь же необходима. Необходимы ответы, ибо за стенами Маяка его поджидает Охотник, готовый без лишних разговоров вырвать из рук Киоши кулон. Вырвать вместе с сердцем. Если заговорщики не обманули, амулет должен помешать началу некой войны, но юноша до сих пор не верил в истинность этих слов. Не так приходят просить спасителя, способного предотвратить катастрофу. Так, как это делал трехглазый, пытаются обмануть неразумного ребенка. А это значит, что если война действительно рядом, амулет никогда не должен попасть к его врагам.

— Я согласен, — Киоши решительно потер ладони.

— Тогда поторопимся.

Словно только и ждавший этого решения, Виктор распахнул двери и широкими шагами направился в глубину дома.

Киоши догнал его, когда Конта выходил из библиотеки, что-то одевая на шею. В движениях мидзури теперь чувствовалась нервозность и скованность. По-прежнему не произнося ни слова, Куратор приказал следовать за ним, возвращаясь в сердце Маяка. В

комнату без окон, наполненную Синими Нитями.

Жестом приглашая Киоши присесть на стул, Куратор раскурил оставленный окуроч сигары. Пальцы его игрались с крохотным бронзовым драконом, висящим на тонкой желтой цепочке. Даже не будучи искушенным в искусстве Переходов, тоэ почувствовал, что амулет заговорен именно на операции с Порталами.

— Я согласен, — зачем-то повторил Киоши, пряча неловкость. Ему было чертовски больно за слова Ангуса. Он сгорал от стыда, что их ссору наблюдал Куратор. — И я желаю принять вашу помощь. Спрятавшись на Мидзури, я стану искать ответа у мудреца с Буредды.

Виктор сосредоточено покивал головой. Еще немного помолчал, не выпуская из пальцев бронзового дракона.

— Хорошо. Но тогда, Киоши, я буду просить отправляться немедленно, — казалось, Конта чем-то озадачен, но тоэ сопоставил его задумчивость неожиданной схватке с родней. — Время отказывает смертным, когда они просят его обождать.

Юноша покорно кивнул. Опустошенный, сейчас он был готов на все.

— Там, куда я отправлю тебя, ты встретишься с моим слугой. Не совсем так, конечно, но я не хочу вдаваться в подробности. Его зовут Танара, и именно он станет твоим проводником. Уверяю, на него можно положиться.

В сознании Киоши принялся пульсировать тревожный огонь. Сегодня утром Виктор ничего не говорил о сопровождающих мидзури... Однако юноша смолчал, опуская глаза. Если Куратор неверно истолкует его отказ, он потеряет единственного союзника.

Как бы не повернулась жизнь, он не отдаст свою жизнь даром... И кулон.

— Хорошо, — Киоши коротко поклонился. — Как я найду Танару?

— Он проинформирован, как ты выглядишь, и сам найдет тебя, — Виктор еще раз шумно затянулся, гася сигару о край столика. — В свое время Танара задолжал мне услугу, и сейчас я решил воспользоваться ею. Он выполнит любой приказ, проводив тебя до Буредды, указывая путь и охраняя в дороге — Танара прекрасный воин и Ткач Синих. У подножия Буредды вы расстанетесь, и дальше ты продолжишь путь один, полагаясь только на свои силы, Властителя Путей и расположение Мокено.

Значит, мидзури Танара. Маг Синих и боец, ожидающий Киоши в чужом мире. Высокая фигура в пурпурном плаще, плетущая паутину заклятий на пути к Буредде. Тоэ отогнал паскудные мысли. Тоэ не терзает себя лишними сомнениями. Тоэ встречает преграду и ломает ее, лишь по обломкам восстановив причины и следствия. Для начала он просто встретится с этим Танарой, и если что-то пойдет не так...

Сейчас же он не должен ничем выдать свои сомнения. Доверие, оказанное ему Виктором, должно быть оплачено.

— Не станем медлить. Полагаю, такой крепкий тоэ, как ты, в состоянии выдержать сразу два Портала за один день?

Виктор вышел на середину комнаты, погружаясь в объятия Нитей.

— Встань за моей спиной, — твердым голосом приказал он, и Киоши безропотно подчинился. — Постарайся не мешать, не разговаривать и даже не дышать. Я уже давно не создавал полных проходов.

Куратор ухватил три Синие, в изобилии парившие вокруг него. Встал, широко расставив ноги и попрочнее укрепившись на полу, развел руки, перекрещивая Нити. Бросил одну с правой руки, перехватывая свежую, и быстрым пассом скрутил прозрачные материи. В комнате родился ветер.

Тоэ не двигался, как и было приказано. А Виктор продолжал сосредоточенно плести, подбрасывая и ловя узор, усложняющийся с каждой секундой. Узор, создавать который ему, казалось, помогали синхронность и гармония. Конта все быстрее манипулировал Нитями, то сводя, то разжимая руки, творя могучее заклинание со спокойствием и виртуозностью Ткача.

Киоши почувствовал, как из глубин разума, помимо его воли, поднимается подсознательный, древний страх перед расой мидзури — такой отличной от его родичей. Как

становится не по себе, как возвращается неприязнь к безусловно умелым и столь же далеким существам. Юноша сердито отогнал недобрые мысли, стараясь даже ими не мешать работе чародея.

Вдруг Виктор отбросил созданный узор прочь. Тот, паря над полом, начал раскрываться, подобно цветку, зацепляясь лепестками за границы реальности, пытаясь открыть, расширить и замереть, прорвав пространство магией. Различимые даже человеческим глазом Нити заблестели в растворяющемся сигарном дыму.

Ветер, развевающий волосы, усилился и завыл, силясь распахнуть дверь.

По комнате пронесся треск крутящихся Нитей, а узор вдруг сжался, превращаясь в невзрачный шарик, стягивая, словно нарисованные на резине, стены комнаты. Буквально через миг по ушам прокатился мелодичный звон, и шар раскрылся в полотно Портала, небесно-синее, с краями, поблескивающими инеем.

Ветер стих.

Подобно плотному покрывалу, опустилась тишина. Лишь потрескивали снежинки, вея прохладой. Если Портал тоэхов горит пламенем, этот был готов рассыпаться льдом.

Виктор Конта повернулся к юноше. Заклинание, на которое Куратор почти не потратил сил, отняло бы у любого тоэха всю жизненную энергию на несколько переливов.

— Проход готов, ты можешь отправляться, — Виктор сцепил пальцы в ритуальном рисунке. — Киюши Мацусиро?

Тот повторил жест, склоняя голову.

— Я, Виктор Конта из рода Раконов, Куратор Новосибирска и прилегающих земель, отпускаю тебя из-под своей защиты. Иди с миром.

— Я, Киюши Мацусиро из клана Небесных Пловцов, выхожу из-под вашей защиты и бесконечно благодарю за помощь, оказанную мне, — Киюши низко поклонился, не расцепляя пальцев. — Спасибо, мастер Конта.

Разбив узоры пальцев, они крепко пожали друг другу руки.

В тишине огромного дома набатным колоколом раскатилась трель дверного звонка.

Киюши вздрогнул всем телом, мотнул головой и машинально шагнул к Порталу, обходя Куратора по широкой дуге. На пороге обернулся, взглянув в холодные глаза Виктора.

— Как я и полагал, они опоздали, — внезапно сказал тот. Сказал спокойно и негромко, словно рассуждал о недавно посещенном спектакле. — А теперь уходи. Немедленно. Я сражался с искушением два долгих дня, но оно слишком велико, поверь. Вещица, висящая на твоей груди, слишком просто дает величие, ломая даже меня. Беги, пока не поздно, теперь над тобой нет моей защиты. Уходи, потому что слова ритуалов более не держат никого. Уходи, Киюши, не искушай судьбу.

Тоэх рывком обернулся к проходу, до боли сжав зубы. Быстрые шаги неслись по чередке коридоров. В самый последний момент Виктор открыл свои карты. В соседней комнате кто-то вышибал двери, слетающие с петель, торопился, рвался вперед, прорываясь к цели.

Киюши оскалился и шагнул в высокий Портал.

Голубое холодное марево переливалось, принимая в себя человеческую фигуру, пронзающую толщи пространства. Юноша зажмурился, задержал дыхание. Низко пригнув голову, он продолжал идти вперед, руками раздвигая незримую, но плотную завесу. Густой туман струйками обтекал его тело, вихрясь и опадая.

Гортанный крик донесся со стороны Земли, и он повернул голову, с опаской приоткрывая глаза. Больно не было, но зрение стало иным, искаженным, смазанным. Голубой овальный коридор уходил вдаль, теряясь за горизонтом, черты комнаты размылись, и непроглядная пелена омывала тоннель со всех сторон.

Киюши рванулся сквозь густой туман, сделал пару шагов и рухнул на бледно-зеленую траву страны давних врагов. От обмерзшей кожи тоэха шел пар.

* * *

Мидзури.

Едва придя в себя, Киоши вскочил на ноги, настороженно оглядываясь. Портал, едва слышно позванивая, все еще висел за его спиной в полуметре от земли — высокое, в полный рост, синее зеркало. Тоэх отряхнулся, встав лицом к проходу. В бездонном пространстве, наполненном синим дымом, ему чудились неясные тени. Он прищурился, вглядываясь, подался вперед и напоролся на заклинание.

Удар был нанесен молниеносно, умелой рукой, замаскированный в мути Портала.

Яркий Синий щуп вынырнул из овала, захлестывая шею. Юноша потерял равновесие, и щуп в то же мгновение рванул его обратно, в сторону Земли. На какой-то нелепый миг Киоши даже показалось, что Виктор срочно призывает его обратно, грубо и жестко. Но дальнейшее смело подозрения, будто карточный домик, ярко высветив в сознании одно единственное слово — предательство.

Второй щуп, чуть тусклее прежнего, перехватил руку с защитным заклятием из слабеньких, наспех сорванных Красных. Прижал к корпусу. Еще два жгута теперь пеленали его ноги, вытягивая жизнь, лишая подвижности и парализуя мертвящим холодом. Киоши, широко встав, уперся в землю, оставляя на рыхлой почве глубокие борозды.

Атака была проведена в одну секунду. Старательно подготовленные заклинания отлично выполнили свою работу, застав Киоши врасплох, спеленав и ослабив защиту. Тот вскинул свободную руку, в отчаянии нащупывая новые Красные.

Под человеческой кожей забурили настоящие мышцы, кровь с утроенной скоростью понеслась по венам, затрещали, лопаясь и увеличиваясь, кости. Черные волосы, удлинняясь на глазах, заструились по вздувшимся буграм плеч, уши заострились, и Киоши внезапно увидел мир в красных тонах — зрачок поменял цвет, наполняясь кровью. Нити натянулись, словно струны, гудя и впиваясь в плоть. Тоэх не сдавался, пробиваясь к выходу из тесной тюрьмы человеческого тельца.

Заклинание продолжало подтягивать его к Порталу, волнистая синяя гладь теперь колыхалась в считанных сантиметрах от лица, словно вода.

Вот стрелой пропела очередная Нить, метнувшись из-за грани мира, опутывая кулон тонкой, но прочной паутиной. Натянула цепочку, готовая рвануть и унести сокровище в непроглядную пелену прохода. Киоши зарычал, отпуская вожжи и выплескивая на волю демоническую ярость. Синяя, державшая его руку, лопнула до основания, распадаясь на волокна и медленно оседая на легком ветру.

Словно в кошмарном сне, Киоши медленно тянулся к опасному щупу, рвущему цепь.

В этот момент Портал внезапно закрылся.

Беззвучно, словно выключили телевизор, овал свернулся в яркую точку и исчез, стянув в пучок и обрезав все атакующие заклинания. Эхо далекого крика донеслось до тоэха, по Нитям пробежала дрожь, они начали тускнеть, покрывались инеем, быстро бегущим от точки среза, а затем безвольно обвисли, переплетаясь между собой.

Киоши, все еще намертво сжимавший цепочку кулона, осмотрел себя. Резко отпрыгнул, стряхивая обесточенные заклинания, подобные сухому плющу. Нити с шелестом отвалились, рассыпаясь в пыль. Он содрал с кулона особо устойчивую, похожую на засохшую полынь, и сломал, сжав в когтистой руке.

Тревожно осмотрелся, привыкая к ощущениям не до конца трансформировавшегося тела. Частично сохранивший человеческую форму, с неестественно выпирающими сквозь лопнувшую одежду буграми мускулов, чуть удлинившимися руками и развевающейся по ветру гривой черных волос, тоэх стоял на небольшом каменистом холме, покрытом жухлой травой.

На границах чужого мира клонились к закату два солнца. Большее — бирюзовое, уже почти закончило поливать свои владения мягким светом. То, что поменьше — синее, словно нарисованное на бледно-голубом, быстро темнеющем небосклоне, почти не давало света, нехотя уползая за далекие горы.

А с противоположной стороны над далеким горизонтом уже поднимался новый диск,

сочно-фиолетовый, не давая наступить полной темноте, но погружая все в бархатный полумрак. Наступало время Темных Солнц. Синие цвета, безраздельно господствовавшие здесь, заставили тоэха недовольно сморщиться. Мир Мидзури напоминал человеческий морг, освещенный специальными лампами.

Киоши бросил взгляд вниз, к подножию, и дальше, не без любопытства оглядывая так непохожий на его родину край. Невысокий холм, на который Портал выбросил тоэха, лежал в основании широкой горной гряды. К условному северу горы росли, становились все тоньше и гигантскими иглами пронзали покрытое тучами небо, сейчас изливавшееся далеким дождем. К условным югу и востоку простирались холмистые равнины, пересеченные пятнами лесов. На условном западе, стекая с горного хребта, вилась широкая лента реки.

Там же, на западе, над бескрайне далеким, ни чета Земному, горизонтом, высоко в небе замерла пелена густых облаков. Киоши знал, что небесный саван скрывает летающие острова чародеев, чем-то напоминающие родные острова Тоэха, но куда более редкие и не такие непредсказуемые. Значит, вот как выглядит мир Мидзури, родина древних врагов...

Это было больше похоже на Землю, чем на жестокий и страшный Тоэх, подаривший Киоши жизнь. Ничего общего с вечным движением чудовищных монолитов мира воинов. Ничего общего с образами, пугающими своей нереальностью, нелогичностью и неожиданностью.

Зная о природе Порталов совсем немного, юноша не боялся скорой погони — следующий проход будет открыт не мгновенно, да и вообще вряд ли откроется на прежнем месте. Но оставаться на вершине было опасно. Во-первых, рано или поздно тот все же отворится. Во-вторых, место отлично просматривалось. И простреливалось.

Киоши начал спуск, осторожно переступая по шатким камням, пока не обнаружил неглубокую расщелину, укрывшую его от ветра и случайных свидетелей. Он присел на корточки, машинально поигрывая амулетом. Рана в плече, едва не открывшаяся во время нападения, пульсировала рваным ритмом, продолжая регенерацию под коркой запекшейся крови.

Виктор все же не смог удержаться, в последний момент предав его. Или не в последний? На отсутствие заранее сформированного плана Киоши наводила не совсем продуманная атака у Портала.

Какая-то часть создания юноши продолжала активно вставать на защиту Виктора. В конце концов, могло действительно оказаться, что тот лишь в самый последний момент решил ударить, хоть это и не очень вязалось с его ледяным характером. По большому счету, никого он и не предавал — гость просто вышел из-под опеки, став очередным опасным, очень опасным тоэхом, и Виктор разумно постарался не упустить момент. А Охотник был начеку, ожидая момента отречения. И появился, как бы это не звучало — весьма своевременно. К счастью Киоши, внезапно открывшаяся ловушка рухнула под напором его очередного врага. Шум слетающих с петель дверей все еще стоял в ушах — Охотник рванулся к Порталу сквозь особняк. Вероятно, опоздал лишь на несколько секунд, до последнего выжидая выхода Киоши из-под защиты Маяка.

Нет, все не так... И защищать того, кто только что ударил, стремясь завладеть амулетом, величайшая ошибка. Ошибка, на которую его толкает гостеприимство Виктора, столь умело демонстрируемое последние дни. Предал Конта или не предал его, но он атаковал, взмахом Нити перечеркнув любые разговоры о дружбе.

Итак, отныне Куратор стал новым врагом, хоть и оставшись на Земле. Ринуться в погоню за ним Виктор не способен, это молодой тоэх знал точно — брошенный Маяк мог дорого обойтись мидзури. У маленьких демонов — маленькие проблемы, у больших демонов — большие. Значит, Конта потерял шанс мгновенно завладеть кулоном, наверняка готовясь послать по следу других. При этом он вряд ли выдаст местонахождение Киоши Охотнику, все не так просто.

Тоэх провел отточенным двухсантиметровым когтем по краю скалы, наблюдая за

крошащимся камнем. Виктор станет благородным противником...

А вообще, все это странно... Куратор сказал, что посылает гостя к мудрецу Мокено. В этом не обманул, Киоши действительно слышал про почитаемого отшельника, если только тот давно не мертв. Виктор, опять же, сдержал свое слово, поставив Портал. Другое дело, в какое место Мидзури он доставил его, великой горы в окрестностях что-то не видно... Оставалось вычислить, когда Конта начал вести двойную игру, но в интригах и политике тоэх был не силен.

Остается предполагать, что Мокено на самом деле существует, здоров и до сих пор живет на вершине Буредды. Возможно, хоть мудрость не предала его... Если же на подступах к священной горе будет ждать засада, он к этому приготовится. Кроме того, противники, наверняка, никак не станут ожидать, что Киоши двинется к мудрецу. Скорее всего, они уверуют, что теперь щенок опять попробует спрятаться, убежать или найти путь возвращения на Тоэх.

Но сколько бы он не гнал прочь мрачные думы, покоя не давало еще одно — теперь Виктор знает, как установить связь с кланом Небесных Пловцов. Знает о неприязни кузенов. Знает место, откуда Ангус способен вычислить своего брата. Это, хоть и сомнительно, но способно еще сильнее испортить расклад... Нет, стоп, спокойнее... Виктор не таков. Если тот и продолжит играть, то сделает это сам, не прибегая к помощи тоэхов.

А еще есть Танара. Слуга дома Конта, оплачивающий старые долги. Вероятно, он где-то рядом, призванный подстраховать нападение у Портала... Демон, по легенде способный помочь добраться до Буредды. Демон, при первом упоминании которого в сознании тоэха зажегся тревожный маячок. Последнее звено в цепи, выстроенной Куратором.

Киоши ожесточенно поскреб подбородок. Чем дольше сейчас думать и предполагать, тем лишь сильнее он запутает себя. А сейчас это совершенно ни к чему. Сейчас нужно решать ситуацию, каковой она стала несколько минут назад.

Итак, вокруг раскинулись холмы и горы Мидзури, а не песчаные пустоши Ямы. За ним снова идет погоня. Следуя совету Виктора, необходимо достигнуть Буредды и разыскать Мокено. Прежде выяснив, какого цвета кровь у Танары. Киоши встал, уронив кулон на грудь. Ему необходимо найти проводника раньше Конты.

Он выбрался из расщелины, еще раз внимательно осмотрелся.

В низине, на предположительном юго-востоке, вились чуть заметные столбики дыма, тонкими струйками поднимающиеся в небо. Деревня, вероятнее всего. Там, наверняка, его и ждут. Киоши неловко запрыгал по камням, норовя привыкнуть к новому телу. Сейчас он испытывал массу неприятных ощущений, не до конца отброшенная человеческая личина — врожденное умение большинства жителей двух миров-антагонистов — сделала движения размашистыми, но основательно замедляла реакцию. Однако окончательно сбрасывать тело сейчас было недозволенной тратой энергии, и он смирился.

Неприметная тропинка, петляя, вела между круглыми валунами, поросшими редкими кустиками и разноцветным мхом. Через какое-то время склон стал еще более пологим, а затем вывел тоэха в густую рощу хрупких коралловых деревьев.

Стая белоснежных птиц взвилась в воздух у реки. Стрекотали цикады. Сильный ветер раскачивал высокие верхушки одиноких многометровых растений-щупов с небольшими багрово-красными цветками на ярко-синем острие. Киоши остановился перевести дыхание, пропуская пересекающий тропу караван крупных насекомых, кислотно-зеленых, закованных в плотные овальные панцири. Жуки-охранники высыпали под его ноги, угрожающе шипя и размахивая клешнями.

Тоэх улыбнулся, чувствуя, что быстро привыкает к миру, в который так внезапно попал. В детских мечтах и фантазиях он часто представлял себе родину врагов, рисуя ее совсем не так, какой она предстала. Дополненные обрывками воспоминаний раннего детства, образы были чудовищными, пугающими — ведь только по-настоящему ужасное место способно породить вечного врага. Но реальность удивляла.

Конечно, местами природа Мидзури действительно напоминала Тоэх, например,

россыпями железных камней, или ручьем ртути, только все было как-то более... мирно, что ли? Без надрыва, без угрозы, без примитивного буйства. Киоши сорвал с наклонившегося над тропой кустарника тяжелую каменную ягоду — очередную причуду Держателей. Отбросил ягоду, мягко перепрыгивая через тропу и стрекоду жуков.

Хотя основным различием, конечно, оставались Нити... Незаметно для себя, Киоши тяжело вздохнул. Кругом царила сплошная синева, изредка нарушенная всплесками других цветов. Царство чародеев. Ему придется нелегко.

Склон почти закончился, когда юноша резко остановился, припадая к земле. Широко раздул ноздри, втягивая теплый ветреный воздух. Едва уловимый запах дыма вмешивался в ровное благоухание широких речных цветов и влажную духоту подгнившей листвы. В нескольких сотнях шагов впереди кто-то жег костер. Киоши пригнулся за валуном и оскалился — именно в этом его преимущество, ни один мидзури не почуял бы дым с такого расстояния. Он повел плечами, разминая мышцы, и бесшумно пополз вперед, зорко высматривая источник дыма. Двигался как зверь, выходящий на дистанцию атаки — быстро, аккуратно, с подветренной стороны.

Незнакомый демон лежал на широком камне у самого подножия холма, расслаблено помахивая в воздухе рукой. Развалился лениво, будто на диване. Судя по всему, его крохотный лагерь находился у тропы уже давно — у корней массивного дерева чернело прогоревшее костровище, на нижних ветвях раскачивался плотный тент. Цель стоянки не вызвала у Киоши никаких сомнений. Демон ждал. Таких совпадений не бывало ни на одном из лучей Креста.

Тоэх пригляделся. Человеческая, немногим усиленная форма, предпочитаемая большинством мидзури. Плавные, словно кошачьи движения. Это и есть упомянутый Виктором Ткач? Как бы то ни было, Конта не обманул и в этом вопросе — проводник ждал, хоть и не отследил схватку на холме... Впрочем, сейчас Киоши не отвергал мысли, что и это неспроста.

Юноша осторожно потер лоб, смахивая несколько травинков, налипших на брови. Выглянул из укрытия. Ответ на многие вопросы лежал на камне ниже по тропе, безмятежно греясь на солнце.

Необходимо действовать. Решительно и жестко. Именно так, как в последнее время учила его судьба. И быстро.

Киоши взглянул на Нити. Найти Красную представлялось большой проблемой. И правда, едва заметная ниточка одиноко вилась меж корешков, уползая глубоко в холм. Выбирать не приходилось, и тоэх осторожно, чтобы не оборвать линию, ухватился, медленно, прощупывая Исток. Потянул, медленно извлекая красный шнур из рыхлой земли. Красная Нить гудела и пульсировала, гармонируя с его природной энергией.

Скрутил, надежно затянув петли, слегка удлинил. Свободно накинул на запястье, глубоко вздохнул. Медленно поднялся из-за валуна, еще раз внимательно осмотрелся, принялся. И двинулся вниз, мягко ступая по жухлой траве. Танара продолжал наслаждаться покоем.

Внезапно, когда половина дистанции осталась за спиной, а Киоши понадеялся, что сможет подкрасться к противнику незаметно, Танара шевельнулся. Совсем чуть-чуть. Незаметно, и не будь сейчас у Киоши родного зрения, он не заметил бы, как мидзури подобрался, готовясь вскочить. Как напряглись под потертой бледно-зеленой курткой гибкие мускулы, как отвердела шея.

Киоши на миг остановился, а затем, заведя руку с Нитью за спину, пошел вперед, увеличивая скорость.

Танара начал подниматься. Не резким прыжком, готовясь к схватке, а неспешно, даже лениво, словно разморившийся на солнце кот. Тоэх приближался, отводя руку для удара. Противник обернулся, в полный рост поднимаясь на покрытом мхом камне. Изумрудные глаза столкнулись с агатовыми, длинные волосы мидзури разметались по плечам. Лишь мгновение Танара, прищурившись, разглядывал гостя. Затем он улыбнулся.

— Киоши Мацусиро?..

Бросившись вперед, Киоши нанес удар.

Танара пригнулся, зрачки его сузились, оценивая движения внезапного врага. Плотнo закрученный темно-красный шнур просвистел в воздухе, удлиняясь и смыкаясь в петлю. Мидзури прыгнул назад через голову, взметнув облако каменной пыли и разметав куски мха, но заклинание уже пеленало его, сковывая руки.

Он неловко упал, прорывчав проклятие, и попытался снова вскочить, протянув руку к лежащему рядом оружию. Киоши широко взмахнул арканом, продолжая сокращать дистанцию. Нить взвилась дугой, рушась на плечи Танаре второй петлей.

Руки мидзури приклеились к бедрам, он повалился на колени, уже не пытаясь подняться. Постарался откатиться назад. Словно пойманная на крюк рыба, рвал заклинание, сисясь ухватить Синюю свободными кистями. Но Киоши присел, а затем, пружиной распрямляясь, метко ударил Танару ногой в висок.

Тот дернулся, запрокидывая голову, и тяжело осел на жухлую траву.

* * *

Когда дымок разведенного костра подхватил аромат запекающейся тушки, Танара с трудом разлепил глаза. Киоши, спиной почувствовав его скованные движения, поднялся на ноги, оборачиваясь. Пленник висел на дереве, оплетенный заклинанием, не в состоянии ни двигаться, ни говорить.

— Мне пришлось обойти пол-леса, пока я смог найти подходящую Красную, — Киоши облизал палец, задумчиво глядя мимо пленника. Сказано было на всеобщем языке — тот наверняка понял.

Критически осмотрев заклинание, юноша усмехнулся, стряхивая жир.

— Думаю, оно того стоило.

Тоэх отбросил в сторону сумку Танары, поднял отвязанный от нее меч, заматывая свисающие ремешки синей кожи. Оценив поспотрел на подвешенного, осторожно обнажил клинок на треть. Солнечные зайчики разбежались по листве ближайших деревьев.

— Я знаю, что вы, мидзури весьма уважаете холодное оружие, — Танара часто задышал, проверяя пути на прочность. — Действительно, хороший меч.

Юноша одобрительно покивал, наклонил оружие в сторону мидзури, бросая тому в лицо блик от клинка. Танара прищурился, склоняя голову.

— А все потому, — Киоши грубо вогнал изгиб меча в ножны, — что, как и люди, ничего без оружия не можете. Сухая Нить — вам цена...

Он отложил оружие, ремешком прихватив к мечу длинный кинжал в простых кожаных ножнах.

— Во время войны Бешенства, — Киоши победно упер руки в бока, оборачиваясь к пленнику, — специальный Императорский отряд смог прорваться в самую грозную цитадель Мидзури. Тогда Тени Скорбящей Темноты выкрали наследника вашего правителя и ушли к границам Круга Перехода, даже не воспользовавшись Нитями. Заметь, что никто из Ткачей мидзури даже на след их не вышел, не то, чтобы остановить. А ведь наши были налегке — без оружия. Только истинные тела, но из семерых погибло всего двое... Вот где сила, чародей.

Киоши протянул руку, перед лицом врага с хрустом сжимая ее в кулак. Танара не поднимал головы. Его пленитель провоцировал бессмысленный и бесконечный спор.

Мясо было готово. Тоэх ловко снял с костра жаркое, щедрое на дурманящие ароматы, бросил на расстеленные рядами широкие сиреневые листья. Сел, удобно устроившись на камне, отодвинул связку оружия, открыл помятую жестяную флягу.

— А ведь этим блюдом мог быть и ты, — обнажив клыки, он подмигнул Танаре, многозначительно кивнув на тушку.

Старинная страшилка, въевшаяся в сознание любого мидзури со времен последней

войны, что тоэхи поедают врагов, подействовала. Танара изогнулся, сверля врага глазами, застонал и попытался освободить левую кисть. Вены на его шее вздулись, он снова застонал. Известно, что у всех баек есть основания...

— Даже не пытайся, — бросил Киюши, не глядя в его сторону. — Эти узлы меня учил вязать отец. И наставник. Только хуже будет.

Танара, словно поверив на слово, оставил попытки освобождения.

Киюши с хрустом оторвал заднюю ногу, дробя кость зубами. Горячий жир капал на землю.

Мидзури терпеливо наблюдал.

— Ты, наверное, удивлен моим поступкам, Танара, но... — тоэх откусил еще и зажмурился от удовольствия, неспешно жуя. От горячего сочного мяса шел пар. — Вы имели неосторожность совершить ошибку.

Он сорвал последнее мясо и бросил кусок кости в огонь, хищно зашипевший. Не скупясь, отхлебнул из фляги, утираясь драным рукавом.

— Я хочу поговорить с тобой, Танара. — Киюши встал напротив связанного, вытирая жирные руки о куртку мидзури. — Но при одном условии. Я очень нервный и поэтому, если замечу что-то подозрительное, убью. Без раздумий. А то, слышал, вы и губами можете Ткать... Тебе понятно? Моргни.

Тот нехотя моргнул.

— Хорошо. Если ты согласен рискнуть поиграть с моими нервами — моргни еще раз, — Танара пристально посмотрел на чужака и прикрыл кошачьи глаза. Тоэх в ответ снял кляп.

Мидзури глубоко вдохнул, разминая запекшиеся губы, и посмотрел выжидающе.

— Возможно, ты сможешь спасти себе жизнь, — прошептал Киюши, и в голосе его не звучало ничего хорошего, — если расскажешь, на кого вы работаете.

Глаза Танары широко раскрылись.

— О чем ты говоришь? — почти по слогам, медленно произнес он. Голос у проводника был глубокий, низкий и едва заметно рокочущий, словно урчание.

— Не делай из меня дурака, — когти Киюши сомкнулись на шее пленника. Вены пульсировали под бритвами. — Сознаться, единственный шанс уцелеть, которым ты можешь воспользоваться в данной ситуации.

Танара молчал, глядя на Киюши в упор. В глазах плескался гнев.

— Если ты чтишь высокую мораль, то, бесспорно, умрешь за свои гнилые принципы. Но советую задуматься — а может, забудем их, эти принципы?

Тоэх отступил, расхаживая вокруг затухающего костра.

— Либо ты все расскажешь, и я отпущу тебя к ублюдку-господину, как живое доказательство моей силы. Либо ты смолчишь, и я оставлю на этом дереве мертвое доказательство.

— Киюши, — юноша заинтересованно повернулся. — Я все же не совсем улавливаю нить ситуации... Что происходит?

Киюши взглянул ему прямо в зрачки и, к собственному удивлению, прочел там неподдельное непонимание. А ведь зверя сложно обмануть...

Внезапно, почти мгновенно он оказался у дерева, глаза пылали пожаром.

— Вы слишком долго обманывали меня, чтобы сделать это еще раз, правители иллюзий, — он взмахнул рукой.

Рубиновые капельки медленно опали на нежно-голубой куст, застыв, словно диковинная роса. Киюши отступил на шаг. Танара остекленевшим взглядом смотрел перед собой. Со щеки, скатываясь по двум разрезам, капала кровь.

Сдерживая себе от расправы над пленником, Киюши сжал кулаки, опускаясь на землю.

Неожиданно Танара заговорил.

— Я не знаю, что ты задумал, Киюши Мацусиро, но я в твоей власти, и вынужден подчиниться.

Несмотря на рану, голос проводника не дрогнул, оставшись ровным и глубоким. Кровь продолжала течь по его щеке.

— Я выполняю задание Виктора Конты, но он не мой господин. Почти сорок земных лет назад Конта оказал мне услугу, очень сильно помог, и с тех пор я кое-что задолжал ему. Я всегда чувствовал себя обязанным и искал способ расплатиться. Совсем недавно он связался со мной с Земли и сказал, что я могу вернуть долг. Еще он сказал, что отправит на Мидзури своего друга, тоэха, которому я должен помочь добраться до Буредды, к отшельнику. Он показал мне твой образ и подтвердил, что если я сделаю это, мой долг будет оплачен. А еще он сказал, что это важно. Очень.

Кулем висящий на дереве Танара взглянул на тоэха. Кровь медленно запекалась.

— И вот, ты являешься сюда. Не знаю, что произошло после Перехода в твоей инородной башке, но ты нападаешь на меня, начинаешь пытаться. Кажется, один из нас не до конца понял ситуацию. Или Виктор не объяснил мне всего, или ты принял меня за другого. Я тебе не враг. Я тебя вообще не знаю...

Мидзури умолк, опустив глаза.

Наступила тишина, нарушаемая скрежетом насекомых и пением речных птиц. Костер затухал. Киоши оторвал еще одну заднюю ногу от стынувшего ужина, с аппетитом принявшись жевать. Доел, снова побросав остатки в костер, и вытер пальцы о траву.

— Я тебе не верю, — он подошел к мидзури.

— Я знал, что отплатить Конте будет непросто, но не знал, что настолько.

— Я тебе не верю.

— Мне не имеет смысла обманывать тебя. Свяжись с Виктором, он все объяснит.

Киоши усмехнулся.

— Словом, решай, — Танара поднял голову. Без доли страха. — Либо ты отпускаешь меня, либо убиваешь.

Тоэх посмотрел в сторону. Вывести мидзури на чистую воду ему не удастся, тот предан Виктору. Но он прав, необходимо что-то делать. Охота, наверняка, уже в пути.

А в следующий момент Танара оказался рядом.

Не просто в шаге, привязанный к дереву и беспомощный, а вплотную. Стремительный настолько, что Киоши заметил лишь размытый силуэт. В фиолетовом полумраке что-то сверкнуло. Тоэх ринулся в сторону, готовясь к бою, но непреодолимая сила уже влекла его обратно, опрокидывая и заламывая руки.

Поваленный на землю, почти в костер, юноша замер, разглядывая острие кинжала, приставленное к краю левого глаза. По сине-золотому клинку пробежали сполохи.

Танара криво усмехнулся.

— Стыдно, тоэх? Не ожидал такой прыти от чародея? Две ошибки: слабый узел на правом предплечье, и потеря бдительности. Встать!

Киоши осторожно поднялся, косясь на кинжал. Малейшее движение, и заклятый клинок войдет в его глазницу до рукояти. Как быстро движется Танара, он уже видел...

— Я не ты, — предупредил мидзури, — пошевелинешься — действительно убью.

Толкнул пленника спиной к дереву, разминая затекшие ноги.

— Посмотри-ка направо.

Киоши послушно повернул голову, лихорадочно анализируя случившееся. Значит, он все же оказался прав...

Сильный удар в затылок — скорее всего, Нитью — поверг тоэха в туманное забытие.

* * *

Когда на землю опускается прозрачный утренний туман — это красиво.

Падение в бескрайнюю серую пелену может вызвать только отчаяние и ужас.

Шаги.

Глубокое эхо, миллионами летучих мышей разносящееся под куполом огромного зала.

Идут двое и один из них — ты.

Что-то не так с правой рукой. Она словно тяжелее и больше, но нет сил скашивать глаза. Пелена рассеивается...

Красное свечение, горит пол.

Серое пятно на сером фоне, густой силуэт, кружение хлопьев.

Багровым пауком раскинула по холодному полу костлявые лапы многометровая пентаграмма. Узоры и письмена, обезображенные люди и демоны, кровь, струящаяся по желобкам, чаша в центре — он начинает петь... Росчерки ударов, и вот туман изрезан пламенеющим клинком. Ободранной вороной силуэт отлетает прочь, сбрасывая ветхий дырявый плащ. Кружение тел и горячий пульс на виске.

Враг сражается и продолжает петь!

Эхо танцует вместе с ними.

Раны истекают, гремит дикая пляска, над которой в восторге хохочут Держатели.

Пепельные волосы невесомым ореолом стелятся по плечам — у него грация самой смерти, он видит каждый твой шаг...

И нельзя победить того, кто бросает в бой свое отражение.

Два серых крыла сходятся над головой. Схватка теперь превращается в яростную борьбу за выживание, стремление вырваться и убежать...

Бить! Бить зверски, на поражение, чтобы сломать и разорвать.

Правая рука сверкает, на полу своя кровь мешается с кровью ритуальных жертв.

Один из них упал, половина головы едва не отвалилась в сторону.

Кровь... Она становится серого цвета?

Эпизод IV. Проводник из чужого Мира

Когда Киоши открыл глаза, стало заметно темнее, а на востоке поднималось очередное фиолетовое солнце. Он осмотрелся, попытавшись пошевелиться. Тут же оставил это занятие — любое движение причиняло нестерпимую боль, отзывавшуюся в раненом плече. Он был связан, да ни чета тому, как умел связывать сам.

Танара сидел у костра, боком к дереву, украшением которого еще недавно являлся сам, а сейчас отвел эту роль Киоши.

Тоэх облизнул губы, с удивлением обнаружив, что рот свободен.

— Что дальше? — прохрипел с нарастающей злобой, поднимающейся стремительно и неудержимо. Тут же, с еще большим удивлением, обнаружил амулет на месте.

Танара одним плавным движением поднялся на ноги. Теперь его фигура выделялась на фоне яркого, слепящего огня. Длинная рукоять меча виднелась над левым плечом, кинжал оттягивал пояс.

— Не знаю, что нашло на тебя, молодой Мацусиро. Но хочу выяснить, связавшись с Виктором. И не убиваю тебя только потому, что ты его друг. Хотя, если честно, теперь у меня есть повод в этом усомниться.

Киоши стиснул зубы, не зная, что и думать.

— Неужели, — наконец выдохнул он, — ты столь рабски предан хозяину, чтобы не воспользоваться плодами своей победы лично, а передать все в его руки?

Тоэх старался говорить спокойно, вкрадчивым голосом, давя в себе ярость. Танара отличный воин и уже доказал это, но если он глуп, недостаточно проницателен или не осведомлен, у Киоши остается шанс.

Мидзури разглядывал его, опутанного Синими, словно саваном, скрестив на груди расслабленные руки. Прядь волос упала на изуродованную когтями левую щеку, в свете костра блеснули глаза.

— Виктор Конта никогда не назвал бы своим другом сумасшедшего. Тем более, сумасшедшего тоэха, — размеренно произнес он. — Шансы на то, что ты самозванец, ничтожно малы. Следовательно — ты потерял рассудок во время Перехода. Я слышал, такое

иногда бывает.

Киоши прищурился, сделав еще одну попытку пошевелить руками, но едва не удушил сам себя. Захрипел, бессильно обмякнув.

— Чего ты хочешь этим добиться? Успокоить свою совесть перед моей казнью?

— Не собираюсь спорить с психом, — Танара подбросил в огонь охапку ветвей. — Всегда знал, что большинство из вас, тоэхов, именно такие. Не заслужившие права называться ни демонами, ни людьми. Дикае звери...

Пленник опустил взгляд, пытаясь обнаружить узлы. Может ли быть так, что Танара действительно ничего не знает? Или лгать в глаза — врожденное умение всех мидзури? Если предположение верно, Конта все же совершил ошибку. Но не большую, чем сам Киоши.

Если Куратор принял решение о нападении в последний миг, Танара на самом деле может оставаться на стороне Мацусиро. А это значит, что необходимо сделать все возможное, чтобы срочно вернуть его расположение.

— Танара, послушай меня... — Киоши рассеял мутную пелену гнева, застилающую глаза. — Я не сошел с ума. Поверь мне, я в чистом сознании, клянусь Держателями...

Мидзури впервые проявил искренний интерес, присаживаясь к огню и рассматривая пленника. Сделал небрежный жест рукой — продолжай, я внимаю.

— Я могу все объяснить, честно. Но об одном хочу просить тебя искренне... умоляю, не выходи на связь с Контой.

— В этих словах не больше смысла, чем во всем, что я слышал ранее.

— Поверь, это очень важно. Я не знаю, какие отношения связывают тебя с Куратором, но... Послушай, в конце концов, мы можем все вернуть... Давай считать, что ничего не произошло? А ты просто выполнишь свою работу?..

Брови Танары поползли вверх, а в зрачках заплясало опасное веселье.

— Послушай, я все напутал. Я признаю...

Киоши замолчал, захлебнувшись в оправданиях. Миздури бесстрастно, лишь с оттенками заинтересованности, наблюдал за ним.

— Так что же произошло?

— Виктор предал меня, — наконец сознался Киоши, закусывая губу. Как бы то ни было, он все равно в руках врагов, и откровенность не сможет сделать хуже.

Лицо Танары не смогло остаться столь же неподвижным. Бровь дернулась, губы превратились в узкие бескровные полоски.

— Твои слова нелепы более, чем предположение, что я работаю на Виктора. Не верю. Куратор Конта никогда не предаст того, кого называет другом.

— Я не могу рассказать всего, просто прошу поверить...

Танара покачал головой, усмехнувшись и проведя кончиками пальцев по свежей ране на щеке.

— Нет. Не поверю. Я должен понять, что происходит. А поэтому лично спрошу обо всем у него.

Киоши закрыл глаза, с силой когтем подцепить узелок Нити, сковывающей руки. Если Танара свяжется с Виктором, все будет кончено.

— Хорошо. Если это остановит тебя, я готов рассказать.

Он не расскажет Танаре ничего нового, а то что знает Конта, наверняка, в скором времени узнает и проводник. Но если это поможет выиграть время... Коготь попробовал Нить на прочность. Не поддалась.

— Хочу предупредить. Ты волен не верить, но я говорю правду, клянусь Держателями. Лгать сейчас не в моих интересах — на карте больше, чем только жизнь. И еще — узнав мою историю, ты тоже окажешься втянут. Возможно, окажешься в опасности.

Было неясно, насколько серьезно Танара относится к словам пленника, но заинтересованность в его глазах появилась вновь.

— Я с этим справлюсь, — парировал он, устраиваясь поудобнее.

Сев на скрепленные ноги, сорвал с тушки последние пласты мяса, неспешно и с

аппетитом принимаясь за еду.

— Я слушаю.

— Несколько недель назад, по хронологии Земли, за мной началась охота...

Киоши начал рассказ, тщательно взвешивая каждое слово. Он понимал, что его истории необходимо быть стройной, без пробелов, но в то же время короткой, без лишней информации. Он вкратце обрисовал расположение основных фигур, рассказав про Охотника и Куратора, про попытки покушения и бесконечную гонку, про протекцию Маяка, Портал и предательство Виктора.

Как мог, объяснил, почему напал на Танару, и даже поделился опасениями.

Костер медленно угасал. Фиолетовые солнца поднимались все выше. Если мидзури уже знал историю Мацусиро от своего нанимателя, он ничем не выдал это знание.

Впервые за время рассказа Танара пошевелился, поднимаясь на ноги. Завернул до белизны обглоданные кости в пожухшие сиреневые листья, бережно укладывая сверток в угли, сопроводив действие чередой коротких пассивов. Что-то прошептал, безмятежно улыбнулся затухающему огню и повернулся к Киоши.

— Знаешь, у меня нет особых причин не верить в твой рассказ, Киоши...

Мидзури подошел к пленнику вплотную, аккуратно вытирая руки и губы пучком срезанных листьев. Наклонился, заглядывая в лицо.

— Но при этом остаюсь верен собственному слову. Виктор не мог предать.

— Поверь, все было именно так.

— Причина?

— Я не хочу об этом говорить...

— Ну что ж, тогда мне придется...

— Стой... Хорошо. Допустим, у меня есть вещь, очень ценная вещь. Именно она толкнула Виктора на предательство. Это правда.

— Что за вещь?

— Этого я не скажу.

— Ну ладно, — Танара отошел в сторону, бросая в костер еще несколько ветвей. Тот оживился, набросившись на свежую пищу. — Ты сделал смелый шаг, все рассказав мне. Но почему не боишься, что я могу отнять эту вещь?

Киоши окаменел, забыв даже про сведенные плечи. Глаза его сузились.

— У меня нет выбора. А вещь ты все равно не сможешь забрать без моего согласия.

Тоэх заставил себя хищно оскалиться.

— Говоришь о специальном заклятье? Ты блефуешь. Виктор попробовал сделать это без твоего согласия, значит, могу попробовать и я.

— Возможно. Рискни.

Они оценивали друг друга, словно борцы перед схваткой. Наконец Танара произнес:

— Я не стану отнимать у тебя эту вещь, будь это даже Корона Миров.

— Я знал это, — и юноша внезапно понял, что говорит истинную правду. В последний миг, когда взгляды тоэха и мидзури пересеклись, он осознал, что готов поверить Танаре.

— А ты опрометчив.

— Я проницателен.

— Так что же делать дальше, опираясь на твою версию? Если с Виктором действительно не все в порядке?

Проводник не станет искать связи с Виктором... Киоши сдержал вздох.

— У меня есть план. Но для начала отпусти меня.

Танара не пошевелился. Ветер развеивал его прядь, в бархатном свете ночных солнц казавшуюся перламутровой.

— Я и сам не вижу причин держать тебя на этих ветвях. Но мне нужны гарантии, что ты не обманул.

Киоши заскрежетал зубами. Чтобы покинуть путы, он был готов на все.

— Я, Киоши Мацусиро из клана Небесных Пловцов, клянусь не поднимать на тебя,

Танара, руки. Клянусь не чинить зла, если ты не сделаешь этого первым. Клянусь своим родом.

Внимательно выслушав ритуальную формулу, общую для трех миров, Танара коротко кивнул. Подошел, одним движением ослабляя Нити.

Киоши обессилено сполз на прохладную землю, пачкая колени в прелой листве. Не без труда встал, хрустя позвонками. Разминая затекшие конечности, направился к костру. Танара наблюдал, оставаясь настороже. Бывший пленник присел у огня, отхлебнув из почти опустевшей фляги.

— Итак, у тебя есть план? — Танара встал напротив, не отводя пальцев от рукояти кинжала.

— Мы забудем про случившееся. Ты, выполняя просьбу Конты, сопроводишь меня к Буредды, — он поставил флягу на землю, плотно закрутив крышку. — Как понимаешь, на Мидзури ты — мой единственный знакомый, — юноша поморщился, когда Танара весьма красноречиво потер изрезанную щеку. — Если так, конечно, можно сказать.

— Ты странный малый, Киоши. Попавший в еще более странную историю. И, тем не менее, я не вижу причин, мешающих мне в исполнении просьбы Конты. Я дал слово, а ждать новой возможности вернуть долг не хочу.

Ощущая, как окаменевшие мышцы наполняются живым пламенем, Киоши медленно поднялся, протягивая когтистую лапу через всевидящий огонь.

— Приветствую тебя, Танара.

— Приветствую тебя, Киоши, — мидзури пожал его руку сильным, решительным движением.

Осторожно, недоверчиво они присматривались друг к другу. Теплая встреча, нечего сказать... Отныне Танара всегда будет подозревать подвох.

— Мы выступим утром, — сказал тот, пряча неловкость. Происходящее напоминало гротескную картину.

Стараясь лишний раз не поворачиваться спинами, они нарезали две охапки гибких пышных ветвей, приготовив подстилки. Приготовили запас дров. Улеглись по разные стороны огня, не отводя глаз.

В роще верещали животные, напоминающие мартышек. В темном небе промелькнул силуэт крупной хищной птицы. Холодало, ветер почти стих.

Над стоянкой стояла неприятная, тяжелая атмосфера, нарушаемая лишь короткими фразами. Бывшие противники, по очереди побывавшие в шкурах пленников и пленителей, искоса следили за каждым движением, прислушивались к окружившей полутьме. Ни тот, ни другой не держали под рукой ни одной Нити, но напряжение от этого не спадало.

Вдалеке, пронзая сочные облака пиками вспышек, началась гроза. Уснувший ветер рванул с новой силой, и Танара прочнее закрепил тент, подбросив в огонь побольше хвороста. Меча мидзури так и не снял.

Киоши долго ворочался, разглядывая проводника в полумраке темно-синей ночи. Он не испытывал угрызений или неловкости от своего нападения на Танару — в аналогичной ситуации тот, скорее всего, поступил бы еще жестче. Но нелепость встречи все же оставила отпечаток на его совести, умалчивая о том, как быть дальше. Осознав, что вновь запутывается в предположениях и вопросах, тоэ приказал пасмурным мыслям отправиться вон. Дал усталости охватить тело, а уже через какое-то время спал, чутко и нервно, как охотничий пес.

Проснулся от легкого тычка веткой в бок и замер, готовый вскочить. Казалось, что прошло всего несколько мгновений, но чутье доказывало, что миновало не меньше семи земных часов.

— Если ты проснулся, вставай, — Танара сворачивал тент, собирая нехитрые пожитки. — Нам пора выступать.

Киоши рывком приподнялся, разминая плечи, встряхнулся по-собачьи. В небе по-прежнему плыли фиолетовые шары солнц, ничуть не посветлело. Дождевой фронт так и не

дошел до их стоянки, но ветер завывал еще сильнее, чем прежде. Стаи жухлых листьев летели по воздуху.

— Как скоро здесь рассветет? — к своему неудовольствию, тоэх не почувствовал себя отдохнувшим.

— Если мерить земными категориями, через трое с половиной суток. Продолжается время Темных Солнц.

— Сколько мы спали?

— Тебя устраивает земная мера времени?

— Вполне, я уже давно живу в колонии.

— Тогда, — проводник задумался, что-то подсчитывая, — чуть больше шести часов.

Он раскидал костровище, аккуратно прикрыв его отложенным в сторону дерном.

— Как насчет завтрака?

— Позавтракаем в поселке, — Танара закинул за спину мешок, поправил меч. — Здесь в долине есть деревня, там неплохая корчма. Ты готов? Тогда идем.

Проводник в последний раз внимательно осмотрел место стоянки, и Киоши невольно поразился изменениям, которые произошли с ленивым котом. Сейчас перед ним стоял настоящий воин, собранный и готовый к долгому походу, носящий за спиной меч не только ради красоты. Танара кивнул и, не оборачиваясь, пошел вниз по тропе. Юноша поспешил за ним, стараясь попадать в ритм.

Какое-то время шли перелесками, где золотая с синими прожилками листва опадала на землю, навевая воспоминания о далекой земной осени и отточенном, словно бритва, кинжале Танары.

Присев на острых камнях шустрого ручья, умылись. Мидзури — бережно омывая лицо, сопровождая каждое движение шевелением губ, тоэх — разбрасывая брызги и шумно отфыркиваясь. За привязанную к запястью веревочку, Танара извлек из-под левого рукава крохотный костяной полумесяц, изрезанный мелкими строчками. Опустил в воду. Киоши не отвлекал, наблюдая за подпрыгивающим в волнах амулетом. Выждав несколько секунд, чародей спрятал полумесяц обратно, заправил ремешок и, сбросив с плеча флягу, быстро наполнил ее, полностью утопив. Деловито закрутил крышку, отряхнул мокрую жуть, повесил за спиной. Молча встал и двинулся от ручья.

В усмешке кривя губы, Киоши поспешил следом. На его родине даже ребенок смог бы определить чистоту воды, не прибегая к помощи заклятых побрякушек...

Большую часть времени мидзури молчал, что вполне устраивало обоих. Неловкость никуда не делась, лишь отступила, размытая ночевкой, и к беседам все еще не располагала. Неприятных ощущений добавляло поведение проводника, местами высокомерное, местами безучастное. Тоэх вообще считал колдунов выскочками, на любую другую расу взирающих сверху вниз, а наблюдение за Танарой лишь укрепляло картину. Не будучи искушен в психологии, юноша не мог рассмотреть, что за непроницаемой маской равнодушия проводник старательно прячет собственные чувства, пребывавшие в полнейшем смятении...

Путники пересекли еще несколько звонких ручьев, спустившись в просторную низину, покрытую шарообразным кустарником. На дальнем краю долины, где встреченные по пути ручьи впадали в ленивую реку, в воздух поднимались дымки. Как уже убедился тоэх, окружающий пейзаж действительно напоминал земной, за редкими, не сразу заметными различиями. Двигаясь по полю, поросшему высокой желтой травой, они устремились к деревне.

Каменная дорога, на которую путники поднялись из жесткой травы, прямоком упиралась в ворота поселения. В старые, покосившиеся ворота, никогда не закрывавшие подгнивших створок. В разные стороны от входа в деревню разбегалась невысокая стена, сложенная из светлого известняка. Блеклая вывеска прихлопывала по столбу в усиливающихся порывах ветра, мелодично скрипя цепями.

По главной и единственной улице плавно перемещались местные жители, сонные и неактивные в это время солнц. Все — и дома, и жители, и скотина, было донельзя

медленным и старым, ленивым в своем ветшании и старении, и столь же неспешным в самосозерцании.

Танара уверенно вошел в деревню, двумя проулками выведя их к корчме. Та оказалась большим, пожалуй, самым крупным строением в поселке, покрытом коричневой, местами облупившейся краской. Стараясь сопоставить иероглифы надписи с родными аналогами и скудными знаниями письма Мидзури, тоэх все же прочел неприхотливое название — "Корчма Сондза". Что такое Сондза, он, разумеется, не знал. С равной вероятностью это могло оказаться как названием деревни, так и именем хозяина.

Два этажа таверны, по совместительству выполнявшей роль постоялого двора, на самом деле были бесспорным рекордом высоты среди окружающих построек. Было очевидно, что демоны, населяющие деревню, не склонны к уюту или постижению архитектурных вершин — улицы пестрели закрытыми, по большей части заколоченными окнами. С углов глинобитных домов обваливалась штукатурка, крыши с отломанными коньками изгибов на углах, неудержимо косились. Многие строения даже не были закончены, демонстрируя сваленные в гору доски и нелепо торчащие из стен обрывки Нитей.

Вокруг таверны, окольцовывая здание, возлегал огромный пепельно-розовый червь, голова и хвост которого терялись за углами. Посетители, давно привыкшие к его присутствию, поднимались на крытую веранду, уставленную столиками, прямо по его спине.

Танара легко перепрыгнул живую преграду, оборачиваясь.

— Это Сондза-младший, сын хозяина корчмы. Следит за порядком, — Киоши перемахнул червя вслед за проводником, хватаясь за резную перекладину перил.

Они поднялись по невысоким скрипучим ступеням, попав в просторное помещение без стен. Низкие столы не имели стульев, предлагая гостям усаживаться на толстые войлочные коврики и жесткие подушки. На столбах, поддерживающих крышу, раскачивались чадающие светильники. Одна стена у зала все же присутствовала, две двери вели к лестнице второго этажа и на кухню. Выющиеся по перилам растения почти не скрывали вида на пыльную безлюдную улицу.

Танара уверенно провел их вглубь зала, занимая одно из многочисленных свободных мест. Редкие посетители всевозможных форм и расцветок негромко переговаривались между собой, изредка слышался смех.

Мидзури опустился на потертую подстилку, снимая мешок, и тоэх сел напротив, поджимая под себя скрещенные ноги. Пол был холодным — дерево, как камень.

Тотчас из-за плеча проводника, будто из воздуха, появились две обнаженные демоницы. Одна из них, похожая на дикую прямоходящую кошку, моментально пристроилась на коленях Танары, вторая, покрытая мелкой, словно брызги, чешуей, обвила за шею Киоши. Ее высокая грудь с бирюзовыми сосками плотно прижималась к его руке. Юноша осторожно отодвинулся, продолжая внимательно разглядывать корчму. Суккуб, ничуть не смутившись, переместилась на противоположный конец стола, подсаживаясь к Танаре с другой стороны. Сдерживая улыбку, тот зашептался с красавицами, без стыда лаская покрытые мехом и чешуей женские бедра.

Киоши невольно улыбнулся, вспоминая, как долго отсутствовал в родственных мирах.

Один из посетителей, толстенный, с двумя десятками глаз на огромном лице, смешно давился вопящими зверьками, так и норовившими выпрыгнуть из миски. Кто-то прошел вдоль таверны, но видны были только длиннющие, как у цапли ноги. Еще один гость корчмы, сидящий в дальнем углу зала, сосредоточенно работал похожим на вилку прибором, отправляя куски вареных овощей сразу в два беззубых рта — на лице, и у основания шеи. Слуги, тщедушные бородатые карлики, бесшумно сновали между столами, протирая пыль и собирая грязную посуду. Только теперь тоэх начал понимать, что судьба занесла его не на Землю, погруженную в полумрак цвета морской волны... Все еще довольно улыбаясь, он повернулся к спутнику.

Танара продолжал упоенно обниматься с демоницами, вольготно развалившись на подушках. Те неумело изображали скромное смущение, восхищенно раздевая

путешественника глазами, и по очереди поглаживали свежие шрамы на щеке. Тем не менее, Киюши заметил, как, улучив момент, проводник цепко осматривается по сторонам.

Девушка, покрытая сверкающей пленкой чешуи, что-то спросила, бросив в сторону тоэха короткий взгляд и прижав свои губы к узкому уху Танары. Вторая засмеялась, вероятно, расслышав.

— Дело в том, что мой друг монах, — с трудом сдерживая смех, ответил должник Куратора, глядя на Киюши честными глазами. Суккубы захихикали.

Тоэх прищурился, сжимая челюсть, и все трое моментально отвернулись. Но посмеиваться не перестали. Казалось, Танара забавляется ситуацией, совершенно забыв о том, что совсем недавно они пытались убить друг друга.

Положение разрядил хозяин. Сотрясая столы тяжелой поступью, к ним приблизился сам Сондза, тучный, очень похожий на человека. Его узкие черные усы свисали почти до пола, в огромных зрачках, почти скрывавших серые белки, посверкивали искры. И тот червячина перед заведением может быть его сыном? Киюши опустил глаза, размышляя о том, что тоэхам никогда не понять своих соседей. И тут же убедился, что хозяева забегаловок любого из миров одинаковы, словно Буредда, воплотившаяся в каждой из реальностей — главным элементом одежды хозяина Сондзы являлся длинный фартук, заляпанный целой палитрой красочных пятен.

— Танара, — раскатисто прогудел он, — давно ты не появлялся в здешних краях... — рассмеялся, словно кто-то дунул в пустой металлический бак. — Девочки, как видишь, ужасно соскучились по твоему обществу. Что привело в нашу дыру?

— Дела, как обычно...

Танара кивнул и приветственно поднял руку, другой прижимая извивающуюся демоницу.

— Я вижу, с тобой друг? — Сондза обернулся, тяжело переступая на месте.

— Приветствую вас, почтенный хозяин. Меня...

— Мы с моим другом Гацху сейчас путешествуем к Девяти Потокам, — спокойно перебил его проводник, и Киюши смешался, сосредоточенно разглядывая исцарапанный стол.

— Мне кажется, твоего прошлого друга тоже звали Гацху? — широко и добродушно усмехнулся хозяин корчмы, покручивая в пальцах жгут уса.

— Его звали Гарна, — без тени смущения ответил Танара. — Что нового происходит?

Толстяк понимающе кивнул, совершенно бессмысленным движением попробовал отряхнуть грязный фартук.

— Да что у нас может произойти? Все по-прежнему... Благородные делят земли и крестьян, крестьяне пахут землю и делят заработанные медяки. Я кормлю и пою и тех, и других. Что будете есть и пить?

— Давай, как обычно. А еще мне нужен этот список продуктов, — Танара протянул корчмарю мятый лист бумаги, вернув свое внимание к собеседнице.

— Я посмотрю, что можно сделать. А уважаемый Гацху? Возможно, твой спутник предпочитает живую пищу?

— Мне то же самое, — не задумываясь, ответил тоэх, кивая в сторону своего спутника. Оставалось надеяться, что Танара не обладал экзотическими вкусами. Сондза покорно удалился, прикрикивая на снующих под ногами карликов.

— Полагаю, ты не в первый раз в этих местах? — Танара кивнул, не отрывая губ от женской шеи.

— В одном переходе отсюда лежат границы владений дома Конта, — пояснил он.

— А мы что, правда идем к Девяти Потокам?

Танара оторвался от суккуба, внимательно посмотрев на него, и Киюши снова умолк. Понимая, что из них двоих ситуацией владеет точно не он, юноша в сердцах подумал, что убежать в одиночку было бы значительно тяжелее...

— Как ты освободился? — он решил немедленно сменить тему. — Я выставил

надежное и нерушимое заклинание.

— Если правильно выставить, то несомненно, — мидзури рассмеялся, но тепло и совсем не обидно. Покрутил в воздухе пальцами. — Я сумел освободить правую руку и поймал Нить. Подтянуть кинжал было делом времени. Ты, скорее всего, так бы не смог.

— Что у тебя за кинжал?

— Надеюсь, ты не обидишься, если я не посвящу тебя в историю этого оружия. Могу лишь сказать, что перерезать слабые Нити для него вообще не задача.

— Он очень старый, так?

Танара кивнул и вдруг очень серьезно ответил, даже отодвигаясь от подруг:

— Если мне предстоит пожертвовать чем-либо, это будет рука, потом мой меч, и уже после этого он...

Тоэх замолчал, невольно разглядывая рукоять кинжала, выглядывающую из-за кромки стола. Оружие такой силы могло стать жемчужиной сокровищницы любого властителя клана, доставшись простому бродяге.

К столу снова приблизился Сондза, лично неся два больших, ароматно пахнущих блюда. Подоспевший следом карлик выставил возле тарелок пару запотевших кувшинчиков. Еще один приволок дорожную сумку из грубой мешковины, наполненную припасами.

Киоши благодарно кивнул хозяину, поерзал на холодном, не уберегающем зад от сквозняка тюфяке, и принялся за еду. На то, как Танара с рук кормит демониц кусочками вяленого мяса, он старался тактично не смотреть.

На улице послышались крики, шум долетал от ворот, которые они миновали совсем недавно. Спутники одновременно оставили трапезу, оборачиваясь к заплетенному плющом окну. Огибающий фундамент корчмы червь Сондза приподнялся, прохожие шархнулись в стороны. В один миг сонное царство заброшенной деревни было уничтожено дробью конских копыт.

По улице поселка, лязгая подковами и поднимая тучи пыли, мимо кабака пронесся отряд. Им вслед, еще долго обсуждая кавалькаду, смотрели жители, оживленно обсуждая.

Мидзури и тоэх переглянулись.

— Пятеро, — сказал Киоши.

— Шестеро, — поправил Танара, но спорить не стали. Повисло молчание.

Всадники на крупном галопе пролетели деревню, а об их недавнем визите говорила сейчас только медленно оседающая пыль. Шумно вздохнув, червь опустил могучее тело на землю, продолжив неспешное движение. Посетители и работники корчмы принялись громко переговариваться, разбившись на тесные кучки.

— Всадники могут быть посланы за тобой? — отодвигая пустую тарелку, небрежно поинтересовался Танара, утирая губы тряпичной салфеткой.

— Маловероятно... Охотник, про которого я рассказывал, всегда появлялся один. Хотя... Как ты понимаешь, Виктор не может покинуть колонию, но вполне мог послать приближенных. Особенно, если владения его дома совсем недалеко... — Киоши замолчал, пристрасно разглядывая посетителей корчмы и их реакции.

— Это были не существа из дома Конта, — Танара легко поднялся, шлепнув девиц пониже спин. Демоницы послушно скрылись, чмокнув его на прощание в раненую щеку. — Однако ни время, ни бдительность терять нельзя.

Киоши доедал в спешке. Рассчитался проводник, высыпав из кошеля несколько прозрачных кристаллов бронзового отлива. Что-то подсчитав, добавил еще один.

У двери в кухню появился Сондза. Расплываясь в довольной улыбке, приблизился. Танара поклонился ему, поднимая мешок с пожитками и сумку с продуктами.

— Ты видел всадников, Сондза? Замечал их тут раньше? Как считаешь, кто это мог быть?

В ответ на все три вопроса толстяк лишь пожал жирными плечами, принявшись вновь отряхивать заляпанный фартук.

— Мне показалось, они похожи на курьеров Кого... Сказать честно — его гонцы в

наших землях появляются все чаще. Поговаривают, в столице сейчас происходит что-то неладное, так что всякого можно ожидать. Даже в нашей глуши... А может, кавертаи снова набрали силу. Однако помни, что мне всего лишь показалось.

Он еще раз пожал плечами.

— Ну вот, а ты говоришь, что ничего нового не происходит, — улыбнулся проводник и вновь поклонился, на этот раз чуть ниже обычного.

Путники направились к двери, стараясь не наступить на карликов. На выходе Танара задержался, наклоняясь к плечу тоэха.

— Теперь если кто-то станет интересоваться нами, узнает, что последними здесь завтракали трое подвыпивших крестьян, — он поднял руку, прощаясь с хозяином.

— А кто такие кавертаи?

— По-вашему, это отступники. Дворяне-разбойники, презирующие государственную власть. Под их знаменами находит свое место самый отъявленный сброд. Однако раз за разом Кого не удастся отрубить этой гидре последнюю голову, и тогда земли окрестных княжеств вновь начинают гореть...

Они спустились по ступеням, перешагивая через охранника, и Танара ударил того ладонью:

— Счастливо оставаться, джеш.

Грубый голос младшего Сондзы донесся до них откуда-то из-за угла:

— Доброго пути. И будь осторожен, Танара. Говорят, что Вайраш вернулся, чтобы найти тебя. Конечно, это всего лишь слухи, но...

Быстрым шагом демоны покинули пыльный поселок.

* * *

Как почти сразу определил Киоши, они направлялись на предположительный юго-восток плоского мира Мидзури. По словам проводника, путь должен был занять около двух земных недель, и в середине времени Светлых Солнц они достигнут цели. Танара сразу предложил забыть о торговых путях и хороших дорогах, избегая крупных городов, и Киоши мгновенно согласился — лишнее внимание к двум странникам сейчас было явно излишним.

По приблизительным подсчетам самого тоэха, погоня отставала на день-другой. Но в том, что рано или поздно их все-таки настигнут, он почти не сомневался. Если же преследователи не дадут о себе знать, значит, засада на склонах Буредды — вопрос решенный.

Танара уверенно свернул с оживленных дорог, углубляясь в густые холмистые леса, наполненные струнами мелких рек. Киоши, спешивший за проводником и до сих пор не привыкший к походному ритму, с трудом находил время, чтобы полюбоваться окружающими пейзажами. В отличие от его родины, здесь все — от деревьев до скал, было словно выкрашено голубой краской, а в свете Темных Светил природа переливалась, словно покрытая нетающим инеем.

Время, окрашенное в бархатистую синеву, растянулось, потеряв границы. Едва успевая разжечь костер, наспех подремать и перекусить, они вновь продолжали движение, и довольно скоро тоэх перестал пытаться определить пройденные расстояния и миновавшие часы. Отсутствие смены дня, к которым он так привык на Земле, вскоре перестало раздражать. Две стоянки, короткие привалы, а вот уже миновало шесть стоянок. Пятнадцать раз они разбивали лагерь, почти не тратя время на разговоры. Семнадцать... Совсем скоро Киоши поймал себя на мысли, что движется, как зомби, доводя свои действия до полного автоматизма. Найти ложбину, укрытую от ветра невысокими холмами, помочь Танаре натянуть тент, разжечь костер, изготовить подстилки приготовить еду вздремнуть проснуться снять тент и замаскировать следы лагеря... Именно так — монотонно и без пауз.

Несмотря на припасы, закупленные в деревне, им все же пришлось охотиться. При этом тоэх не без злорадства доказал проводнику, что умеет делать это намного быстрее и

эффективнее. Скрываясь в тени ветвей, юноша подолгу разглядывал незнакомых зверей, населяющих леса: бронированных и мягкотелых, огромных и совсем крохотных, крайне подвижных и до восхищения неповоротливых.

Однако, несмотря на видимое спокойствие Мидзури, его земли оставались диким домом тысячам видов демонических форм жизни. Разумеется, проводник не успевал предупреждать и рассказывать обо всем. В итоге Киоши имел возможность лично убедиться в ложной безмятежности окружающих лесов, когда, во время одной из стоянок на берегу топкой реки, на него неожиданно напала змея. Тварь оказалась длинной, больше трех ростов самого тоэха, и имела две головы. Юноша успел оторвать одну, а Танара смахнул другую, невольно продемонстрировав ювелирное владение мечом.

После ядовитого укуса Киоши на много часов свалился в горячку, сведя на нет весь стремительный марш. Однако уже через какое-то время отравы вышла через пробитые Нитью поры, и они смогли продолжить путь, хоть и значительно медленнее. Теперь тоэха не оставляло предчувствие, что погоня уже вышла на след. Танара только кивал в ответ и ускорял шаг.

Местность ощутимо изменилась — холмы стали пологими, но более частыми, реки почти не преграждали дорогу. Лес, сплошной массой лежавший на их пути, крайне редко пересекался ниточками поросших травами дорог, и еще реже радовал путников кровом одиноких деревень. Земли населяли, по преимуществу, низшие — крестьяне-лесорубы, да и богатством Ключей окрестные края похвастать не могли. Как объяснил Танара, немногочисленные Ткачи мидзури, появлявшиеся в этих глухих местах, сразу становились хозяевами деревень, а то и целых провинций, подливая свежего масла в огонь феодальных конфликтов. На этом фоне даже деятельность беспощадных кавертаев становилась чем-то логичным и естественным. Проводник все более старательно обходил крупные поселки, форты и ярмарки, вскоре перестав делать исключение даже одиноким хижинам отшельников.

За долгие, казавшиеся бесконечными переходы спутники неспешно познавали друг друга. Медленно, с трудом, оставаясь настороже. Присматриваясь, прислушиваясь, анализируя, многое стараясь додумать самостоятельно. Пока тоэх болел от укуса, проводник послушно ухаживал за ним, невольно выслушивая рассказы о его родном мире. Юноша, еще не до конца покинувший потные объятья горячки, с упоением рассказал тому о своем детстве. О мире воинов, презирающих преграды и оковы, о воинском искусстве, о ярости рукопашной схватки, которой новорожденные тоэхи обучались с пеленок.

Он рассказывал о жгучей крови врага, хлещущей в лицо победителя, о могучем реве орды, разрывающем небеса; о страхах, которыми полнились сердца противников при одном упоминании бойцов Тоэха. Он сетовал, что его сородичи не столь искусны во владении Нитями, тут же доказывая проводнику, что тоэхи дадут фору любому чародею, обладая умениями частичной, и даже полной регенерации.

Танара, колдующий над своими берегами, слушал с интересом, хоть и не без легкой усмешки. Проходило время, и он начинал скупые рассказы о собственном мире, где величайшая мощь Нитей главенствовала над грубой силой. Так Киоши узнал, что еще в годы юности мидзури достиг умения Ткача Синих, а также успел вскользь постичь природу Золотых.

Юноша в ответ рассказывал спутнику о собственных неудачных экспериментах с Зелеными, когда чужие его сущности Нити едва не оторвали тоэху ногу. Проводник выслушивал внимательно, задавая вопросы, и объяснял, отчего чужая Нить может обжечь, если ее попробует подчинить неумелый. Они обсуждали искусство полета, скольжения по Нитям и наперебой хвастали деяниями героев прошлого, возведенных в ранг святых. Тоэх забавлял проводника своими неловкими попытками создавать из Нитей не клинки и арканы, а хоть сколько-нибудь сложное заклинание, в то же время шокируя своей силой, скоростью и взрывоопасной внутренней силой.

Танара старательно скрывал удивление, впервые познавая расу тоэхов так близко.

Молодой представитель знатного рода Пловцов, первый, с кем судьба свела вплотную за последние две сотни лет, настораживал его и удивлял. Сущность и набор умений чужака были настолько противоречивы и непохожи на способности самого Танары, что это подчас даже пугало — при общей схожести своей природы, их расы разделяла огромная пропасть. Больше не пытаясь прикрывать звериную сущность маской Бактияра, тоэх казался мидзури ярким живым фонтаном клокочущей и обжигающей энергии, воплощением стихии разрушения, безразличной к знаниям и искусству владения Нитями.

Киоши, в свою очередь, также ощущал эту пропасть, с неподдельным удивлением и восторгом наблюдая за работой Ткача Нити. Уходя на охоту и оставаясь наедине с собой, он изо всех сил пытался воспроизвести подсмотренные приемы плетения, но раз за разом терпел неудачу, обжигаясь и рыча от злости. Для того, чтобы юноша смог повторить неторопливые, глубокие и холодные заклинания своего спутника, было недостаточно и всей бесконечной чехарды привалов.

Он завидовал, чувствовал смущение, замешательство, а затем бросался в самую чащу леса, голыми руками добывая ужины и завтраки. Он ломал хребты ящерам и пещерным волкам, не без гордости читая в огромных глазах мидзури страх. И тут же сам застывал с раскрытым ртом, стоило Танаре взяться за Нить, чтобы освежевать тушу или зажечь костер.

Бродячий воин был поражен способностью тоэха перерабатывать яды, которые многим мидзури грозили лихорадкой и безумием, а то и смертью. Киоши не переставал восхищаться проводником, который словно был частью леса, искусно вплетенной в него с помощью Нитей.

На небосклоне наступало время Светлых Солнц, а фиолетовые шары величаво скрылись за горизонтом. Местность, по которой их вел Танара, вновь стала гористой и начала постепенно подниматься вверх. Деревья становились хвойными, вода в реках и озерах холодела.

Они все больше беседовали, сравнивали, обсуждали. Вскоре проводили за разговорами почти все свободное время, осуждая и оправдывая поступки предков. Киоши рассказывал о Тоэхе — похожем на бурлящий котел лавы, Танара Нитями рисовал в воздухе картины бескрайней Мидзури. Тоэх леденел, заглядывая в покрытую инеем вечности душу спутника, а тот обжигался, находя в юноше лишь хаотичное движение пламенного шара, способного рушить, ломать и создавать, чтобы снова рушить. Настороженно приоткрываясь, они увлеченно читали друг друга, больше ни разу не вспоминая стычку у Портала.

Немало времени путешественники уделили и обсуждению человеческой расы, изобретательной, но слабой и неумелой. Создавшей маломощное огнестрельное оружие и водородную бомбу, но изначально не предрасположенную ни к смене тел, ни к работе с Нитями. По своей примитивности и юности включавшей в свои пантеоны и мифы как тоэхов, так и сородичей Танары.

Они шутили, болтали, спорили, с каждым шагом становясь чуть больше, чем просто случайными спутниками на большой дороге. Медленно, но верно, двое странников продвигались к таинственной горе.

Киоши избавился от порванной рубахи и куртки, обнажив трансформировавшийся торс, уже не скрывая висящий на широкой груди кулон. Оставшись только в кроссовках и рваных джинсах, он дал повод для первой шутки. За нее Танара едва не искупался в ледяной реке, все же успев зацепиться за прибрежные ветви парой Синих.

Как проводник не старался вести их по самым глухим местам, несколько раз путникам пришлось останавливаться в деревнях и небольших городках, где они покупали вино, позволяя себе редкие часы сна под кровом.

Однако даже с этим вскоре решено было покончить.

Потому что в какой-то момент своего похода они все-таки наткнулись на кавертаев...

* * *

Это случилось просто однажды, ведь течение времени уже ничего не значило для юноши, направлявшегося к горе. Продираясь через плотные заросли мягких, как тряпки, лиан, путники вырвались на очередную дорогу, забытую и демонами, и Богами. Осмотрели две накатанные телегами колеи, траву по колено, затянувшую просеку, и остановились, прислушиваясь. Несмотря на дикий вид дороги, ей пользовались, хоть и нечасто, а то их ощущал в воздухе тревожные запахи других существ.

Танара присел над колеей, что-то высматривая в траве и поглядывая по сторонам, а Киоши принялся оттирать с джинсов огромные шевелящиеся колючки.

— Какое-то время мы можем двигаться этой дорогой, — проводник указал рукой. — Возможно, даже попадем в деревню, где сможем купить что-нибудь перекусить. Признаться честно, жареное мясо меня уже начинает утомлять... Если поселка не попадется, снова свернем в леса.

Юноша пожал плечами, зашвыривая колючку обратно в стену лиан, как вдруг Танара еще ниже пригнулся над дорогой. Осмотрел землю, растерев ее комок в пальцах, провел по траве рукой, нахмурился. Киоши подошел, продолжая втягивать воздух.

— Что-то не так?

— Не могу понять, — тот помотал головой, продолжая крошить комочек земли. — Но будем осторожны. Дорогой пользовались совсем недавно, это видно и без Нитей. Но следы не похожи на отпечатки крестьянских сандалий...

Встал, отряхивая ладонь о штаны.

— Еще здесь прошло сразу несколько телег, причем тяжело груженных. Не знаю, отчего, но меня это настораживает.

Киоши лишь кивнул — он тоже привык доверять своему чутью. Однако ради путешествия по дороге был готов рискнуть — густые заросли местного леса основательно снижали скорость.

Осторожно двинулись дальше, пристально всматриваясь в лес и готовые в любой момент исчезнуть в чаще. То их часто уходил вперед, таился, нюхал, высматривал. Внимательно исследуя каждый поворот дороги, они медленно продвигались вперед.

Именно во время очередного разведывательного броска Киоши и нашел труп. Нашел и притаился, припав к земле в высокой траве обочины. Рослый человекоподобный демон с длинными заячьими ушами лежал лицом вниз, ногами к дороге, почти скрывшись в кустах. Если бы юноша не почувствовал запах спекшейся крови, они и вовсе могли бы не заметить мертвеца.

С обнаженным клинком в левой руке, бесшумной тенью приблизился Танара. Демоны обменялись короткими знаками, и Киоши скользнул вперед, оставив мидзури осматривать труп.

Как оказалось, мертвый демон принадлежал к касте низших. Однако поверх обычной примитивной одежды была застегнута короткая желтая куртка, причислявшая того в армию одного из местных землевладельцев. В подтверждение этому, неподалеку нашелся небольшой круглый щит и сломанное копье. А вот убит низший был явно Нитью. Пузырчатые, остекленевшие побеги пронзившей его тело Синей тугим клубком щупалец охватывали шею и плечи, змеились вдоль позвоночника. Проводник утащил тело поглубже в лес и вернулся на дорогу.

Совсем скоро сомнений не осталось вовсе. Танара тут же обнаружил едва заметные в траве пятна крови и запекшиеся бусинки на ветвях деревьев, смятые побеги молодого куста, сломанный окровавленный нож, примятую десятками ног почву в придорожной канаве. Когда то их вернулся, проводник был полностью убежден — здесь шел бой.

— Здесь был бой, — Танара плавно жестикулировал, не выпуская ножен из рук. — Не скажу наверняка, сколько участвовало бойцов, но не меньше двух десятков с обеих сторон. Был один, как минимум, Ткач. Скорее всего, выступал на стороне нападавших. Все указывает на то, что это была засада. Трупы оттащили в лес — по следам крови я нашел сваленные в яму девять тел. Все низшие, порублены и клинками, и Нитями, все в таких же

желтых куртках. Скорее всего, солдаты местного князька. И, если меня не подводит интуиция, солдаты ехали на телегах...

Киоши повертел в руках протянутый проводником обломок ножа.

— Что будем делать?

— Скорее всего, это очередной рейд кавертаев. Хотя не исключаю ссору местных феодалов. Насколько я помню, область богата рудниковыми залежами. Залежами чего именно, я не знаю, но в прошлом за эти провинции уже воевали, и не раз.

— Что это значит для нас?

— Означает, что скоро здесь снова будут солдаты и их хозяева. Нам это совершенно ни к чему. Будем придерживаться плана, если выйдем к деревне, то быстро пополняем запасы и сворачиваем в глубокий лес. Если деревня не попадется в ближайшее время, уходим в лес без припасов.

Киоши отбросил обломок клинка глубоко в кусты. Еще старательно осматривая дорогу и обрамляющие ее заросли, они двинулись дальше. А чуть позже Танара корил себя за то, что не придал значения очевидному — после боя телеги не свернули, а просто продолжили путь...

Совсем скоро они обнаружили и деревню. Точнее, то, что от нее оставалось.

Наткнулись на поселение столь же неожиданно, как на мертвого солдата. Уловив запах дыма, Киоши ускорил шаг, а через пару шагов уже отпрыгивал в лес, разглядев среди деревьев десяток бедных домишек, сгрудившихся посреди поляны. Ограды деревня не имела, а дорога, плавно перетекая в главную улицу поселка, почти тут же вновь превращалась в дорогу, упираясь в противоположную стену лесной чащи.

Половина домишек паялилась в небо костлявыми скелетами каркасов, а черные пятна опалин щедро покрывали всю поляну. Несмотря на то, что пожары отбушевали уже давно, в воздухе все еще висел устойчивый запах гари. Киоши не шевелился, щурясь и рассматривая деревню.

Безлюдными улицы оказались лишь на первый взгляд. Возможно, с такой дистанции тот же Танара и не рассмотрел бы, как две тени, пригнувшись, пересекли улицу, скрываясь за углом одного из уцелевших зданий. Но тоэх увидел. Как углядел и телегу, крытую серым маскировочным тентом, едва различимую на фоне обожженной стены. Юноша нахмурился, обернулся, подзывая притаившегося в ветвях проводника.

Тот приблизился, замирая в соседнем кусте.

— В деревне кто-то есть. И это не желтые куртки. Еще я вижу телегу.

Мидзури кивнул, старательно щурясь. Выругался сквозь зубы, опустил еще ниже, почти ложась на землю, вынул один из своих амулетов. Приложив значок, похожий на янтарного паука, к глазу, он вновь взглянул на поселок. Теперь и он мог различать редкие силуэты и спрятанные под тентами повозки.

— Как я и думал, это...

Предупредительный жест тоэха заставил его замолкнуть на полуслове. Уже не скрываясь за остатками сожженных хижин, на дороге появились двое, направляющиеся в их сторону. Киоши перестал дышать, обратившись в слух. Ветер решил помочь, вместе с порывами бросая в сторону их укрытия обрывки слов.

— ...и эта пачему мая?

— ...мандир патаму чта сказал... вчиря была, а ты вабще должен был...

Начиная понимать, Киоши поднял глаза, с ужасом обнаруживая в ветвях над дорогой пустое наблюдательное гнездо. Почти над местом, где притаился сейчас Танара. Вережками примотанный к лианам, в листве плохо скрывался шаткий помост.

Два низших демона, продолжая спор, приближались.

Одними губами, пристально глядя на тоэха, проводник по слогам прошептал:

— Отступники.

Киоши кивнул.

Не замечая неподвижных путешественников, сросшихся с землей и кустарником,

низшие вышли под помост, продолжая бесконечный спор о том, кто и когда должен дежурить. Одеты в кожаное тряпье, оба имели латунные полу-кирасы, а комплекс вооружения солдат ограничивался длинными кривыми ножами, висящими на поясах. На многочисленных поясах и ремешках болтались всевозможных размеров комельки, сумки и свертки.

Полупустая фляга бодро кочевала по рукам. Пьяно ухмыляясь, один из них потянул за свисающую лиану буквально в шаге от окаменевшего Танары. Через секунду вниз с треском обрушилась веревочная лестница. Другой солдат начал икать.

Тогда проводник поднялся на ноги.

Вылетающий из ножен клинок ударил сразу, без замаха, пересекая низшего пополам вместе с нагрудником и парой кошелей — по траве россыпью полетели кристаллы и игральные кости. Не успев уцепиться за лестницу, мертвый солдат рухнул в кусты, не издав ни единого звука.

Спиной ощутив влажное звериное дыхание тоэха, второй бандит мигом прекратил икать. Киюши ударил его под лопатку, пробивая правое легкое и провернув кисть. Закатив мутные глаза, бандит рухнул под ноги Танаре и... закричал. Юноша не мог знать, что легкие этого демона находились значительно ниже.

Тотчас деревня проснулась.

Из домов, не тронутых огнем, начали выскакивать демоны. Вооруженные в основном мечами и пиками, они все были низшими, как капли воды похожими на убитых.

Танара развернулся, пригибаясь в стойке и обнажая кинжал. У Киюши по спине пробежала волна забытой дрожи, и он хрустнул пальцами, сбрасывая с когтей рубиновые капли.

Но выскочившие на отчаянный крик своего товарища солдаты не торопились в атаку — рассевшись за углами, низкими уцелевшими плетнями и остовами сгоревших домов, они заняли сумбурную, но отработанную оборону. К удивлению обоих, бандитов оказалось довольно много — около двадцати существ.

— Это всего лишь низшие... — изменившимся голосом прошептал Киюши, пригибая голову и делая шаг вперед, но рука Танары опустилась на его плечо.

На центральную улицу в окружении трех рослых демонов вышел вожак. Нити зазвенели, стягиваясь к нему. Танара еще сильнее сжал руку.

— Это не наш бой, Киюши.

Тоэх неохотно повернул голову, и проводник вздрогнул, замечая, как рассеивается в звериных зрачках боевой туман, почти охвативший сознание юноши.

— Уверяю тебя, что кавертаи не так плохи в бою, как тебе может показаться, — Танара старался говорить убедительно и спокойно, наблюдая, как Киюши возвращается из морока, в который погрузил себя видом первой крови. — Пока рядовые отвлекают, их вожак, обычно Ткач, спокойно ловит тебя Нитями. Без командира — это сброд, но мы ведь видим командира?

Киюши еще раз встряхнул окровавленными когтями, стараясь отвести взгляд от гипнотизирующих глаз мидзури.

— Что-то не так. Что-то здесь не так, Танара... Что-то есть в воздухе над деревней...

Теперь тоэх широко раздувал ноздри, втягивая горелый воздух, пытаясь уловить, увидеть звериным чутьем...

— Идем со мной...

— Я не боюсь драться, — тихо и честно сказал Танара, — но это не наш бой.

— Не наш бой, — медленно повторил за ним юноша.

— В телегах, скорее всего, руда с шахт. Или ты хочешь забыть о цели путешествия и ввязаться в конфликт князей? — плечо Киюши медленно обмякало под его пальцами. — Мы должны идти.

Юноша в последний раз пересчитал изготовившихся к битве демонов, и нехотя кивнул.

Танара улыбнулся, хоть вышло и весьма натянуто.

— Я подозревал, как мало нужно, чтобы спровоцировать тоэха на драку, но...

В этот момент в деревне хлопнула тетива.

Тетива был явно залятой, обычное оружие бы не добило. Может быть, стрелку помог вожак.

А Киоши все-таки не переставал удивляться, как медленно движутся мидзури.

Арбалетный болт прошел уже половину пути, когда Танара только начал отшатываться в тень. Юноша же не пошевелился, лишь выждал и вскинул руку, выплескивая накопившуюся злость, так и не нашедшую выхода.

Раздался глухой удар.

Прикрывающийся скрещенными клинками Танара обернулся, молча разглядывая стрелу, зажатую в когтистой руке тоэха. Наконечник, посверкивая зазубренной гранью, замер в полуметре от левого плеча мидзури.

Киоши поднял стрелу над головой, чтобы было видно в деревне, и сломал окованное древко в пальцах.

— Уходим, — прошептал проводник.

Осторожно отступив по дороге, они вновь нырнули в чащу леса. Оба понимали, что отныне придется забыть и о деревенском вине, и о спокойных ночлегах под крышами амбаров. С этого момента Танара принял решение вовсе обходить жилые места. Киоши спорить не стал.

Эпизод V. Нить дороги

В окрестных землях действительно началась война. Еще дважды путешественники наблюдали сытые столбы дымов, поднимающиеся от свежих пожарищ, натыкались на разграбленные крестьянские берлоги в лесной чаще, видели виселицы и дыбы на холмах. Как и было решено, они больше не выходили на тракты, что надежно уберегало от встреч с вооруженными отрядами — лес хранил и от княжеских солдат, и от бунтарей.

Казалось, время безмятежных разговоров миновало — тяжелая атмосфера насилия, царящая в городках и поселках, запахи гари и крови, преследовавшие тоэха даже в сердце леса, гнули к земле. Как и прежде, они ни разу не вспомнили о своей встрече на холме Портала, хотя теперь Киоши начал замечать, как Танара в задумчивости, словно бы невзначай, все чаще потирает изуродованную щеку. В эти моменты проводник замолкал надолго. Это угнетало еще сильнее. Единственной радостью юноши оставалось окончательное излечение — регенерация завершилась, а надоедливая боль покинула плечо.

Виктор или его слуги ни разу не дали о себе знать, и Киоши все больше склонялся к мысли, что если их ожидает сюрприз, то он возникнет в конце пути.

Охотник тоже не объявлялся, хотя его густая тень ни на секунду не сходила с души.

Они продолжали движение, стараясь делать это как можно быстрее. И вот еще через пару десятков длительных переходов война осталась за спиной, а плотная стена леса неожиданно оборвалась.

Танара, в этот раз крадущийся первым, внезапно остановился, вытягивая назад руку, и Киоши настороженно припал к земле, чувствуя, как учащается пульс. Но впереди их ждали не засада и бой. Знаком приказав ему оставаться на месте, проводник бесшумно исчез в стене кустов. Через минуту донесся его оклик, и тоэх поспешил на голос, едва не потеряв дыхание от неожиданности.

Они стояли на краю невероятно огромного обрыва, словно срезанного великанским ножом. Лес обрывался предельно резко, корни последних деревьев нависали над пропастью. Киоши обмер, рассматривая открывшуюся под ногами бездну. Мидзури притих рядом, улыбаясь в кулак и впервые за долгое время проявив хоть какую-то эмоцию. Чудовищная по своей красоте картина открылась им.

Вправо и влево, покуда хватало взгляда, тянулся обрыв. Граница его плавно изгибалась, но даже у самого горизонта почти не теряла своей фарфоровой глади. Внизу, под

неохватным морем пустоты, раскинулось зеленовато-голубое море лесов, испещренное реками и нитками дорог. В нескольких переходах направо по берегу обрыва, вниз с невероятной высоты рушился водопад. Где-то у подножия стены, скрываясь в пышной шапке брызг, он перерождался в широкую реку, раскалывающую лес надвое.

А в самом сердце лежащего на ладони великолепия, теряясь тонким шпилем в высоких облаках, затянувших небосклон, возносилась Буредда. Священная гора, титаническая даже с такого огромного расстояния, посверкивала водопадами горных речек, словно невеста в богатом подвенечном платье.

В один глоток пресытившись фантастической картиной, открывшейся перед ним, Киоши наконец обрел и слух, тут же поразившись непрерывному фону криков, шелеста и скрежета, наполнявших воздух над бездной. Уже не сдерживая восхищения, он рассматривал тысячи разнообразных птиц, кишевших внизу, словно рыбы в омуте. Птицы буквально царили здесь. Они охотились, заводили семьи, вили гнезда в скальных норах, целыми стаями и поодиночке устремляясь по своим делам. От хаотичного мелькания разноцветных крыльев рябило в глазах, уши переполняло шуршание перьев. Казалось, что не клочок неба лежал сейчас под ногами путешественников, а тесный пруд, забитый своими деловитыми обитателями.

— Это Небесное Озеро, — с каким-то странным оттенком произнес Танара, словно прочитав мысли юноши. — Говорят, здесь можно найти любую птицу из живущих в моем мире. Гора, которую ты видишь впереди, и есть Буредда. Мой дед рассказывал, что ее имя упоминается в легендах настолько древних, что сама мысль об этом способна убить. Именно на ее вершине, выше облаков, в чертоге из алмазов живет мудрый Мокено.

— Мы почти у цели, — выдохнул Киоши, справившись с чувствами, переполнявшими душу.

— Можно сказать и так. Но не совсем...

Танара отвел глаза, ловя на себе вопросительный взгляд.

— Идем, сделаем привал, мне нужно посоветоваться с тобой.

Они вернулись в лес. Сбрасывая с плеча сумки, мидзури ногой счистил мох с бока мертвого лесного великана, ловко усаживаясь на ствол поваленного дерева. Киоши молча разглядывал проводника, прислонившись плечом к двум переплетенным деревьям. Потoki лиан, гибких ветвей и длинной хвои выстроили над их головами пестрый нерукотворный шалаш, крышей которого среди верхушек виднелось светлое небо.

Танара отбросил в сторону комья опавшей листвы, освобождая клочок влажной коричневой земли.

— Вот так, — заостренным обломком палки он прочертил на земле простую схему, — проходит сеть государственных трактов, ведущих к Буредде. Здесь — границы Небесного Озера, тут они становятся более пологими и превращаются в обыкновенный скальный хребет. От Портала я вел нас вот так. Это значительно короче, несмотря на то, что мы все равно умудрились задержаться в пути. Сейчас мы вот здесь. Как ты можешь понять, все основные спуски с берегов Озера расположены здесь и здесь...

— И это значит?

— Что нам придется спускаться самим. Я, во всяком случае, на это рассчитываю.

Киоши оттолкнулся от дерева, скреживая на груди руки.

— Хочешь сказать, что привел нас сюда, не имея плана, как мы будем спускаться?

Буредда неожиданно отодвинулась, оказавшись далеко-далеко.

— Подожди, — Танара примирительно поднял руку, втыкая обломок палки в землю. — Я знаю, как спуститься, однажды уже делал это. Правда, я был один...

— О, блестящий план, — против своей воли молодой тоэх начал злиться.

— Послушай, Киоши... Я не давал тебе повода усомниться во мне. Я честно и эффективно выполняю свою работу, ведя тебя самыми неприметными путями. Ты хоть понимаешь, что произошло бы, если бы мы странствовали дорогами? Потеряли бы массу времени. Оказались бы в самом сердце гражданской войны князей и кавертаев. Прошу тебя,

не злись, повода нет...

— Как ты предполагаешь спуск?

Слова проводника были наполнены логикой, но Киоши все же не мог отогнать раздражение, начиная подозревать, что скорая встреча с Мокено ему уже не грозит.

Танара вздохнул, склонил голову, отложил в сторону ножны, потирая в пальцах горсть терпких листьев.

— Внизу ты не мог не заметить реку, одну из самых полноводных в этой части Мидзури. Если перевести ее название на ваш язык, оно прозвучит, как Дремлющий Поток... Я точно знаю, что у подножья обрыва, вдоль берегов Потока уже никто давно не живет. Говорят, это связано с труднодоступностью местных земель, или с бедностью земли, не способной к урожаю. И пусть я ни разу не бывал в той глуши, уверен, что заброшенные провинции умело сохраняют наше передвижение в тайне. Хотя и не исключаю, что скорость путешествия еще немного упадет.

Киоши подошел, осторожно кладя руку на плечо проводника.

— Извини, — слова неохотно покидали его губы. — Конечно, ты прав. Без тебя бы я пропал еще в первой деревне... И все же ты не ответил, как намерен спускаться.

Мидзури поднялся на ноги, а в глазах его зажегся азартный огонь.

— Я сплету канат.

Наступила тишина, в которой тоэх старательно сдерживал себя, чтобы не сказать лишнего. Так и не дождавшись его реакции, Танара продолжил, мечтательно глядя за его плечо в сторону обрыва. Теперь он вспоминал...

— Конечно, птицы могут помешать. В густонаселенных районах, где берег Озера снижается, их давно перебили или заставили откочевать, но здесь... Несколько сотен шагов стены покрыты гнездами. Как мелких птах, не представляющих угрозы, так и хищников. Потому предупреждаю, что нам следует быть предельно осторожными.

Внимательно рассматривая спутника, юноша впервые попытался представить себе, кем был Танара до того, как встретил тоэха. Что за судьба носила его по родному миру, заставляя в одиночку спускаться с берега Небесного Озера, оттачивать владение мечом, ходить звериными тропами?

Воздух за тонкой стеной леса звенел от птичьих голосов.

Молчание вновь нарушил проводник:

— Я начну плести. А ты, по мере своих сил, поможешь.

Сказал так, словно речь шла о том, чтобы снять с веревок высохшее белье...

Теперь они никуда не шли, но жизнь юноши оттого не стала более разнообразной. Словно во сне, он выполнял поручения мидзури, задумавшего сложное и длительное заклинание. Сам Танара, почти не покладая рук, собирал все ближайшие Синие, какие мог найти. За первые циклы работ он буквально исчерпал найденные Ключи. Принимавший работу Киоши старательно вплетал в них редкие Красные. Затем они спешно ели, ложились спать, просыпались, и все начиналось заново.

Канат рос, неприметно, но обрастал все новыми и новыми витками.

Вскоре им повезло, когда, рыбача в небольшом пруду недалеко от стоянки, Киоши наткнулся сразу на два подводных Ключа, и работа пошла быстрее. Тоэх мог подолгу оставаться без воздуха, вытягивая все новые и новые сочные энергетические жилы, и выбрасывая их на поверхность.

Они плели, ели и спали. Спали, чтобы проснуться, вновь поесть и опять приняться за работу.

Творя канат, Танара, как мог просто, постепенно объяснял Киоши суть Синих Нитей.

Синяя энергия, демонстрировал он, от рождения была природной, основанной на ее элементах. В отличие от операций с Красными, она не требовала от чародея больших затрат и очень легко черпалась. Именно в этом, считал проводник, состояло основное преимущество расы мидзури над тоэхами, основной стихией которых была разрушающая сила. Киоши презрительно смеялся, отфыркиваясь, но невольно вспоминал истории

собственного наставника, ведающие, что в старые времена одни называли себя Созидателями, а других Поглотителями.

Основными же задачами Красных Нитей, разумеется, с точки зрения Танары, было уничтожение искусственно сотворенного, не имеющего отношения к природе любой из реальностей, что делало их прекрасным оружием нападения, а тоэхов — главными врагами человеческой расы.

— Но известно и младенцу, — добавлял проводник, ощупывая Красные, вплетенные в свое заклинание, — что у Нити всегда два конца, и именно это позволяет многим мидзури быть отличными воинами, а тоэхам не только разрушать.

Несмотря на хорошую форму, стараясь как можно активнее помогать ловкой работе Танары, Киоши выматывался крайне быстро. Большие затраты сил на работу с Красными осложнялась практически полным отсутствием нужных Нитей, поиски которых тоже отнимали силы и время.

Именно поэтому через какое-то время юноша и вовсе перестал принимать участие в подготовке заклатья, посвятив себя охоте и готовке еды. Скорость, с которой действовал проводник, буквально ошеломила его — на подобную работу у него ушел бы не один месяц.

Все закончилось внезапно, как и должна подходить к концу самая монотонная работа. Просто однажды разлепив глаза после сна и встряхнувшись, Киоши обнаружил, что канат завершен, и аккуратно свернут в огромные бухты, одним концом обвивая могучие деревья и замыкаясь хитрым узлом.

Танара не скрывал гордости, беспрерывно проверяя прочность своего детища. С трудом заставив того позавтракать, тоэх помог собрать крохотный лагерь, снять тент и замаскировать следы стоянки. Прикрыв неиспользованные Нити и потухшие Ключи простым заклинанием, проводник скрылся в лесу, проводя вдоль обрыва несколько ложных следов, призванных запутать предполагаемую погоню.

Подтянув бухты к краю обрыва, путники прочно закрепили нехитрый скарб на спинах, и, не без опаски, столкнули тяжеленный канат вниз.

Магическая веревка дохлым змеем заструилась вниз, извиваясь по изъеденной пещерами гладкой стене. Прошло немало времени, прежде чем канат натянулся, негромко зазвенев и покачиваясь под порывами ветра и ударами птичьих крыльев.

Две крохотные фигурки неподвижно замерли на краю Небесного Озера. От их ног вниз убегала полупрозрачная синяя черта, будто бы делившая скалу пополам. Воздух был холоден и свеж.

Было решено, что проводник спускается первым.

Он подошел к краю, еще раз оправив на спине меч и, по-новому перетянув волосы в тугой хвост, крепко ухватился за шнур, поворачиваясь к тоэху.

— Когда я пройду необходимое расстояние, я свистну. Держись крепче и старайся не отвлекаться на летающих паразитов, тогда мы спустимся легко...

Он изящно оттолкнулся, спиной вперед исчезая за краем. Канат, укрепленный в связке поваленных деревьев и живых стволов, закрипел. Ожидание показалось юноше бесконечным, но он заставил себя отбросить сомнения и тут же услышал резкий свист, едва различимый в птичьем гомоне и шорохе перьев.

Киоши родился на Пламенных Островах, висящих в самой сердцевине настоящей бездны своего мира. Высоты просто не существовало для него, как отдельной категории, а потому когтистые пальцы плотно сомкнулись на канате. Тревожило другое — сама неестественность происходящего. Их противник, наверняка, перекрыл дороги, с помощью колдунов и амулетов высматривая в каждом страннике укрытые заклинаниями личины беглецов. А в это время те, словно пауки, миновали берега Небесного Озера, воспользовавшись примитивной идеей проводника. Только теперь Киоши начал понимать, почему Виктор Конта так высоко отзывался о своем знакомом... При мыслях о Кураторе сердце защемило, и тоэх заставил себя сосредоточиться на спуске, подбородком прижимая кулон к груди.

Значительно ниже его Танара, раскачиваясь и стараясь как можно мягче отталкиваться от стены, скользил по заклинанию, изредка поглядывая вверх.

Киоши шагнул за край, с шуршанием растирая в порошок каменистую почву протекторами кроссовок.

Как он и предполагал, спускаться оказалось несложно. Крепкая Синяя Нить с вплетениями Красной легко удерживала демонов, качалась и поскрипывала. Юноша, почти не напрягая мышц, передвигал руками, ногами ловко нащупывая углубления и каверны с расположенными там птичьими гнездами. Несколько раз раздавив богатые кладки, он был вынужден постоянно смахивать с обуви вязкие желтки и пестрый хлам, из которого были набраны гнезда, расчищая упоры для ног.

Несколькими уступами ниже неуклюжие лысые птенцы, каждый размером с доброго щенка, попытались истребить его кроссовки, едва ли не выталкивая друг друга из узкой и глубокой норы — Киоши пнул одного, отбросив внутрь, остальные ретировались.

Холодный пронизывающий ветер, стонавший по кавернам обрыва, трепал густую пыльную гриву тоэха.

Как и предупреждал Танара, птицы действительно доставляли неудобства, устроив вокруг них настоящую панику. Казалось, они были везде, пищали, визжали, носясь вокруг и задевая обоих демонов. Несколько раз юношу пытались клюнуть, но тот усердно отмахивался одной рукой, затем припадал к стене, стараясь уменьшить раскачивание каната, и снова полз вниз. А вскоре и весь птичий базар был обеспокоен присутствием чужаков, птицы целыми стаями принялись беспорядочно метаться, готовые до смерти защищать потомства. Хлопанье крыльев и бесконечные грозные крики заглушали стоны ветра.

Внезапно веревка ослабла. Не сверху, просто тоэх вдруг почувствовал, что под ногами больше нет дополнительного груза, натягивающего канат.

Сердце обмерло, остановившись на миг.

Если Танара сорвется...

Стараясь не запаниковать, Киоши со страхом поглядел вниз.

Пустая бледно-голубая ниточка каната безвольно раскачивалась на ветру.

Тоэх вскрикнул и опасно раскачал заклинание, рискуя сорваться или удариться о выступ. Не обращая внимания на беспорядочно атакующих его птиц, он всматривался в зеленое море леса под ногами, стараясь на его фоне рассмотреть падающую фигуру проводника.

Гладь леса, чьи верхушки колыхались, словно морские волны, была чиста.

* * *

Танара не сорвался.

Киоши обнаружил его в большой трещине, похожей на след от удара трехгранным клинком, усеянной костями и ветками. Там мидзури дал отдых рукам, восстанавливая дыхание и пытаясь прикинуть оставшееся расстояние. Юноша оттолкнулся от стены и раскачался, спрыгивая рядом. Проводник бродил по тесной пещере, растирая натертые ладони.

Когда в укрытии появился тоэх, тот поднял к губам палец:

— Это не просто пещера, это гнездо, — одними губами прошептал он. — Причем, опасное.

Киоши внимательно осмотрелся. В конце короткого прохода вглубь скалы он не обнаружил ничего, кроме пары массивных валунов, большого разметанного гнезда, хлама, массы костей и длинных жестких перьев. Однако пещеру наполнял запах недавнего присутствия живого существа, перемешанный с ароматом застарелой крови. С застоявшимся воздухом ущелья не справлялся даже свежий стремительный ветер.

Молодой тоэх повел плечами, разминая шею.

— В таких пещерах обычно селится птица-волк, — столь же негромко рассказал

проводник, подходя вплотную. — Еще ее называют каменной рыбой Небесного Пруда. Если я считаю правильно, сейчас у волков кончилась брачная пора, и самцы вновь живут поодиночке. Период опасный, ибо мальчишки озлоблены тем, что после спаривания самка изгоняет их, лишая права на воспитание потомства. Это место не похоже на гнездо выводка. Скорее всего, здесь живет неудачливый папа. Мы отдохнем и сразу уйдем, пока волк не вернулся с охоты.

— Я почти не устал, — Киоши взялся рукой за край расщелины, выглядывая вниз.

Древесные кроны чуть заметно приблизились, стали видны проплешины и поляны.

— Сколько осталось?

— Чуть больше двух третей, — Танара встряхнул руками, вставая на пороге пещеры. Ухватился за канат. — Действуем как и прежде, жди сигнала.

Он беззвучно исчез из вида, оттолкнувшись спиной к бездне.

Ветер насвистывал сложную мелодию. Кричали птицы, правда сейчас чуть успокоившись и поняв, что гнездам ничего не угрожает. Воздух с хлопками трескался под ударами сотен их крыльев.

Из-за края раздался свист.

Юноша прикоснулся к струной натянутому заклинанию.

В этот же момент почувствовал за своей спиной движение.

Резкий животный запах мгновенно усилился.

Одной рукой сжав веревку, Киоши обернулся вглубь пещеры ровно тогда, как один из валунов начал шевелиться, словно живой. Каменная птица пробудилась, сбрасывая камуфляж.

Тоэх успел различить тяжелый клюв, гибкий кожаный хвост, неспешную грацию разворачиваемых крыл, разом перегородивших трещину, и спрыгнул, стараясь ползти как можно быстрее.

— Танара, вниз! — Киоши спешно сокращал дистанцию, а канат принялся угрожающе раскачиваться. — Твой волк никуда не улетал...

Теперь веревку мотало по скальной стене, а скрип ее выбивался даже из воя усилившегося ветра и гомона птиц. Птица-волк неловко развернулась, подползая к краю гнезда.

Демоны старались спускаться все быстрее, лес приближался.

Но недостаточно быстро.

Волк неуклюже потоптался на краю, посверкивая мутными розовыми глазами, каркнул, изогнул длинную шею, и свалился с утеса. Киоши вжался в скалу, когда тяжелая туша скользнула мимо него, медленно распахивая объятья крыльев. Оттолкнулся, подошвами нащупывая точку опоры, и развернулся. Волк спикировал, набирая скорость, а затем зашел на вираж, поднимаясь все выше. Грациозно, величественно.

Птицы, окружавшие их со всех сторон, бросились в разные стороны, улета прочь или забиваясь в норы гнезд. Теперь в их криках слышалась не только злоба, но и предостережение.

Киоши практически разжал ладони, придерживая канат лишь расслабленными пальцами, и рухнул вниз. Успел вновь ухватить заклинание, когда его левая нога ударила во что-то мягкое, а веревка буквально затанцевала вдоль стены. Взглянул вниз, понимая, что уперся в плечо проводника.

А тот внезапно прекратил спуск, удобно упершись ногами в стену и обнажив кинжал.

— Если он атакует, нам все равно не спуститься, пока мы не убьем его! — прокричал он, пробиваясь сквозь усилившийся гам птичьего царства.

Киоши не ответил, оборачивая петлю каната вокруг левой кисти. Танара прав...

Птица-волк сделала пару широких кругов, до конца распугав обитателей этой части Небесного Озера, взмыла еще выше и напала.

Удар пришелся в Киоши. Тяжелый удар, не прицельный, словно в бою летающий хищник привык пользоваться не точностью, а массой и скоростью. Рукой сбив в сторону

массивный клюв, демон попытался увернуться, отталкиваясь от стены, но волк ударил еще и крыльями.

В голове тоэха помутнело, что-то хрустнуло в шее, Киоши пробовал схватить гадину все той же рукой, когтями срезав несколько плотных перьев, но широкие крылья полностью перекрыли свет, а в лицо дыхнуло смрадом. Что-то кричал Танара.

Медленно, словно в ожившем сне, юноша понял, что теряет опору.

Волк отпрянул, и теперь Киоши видел свои руки, тянущиеся к канату. Когти царапнули по скале, высекая искры и каменную крошку, задели заклинание, но не удержали. Он перевел взгляд на далекие деревья, и булыжником рухнул мимо Танары, вплотную сцепившегося с птицей.

Море леса, покрытое волнами ряби, бросилось в лицо, стремительно приближаясь. Киоши падал, словно метеор, быстро, неподвижно, уже не стараясь ухватиться. С ледяным спокойствием поняв, что ему уже не удастся удержаться ни за канат, ни за выступы стены, он собрался, поджимая к груди ноги и руки, а подбородком привычно придерживая амулет.

Проводник с ужасом смотрел ему вслед. Тоэх стремительно удалялся, сшибая выступы гнезд и не успевших увернуться птиц.

Омываемый упругими волнами Небесного Озера, Киоши почувствовал, как вздулась кожа на спине. Позвонки, захрустев, начали трансформацию, истончаясь в шипы. Отстраненно он успел подумать, что не желал превращения, его инстинкты сработали самостоятельно, стоило лишь сущности тоэха приблизиться к гибели. Теперь юноша ощущал, как ребра растут, утолщаясь и крепнув, раздавая в стороны грудную клетку. Череп удлинялся, волосы развевались в полете. Позвоночник слился в гибкую костяную хорду, короткие толстые шипы пронзили остатки человеческой кожи.

Киоши оскалился, взревев, и ветер подхватил его рычание, но полностью изменение закончить не удалось.

Пышные зеленые ветви молниеносно надвинулись, расступаясь, и он нырнул в гущу леса.

Словно реактивный снаряд, срубая ветки и ударяясь о стволы, он с дикой скоростью врезался в землю, щедро усыпанную хвоей. Пыль, куски земли и сломанные ветки еще долго падали на оставленную им борозду, опускаясь на глубокую воронку. В ее сердцевине, неестественно вывернув руки, застыл молодой тоэх.

Чаша замерла, потрясенная внезапным ударом. Замолкли птицы, притаились звери, даже кроны стали шуршать чуть тише. В этой тишине, нарушаемой лишь скрипом вековых стволов, неподалеку от воронки, с присвистом шурша мертвыми крыльями, рухнул труп волка, заставив землю вздрогнуть повторно.

* * *

Танара, выкладываясь из последних сил, продолжал спуск. Едва достигнув верхушек деревьев, он выпустил канат, спрыгивая на могучие ветви. Словно по ступеням, прыжками бросился вниз. Уже понимая, что опоздал и ничем не в силах помочь, он все равно спешил.

Проламываясь сквозь ветки, мягко приземлился рядом с воронкой.

Замер, разглядывая неподвижное тело. Взглянул на окровавленную птицу.

Потирая виски, Танара осторожно подошел к воронке, не замечая, как кровь отливает от лица.

Он точно не знал, сколько времени простоял над могилой юноши, которого так и не смог довести до конечной точки путешествия. В какой-то момент, все же вырвавшись из оцепенения, мидзури тяжело опустился на колени, расстегивая сумку.

Бережно выложил на вскопанную ударом землю несколько амулетов, мешки с травами, две жестяные баночки. Руки его дрожали от усталости, ноги подкашивались, но он не замечал. Холодными ладонями сгребая в кучу сухие иголки и обломки ветвей, бывший проводник запалил крохотный костерок. Из горла его потекла тихая, рваная мелодия напева.

Не сводя остекленевшего взгляда с тоэха, он принялся подбрасывать в огонь щепотки трав, раскачивая амулеты над погребальным дымком. Раз за разом Танара заставлял себя вспоминать оказавшееся столь коротким путешествие, шепча прощальные молитвы и короткие трехстишия, отягощающие собственную вину. Разноцветный дым поднимался к кронам, струйками тумана заползал в воронку, лаская бледную кожу Киюши, словно живой, старательно огибал тушу птицы-волка.

Вскрыв жестянки, проводник старательно протер клинок кинжала замшевым платком, нанеся на сине-золотой узор несколько капель густой бурой мази, похожей на запекающуюся кровь. Не выпуская из левой руки связку амулетов, раскачивающихся над костерком, он поднял правую — с кинжалом — к лицу. Плашмя приложил лезвие к щеке, оставляя на лице грязные разводы, дотронулся кинжалом к другой щеке. Вновь протер клинок, убирая оружие в ножны.

Пальцем растер мазь от нижнего века до подбородка, мазнул остатками по лбу. И тут же зашипел, стискивая зубы, но упорно продолжая твердить трехстишия позора и вины. От лица мидзури начал подниматься дым. В местах, где ее коснулась бурая гуща, кожа трескалась и закипала. Изнемогая от боли, Танара вспоминал путешествие, встречу у Портала, слово, данное Виктору Конте. Слезы катились по лицу проводника, но от этого становилось лишь больнее, особенно на месте свежей раны, оставленной когтями Киюши.

Раскаленная боль отступала медленно, время от времени возвращаясь волнами. Танара приоткрыл глаза, затянутые пленкой обиды и слез, прислушиваясь к звукам ожившего леса. Ему не нужно было смотреться в зеркало, чтобы узнать, что теперь его щеки, подбородок и лоб украшала сеть темно-синей татуировки, витиеватой, изящной, кружевной. Татуировки, говорящей каждому встречному мидзури о том, что ее обладатель не сдержал данного слова.

Деревья двоились перед глазами проводника, окружающее сливалось в одно зеленое марево. Над краем воронки, пронзая дым костра, поднималась расплывающаяся фигура.

Не удержав вскрика, Танара отпрыгнул, выхватывая меч. Тыльной стороной ладони протер глаза.

Молодой тоэх поднимался на ноги, выбираясь из ямы.

Проводник почувствовал, как мир уходит из-под ног, а вершины деревьев и встающая над ними стена скалы покачнулись. Сделав шаг назад, он устоял, но губы лишь плотнее сжались в едва различимую полоску.

— Ты... — выдохнул он, ощущая, как еще острее горит на лице свежий узор. — Ты жив!

Киюши поднялся с четверенек, тряся головой. Пыль и иголки посыпались со спутанных волос.

— Ну... почти, — пробормотал юноша разбитыми в кровь губами.

Танара тут же подскочил к нему, вкладывая меч в ножны, придержал за плечо. В душе его сейчас сражались самые противоречивые чувства. Тоэха ощутимо качало, одной ногой он угодил в собственный поминальный костер, мгновенно потушив.

— Ты... Я... Я думал, что ты убит... Ни одно живое существо этого мира не выживет после такого падения...

Он помог Киюши сесть и прислониться к стволу крупного дерева. Воздух благоухал лесной прохладой и ароматами сжигаемых проводником трав. Юноша глубоко вдохнул, сморщился.

— Со мной все нормально, — он помотал головой, осторожно ощупывая себя.

Танара, открыв рот и окончательно потерявшись в словах, разглядывал его укрепленные формы.

Тоэх еще раз встряхнулся, пыль, иголки и ветки полетели во все стороны. Язык его заплетался.

— В этом плане моя раса обладает невероятной живучестью... Знаешь, гораздо больший вред мне мог бы причинить своими когтями другой тоэх... А какое-то падение... ха... и почему я никак не закончу трансформацию?... кости, как железо... Танара, а что у

тебя с лицом?..

Киоши рискнул встать, попробовав опереться о дерево, но, промазал. Неловко развернувшись, упал на бок, взмахнув одной рукой, а другой ухватившись за кулон.

* * *

Шорох отодвигаемой ширмы, сделанной из нежной рисовой бумаги.

Настороженный взгляд, а рука сама тянется к оружию.

Тень в проеме. Это посыльный.

Сквозняк врывается в комнату.

— Хосадаку Кого желает немедленно видеть тебя.

— Я должен...

— Я сказал, немедленно, — за ширмами угадываются новые силуэты.

Если что-то пойдет не так, его все равно доставят к Кого. Даже силой.

Темное Солнце виднеется в проеме узкого окна.

Тяжелая капля пота, холодная и обжигающая, ползет по шее.

— Уже иду.

Шелест одежд кругом. Его конвоируют.

Трое, нет — четверо.

Коридоры и залы, дым благовоний и жертвенных костров, вдали бьет гонг. Недвижимые и молчаливые статуи, грозно охраняющие окованные медью двери. Хрупкие мраморные мостки, шепот мертвой воды под ногами, силуэты бесхребетных тварей в толще льда, блики светильников и причудливая игра теней. Тени. Следящие и безмолвные. Живые.

Огромная дверь, два демона-великана по бокам. Снова звучит гонг и створки медленно расползаются вовнутрь. Красно-золотая дорожка ведет к возвышению. Надо идти.

Там наверху темно, лишь едва заметны колебания серого тумана и размытые контуры конечностей Кого, которыми тот собирает спеющие фрукты со свисающих с потолка лоз.

Глухо сомкнулись двери.

Холодно.

Проклятие... Опять он здесь. За возвышением, вне тумана, над полом висит стройная фигура, закутанная в бесцветный плащ. Длинные пряди седых волос полностью скрывают лицо. Стервятник.

На колени. С едва слышным стоном. На колени, перед могуществом хосадаку. И мешкать нельзя — иначе это заставит сделать Стервятник. Он умеет, и нет желания проверять еще раз. Советник Кого есть само воплощение зла.

На колени, неловко опираясь на обрубок левой руки.

На колени, превозмогая боль.

Он тяжело опустился, глядя немигающими глазами в покрытый мозаикой пол.

— Мы все еще испытываем сожаление по поводу твоей спешки, хотя рвение твое достойно слабой похвалы, — голос Кого волнами прокатывался по залу, ударяя в стоящего на коленях.

Голову ниже, чтобы не видеть ни хосадаку, ни Стервятника.

Собственный голос, как шелест песка:

— У меня не было выхода. Я обманул Черного тоэха, но должен был спешить. Он мог ухватить добычу...

— Знаем. Мы знаем... Мы уже слышали все это и понимаем, что ты поступил правильно. Но само наше разочарование проистекает из факта отсутствия успеха. С этим ничего нельзя поделать, но мы нашли способ исправить ситуацию. Нашли способ вернуть тебе наше расположение.

Тишина.

Хосадаку негромко чавкает, стекающий с конечностей сок каплями стучит по ковру.

— Юноша направляется к Буредде, и ты остановишь его на подходах к горе. Просто.

Никаких интриг и обманов. Возьми своих лучших воинов и принеси нам его голову.

Тишина.

Не дышать.

За спиной со скрежетом открываются двери.

— Отправляйся немедленно. Пропуском тебе станет слово Стервятника.

Как моментально взмокла спина... Встать, медленно и почтительно. Так же медленно начать пятиться, согнувшись вдвое.

Нашли способ. Как же, если бы не он, Кого никогда бы не узнал, что тоэх все-таки остался жив, волшебным образом вырвавшись из рук Стервятника, а теперь идет к Буредде. Хотя, конечно, он и поторопился, но практически весь план...

Сколько сил стоило сейчас не рухнуть ниц.

Серой невидимой плетью захлестнуло мозг и сжало, сдавило, отнимая жизнь. И голос. Спокойный холодный серый голос Стервятника, зазвучавший в голове.

— Ты дурак, и не тебе судить поступки хосадаку. Ты, видимо, не понимаешь, что остался цел, пусть и не буквально (холодный смешок), лишь потому, что оперативно сообщил о том, что тоэх жив и узнал, куда тот направляется. Выполняй приказ!

Огромная сила буквально вышвырнула его из зала.

* * *

Киоши приходил в себя очень медленно. Уже пребывая в сознании, еще долго не мог открыть глаз, чтобы осмотреться.

Когда, в итоге, ему это удалось, в поле зрения попал яркий костер, над которым истекала кипящим жиром туша, тент и два лежака из веток. Один из лежаков занимал он сам. На соседнем, с мечом на коленях, дремал проводник. Тоэх облизал пересохшие губы, улавливая острый приятный аромат жареного мяса, висящий над лагерем.

— Танара?

Тот открыл левый глаз, не пошелохнувшись. Странные татуировки, покрывающие его лицо, потускнели и еще глубже ввелись в кожу.

— Ты очнулся, — подтвердил он и поднялся, откладывая меч. В глазах проводника плескалась опустошенность. — Ты потерял сознание, помнишь?

Киоши кивнул, или ему так только показалось. Спину невероятно ломило.

— Сколько я без сознания?

— Долго. Весьма долго, — Танара придирчиво осмотрел мясо, пробуя его заточенной палкой. — Ужин готов.

Юноша заставил себя дотянуться до фляги.

Он отдыхал еще немало времени, прежде чем окончательно придти в себя и встать на ноги — за это время они успели поесть семь раз, умяв половину туши птицы-волка, приготовленной мидзури. Вскоре, пытаясь восстановить форму и заново привыкая к обновленному телу, Киоши принялся упражняться, прыгая по ветвям или поднимая камни. Танара оставался немногословен, заготавливая мясо впрок, и лишь исподлобья наблюдал за тоэхом, никак не объясняя появление узор на щеках.

Как только юноша заявил, что готов продолжать путь, проводник молча свернул лагерь, особое внимание уделив заметанию следов, и они двинулись в лес, оставляя гигантскую стену за спиной. Голубая ниточка заклипания, перечеркивающая громаду, медленно таяла в воздухе.

Как понял тоэх, теперь они направлялись прямо к реке. Неохватные стволы вековых деревьев возвышались над их головами, а поверх крон разносился многотысячный птичий гвалт.

— Огонь и вода, — Танара неожиданно поставил ногу на поваленный ствол, опуская на траву мешок, — я слышал, что именно так сравнивают наши расы. Вечное противоборство, схватка противоположностей. Ты согласен?

Киоши остановился, с интересом присаживаясь рядом на бревно. Он уже начал подозревать, что за время его пребывания в мире грез и снов с проводником что-то произошло. Что-то шокирующее. Банда желтых насекомых с энтузиазмом потрошила ягодный куст.

— Когда ты упал, — Танара потер щеку, но на этот раз не шрам. Казалось, он пытается оттереть с лица татуировку, — я был уверен, что ты погиб. Настолько, что даже не проверил, теплится ли в тебе жизнь... Я просто знал, что ее там нет. Как знаешь, что брошенный дом пуст и в нем никто не живет.

Киоши не торопился отвечать, сорванной веткой сбив на землю крупную бабочку.

— Это действительно животная мощь, примитивная энергия. Это так непохоже на нас. И я только сейчас понимаю всю разницу...

— Ты совершенно прав, — юноша подсел к нему, носком драной кроссовки отбросив в сторону пару камней. Почва под ногами была влажной, но теплой. — Но я не вижу причин для глубоких раздумий. Так было всегда, и так будет всегда. Разве нет?

Вопрос повис в воздухе.

— Красный, — взгляд Танары был направлен вглубь леса, задумчивый и отстраненный, — цвет крови и огня, цвет зарева пожаров, багрового марева заката. Как странно, что у нас обоих, тоэхов и мидзури, есть столь сильная предрасположенность к определенному цвету... Не находишь? Даже миры раскрашены, словно у каждого — свой. Интересно, захвати тоэхи мой мир, изменился бы цвет солнц?

Теперь Киоши поглядывал на проводника с легкой тревогой. Возможно, необходимо все-таки узнать, что стряслось с Танарой, когда тот спустился со скалы...

— Нити. Вот смотри, они существовали вечно, но наши родичи все же выбрали себе цвета. Или их природные Нити были даны расам за сущности?.. Скажи мне, там, наверху, в сожженной деревне, ты и правда стал бы драться? Просто так?

— Это... ну, допустим, все бы зависело... — юноша не знал, как ответить, косо поглядывая на татуировки. — Послушай, Танара, ты опять начинаешь рассуждать о вещах, слишком сложных для моего понимания. Думаю, подобные споры проще вести с мудрецами, — он поднял глаза к далекой вершине Буредды, виднеющейся из-за крон и утопающей в небе. — Кстати, к подобным размышлениям, как я успел понять, склонны и люди. Эти вообще все свободное время готовы строить хрустальные теории, основанные на фантазиях и предположениях.

— У тебя голос изменился.

— Что? А... Танара...

Киоши покачал головой, наконец, догадавшись. Увидев, как меняется его спутник, проводник нанес на лицо защитные заклинания...

— Да, ты прав, голосовые связки теперь выглядят несколько иначе. Это из-за трансформации, как ты уже понял... Но почему это так тревожит тебя? Я остаюсь тем же, кем был день назад. Давай, приятель, нам нужно двигаться.

— Ты еще изменишься? — мидзури не изменил позы.

— Немного, — Киоши начал медленно терять терпение, так и не сумев понять состояние собеседника, — но пока не хочу тратить силы. Если тебе любопытно, моя истинная форма — прямоходящий волк. Еще есть человеческая сущность, ее ты уже видел. Я не дубликатор. Запасной формы, в отличие от большинства моих сородичей, у нашего клана нет. Доволен? Вставай.

Наконец Танара медленно поднялся на ноги, потер глаза, словно сбрасывая сон.

— Ты должен привыкнуть, что наш склад ума гораздо ближе к людям, потому не обессудь.

— Да перестань... Как говорил мой наставник, нельзя познать глубину цвета до конца. Потому что у него всегда есть и обратная сторона — розовое мерцание восхода или сокрушительные волны свинцово-синей воды...

Проводник внимательно посмотрел на него, ничего не ответив, и нырнул в кусты.

Вскоре в воздухе отчетливо запахло водой, и Дремлющий Поток открылся их взорам.

Широкая и спокойная река, всецело оправдывая название, величественно катила свои теплые зеленоватые воды в сторону шпиля Буредды, едва заметно извиваясь и посверкивая чешуей резвящейся рыбы. Запах тины и стоячей воды наполнял воздух вокруг овальных заводей, кишачих тонкими перламутровыми змеями.

Деревья, обрамляющие реку, здесь стали пониже ростом, уступая место под солнцами всевозможным кустарникам, усыпанным мелкой листвой, колючками и крошечными синеватыми ягодами.

Заметив чужаков, справа по берегу в воду тяжело сползло массивное животное, удаляясь прочь, а его широкая голова еще долго возвышалась над расходящимися кругами.

— Мы почти у цели, — Танара осматривался.

— Только не говори, что теперь нам необходимо сплести плот или подвесной мост... — в голосе тоэха послышалось беспокойство. Воды он опасался гораздо сильнее, чем высоты.

— Мост? — проводник впервые после спуска со скалы улыбнулся, широко и добродушно. — А что, это ведь идея.

Киоши обернулся так резко и однозначно, что Танара в два прыжка взлетел на стоящее неподалеку гибкое дерево. Ствол плавно закачался, изгибаясь под весом мидзури. Тоэх оскалился, не пытаясь скрыть, что действительно рад исчезновению напряжения, сковывавшего проводника. Рад настолько, что ощутил в груди приятное тепло. Он встал под деревом, будто бы исподлобья рассматривая шутника.

— Ладно, не бери в голову, — тот ловко спустился, примирительно поднимая раскрытые ладони. — Я правда пошутил. Несмотря на заброшенность этих мест, неподалеку находится солидное рыбацкое поселение. По сути, его населяют авантюристы, уловившие, что князьям и их солдатам в этих землях делать нечего, а Дремлющий Поток богат уловом. Я уже бывал там, и на этот раз вновь рассчитываю раздобыть у рыбаков лодку или подсесть на чей-то корабль.

Киоши задумчиво почесал длинное заостренное ухо, глядя на размеренный бег воды. Ее плеск усыплял, притуплял остроту мыслей.

— Как далеко до поселка?

Мидзури повел их вниз по течению топкими и открытыми участками. И не успели путешественники встать на очередной привал, как уже выходили к просторной прибрежной поляне, окруженной невысоким деревянным плетнем.

Груда домишек различной формы и размеров составляла примитивное рыбацкое поселение с небольшой пристанью, на волнах которой сейчас качались пара барж и десяток лодок. Уверенным шагом они миновали несколько плетеных из тростника и ветвей хижин, пирамиду высоких бочек на заднем дворе двухэтажного дома, разбитую телегу у дороги, ведущей в лес. Ни вьющийся над деревней дым, ни свежий ветер с воды не могли разогнать вонь рыбы, царившую в воздухе. Киоши недовольно поморщился, понижая чувствительность к запахам.

Стайка детей — мелких, по колено юноше, демонят с визгом погнала по застеленной ветвями улице ленивого двухголового пса. Животное вяло огрызалось, игриво скаля зубы, и меланхолично пыталось избавиться от грозди привешенных к хвостам ракушек. В остальном деревня выглядела пустой...

Танара остановился перед одним из самых больших домов деревни. Казалось, он точно знает, что делать дальше.

— Говоришь, ты здесь уже бывал? — тот в ответ кратко кивнул, высматривая кого-то в окне.

На невысокую веранду вышел, застыв без движения, один из низших демонов, даже не имевших собственной формы. Его полупрозрачная кожа местами была покрыта чешуей, рыбы глаза бездумно уткнулись вдаль.

— Эй, ублюдок, — мутный взгляд медленно переместился на Танару, так и не обретя

осмысленности. — Быстро отвечай, где сейчас капитан Д" осс?

Низший что-то пролепетал в ответ на незнакомом Киюши языке, несколько раз махнув рукой в сторону пристани. Его глаза сомкнулись, и он вновь замер, словно уснул.

— Он в отплытии? — поинтересовался Киюши.

— Нет, только что вернулся, — Танара потащил его по улице. — Рыбаки делят добычу.

Спускаясь к реке, где жилых домов стало меньше, а складов и навесов больше, улица привела путников к берегу Потока, заваленному рыбацкой снастью. Развешанные для сушки и починки многочисленные сети колыхались на ветру, летевшем с воды — их бесконечные стены напоминали руины разрушенного лабиринта. Несколько демонов сидело на темных, уже не используемых столбах развалившегося старого пирса, болтая и занимаясь чисткой рыбы.

Добычей, о которой рассказал слуга, оказалось здоровенное водоплавающее, распластанное по бревенчатому настилу берега. Вокруг его жирной туши толпились несколько рыбаков разных форм и размеров. Почти все население речного поселка заинтересовано наблюдало за их суетой, выстроившись полукругом на некотором расстоянии.

Животное напомнило Киюши земную мурену, только очень большую, не меньше шести шагов длины, с крохотными лапками по всему телу. Танара совершенно бесцеремонно растолкал рыбаков, выходя на середину. В толпе раздались возмущенные возгласы, а речники оборвали спор, оборачиваясь.

— Танара, джеш! — худой высокий мидзури тут же бросился к нему, простирая все четыре руки в разные стороны. — Не виделись тысячу времен! Какими судьбами?

Через мгновение проводник уже барахтался в его объятиях. Остальные рыбаки продолжали молчать, хмуро разглядывая неожиданного знакомого.

— Капитан Д" осс! Славный капитан, гроза рыбьих косяков! Я тоже рад вас всех видеть... Д" осс, прошу тебя, осторожней, не изломай меня...

К ним подошел еще один рыбак, коренастый, покрытый сплошным ковром коротких шипов по всему телу, с аккуратно сложенными за спиной крыльями.

— Шшолто! Летучий рыбак! Ты все еще работаешь на этого обдиралу?

Проводник принялся обниматься с крылатым. Теперь до Киюши долетали лишь обрывки фраз, в которых рыбаки расспрашивали Танару о его жизни, ежеминутно хлопая того по плечам. Тоэх топтался на месте, чувствуя себя неловко под десятками взглядов, с интересом изучающих его.

Наконец Танара обернулся, маша ему рукой.

Юноша осторожно пробрался сквозь толпу, стараясь лишний раз никого не задеть. Его негромко обсуждали, без труда признав чужака.

Подошел, осторожно кланяясь рыбакам. Команда Д" осса была разодета в редкое тряпье, в основном сшитое из рыбьих шкур, насквозь мокрое и воняющее всем, что только можно добыть из вод Дремлющего Потока. Однако, стоило отметить, что деревенская толпа была одета еще беднее, а многие и вовсе чурались одежд, не прикрывая даже половые органы.

— Это мой друг, Гисху, мы путешествуем вместе. Он издалека, из-под Облачных Островов, так что пусть вас не смущает его акцент. Гисху, это капитан Д" осс, его старпом Шшолто, он же самый лучший речной гарпунер по эту сторону Небесного Озера. Хвала Держателям, что мы застали их в поселке в это время! Теперь у нас не будет лишних проблем с поиском корабля.

Речники уважительно, хоть и без особого такта, ответили на приветственные поклоны Киюши.

— Куда направляешься, джеш? — Д" осс, стараясь не смотреть на покрытое татуировками лицо проводника, нижними руками оправил старую, всю в заплатках кожаную куртку без рукавов.

Киюши не заметил его взгляда, зато с трудом сдержал улыбку, обратив внимание, как

почтительно тот относится к капитанской форме.

— Мы идем в Ансах, но решили срезать дорогу.

— Надеюсь, вы срезали путь не так, как это впервые сделал этот умалишенный?

Вопрос был адресован тоэху, но тот лишь вежливо улыбнулся и промолчал. Неловкость не отпускала его, и теперь он вновь почувствовал себя одиноким и чужим. Д" осс улыбнулся, потирая ладони нижней пары рук.

— Перестань, капитан, а то мой друг начнет думать обо мне плохо, — проводник улыбнулся в ответ, хлопнув по плечу Киоши, совершенно потерявшегося от этого жеста. — Хочу просить тебя, Д" осс, переправить нас на тот берег. Еще лучше, если твоя развалюха подвезет нас как можно дальше в сторону Ансаха. Это возможно?

Левая верхняя рука рыбацкого капитана почесала подбородок. Улыбка не сходила с его лица, но юношу тот оставил в покое.

— Танара, — вмешался коренастый Шшолто, наклонив голову и шевельнув сложенными крыльями, — а ты не забыл, что все еще должен мне пятнадцать кристаллов?

— Я отлично помню об этом, джеш. И буду помнить. Пока не отдам. То есть, еще очень долго, — они рассмеялись одновременно.

— Хорошо, — капитан махнул сразу всеми руками, — я переправлю вас. Возможно, даже подброшу к Ансаху. Но не сейчас, — он обернулся к выловленной мурене. — Сначала нам нужно решить один вопрос.

Д" осс приобнял Танару и Киоши верхними руками за плечи, подталкивая к добыче.

— Взгляни, бродяга, может у тебя есть мнение на этот счет? Мы совершенно случайно вырубили этого уроды сильно ниже по течению, а теперь гадаем, животное ли это, или же один из нас?..

Киоши обомлел. В его мире у животных и демонов совершенно различные ауры, различать которые тоэхов учили с детства. Он вновь с горечью подумал, что Мидзури может быть как родиной утонченных колдунов, так и пристанищем самого отъявленного варварства...

— Наши старики уверены, что помнят таких зверей в Дремлющем Потоке, но не встречали уже очень давно.

— Не поздновато ли после убийства гадать, кто убит? — юноша обмер, понимая, что дерзкие слова срываются с его собственных губ, едва разведенных в оскале. — Отныне мясо останется мясом, так к чему ломать голову? Если вы по ошибке убили животное, значит, подобные ему вновь вернулись в воды Потока. Если же это мидзури, в Большом Круге его сущности-гекару будет, о чем пожаловаться остальным... Остальным гекару...

Киоши заставил себя замолчать, только до крови прикусив язык, и склонил голову под перекрестными взглядами собеседников. Пламенеющие глаза проводника прожигали его не хуже боевого заклинания.

— Твой спутник — не мидзури, — Шшолто сделал шаг к Киоши, задирая голову.

Это был не вопрос.

— Я уже говорил о том, что он издалека, — Танара говорил непринужденно, но с долей надрыва. Положил руку на нижнее плечо капитана, оттесняя того в сторону. Заставив наклониться, прошептал, — Не хотел об этом говорить, но он полукровка, к тому же много времени провел на Земле.

— Редкий случай, — отрезал капитан, аккуратно снимая руку со своего плеча. — Ну, тогда объясни своему товарищу, что речь идет о возможной кровной мести.

Киоши предпочел смолчать, отлично понимая, что и так хватанул лишнего. Однако рыбаки мигом утратили интерес к его личности, что-то обсуждая с Танарой. Юноша как можно более незаметно отошел в сторону, принявшись рассматривать пузатую баржу с пробитым дном, выволоченную на дощатый берег. В глубине корабля играли дети.

Демоны продолжили громкий спор, жестикулируя и качая головами, но теперь в него стал втянут и проводник.

Внезапно Шшолто потянул Танару в сторону, цепко ухватив за куртку костистой

рукой. Это не укрылось от бокового взгляда Киоши, и тот невольно прислушался к обрывкам разговора.

— Если ты идешь из-за Небесного Озера, то должен был слышать, что в наши края вернулся Вайраш, — старший помощник понизил голос, не подозревая о зверином слухе тоэха, но Танара невольно скопил на спутника глаза. — Говорят, даже гвардейцы Кого ищут его... А еще болтают, будто он вернулся, чтобы найти тебя...

— Это же просто чудесно, джеш! — Танара натянуто улыбнулся, не отрывая глаз от тоэха. Казалось, он гадал, как много слышит его спутник. — Я уже давно...

— Ты что, больной? Это не шутка, джеш, — Шшолто крепче стиснул его плечо. — Говорят, он рыщет по переправам, а в позапрошлом времени Темных Солнц приезжал в деревню. Правда, также болтают, что его сопровождали всадники со знаками Кого, но тут сплетни противоречат друг другу...

— Успокойся, Шшолто. Я не хочу... — проводник намеренно повел собеседника подальше на пирс, и теперь речной ветер почти полностью стал сносить их слова.

Киоши смотрел на реку, над широкой гладью которой носились массивные длиннохвостые стрекозы, охотившиеся на мелких птиц. Птицы, рискуя быть пойманными, суетливо таскали из воды мальков. По-прежнему воняло тухлой рыбой. Дремлющий Поток действительно оказался широченным, как и предсказывал проводник — больше похожим на озеро, если бы не острое зрение тоэха, способного разглядеть в далекой дымке его противоположный берег.

Теперь юноша чувствовал себя еще более гадко, чем до прихода в деревню — не сумев удержать языка, он попал под пристальное внимание почти всей команды Д" осса. Усевшись на дно перевернутой лодки, он постарался расслабиться, сосредоточив внимание на волнах.

Прошло еще немало времени, пока рыбаки решили-таки, подальше от греха, все же похоронить убитую мурену. Удовлетворенные скорым и славным решением, они разбрелись по домам, немало удручив этим толпу зевак. Как было видно, что-то необычное происходило в поселке крайне редко.

Распустив команду, Д" осс вернулся к путешественникам, проявив искреннее гостеприимство и доброжелательность. Казалось, он либо тактично забыл о словах чужака, либо его попросил об этом проводник. Втроем они отправились в деревню, где тупой демон с рыбьими глазами, которого Танара допрашивал на веранде, внезапно оказался домашним слугой капитана. Остановиться отдохнуть рыбаки приглашал к себе — семья или дети не отягощали дом хозяина.

Д" осс до отвала накормил их ужином из десятка блюд, приготовленных исключительно из рыбы и других водных обитателей, после чего предоставил для отдыха просторную светлую комнату с двумя гамаками под потолком. А после двух бокалов вина из капитанских запасов Киоши и вправду стал склоняться к мысли, что тот корректно забыл о состоявшемся разговоре. Хитрость и любопытство были не в почете у жителей деревни — ее населяли простые и работающие демоны, не способные даже честно торговаться с лукавыми перекупщиками рыбы, забирающими богатые уловы почти за бесценок.

После трапезы умывшись из деревянного бака, Танара тут же забрался в гамак, стянув сапоги и куртку. Киоши бака показалось мало. Потому он испросил разрешения, сбросил порядком истрепавшиеся кроссовки и ринулся на реку, на прохладной глубине смывая с себя грязь и усталость похода. Своим поступком тоэха незамедлительно привлек внимание всей шумной толпы деревенских детей. Они гомонили на берегу, радостно тыча пальчиками в жилистого юношу, словно огромного пса плескавшегося в воде. А когда Киоши, осмелев, под водой прокрался к берегу и, ужасно-ужасно рыча, побросал в воду орущую мелюзгу, их восторгу и вовсе не стало предела. Разделив отдых с проводником, он почувствовал себя совсем другим существом — свежим и сытым.

Через короткое время путники вновь предстали перед капитаном, занимавшим так же и пост деревенского старосты. Отдав слугам и женщинам необходимые распоряжения, Д" осс, не теряя времени даром, повел демонов обратно на пирс.

За время прогулки Танара негромко переговаривался с рыбаком, пересказывая подробности нападения на рудный обоз безвестного князя. Как и проводник, капитан склонялся к мнению, что на верхнем рубеже Небесного Озера и впрямь начиналась война. По словам самого Д" осса, банды разбойников и пиратов в последнее время осмелели и на нижних рубежах Озера. Сделались дерзкими, даже начали появляться в окрестностях Дремлющего Потока. Речные пираты, с которыми трудолюбивые речники жили в относительном мире, спешно меняли предводителей. А те, в свою очередь, все чаще принялись нарушать статус-кво, уже давно существовавший между речными промысловиками и их покровителями.

По возвращению на пристань выяснилось, что команда будет сопровождать их в неполном составе. Шшолто собрал лишь несколько демонов, самых расторопных и активных, остальных распустив по домам к семьям.

Как еще чуть позже уяснил Киюши, капитану принадлежала одна из барж, красовавшихся у длинного пирса. Понимание пришло мгновенно — едва вступив на доски причала, Д" осс заметно изменился — теперь это был не радушный и внимательный хозяин, но тщеславный хозяин уникального водоплавающего кормильца, дарующего пищу ему и всей команде. Капитан незамедлительно провел путешественников на борт, с момента восхождения по трапу не умолкая, и с гордостью расхваливая достоинства своего корабля. Шшолто принялся командовать, звучным голосом подгоняя и без того шустрых речников.

Баржа готовилась к отплытию.

— Я уже говорил тебе, Танара, что в днище моего "Авенара" проложены две Синие и одна Зеленая Нити? — капитан любовно поглаживал фальшборт, лукаво поглядывая на гостей.

— Да, джеш, и даже несколько раз, — преувеличено вздыхал проводник, поднимаясь на корабль по шаткому мостку вслед за рыбаком.

— Я знаю... — с едва различимым разочарованием отвечал капитан, почесывая затылок правой верхней рукой. — Уважаемый Гисху, прошу на борт — располагайтесь, судно к вашим услугам. Оно домчит вас до другого берега со скоростью ветра, а другого такого корабля вам не найти на всех реках Мидзури.

Киюши старался вежливо и заинтересованно кивать, по большей части пропуская болтовню капитана мимо ушей, в тоже время с неподдельным любопытством осматривая баржу. Ее деревянный каркас, овальный, почти круглый по обводам, был обтянут зеленой кожей и плотно, без зазоров, обшит крупными панцирями черепах. Единственная мачта, словно перст, высилась посреди палубы, спущенный рей был опутан штопаным желтым парусом. Низкий фальшборт, приземистая надстройка на корме и глубокая посадка судна вызывали ощущение, что корабль либо тяжело нагружен, либо почти затоплен. Однако тоэх сразу понял обманчивость своего ощущения — Нити действительно были вшиты в киль судна, обеспечивая ему полную устойчивость и добавляя скорости.

Повсюду на палубе — и вокруг массивного люка в трюм, и вдоль бортов — лежали бухты веревок, свернутые рыбацкие сети, бочки, деревянные клетки для раков и прочая утварь. На носу баржи виднелись десятки гарпунов, составленных в аккуратные пирамиды.

Киюши, для которого визиты на корабли, как подобные этому, так и человеческие, были редкостью, с интересом бродил между рыбаками, не забывая вовремя кивать Д" оссе и переключать внимание на новую особенность баржи. Танара же безмятежно развалился на бухте каната, принявшись начищать пряжки своей сумы.

— ...конечно, нападения случались и раньше. Но раньше и они, и мы точно знали, кто кому платит, чтобы остаться без дырки в пузе, — тоэх спохватился в самом конце фразы капитана, прислушиваясь.

— И что, нынче приходится воевать? — теперь в его словах чувствовался неподдельный интерес.

— Эх, не без этого... — Д" осс невесело улыбнулся. — Новые вожаки считают, что сами в состоянии продавать перекупщикам наши уловы, а долговременные отношения их не

интересуют. Совсем недавно "Авенар" с честью отразил два пиратских нападения. Нам есть, что сказать кавертаям — его корпус защищен от тарана броней, которую мои славные ребята постоянно укрепляют и меняют на новую, а скорость и храбрая команда никогда не...

Пираты? Киоши мельком взглянул на проводника, дремавшего в веревочной бухте. Тени от вант перекрещивались на его лице, добавляя в татуировку новых узоров. Танара ничего не говорил о том, что путешествие по Потоку сопряжено с опасностями... Если судьба стала менее благосклонна, можно ожидать неприятных сюрпризов. Юноша задумался, что если бы сам оказался в роли преследователя и все же напал на след жертвы — такой возможности вряд ли бы упустил... В груди опять поселилось что-то щемящее, некий тяжелый комок предчувствия.

Киоши остановился у низкого борта, задумчиво глядя на стоячую воду пристани.

Убедившись, что команда на местах и готова к выходу в речную гладь, Д" осс принялся отдавать приказы. Шшолто поднялся на ют, вставая к рулевому веслу.

Их никто не вышел провожать — население деревни разбрелось по домам, потчuya вернувшихся из плаванья речников и подсчитывая скорый скупой доход от свежего улова. "Авенар" не спеша отвалился от пирса, будто бы нехотя отталкиваясь прутиками шестов, матросы засуетились возле рея. Покачиваясь с непривычки, молодой тоэх, на этот раз примеривший на себя личину безродного Гисху, прошел на бак.

Противоположный берег по-прежнему был с трудом различим вдали, покрытый слабой серой дымкой. Несколько поросших кустарником островов посреди реки были заметны гораздо четче. Над водой висел прозрачный зеленый туман. Низко, едва не касаясь крыльями воды, пролетела стая птиц, похожих на земных аистов.

Корабль мягко отошел от пирса, и вот уже заскрипели канаты, поднимая тяжелый рей. Скрип шарниров и подвижных блоков был тут же перекрыт шелестом разворачиваемого паруса.

Капитан поднялся на ют, с которого запустил несколько блеклых Синих, прощупывая ветер.

Танара осторожно приблизился, но тоэх заметил и обернулся. Проводник с интересом наклонил голову.

— Тебя что-то тревожит?

Какое-то время юноша не знал, что ответить. Машинально коснулся когтем висящего на груди амулета.

— Немного. Я привык доверять своим предчувствиям, а сейчас они снова разговаривают со мной.

— Хочешь что-то обсудить?

— Нет, пожалуй, — парень тряхнул гривой, решительно меняя тему. — Слушай, Танара, а что значит джеш?

— На вашем языке это означало бы крепкую дружбу. Устаревшее слово, почти отмершее, но крестьяне очень его любят, так выражая свое отношение к собеседнику. О, смотри, — Танара вскинул руку, но Киоши и сам заметил, — они поймали ветер.

И вправду, полотнище вздулось, скрипя реем, и "Авенар" величественно двинулся вперед, набирая скорость.

Вновь, в который раз за все путешествие, время замерло, позволяя бесечно наслаждаться дорогой. Берег и рыбацкая деревня все удалялись и удалялись, постепенно затерявшись на фоне царящих вдоль реки лесов, а окружающая со всех сторон вода начисто лишала каких-либо мыслей, заставляя лишь равнодушно наблюдать за своим течением. Оно подхватило корабль, сдружившись с ветром, и шустро понесло баржу в сторону Буредды. Скала снисходительно наблюдала за ними с высоты своего божественного роста, забавляясь, какой крохотной была скорлупка рыбацкого судна на фоне широкой ленты Дремлющего Потока.

Стоя у борта и пытаясь разглядеть хоть что-то в сверкающей зеленой воде, Киоши невольно задремал наяву, не сразу обратив внимание, что шкипер что-то оживленно

объясняет стоявшему на юте капитану.

Окончив беседу, Д" осс спустился на палубу, приближаясь к пассажирам. Лицо его лучилось от улыбки, но глаза говорили об обратном. Кисти нижних рук, против воли рыбака, сжались в кулаки.

— Шшолто сказал, что заметил парус прямо по курсу, сразу за островом Требухи. Это далеко, но мимо не пройдем, если не сделаем маневр к правому берегу.

Капитан сказал это так, словно спрашивал совета. У Танары, разумеется, на Гисху он даже не смотрел. Повисла неловкая тишина. Ветер подвывал в снастях, а волны шумно плескались о борта. "Авенар" привычно рассекал их, все дальше унося странников от Небесного Озера.

— Это может быть рыбак? — наконец поинтересовался проводник.

— Может. Одна из рыбацких барж из соседних деревень, хотя их тут и немного. Но может быть и не рыбак. Танара, если ты хочешь, мы можем продолжить путешествие позже, когда Солнце-Цветок будет в зените.

— Это очень долго, а мы спешим... — Танара взглянул на небо, прищуриваясь. — Тебе виднее, капитан, это могут быть пираты?

Вместо ответа Д" осс решительно кивнул.

— Я ничего не могу гарантировать.

— Капитан?

Тоэх почтительно сложил ладони, кланяясь и изо всех сил подбирая слова, чтобы не повторить собственной ошибки. Оба мидзури с интересом взглянули на него.

— Я заранее прошу простить мой дерзкий вопрос. Но хочу узнать, вы беспокоитесь за свое судно или за нашу сохранность?

Нижними руками Д" осс потер лицо. Смачно плюнул на палубу. На этот раз он не обиделся, но и реагировать на вопрос чужеземца не торопился. Сейчас он говорил уже не только с Танарой, но с обоими путешественниками.

— Как я уже говорил, "Авенару" случалось принимать участие в драках. Да и за команду я не боюсь, парни давно знают, что наша работа перестала быть безопасной... Потому я не стану отвечать и ожидаю вашего решения, — он вопросительно уставился на проводника.

— Ну? — Танара, в свою очередь, обернулся к Киоши.

Решай, говорили его глаза. Это твое путешествие, а я всего лишь помогаю. Захочешь — мы пойдем вдоль острова Требухи. Скажешь иначе, и мы повернем вправо. Но принять это решение должен ты сам.

Решай. Такое простое слово, но такое емкое и глубокое, как недра Дремлющего Потока. Юноша отвернулся, всматриваясь вдаль. Если Шшолто и увидел парус, сейчас тот исчез, и даже тоэх не мог разглядеть ничего странного в далеком острове прямо по курсу. Осознание, что именно от него сейчас требуется решение, придавило юношу, заставив сердце забиться чаще. Решать за себя, за кулон, за корабль, за проводника. Амулет покачивался на груди, бликуя на солнце.

— Капитан, — медленно проговаривая каждое слово, сказал юноша, — к сожалению, мы не можем терять драгоценное время.

Д" осс кивнул и развернулся на пятках, словно его действительно удовлетворял любой ответ пассажиров. Широкими шагами он двинулся прочь, прикрикивая на матросов.

Серой пеленой по глазам.

Кровь.

Капающая в пустоту кровь.

Киоши отшатнулся от борта, закачавшись и едва успев ухватиться за ванты. В глазах его потемнело от внезапной догадки, и проводник тут же оказался рядом, обеспокоено подхватывая под локоть и заглядывая в лицо. Ну конечно, как он сразу не заметил очевидного?

О, Великие Держатели! Тоэх... Это же был чистокровный тоэх... Там, в сожженной

деревне, где окопались ограбившие рудный обоз кавертай, их командиром, Ткачом Нити — был тоэх... Вот, что витало в незнакомом юноше воздухе чужого мира. Он просто учуял своего, не осознав этого.

Он вздрогнул, понимая, что Танара трясет его руку.

— Очнись, Гисху, — шипел тот, озираясь на встревоженных рыбаков, снующих вокруг. — Да что с тобой? Мы почти у острова Требухи.

Киоши осмотрелся, как будто впервые оказался на палубе незнакомого корабля. Сколько времени он так простоял?

Слева, буквально в двух полетах арбалетной стрелы, мимо проползал небольшой, покрытый густыми низкими деревцами остров. Еще один, чуть больше, но практически близнец, находился далеко впереди и справа. Берега островов были покрыты пятнами старых костровищ — рыбаки часто останавливались здесь подлатать суда, отсортировать улов или укрыться от штормового ветра. Стая птиц шумно сорвалась с ветвей, с криками покружила над облюбованным местом и понеслась прочь, низко пригибая к воде длинные шеи.

Без лишней суеты или паники рыбаки Д" осса разбирали нехитрое оружие, негромко переговариваясь. Танара, словно происходящее совершенно не касалось его, вновь безмятежно растянулся на веревочной бухте.

Первым чужака заметил тоэх. Сразу следом за ним — глазастый Шшолто. И сразу что-то крикнул, указывая рукой вперед. У песчаного берега, приспустив парус, стоял узкий длинный корабль, носовой фигурой которого являлся оскалившийся многорукий демон. Борта и мачты чужого судна были выкрашены в кроваво-красный цвет. Несколько багровых весел по левому борту, подставленному "Авенару", были подняты над водой. На носу красного судна столпились вооруженные.

По сухому приказу Д" осса, ничуть не сбавляя скорости, "Авенар" пошел мимо.

Чужак оставался неподвижен, едва качаясь на волне, и рыбацкая баржа медленно оставляла его за кормой.

Команда замерла в напряжении. Матросы, столпившиеся на алых бортах, тоже не шевелились.

"Авенар" медленно отрывался от "Многорукого", как его окрестил для себя тоэх.

Тишина тяжелого теплого воздуха нарушалась лишь скрипом веревок и дерева. Ожидание опустилась на корабли, ни звука не слетало с кораблей.

Чужое судно полностью осталось за спиной.

Киоши разжал кулаки, распрямляя сведенные плечи. Он и сам не заметил, как собрался, изготавившись к броску. Видимо, судьба смирлостивилась над ним и в этот раз.

"Авенар" продолжал движение прежним курсом.

В этот момент над водой пролетел, ударившись в корму, короткий гортанный вскрик.

Весла "Многорукого" упали в воду.

Д" осс сорвался с места, выкрикивая команды, беспорядочно зазвенели шкоты — парус баржи пытался поймать больше ветра. Тоэх стиснул зубы, оборачиваясь.

Противник, словно стремительная гигантская водомерка, пристраивался в кильватер, начиная догонять. Красно-оранжевые полотна его парусов хлопнули, наполняясь.

— Нам не уйти, — с первого взгляда равнодушно констатировал капитан, подходящий к борту. Глядя на приближающийся корабль, он ловко подпоясывался двумя парами мечей и кинжалов. — Вынужден признать, скорее всего будет драка, готовьтесь...

— Пираты... — пронеслось над рыбаками, словно подхваченное ветром эхо.

Почти без усилий "Многорукий" нагнал баржу, сближаясь на большой скорости. Парус "Авенара" упал, кормовое весло срочно убирали внутрь.

— Эй, на барже! — звонкий крик летел с чужака. — Хочу говорить с капитаном!

Д" осс отошел к правому борту, поставив ногу на планшир, словно хотел плевать на вражеские стрелы.

— Я капитан этого судна! С кем разговариваю, и что вам нужно?

Красная галера взяла право руля, пристраиваясь вровень с "Авенаром", и Киоши смог

лучше рассмотреть пиратское судно. Длинный узкий корпус, ряд старых темных весел, невысокая толстая мачта, красно-золотой кожаный шатер на корме. Борта и весельные люки беспорядочно увешаны легкими плетеными щитами, ветер похлопывал гирляндами цветастых вымпелов. Вдоль левого борта столпились разнообразные демоны, вооруженные как мечами и копьями, так и Нитями.

На носу "Многорукого", опираясь рукой на резную фигуру, стоял трехглазый старец в белых свободных одеждах. Ветер играл длинной, до колен бородой, но голова пиратского вождя была лысой, словно птичье яйцо.

— Вопросы сейчас буду задавать лишь я, рыбак! — он криво усмехнулся, поигрывая намотанной на кулак бородой. — Неужели ты не понимаешь, что твое корыто полностью находится в моей власти?

— Что тебе нужно? — голос Д" осса не потерял твердости. Было заметно, что встреча с разбойниками — действительно не уникальное событие для рыбацкого капитана.

Двое его матросов без лишней суеты перенесли с противоположного борта до времени лежащий на палубе высокий щит-павезу.

— Твоя лодка мне не нужна, рыбак, как и улов, если он есть. Но ты должен знать, что в этих водах я выполняю одну работу...

"Многорукий" медленно останавливался, приспустив парус, пальцы весел взметнулись в небо, обтекая потоками воды. Звеня цепями, пиратские рабы спешно закрепили их в люках и попрятались, укладываясь на пол.

— Я разыскиваю одного демона, рыбак.

Киоши отступил от борта, оглядываясь и сжимая в ладони кулон. Для него лично доплыть до берега было нехитрым делом, но Танара... Тот, к немалому удивлению юноши, и вовсе задремал, даже не прислушиваясь к разговору. Тотх несколько раз глубоко вздохнул, разгоняя кровь и готовясь к драке. В этот момент он еще раз, до боли в сердце осознал, насколько чужим кажется ему этот мир, погруженный в синеватый свет, со зловещими отблесками на воде, и мертвенными лицами чужих демонов.

— Я хочу осмотреть твой трюм, рыбак. И если ты не держишь в нем моего улова, я пойду дальше.

— А кто сказал тебе, что я позволю осматривать мое судно? — Д" осс прищурился, и капля пота сползла по его обнаженному плечу.

Пиратская команда ответила на это дружным смехом и рычанием, но седой старик поднял руку, и смех смолк. Рукава белоснежного балахона развевались по ветру.

— Да ты еще больший дурак, чем я подумал! Но я добр сегодня и даю еще один шанс. В этот раз не тебе, а ему. Если твой пассажир хоть немного дорожит жизнями вашей никчемной команды... Мы в любом случае обыщем корабль, по доброй воле или перебив вас, если ты не отдашь мне мое сразу.

Капитаны мерили друг друга взглядами, а Киоши сконцентрировался, отпуская когти на полную длину. Он отдаст кулон только мертвым, и то сначала постарается сбросить его в реку. К его отчаянию, над водной гладью не лежало ни одной Красной...

— Эй, трус! — старик сложил руки рупором. — Если ты там, то должен слышать! Выходи, оставь жизни этих рыбаков им самим! Не прячься за спины, неспособные спрятать!

Пираты принялись деловито готовить abordажные трапы, гремело оружие. Нити, как варево огромного котла, начали закручиваться над кораблями.

Киоши резко выдохнул, готовясь к прыжку. У него даже не оставалось времени попрощаться с Танарой...

— А с каких это пор пес завел себе свору?

Киоши замер, не успев даже пошевелиться, как будто его пригвоздили к доскам палубы. Медленно обернулся.

— Или Вайраш стал еще более труслив, чем прежде, если нанимает таких ублюдков?

Сцепив руки за спиной, на коротком бушприте рыбацкого корабля стоял Танара. Расслабленный, спокойный, ленивый. Из-за спины виднелся меч, укрепленный параллельно

земле и зафиксированный кожаным поясом, кинжал свисал вдоль правого бедра.

Старик мгновенно умолк, отпуская прядь бороды, а затем цепкий взгляд трех его глаз впился в проводника.

— Ты все-таки выполз из норы, дурак... Большая удача сегодня с нами!

Он резко махнул рукой, и ватага за его спиной взорвалась в движении. Пираты засуетились, над водой взлетели кованые пятизубые кошки и специальные клейкие заклинания, дугами падая на палубу рыбацкого судна. Надсмотрщики заревели, подгоняя надрывающихся рабов, орудующих шестами, и пиратский корабль начал медленно сближаться с "Авенаром".

— Не знаю, кто из нас дурак... — Танара плавно изогнулся, стремительно выбрасывая перед собой сразу обе руки.

В следующий миг седовласый старик захрипел, выпучив потемневшие глаза, а его пальцы судорожно ухватились за древко гарпуна, больше чем наполовину вошедшего в грудь. Белоснежные одежды потемнели, расцветая росчерками кровавых брызг.

Телохранители вожака запоздало метнулись вперед, а остальные пираты, уже готовые к атаке, тут же замешкались. Танара вновь сцепил руки за спиной, улыбаясь криво и насмешливо.

С "Многорукого" загремел рог, эхом разлетаясь над водой.

Тут же еще один гарпун ударил в телохранителя мертвого вожака, и тот, брызнув фонтаном крови, тюком повалился на палубу. Шшолто победно закричал, потрясая руками.

Д" осс обнажил все четыре клинка. Крики приказов наполнили воздух.

Неожиданно пират принялся отступать. Судно кавертаев побросало абордажные веревки, цепи и Нити, весла выскользнули из крепежей, с взрывами брызг опадая обратно в воду, и "Многорукий" пополз в сторону, забирая право руля. С обоих кораблей в воздух поднялись первые стрелы.

Киоши все еще ошеломленно разглядывал проводника, когда на палубе "Авенара", ловко переваливаясь через фальшборт, начали появляться пираты, пробирающиеся к барже под водой.

Первым стал двухметровый тритон, неловко и слишком медленно замахнувшийся на тоэха короткой саблей. Юноша метнулся к пирату, сокращая дистанцию и блокируя предплечьем в мокрую кисть, а затем одним ударом вышиб у того оружие вместе с куском руки. Следующим ударом у взывшего противника была сломана шея.

На корабле разгорелся бой. Д" осс, прижавшись к юту, отбивался сразу от троих. Ему на помощь спешил небольшой отряд рыбаков во главе с Шшолто, душившим пиратов правильно скрученной Синей. Клинки капитана сверкали.

Киоши подпрыгнул вверх и вперед, в воздухе проворачиваясь вокруг оси, и приземлился за спинами двух проскочивших бандитов. Без труда ушел от колющего удара копьем. Нападавшие были типичным сбродом низших, даже в малой степени не владеющих знанием. Тоэх оскалится, когда сгорбленный широкоплечий пират принялся оборачиваться, метая два топора, блеснувшие в полете. Чуть пригнувшись, юноша пропустил их над головой и рванулся вперед, стелясь над палубой.

Горбун умер на месте, насквозь проткнутый в живот когтистой рукой — при желании Киоши смог бы показать тому собственные внутренности. Тоэх медленно выдернул окровавленную руку и отступил, пропуская падающее тело. Второй пират, отшатываясь от обезображенных останков напарника, что-то дико закричал, одним прыжком перемахнув за борт.

Кровь била в виски, зубы скалились в волчьей усмешке, сердце колотило сумасшедший ритм. Теперь юноше казалось, что и три десятка мягкотелых мидзури не в состоянии остановить его прорыв. Чувство опьяняло. Оно прикрывало глаза розовой пленкой, заставляя забывать о причинах битвы, об осторожности, о следующей секунде существования. Оно заставляло победно рычать. Не сдерживаясь, тоэх задрал голову к чужому небу и завыл.

Внезапная драка оказалась скоротечной. Напавшие из-под воды разбойники, отчего-то

не поддержанные замешкавшимися собратями с "Многорукого", быстро оказались в меньшинстве, и сейчас отступали, оставляя на палубе трупы.

Д" осс собирал уцелевшую команду у правого борта, и Киоши шагнул к ним, трясая головой и осматриваясь. Танара, как оказалось, совсем не принявший участия в молниеносной схватке, все так же неподвижно стоял на прежнем месте. Он сразу же понял, что рог трубил призыв о помощи... И сейчас проводник с прищуром рассматривал еще один пиратский корабль, направляющийся к "Авенару" из-за второго острова.

На носу вражеской галеры кто-то стоял, широко раскинув в стороны руки, словно олицетворяя собой носовую фигуру.

— Киоши? — голос Танары был тих и спокоен.

Тоэх подошел ближе, чувствуя, как жар боя медленно покидает его душу.

— Я здесь...

— Если что-то пойдет не так, постарайся вернуть меч и кинжал. В этом случае они станут твоими. Мне больше некому завещать, а ты сумеешь достойно сохранить это оружие.

— Что ты такое?..

— Замолчи, джеш, у нас мало времени, — не оборачиваясь, мидзури вскинул руку в предупреждающем жесте. Металл в его голосе отбрасывал не хуже удара алебардой. — Прости. Это мои старые грехи, и я вынужден искупать их...

Юноша только сейчас начал понимать, стараясь справиться с потрясением:

— Ты не можешь. Ты дал Конте обещание, ты не можешь драться! Я не позволю.

— Я уже понес наказание за то, что не сдержал данного слова... — татуировки на его лице, казалось, приобрели более густой оттенок. — До Буредды недалеко, ты справишься и сам...

Фигура на носу галеры кавертаев качнулась вперед и, не меняя позы, упала в воду.

— Отойди.

— Танара!

— Я сказал, прочь! Если в этой битве хочешь быть на моей стороне, не вмешивайся...

Не понимая, что делает, Киоши отступил назад. Команды всех трех кораблей замерли, наблюдая.

Вода в том месте, куда упал Вайраш, забурлила. И вот, подобно серебристой ленте, едва касаясь поверхности перепончатым гребнем, к "Авенару" стремительно понеслось могучее тело змея. Тоэх успел удивиться размером мидзури, подобная форма которого сделала бы честь любому из его сородичей. А скорость, с которой пират избавился от человеческой личины, и вовсе привела Киоши в неуместный восторг.

Танара вскинул руки вверх, собирая Синие и плетя ярко светящийся клубок. Змей, извиваясь, плыл вперед. Сплюснутая голова стального цвета показалась над водой, шипя и скалясь, когда проводник подбросил сплетенный шар заклинания высоко в небо.

Нити издали целую какофонию свистящих звуков, немедленно растворившись в легких облаках. У Киоши перехватило дыхание. Он был не в силах поверить, что Танара ошибся в плетении, упустив чару.

Вайраш был в одном полете стрелы из лука, когда проводник, наконец, обнажил меч, откладывая ножны в сторону. Змей вскинулся над водой, играя кольцами и поднимая фонтаны, а затем ринулся в атаку.

И вот тут небо вспыхнуло ледяными переливами. Одна за другой, словно гигантские копьа, Синие молнии ударили в воду на всем пути Вайраша. Вода вспенилась и разошлась — полупрозрачный купол, в центре которого извивался змей, принял удар.

Девять резких очередных вспышек ударили по глазам. Раздался хрустальный звон, от которого заложило уши, и молодой тоэх увидел, как защита змея ломается по кускам, обнажая своего творца. Остальные копьа рушились прямо в тело Вайраша.

Змей зашипел, его рев был ужасен. Пытаясь уйти в глубину спасительных вод, что кипели вокруг его металлического тела, он вился кольцами. Волны окрасились багровой кровью.

Танара пробежался по бушприту и юркой рыбкой бросился в реку.

Ударное заклинание кончилось, раненый Вайраш приподнял свою многометровую тушу, разыскивая врага. А тот внезапно вынырнул неподалеку, крутанувшись в воде, и окружил себя тускло мерцающей стеклянной сферой. Встал в полный рост в прозрачном шаре, размеренно качающемся на волнах, и поднял меч.

Шипящей стрелой змей рванулся к нему. Вскинулся фонтан брызг, вода вновь забурлила, скрыв дерущихся. Лишь извивались железные кольца и каскадами серебра парил меч.

Схватка продолжалась недолго. Внезапно все замерло, будто оборвавшись на высокой ноте, и тело Вайраша обрушилось в Дремлющий Поток, в агонии опутывая и увлекая за собой защитный шар Танары.

Киоши до боли в пальцах вцепился в борт — теперь поверхность реки была пуста, и только в глубине ее тяжелыми рывками шевелилась сверкающая лента, опускаясь все ниже и ниже.

"Многорукий" вздрогнул, его команда засуетилась на палубе, выставляя парус.

Не успели рыбаки перезарядить арбалеты, как он уже шел вверх по течению, торопливо скрываясь за островом Требухи. Корабль Вайраша не стал уходить, при этом не совершая и попытки приблизиться.

Д" осс прошел на бак, ставя ладони верхних рук рупором.

— Что вам еще нужно? Сейчас мы идем дальше. Хотите драться — нападайте! Если нет — дайте дорогу!

На носу пиратского корабля появился высокий демон, вооруженный двуручным мечом.

— Проходите! Но молитесь Держателей, чтобы наша встреча не повторилась! — прокричал он под дружный гвалт своей команды.

— Весло на воду, парус...

Но Киоши не слышал команд Д" осса, тщетно высматривая что-либо в темной толще реки. Тоэх глубоко задышал, готовя легкие и набирая перед прыжком побольше воздуха.

"Авенар" грузно развернулся, приближаясь к месту состоявшейся дуэли.

Сверкающее лезвие меча взвилось в небе и вонзилось в палубу корабля в трех шагах от юноши, на пол клинка утонув в досках. Рыбаки отпрянули, вновь расхватывая свое оружие.

Рука вцепилась в низкий фальшборт, оставляя под пальцами вмятины.

Киоши вмиг оказался рядом, втаскивая внутрь мокрого Танару, почти потерявшего сознание, но крепко сжимавшего кинжал свободной рукой.

К своему стыду тоэх не смог сдержать радости. Так и не подобрав слов, он принялся обнимать проводника, хлопая того по плечам. Танара что-то бормотал в ответ, затем устало улыбнулся и тяжело осел на палубу. В его левом боку зияла рана, нанесенная зубами Вайраша, ярко-красная кровь толчками лилась на доски через рваную дыру в потертой зеленой куртке.

Подбежал Шшолто, принесли тряпок, чистой воды. Через минуту проводник, добротнo и умело перевязанный рыбаками, спал в забытьи, прислонившись к бочонку, так и не выпустив из пальцев кинжал. Тоэх осторожно присел рядом, положив на колени его меч.

Команда разошлась по местам, с опаской поглядывая на напряженного чужака, сторожевым псом замершего возле раненого.

"Авенар" вставал на прежний курс, подозрительно приглядываясь к пиратскому кораблю. Тот немного выждал, пропустив рыбака, а затем тоже направился к месту боя, длинными щупами Нитей прочесывая дно. Позже никто так и не узнал, было ли найдено тело Вайраша или речные жители остались щедро пировать внутри его железного тела.

Корабль двигался на север.

Танара пришел в себя, когда "Авенар" уже качался на ленивых прибрежных волнах. Он негромко застонал, приоткрыл глаза и осторожно поднялся на ноги, придерживаемый Киоши за широкий пояс.

Д" осс и Шшолто подошли с кормы.

Капитан протянул резко пахнущую мятой флягу, и проводник сделал несколько глотков. Затем, морщась, плеснул на рану, прижимая ладонью. Вернул.

— Ты прости, что так вышло, джеш, — капитан был явно раздосадован, и вовсе не ранеными в своей команде. — Если хочешь, можешь отлежаться в поселке, мне не сложно переправить вас еще раз...

— Это ты прости, — Танара смочил губы из протянутой Шшолто новой фляги, оплетенной веревкой. — Если бы не я, твое судно не попало бы в заваруху. Спасибо, но мы должны спешить.

— Но твое состояние...

— Мы правда должны спешить. А то, что я встретил Вайраша, может и хорошо... Теперь он больше не встанет на моем пути. Хотя мне показалось, что в воде он сильнее, чем в прошлый раз...

Рыбаки из числа низших поднесли вещи путешественников, а с левого борта, повинаясь приказу Д" осса, уже спускали маленькую лодочку.

— Мы собрали вам кое-какую еду в дорогу, путь до Ансаха не близок. Один из моих парней доведет вас до берега.

Танара неспешно размял затекшие колени, аккуратно поскреб тряпочкой оружие, закрепил на привычных местах. Путники взяли мешки, подошли к лодке.

— Д" осс, Шшолто... Я благодарен за помощь, вы остались верными друзьями. Мы еще непременно увидимся. Пусть только попутный ветер наполняет ваши паруса!

Танара почтительно поклонился, морщась от боли в боку, затем развернулся и принялся осторожно спускаться в лодку.

— Капитан, почтенный Шшолто, — Киоши тоже глубоко поклонился, складывая ладони. — Не знаю, чем можно измерить мою благодарность, вы...

— Спасибо вам с Танарой, — Д" осс положил ему на плечо руку. — Сегодня вы сделали эти воды на одного ублюдка чище. А умных слов не надо, мы к ним не шибко привыкли. Пусть хранят Держатели ваши пути, и будет благосклонна судьба. Пусть ветер удачи наполнит ваш парус, почтенный Гисху, вы прекрасно дрались, оказав моему кораблю настоящую честь.

Придерживаясь за черепаший панцирь, Киоши сошел в качающуюся лодку. Низший мидзури оттолкнулся от баржи веслом и погреб к берегу.

"Авенар" медленно оставался за кормой.

— Пятнадцать кристаллов, джеш, — донеслось им вслед.

Эпизод VI. Путь Держателя

— Может, я и в этот раз поторопился, заявив, что Вайраш больше никогда не встанет у меня на пути...

Через дымящийся костер Киоши бросил на проводника вопросительный взгляд, нахмурился. Он не понимал, куда клонит мидзури.

— Что ты имеешь в виду? Ты убил его на моих глазах. Отправил на дно. Выпустил кишки. Он уже никогда не станет твоей проблемой...

Танара, кряхтя и морщась, перевернулся на другой бок, осторожно зажимая рану рукой.

— В том-то все и дело.

В мире Земля прошел бы ровно один день с тех пор, как они покинули борт "Авенара", вновь углубившись в дебри заброшенных провинций, поросших лесами. Очередной привал состоялся на поляне, окруженной величественными пихтовыми деревьями, раскачивающими над головой острые верхушки. Над головами синего леса раскинулось синее небо.

— Не понимаю, — Киоши повел плечом, вгрызаясь в сочную кость. Если проводник захочет, он объяснит, о чем идет речь...

— Дело в том, что однажды я уже убил Вайраша.

Тоэх замер, остывающий жир капал на джинсы.

- Что ты?..
- Один раз я уже убил его.
- А... Ты в этом точно уверен? Не его брата, не его сына?
- Нет, я уверен. Этим самым кинжалом.
- Давно?
- Давно.
- Что произошло?

— Долго рассказывать. Да и не к чему... Незначительная ссора, переросшая в смертельную вражду... Так часто бывает. Так всегда бывает. У мидзури очень непростые отношения на предмет... Ладно, оставим, не о том речь, да и ворошить не больно-то охота. Но факт состоит в том, что я его убил.

Танара пожевал травинку, прикоснулся к ране, поморщился. С трудом дотянулся до фляги, аппетитно, с бульканьем напился. Посмотрел на тоэха, покусал губу.

— Когда я впервые, еще до нашей встречи, услышал о возвращении Вайраша, сначала не поверил. Потом стал слышать все чаще. Осознал, что это уже не похоже на розыгрыш. А потом мне стали говорить об этом те, кого я хорошо знаю.

— Значит, это все-таки был Вайраш? — Киоши бросил кость в огонь, и тот довольно зашипел.

- Да. Я сразу почувствовал это, когда увидел красный корабль.
- И ты убил его? Сейчас?
- Ну да. Я же рассказывал. Под водой, этим самым кинжалом...
- Во второй раз?
- Во второй раз.
- Случается...

— Это не случайность, — Танара, морщась, сел, скрепя ноги. — Что-нибудь слышал о тех, что возвращается из Разлома?

- Из Ямы?
- Из Ямы, из Ада. Назови, как хочешь. Не это главное.
- Слышал, но знаю, что это только легенды. Моей расы, твоей, человеческой...
- Вовсе нет. В нашем роду был такой герой, но очень и очень давно.

Киоши вытер пальцы о штанину, почесал ухо. Он верил в легенды и предания, но знал, что времена героев прошли. А значит, что легенды стали всего лишь сказками...

- Ты не веришь мне, тоэх?
- Ну... Я не знаю...

— Ты слишком долго прожил среди людей. Раньше многое было реально, а сейчас превратилось в предания лишь потому, что стало никому не нужно.

— Вернуться из Ямы невозможно. Неужели ты считаешь, что Вайраш все же сделал это?

- Судя по рассказам моих старейшин — трудно, но реально. Для демона. Киоши покачал головой.

— Меня учили, что гекару демона сгорает в адском огне Ямы. Те, кого миновало пламя, единицы оставшихся в живых, остаются там навеки — глотать пыль и мерить вечность собственными кишками. Сущность демона просто заканчивается с падением в Яму.

- Ты забываешь про реинкарнацию.

Юноша фыркнул и проводник не понял, что было в этом звуке — то ли недоверие, то ли шумная благодарность за ужин. Киоши склонил голову.

— Конечно, я слышал от наставника, что пока сущность не достигла дна, ее можно попробовать вернуть. Но это не заставляет меня поверить в достоверность слухов. Не знаю, ты говоришь о слишком сложных материях. Не проще ли оставить эту тему, сосредоточившись на случившемся? Теперь-то ты его точно выпотрошил.

— Однако если продолжить рассуждения, — взгляд мидзури устремился к вершинам деревьев, — мы стали живыми свидетелями возвращения. Иногда я злюсь на Держателей,

превративших нас во врагов...

— Танара, может, все же оставим? — тоэх чувствовал, что от мыслей о перерождении у него начинает ломить виски. Кулон, висящий на его обнаженной груди, начинал все сильнее жечь кожу и то, что находилось под ней.

— Что? Ох, и правда, извини...

— Если хочешь размышлять об этом, подумай, не могло ли быть так, что ему помогли вернуться?

— Кто?

— Например, человеческий колдун. Знаешь, такое иногда тоже бывает.

— Я знаю, что люди копят подобную силу еще реже, чем демоны возвращаются из Разлома.

— Ну... — Киоши поднялся, отряхнул потертые и заляпанные джинсы, — я все равно слышал о таком. У людей существует... как бы это назвать?ю... существует предрасположенность. Эта раса воспринимает Ад, не как реальное место за гранью миров Креста, как привыкли делать демоны, а это позволяет людям подчас... Тьфу, Танара! Ты опять забиваешь мне голову ерундой! Побольше отдыхай, не ворочайся и постарайся поспать. Нам уже давно пора двигаться дальше, поэтому как только будешь готов, дай знать...

И тоэх улегся на собственную подстилку, закладывая руки под голову. Ветер шумел ветвями.

— А, наплевать... — Танара тяжело оперся на локоть, поднимаясь значительно тяжелее, чем обычно, но нарочито быстро. — Я не могу себе позволить отлеживаться... Выступаем.

— Как рана? Дай взгляну, — юноша подошел, нагибаясь и заглядывая за край повязки.

— Бывало и страшнее, — проводник осторожно надел куртку, подпоясался. — Пожалуйста, позаботься о костре и следах стоянки.

Они вновь зашагали вперед, хоть и чуть медленнее, чем прежде. Ориентир все время находился прямо перед глазами — громада Буредды нависала над кронами, затмевая половину небосклона. Лес становился реже, стремительно худеющие деревья цепко вонзали корни в начинавшую подъем каменистую почву. Танара пояснил, что прежде еще ни разу не посещал правый берег Потока, по сути являющийся сплошным предгорьем Вечной Горы, а в действительности путь до Ансаха, крупнейшего города провинции, всегда проделывал по реке или кромке Небесного Озера.

Раньше леса были населены, и тоэх чувствовал это нутром. Однако, по бродившим среди следопытов слухам, эти земли пустовали уже не первое столетие — свободолюбивый крестьянин, не желающий платить оброк, да разбойник — вот кто населял заброшенные поселки. Да и тех встречались единицы — от попавшихся на пути деревень и городков оставались лишь поросшие травой холмы, да иногда виднелась каменная кладка стены. Ни одного уцелевшего поселения не раскинулось на этом берегу Дремлющего Потока.

Окрестности горы, плотно заселенные еще до войны Бешенства, сегодня смущали глаз обнаженной натурой брошенных городищ и развалинами старинных храмов. Трава проламывала могучие плиты площадей и звери правили в брошенных строениях. Лес врывался на улицы, оплетая углы и колонны. Грустно и обреченно смотрелись вековые пихтовые исполины, взмывшие вверх из-под храмовых куполов, теперь обряды творились здесь растениями и птицами, ими отпевались гимны. Земля, по которой двигались путешественники, казалась изнасилованной женщиной...

Проводник вновь надолго замолчал, хмуро оглядываясь, и тоэх не торопился вытягивать его на разговоры. Даже он понимал, что не только рана в боку тяготит его спутника — мертвые земли родного мира не могли производить иного впечатления.

Старый камень крошился, статуи падали ниц, преклоняясь перед великим временем. Серая пыль кружила хороводы по переулкам и лесным тропам, и уже было не отличить — где рукотворная улица, а где протоптанная зверьем. Строения на открытых ветрам пустошах

и склонах гибли быстрее, прибрежные поселения были захвачены водой, а на их пустых улицах лишь старые вывески плакали о своей нелегкой судьбе.

Киоши и Танара миновали сразу несколько деревень, ранее живших безбедно и красиво. Богатые каменные дома медленно проваливались в грунт, провожая путников мертвыми глазницами пустых окон и шепча вслед проклятья беззубыми ртами дверных проемов. Местами лес расступался вокруг поселков, и даже трава не росла на пыльных, вымощенных круглым камнем улицах. Только колючий кустарник, да ящерицы населяли их теперь.

Высохшие Нити старыми рыбацкими сетями беспомощно колыхались на ветру, а мидзури, как не старался, так и не нашел свежих Источников. Казалось, сама жизнь забыла об этой земле во всех проявлениях своих, предоставив смерти селиться на кривых улочках.

В конце концов Танара заговорил. Неспешно, старательно взвешивая каждое слово. Рассказал, отчего тут пустынно. Рассказал, почему самые предприимчивые князья не хотят вернуться и возродить города. Он рассказал, что земли провинции были напрямую охвачены войной Бешенства, когда в предгорьях Буредды наступательный корпус тоэхов развернул несколько тысяч Порталов для десантирования. И если часть поселений остались брошены отступающими мидзури, то иным повезло меньше — они умерли. Погибли в битве. Мертвые города видно сразу.

Танара говорил без упреков или обвинений, время распрей осталось далеко позади, но молодой тоэх слышал горечь, переполняющую слова проводника. Он представлял, как в воздухе один за другим распахиваются мутные зрачки Мостов, как с ревом и воем выплескивают они сотни и сотни демонов, несущих смерть и разрушение. Он представлял, как обороняются гарнизоны, как в панике бежит мирное население. Но что могли сделать чародеи мелкопоместных князей под натиском орды? Тот корпус так и не прорвался к Буредде, остановленный на подходах профессиональной армией хосадаку, но за своей спиной беснующиеся тоэхи не оставили ничего живого...

Киоши рассматривал иссеченные клинками и боевыми заклинаниями стены домов, стараясь представить, как алая кровь заливает мостовую. Прикасался к дверным проемам, уже не сохранившим запахов, понимая, что если война повториться, то на этот раз миры не уцелеют...

Помимо воли тоэх начал испытывать тревожное чувство, грозящее перерасти в вину, и заставил себя собраться. Уже не слушая рассказы проводника, он все чаще бродил по пустым улицам, в надежде найти хоть малейшее напоминание о населявших провинцию существах, ниточку из прошлого, сохранившуюся в брошенных поселках. Ему не встретилось ничего — ни глиняной тарелки, ни обрывка платья, ни детской куклы, ни истлевшего скелета, ни обломка меча... Лишь однажды, пытаясь нащупать еще не отживший свое Ключ, юноша неожиданно наткнулся на металлический шар размером с детский кулачок, насквозь пронизанный Красными Нитями. Тот одиноко лежал в гряде пыли, матовым бочком взирая в выбитое окно.

Почти не слыша призывов проводника продолжать путь, Киоши присел над находкой, не торопясь брать в руки. Тяжесть времени и сила войны переполняли шар, оплетая невидимым саваном. Возможно, это была часть одного из наступательных орудий тоэхов; возможно, оброненный редким путником талисман; возможно, просто игрушка. Но, ощущая теплое покалывание родной Нити, Киоши все же решился взять железный шар с собой, успев подумать, что так на его месте, скорее, поступил бы человек, обнаруживший фрагмент своей древней истории. Оттягивая потертый карман джинсов, отныне тот каждый миг напоминал юноше, что произойдет, если расы вновь схлестнутся в войне... Танаре, и без того мрачному донельзя, тоэх ничего показывать не стал.

Однако нельзя было не признать, что брошенные земли охотно помогали путникам — плотно поросшие травой, но местами вполне уцелевшие дороги то здесь, то там протыкали леса, редкой сетью убегая к Буредде. К радости Киоши, это значительно облегчило их путь, и даже Танара теперь двигался по потрескавшимся плитам почти с прежней скоростью.

Очередной привал было решено сделать на краю просторной поляны, центр которой занимал еще один мертвый храм. Дорога, приглашающая вперед, обрывалась ровно на границе поляны, уступая место массиву мраморных плит, подводящих к ступеням парадного портала.

— Здесь мы остановимся отдохнуть и перекусить, — в тысячный раз произнес знакомую фразу проводник, сбрасывая с плеча сумку.

От взгляда тоэха не ускользнуло, что Танара все еще болезненно морщится, прикасаясь к порванному боку. Жаль, что он так медленно поправляется, у самого юноши на выздоровление ушло бы значительно меньше времени...

Киоши отвел глаза, кивнул и с интересом осмотрелся.

— Кому принадлежал этот храм? — на всякий случай поинтересовался он.

— Ты уже задавал мне этот вопрос, и не раз, — проводник тяжело опустился на колени, распуская тент. — Я ведь уже говорил тебе, что не знаю, кому в этих местах приносили дары и жертвы... Даже не подозреваю, кому был посвящен этот...

Сжимая в одной руке сумку, а в другой свернутый тент, Танара по короткой лестнице прошел под остатки арки, поднявшись на центральную аллею, ведущую к главному зданию. Широкие ступени были массивны и вышорканы до блеска, арка готовилась в скором времени окончательно рухнуть, а выпуклый купол храма наполовину обвалился внутрь.

Проводник внимательно рассматривал колоннаду и статуи по краям аллеи.

— Не похоже, что это был добрый покровитель...

Киоши неторопливо поднялся следом, разглядывая лепку арочных колонн, изображавшую детей, пожираемых многоголовыми существами. Несколько статуй, по большей части упавших, изображали пузатых трехрогих уродцев, без скромности украшенных как пышными женскими грудями, так и мужскими принадлежностями, отвисающими почти до массивных постаментов.

Проводник кивнул, в молчании приближаясь к зданию храма. Шорох крошащегося камня под ногами оставался единственным звуком в царстве тишины и забвения. Именно в этот момент тоэх понял, что не слышит птичьего пения, до этого постоянно сопровождавшего их в пути.

Главное здание имело круглый фундамент, а его фасад целиком состоял из громоздких колонн. Задняя стена и вовсе отсутствовала, и спутники без труда признали в постройке огромный жертвенник, дальняя часть которого напоминала театральную сцену. Вдоль стен и дорожек вокруг круглого дворца повсюду возвышались уродливые статуэтки, виднелась пара высохших фонтанов, да пара пристроек поменьше с обвалившимися крышами. Еще несколько зданий находились за жертвенником, столь же обветшавшие и облезлые.

Внезапно Танара остановился, и Киоши даже со спины ощутил, как напряглись его плечи. Сам он мгновенно собрался, приготовившись к худшему, а затем проследил за взглядом проводника.

В центре жертвенника, упираясь крупной головой в полуразваленный купол, возвышался гигантский идол, в точности копирующий своих меньших собратьев вдоль аллеи. Копирующий в точности, за исключением того, что статуэтки не внушали ничего, кроме отвращения, а центральное изваяние пульсировало старым, успевшим заостреть страхом. По редким элементам одежды идола бежали незнакомые руны. В одной руке существо держало чашу, с пальцев другой руки, покоящейся на выпирающем пузе, свисала каменная цепь, оканчивающаяся массивными кольцами. Огромные, в пол-лица глаза были прикрыты тяжелыми веками.

— Кто это? — тоэх замер в проеме храмовых ворот, расширенными ноздрями втягивая запах разложения и тлена.

— Спокойно, — проводник без труда прочел эмоции спутника, при этом не торопясь шагнуть вперед. — Кем бы он ни был при жизни, он мертв.

Танара вошел в жертвенник, откладывая суму и тент в сторону, и принялся деловито отдиравать от стен колючие побеги, скидывая их в кучу напротив расколотого алтаря. Злобный

хруст сухих веток неприятным эхом поднимался к дырявому своду.

— На Мидзури в войну Бешенства погибло великое множество младших Покровителей, или Богов, назови, как хочешь, — рассказывал он, не забывая поглядывать по сторонам. — Полагаю, что ныне определить степень их могущества не в силах живущих. Кстати, насколько я знаю — у вас произошло подобное, особенно во время Последнего Танца... Полагаю, этот храм принадлежал одному из таких Покровителей.

Киоши медленно кивнул, ногами разбрасывая обломки камней и освобождая место для костра. Толстый слой пыли покрывал и расколотые скамьи вдоль стен, и высокие подставки мраморных светильников у подножия статуи.

— Думаю, что его потому и забросили, что Бог мертв... — продолжал проводник, собирая со стен отживший плющ. — Скорее всего, этот тоже погиб в войне. Может, даже участвовал в вашем Танце...

— Сила еще не оставила это место... — осторожно возразил тоэх.

— Возможно, — согласился мидзури, поудобнее перевесив кинжал на пояс. — Но сейчас они не обладают силой — ни мертвый Покровитель, ни мертвый храм. А поэтому мы остановимся на привал именно здесь.

Киоши сделал пальцами охранный знак, постаравшись, чтобы следопыт не заметил.

— Хотя не исключая, что раньше он и был опасен, — Танара переложил сумку на пьедестал, вынимая свертки с едой. — Разведи костер.

В огне треснул сухой побег.

Что дальше?

Юноша отодвинулся от яркого пламени, пожирающего ветки и стебли.

Что же будет дальше?

Они почти у цели, пройдя многими и многими дорогами, деля на двоих пыль, холод, драки и даже кровь. На собственных ногах пересекли несколько провинций, отмеряли шагами мертвые земли, воды и даже воздух. Погоня по-прежнему не давала о себе знать, либо свернулась, либо потеряла след. К беспокойству молодого тоэха, о кулоне забыли все, и Конта, и Охотник, и его сородичи из родного мира. Возможно, последние просто опасаются соваться на Мидзури... Возможно. Но о том, что про него забыли или списали со счетов, думать не приходилось, и от этого становилось еще больше не по себе...

А, быть может, Охотник уже здесь? В темных ветвях или вон за той стеной выжидает момента?

Нет. Если бы Охотник выследил его на этот раз, ждать бы не стал.

Киоши поежился, хотя высокий костер с легкостью убивал царящую в старых камнях прохладу.

Сейчас, сидя у костра в заброшенном храме, каких множество у ног Буредды, где прокатилась война, можно было в ложном спокойствии забыть, что еще вчера на хвосте висела погоня, а старинный кулон каким-то образом способен изменить судьбу Креста.

Киоши прикоснулся к амулету, ощупывая вязь серебристых листьев.

Что за вещь ты подарил мне на память, отец?

Буредда. О, Мокено, сможешь ли ты помочь в ответах на десятки нераскрытых вопросов? Или же зря они пришли сюда: Киоши по чужой ему земле, Танара — едва не погибнув. Шли, чтобы натолкнуться на стену пустых заумных слов? На высокоумный совет, способный еще сильнее запутать? Нет, Мокено должен помочь... Киоши взглянул на вершину горы, виднеющуюся в проломе купола. Поправив под головой ветки, прилег.

Он почуял опасность на долю секунды раньше Танары, но все равно опоздал.

Плотно свернутая сеть зависла над их головами, разворачиваясь в полете. Тонкие металлические нити блеснули в воздухе, и сеть ринулась вниз, впиваясь в плиты и накрывая гаснущий костер вместе с опустевшими лежаками.

Проводник уже стоял на другом конце площадки, чуть пригнувшись, и медленно кружился на месте, высматривая врага, окружив себя паутиной движущихся клинков. Тоэх выглянул из-за поваленной колонны, напрягая чутье и слух.

Их окружили.

Профессионально, четко перекрыв проходы.

Взгляд Киоши заметался, натываясь на силуэты противников.

Вот и все... На этот раз совпадений или ошибок быть не может, это не тени прошлого — это за амулетом, наконец, пришла погоня.

— Вашукана, попробуй еще раз, — женский голос был четок и свеж, как весенний ветер. Отдав приказ, она едва слышно рассмеялась. — Или тебе не по зубам эта рыбка?

Одна из шести фигур двинулась вперед, покидая плотную тень дверного проема. Боец был невысокого роста, коренастый. Под его кожей, отливающей медью, перекачивались мускулы. Короткая куртка в натяг сидела на широких плечах. Ловчий шел медленно, руками описывая в воздухе перед собой идеально правильные круги. Киоши расслышал шуршание стекающих Нитей.

Танара не прекращал движения, пританцовывая на месте, едва заметно морщась от боли в боку, и высматривал скрытых за обломками противников.

Вашукана остановился.

А затем Киоши скорее почувствовал, чем увидел стремительно приближающиеся веревки. Тоэх изогнулся, перебрасывая себя через колонну, но сеть загудела, обнимая правую ногу и припечатывая ее к древним камням. Словно муха на липкой бумаге, юноша неловко развернулся, садясь на укрытие верхом и пытаясь разорвать заклинание.

Вашукана улыбнулся. Его маленькие, спрятанные в рощах кустистых бровей глаза стрельнули куда-то направо.

— Теперь ты довольна?

— Грязно сработано, ты почти не попал... Да и слишком медленно.

Однако, несмотря на строгий тон, никто не торопился, и Киоши показалось, что так обычно ведет себя сытый кот, решивший поиграть с мышью. Или противников было очень много, или те безоговорочно полагались на свою силу...

Вашукана достал из-за спины длинный кривой нож, делая шаг вперед.

Тоэх не спускал с него глаз, одновременно пытаясь разгадать скрывавшее его заклинание. Сеть была свита из тонких, стальных на вид веревок, и они намертво, словно паутина, приклеили юношу к камню. Вот только обычная паутина не крошит мраморные колонны... Из-под разрезанного кроссовка показалась кровь. Киоши расправил плечи, вновь запуская под сеть когти.

Проводник осторожно двинулся к нему, но в тот же миг остальные силуэты зашевелились. В пятна падающего из-под купола света выступили двое одинаковых, словно зеркальные отражения, воинов. Короткие кожаные доспехи с квадратными наплечниками, мешковатые штаны и длинные волосы, схваченные в косы, угрюмые лица и пары длинных клинков в руках — все это было безупречно одинаково у них.

Близнецы мелкими шагами выбежали к костру, перекрывая Танаре путь.

Тот, не останавливаясь в своем танце, принял приглашение, и вот они уже закружили вместе — четыре клинка против двух.

Киоши рассматривал недвижимые фигуры оставшихся врагов, наконец-то начиная понимать. И понимание это не сулило ничего хорошего... Перед ними находилась не регулярная армия, и никто более не скрывался за разрушенными стенами древнего храма. Это была сплоченная, возможно даже веками спаянная группа из тех, что в иных мирах занимают места в пантеонах.

Вашукана подошел совсем близко, поигрывая ножом.

Тоэх тянул изо всех сил. Кожа на его ноге, казалось, уже была готова лопнуть, как вдруг сеть чуть скрипнула, поддаваясь.

Неожиданно ловчий остановился, поглядывая влево, кому-то кивнул и двинулся дальше. Именно этого мгновения и хватило Киоши. Рванувшись, оставляя на Синих струнах кровь и одежду, тоэх прыгнул вперед, крутанувшись в воздухе, и всей массой ударил на Вашукану. А тот лишь выпучил глаза, не в силах поверить, что жертва освободилась.

Сжался, пытаясь увернуться от чудовищного прыжка, но когтистая лапа повергла его на землю, оставляя в голове глубокие следы. Нож звякнул по пыльным камням, отлетая в сторону.

Киоши прокатился по плитам и вскочил, готовый к новому рывку. Ногу жгло, словно к ране приложили раскаленную железяку.

— Йомо! — голос, отдающий новый приказ, на этот раз принадлежал мужчине.

Со стороны разрушенной аллеи показался еще один демон. Это был юноша, тонкий и бледный, хрупкий, словно цветок, с женскими чертами лица и глазами, лишенными зрачков. Плывающей походкой он грациозно вышел из тени, разматывая свисающий с правой руки бич. Ветерок лениво шевелил короткий — до середины бедер, зеленый плащ.

Киоши попятился к сражающемуся Танаре.

Проводника тем временем теснили. Близнецы, постоянно меняя позицию, осыпали его каскадами стали своих заклятых клинков. При каждом ударе мечи демонов ломались, вспыхивали радугой и вновь набирали полную длину. Град выпадов сыпался на следопыта, и пусть мечи врагов ни разу так и не пробили обороны мастера, но обломки... Казалось, ими полон воздух. Они кружились, острые, словно бритвы, отскакивали от камней, полосую одежду и лицо Танары. Ноги бойцов ступали по десяткам поблескивающих бритв.

Киоши бросился к ним, но близнецы профессионально сменили позицию, убирая спины — один из них обернулся к тоэху, другой усилил атаки на Танару. С набега сократить дистанцию юноше не дали, боец умело удержал, заставив отшатнуться перед полупрозрачной стальной сферой.

Тоэх зарычал, пригибаясь и скаля клыки. На мгновение задумался о Нитях, но даже не оглянулся в поисках. Искать Красную здесь, в старом храме мидзури?

А затем фехтовальщик и сам перешел в атаку, и теперь Киоши уже отступал, лишь за короткие доли мгновений успевая уходить из-под ударов. Скорость столкнулась с искусством. Краем глаза юноша видел Танару, получившего некоторую передышку и сейчас теснившего второго близнеца. Тем временем Йомо... Где он?... О, Держатели, как он оказался так близко!?

Бич просвистел в считанных сантиметрах от головы, а от хлопка заложило уши. Тоэх отпрыгнул от мечника, краем глаза ловя фигуру Йомо, и тут же бросился к тому, силясь дотянуться когтями и сломать тщедушное тело. Но парень с женским лицом оказался весьма непрост. Его мягкий бич, уходя на отлете, внезапно выплюнул с окованного железом конца несколько Синих шариков. Отшатываясь и промахнувшись, Киоши вовремя прикрыл глаза. Шарик лопнули, взрываясь стеклянными брызгами. Кожу зажгло, на лице появились красные полосы.

Йомо спокойно, даже меланхолично, собирал бич.

Следопыт, иссеченный уже не одним десятком порезов, сменил тактику. Теперь Танара старался вовсе не подставлять свое оружие под клинки противника — маятником раскачиваясь из стороны в сторону, гибко уходя от атак, он начал прижимать близнеца к нагромождению камней. Копия того в этот момент вновь набросилась на тоэха.

Йомо осторожно обходил дерущихся по широкой дуге справа, словно бы паря над землей и не приближаясь слишком близко.

Второй близнец продолжал насаждать на Киоши, к счастью, пока изрубая исключительно воздух. Юноша отпрыгнул, наступив на расшатанную плиту, и упал на колено, словно бы поджимая раненую ногу. Рассматривая приближающегося противника, запустил когти в щели между расколотых плит. Когда близнец в очередной раз вновь пошел в атаку, тоэх вскочил, широко расставляя ноги и выбрасывая вверх пыльную гранитную плиту.

Мечи сломались, воин сместился влево, а осколки разбитого камня закувыркались по полу, взбивая клубы пыли. Вновь готовый к бою, демон поднял обновленные клинки, но за плечом его, подобно тени, уже стоял Киоши.

Враг ринулся вперед, оборачиваясь в урагане мечей, но все же опоздал. Левая рука

тоэха уже опустилась ему на шею, а вторая давила в плечо, толкая вниз, мешая размахнуться и спутывая мечи. Лицо мидзури перекосило, он дернулся, роняя один из клинков, по плитам заструились собираемые Нити.

Тогда Киюши сжал руку.

Удар.

Юноша повернул голову направо, рассматривая хитросплетения ремней бича, цепко схватившего его. Йомо присел в боевой стойке, широко расставив ноги и нагнувшись вперед так низко, что плащ даже коснулся пола. Рукоять оружия он держал ровно перед глазами, будто целился. Окостеневшая линия бича упиралась в левую руку Киюши, железной хваткой передавив кисть. Их взгляды, скользящие по замшевому полотну оружия, встретились. Разрез острозубой улыбки перечеркнул белоснежные черты лица Йомо.

Тоэх не стал медлить — хрипящий фехтовальщик уже выпадал из его объятий, почти закончив заклинание. Тогда Киюши дал бичу немного потянуть себя вправо, затем широко отставил ногу назад и хлестнул наотмашь, крутанувшись вокруг оси.

Удар тяжелых когтей пришелся близнецу в затылок. Часть головы перестала существовать, перерубленная коса упала на камни, а кровь ярким мощным потоком хлестнула на десяток метров вперед, окрасив каменные колонны и поваленных идолов.

Киюши приготовился упасть, все еще прихваченный лентой бича, но Йомо неожиданно ослабил хватку, убирая оружие — Танара стремительным прыжком оказался между ними, заноса меч.

Все еще окруженные врагами, они вдвоем отошли к главной статуе, встав спиной к спине. У Киюши до боли в зубах ломило левую кисть и ногу, по лицу еще струилась кровь. Танара был весь покрыт мелкими, но глубокими порезами, а рана, оставленная Вайрашем, снова ожила и кровоточила.

Враги медленно приблизились, пока не торопясь атаковать вновь. Уцелевший близнец опустился на колени рядом с трупом брата, положив мечи на землю, а Йомо встал рядом, поигрывая рукояткой бича и поглядывая вдаль.

В стороне начинал шевелиться Вашукана.

— Ты их знаешь? — Танара отер кровь со лба. — Сталкивался раньше?

Киюши лишь покачал головой, стряхивая с когтей багровые ошметки.

Значит, их все-таки выследили. Причем не Охотник и не Конта. Не посланники с Тоэха, а совершенно неизвестные ему демоны. Выследили у самой горы... Они знали, куда направляется молодой тоэх с амулетом. Может, это все же наемники Виктора? Киюши осторожно покосился на Танару, сжимая кулон в кулаке — эта драка должна закончиться их победой или смертью, иного не дано.

— Кто вы такие? — прорычал он, не узнавая собственный голос.

Йомо словно не услышал вопроса, Вашукана был слишком далеко, но близнец убитого приподнял искаженное ненавистью лицо. В раскосых глазах его разгорались горны мести.

— Отныне, мы твоя смерть!

— Аано, помолчи! — шаги ударили по плитам храма, догоняя летящий в воздухе приказ. — Мне жаль твоего брата, но ты не должен позволить мести затмить долг...

Размеренные шаги, как крохотные кусочки мозаики, медленно собирающиеся в единый узор. Вот он, почти угадан, прост до обиды, но от того не менее красив. Вот становится видна фигура в плаще, но густые темно-синие тени надежно скрывают лицо и одежду. Вот различимы приготовленные к бою Нити, клубящиеся вокруг ног. Его голос, такой знакомый голос...

Он приближается к краю света.

— Киюши Мацусиро! Ты арестован. Именем хосадаку Кого, ты и твой спутник обязаны немедленно сложить оружие.

На границе светового круга, почти под дырой в куполе храма, он остановился. Но зрение тоэха уже подсказывало, кто скрыт в тени.

— За свои преступления ты будешь осужден Верховным Советом. И поверь мне,

мальчик, сейчас здесь нет силы, способной помешать мне сделать все правильно и без ошибок.

На лице Киоши не дрогнул ни один мускул.

— Кто вы такие? — негромко и медленно повторил он, успев заметить, как скривилось лицо проводника.

— Отныне, мы твоя сме...

— Аано! — стегнул приказом старший, и мечник мгновенно умолк. — Мы, мальчишка, есть закон!

— Должно быть, ты ошибся, если...

— Нет, я не ошибся. Ты обвиняешься в покушении на убийство верховного советника хосадаку, в нападении на личных охранников хосадаку, и в сопротивлении безграничной власти хосадаку.

Командующий ловчими протянул в свет руку, и в синем мареве блеснул, покачиваясь на цепочке, круглый бронзовый амулет, покрытый узорами и письменами.

— Этого будет достаточно? — поинтересовался он, и Танара судорожно втянул воздух.

— Чтобы получить амулет, не стоило придумывать лишних интриг, — тоэх пригнулся, готовясь к броску. — Я собираюсь драться, как делал это и раньше, а потому хватит болтать — если веришь в свои силы или своих псов, иди и попробуй отнять!

На этот раз Танара хмурился с непониманием, но Киоши этого не замечал, взглядом ощупывая стоящую в тени фигуру.

— Амулет? — старший ловчий ювелирно подделал свое удивление. — Не понимаю, о чем ты, щенок. Не заговаривай мне зубы, сопляк, и, возможно, я на время забуду, чем обязан тебе.

Фигура сделала шаг вперед.

Все тот же выпирающий подбородок, та же копна нахально топорщащихся волос, презрительные глаза и ленивая полуулыбка, навсегда поселившаяся на лице. Только нет более джинсовой куртки, свитера, молодежных штанов с десятком карманов и сотового телефона на модном шнурке — сейчас на нем бархатный камзол, плотные штаны для верховой езды и тяжелый черный плащ с синей каймой. Левая рука беспомощно короче правой...

Киоши приготовился прыгать в атаку.

Йомо развернул бич.

Аано поднял мечи.

Танара перехватил кинжал.

Вашукана поднялся на ноги.

Калека чуть наклонил голову, пряча бронзовый медальон за пазуху.

— Черный Охотник смешал мои карты, но сейчас я на прикупе. И на этот раз не спешу, Киоши. Сдавайся, это приказ.

— Я его знаю... — Танара вглядывался в незнакомца, но пока понимание ускользало. В глазах юноши полыхало все пламя Тоэха.

— Борис Конта!

Танара неувлимым движением спрятал клинки в ножны, а его руки зашарили по воздуху, собирая Нити.

— Кажется, теперь что-то проясняется...

Из-за укрытия показался еще один силуэт — последний ловчий. Легкие шажки вынесли на поле битвы хрупкую женскую фигурку, и Йомо довольно оскалился.

Женщина была с ног до головы облачена в длинный цветастый балахон, далеко стелящийся за ней по полу — из многочисленных бесформенных складок платья виднелось лишь миловидное улыбающееся лицо. Разных размеров бабочки, разноцветные, как радуга, усыпали ее накидку без просветов, казавшись живыми.

Женщина мелкими шажками приблизилась к Конте, на ходу шелестя развевающимися по воздуху шлейфами ткани.

— Что дальше, мой нагир? — не стирая с лица хищного оскала, поинтересовался Йомо, чуть повернувшись к командиру.

— Панури доделает то, чего не смогли вы, — здоровой рукой Борис приобнял девушку за талию, выталкивая вперед.

Та звонко рассмеялась, взмахнув бездонными рукавами.

Сначала Киоши подумал, что глаза обманывают его, но...

На плече чародейки шевельнулась картинка, обретая объем, и вот, сорвавшись с одеяния Панури, в воздух поднялась красно-черная бабочка, покорно паря подле ее лица. Девушка снова засмеялась — мелодично и красиво, и вот уже вторая, третья, а за ней и весь рой многоцветных насекомых наполнил воздух вокруг нее, оставив балахон сиять девственной белизной. Бабочки кружились и порхали, переливаясь сотнями оттенков, окружив хозяйку цветастым облаком. Тогда Панури легко взмахнула рукой, и бабочки пестрой лентой потянулись к Киоши.

Борис, задумчиво улыбаясь, сделал шаг назад. Даже Йомо, казалось, сейчас задумался, наблюдая за чехардой красок.

Вот только Танара оказался не столь романтичен.

Синий столб, подобный летящему рельсу, сорвался с его рук, когда он оттолкнул зачарованного тоэха, выходя вперед. Большие глаза Панури расширились, бабочки шарахнулись в стороны. Полоса ультрамаринового света ударила в грудь девушки, пробивая ее насквозь.

Крови не было. Панури едва слышно вскрикнула, намертво вцепившись в затвердевающее на глазах древко. Отлетела на несколько шагов, кувыркаясь по каменному полу, где замерла комком белой марли. Бабочки тревожно ринулись к ней, в одно мгновение плотно облепив одеяние хозяйки.

Из-под вновь разноцветного балахона медленно высыпалась прядка светлых волос.

— Ты совершил большую ошибку, щенок! Вы не доживете до суда! — заревел Борис, отчаянно вцепляясь пальцами во взлохмаченную шевелюру. Закрутился на месте, переводя разъяренный взгляд с одной выжившей гончей на другую. — Взять их!

— Береги руку, пустобрех! — Танара неторопливо обнажил кинжал. — Ты позоришь своего отца...

Мидзури бросились в новую атаку.

Конта замысловато сложил пальцы, направляя руку вперед, и через секунду Синий, с искорками Красного диск метнулся в следопыта, обгоняя атакующих. Мгновением позже Вашукана, извернувшись из-за спины командира, бросил сеть.

Танара не стал тратить время на создание защиты, а принял заклинание прямо на клинок кинжала. Тоэх прыгнул ровно вверх, уклоняясь от серебристой паутины. И тут же словно вынырнул из ослепительной вспышки, потрясшей храм до основания — диск Бориса раскололся о заклиное оружие. Едва затихло эхо, брызжащий слюной Аано уже был рядом с проводником, навязывая тому агрессивную молниеносную тактику.

Йомо бросился вслед Киоши. Если тоэх прыгал, используя дарованные ему чудовищную силу и скорость, то Йомо взмыл, ловко используя искусство. Тонкие, не заметные простому смертному Синие словно выросли из его ног, поднимая выше и выше.

Киоши допрыгнул почти до головы центрального изваяния, чуть-чуть не достав до потолочных перекрытий, а сеть Вашуканы поймала пустоту, врезавшись в основание статуи. Древний Бог вздрогнул, пошатнувшись, словно желая шагнуть вперед и принять участие в славной кровавой битве. Посыпалась пыль и каменная крошка, ветки поломанного сухого плюща рушились вниз.

Воин с заклиным бичом догнал тоэха в самой верхней точке его прыжка, от самой земли заноса оружие для долгого динамичного удара. Киоши прикрыл голову, пытаясь извернуться, но замшевая лента все же дотянулось до него, вспарывая правую ногу от ступни до бедра. На потолок храма и статую Бога брызнула кровь. А затем Киоши рухнул вниз, расставляя руки, и Йомо, в свою очередь, тоже не успел уклониться. Удар, утяжеленный

массой тоэха, сломал его, словно тростинку. Нити прогнулись, и два тела повалились на каменный пол. Один на колени, не в силах удержаться на израненных ногах, второй — безжизненной куклой застыл недалеко от тела Панури.

Аано оказался блестящим воином. Какое-то время он умело давил Танару, не угрожая, но давая младшему Конте кружить рядом, выбирая удобный для удара момент. Однако проводник не зря носил на поясе меч, многие годы своей жизни привыкнув полностью полагаться только на его закалку... Тускло сверкнул зачатый кинжал, и вот Аано застыл в окружении обломков собственных мечей, словно Панури среди бабочек.

Выронив один из клинков, он, словно во сне, прикоснулся к рукояти выпирающего из груди кинжала. Замер каменным истуканом и, не двигаясь, упал. Борис Конта хлестнул чарами, но Танара то ли отбил заклинание, то ли просто увернулся. Киоши не разглядел — в нескольких метрах впереди вновь стоял Вашукана.

Сворачивая новую сеть, тот не спешил, широко ухмыляясь и разглядывая истекающего кровью тоэха. Мацусиро присел на колени, прикоснулся к ране, концентрируясь, и кровь остановилась, запеклась бугристой коркой. А затем из разодранных штанов, прямо в его ладонь робко выкатился тяжелый железный шар. Юноша поднял голову.

Они бросили свое оружие одновременно, в один миг в воздухе разминулись сверкающая сеть и темный поржавевший шар. На этот раз стальное полотно невода охватило Киоши целиком, с ног до головы, со всех сторон — опутывая конечности, впиваясь в тело и отшвыривая назад, будто пойманную рыбу. Вашукана же замер, удивленно скосил глаза вверх, с недоумением разглядывая едва выступающий из своего лба шар, потом замахал руками, истерически загоготал и, дергаясь в агонии, упал на спину.

Киоши попробовал осмотреться, но путы не позволяли. Он лежал лицом вниз, глотая пыль, а стальные струны еще плотнее стягивались на его плечах. Тоэх видел самым краем глаза, что следопыт замер над поверженным врагом, вытирая кинжал о его одежду. Борис вроде бы стоял напротив, что-то тихо говоря ему. Вот Танара мотнул головой. Еще раз. Конта сделал осторожный шаг назад.

— ...Ты же прекрасно знаешь, что пожалеешь об этом, бродяга... Я все равно получу свое, а вот твоей судьбе, не сдержавший слово, отныне завидовать не приходится...

Танара равнодушно улыбнулся в ответ, спокойно направляясь к поверженному Киоши. Борис сплюнул в пыль, бормоча проклятия, и отошел к неподвижному Йомо, склоняясь.

Кинжал проводника без усилий взрезал сеть, и Киоши встал, опираясь на затекшие руки.

— А вот теперь нам действительно нужно спешить, — таким мрачным тоэх не видел Танару еще ни разу, даже после своего падения с обрыва, когда на его лице появились странные рисунки. — Это не победа, это лишь отсрочка... Полагаю, что отпрыск Виктора и правда не успокоится...

— Танара, — Киоши мельком взглянул мимо его плеча на сидящего спиной Бориса. — Неужели ты не понимаешь? Мы должны продолжить этот бой...

— Нет, — тот устало покачал головой, убирая кинжал. — Мы не можем драться дальше, я и так уже зашел слишком далеко. Ты должен знать, Киоши, что перед нами настоящий посланник хосадаку, нагир царских ловцов...

Юноша схватился за голову, растирая по лицу кровь.

— Но у нас уже нет другого выбора, Танара! Возможно, это и вправду посланник вашего хосадаку, но они посланы лишь...

— Киоши, — глаза следопыта заглянули в душу, миновав налитые кровью зрачки тоэха, — я не знаю, чем ты насолил хосадаку и его советнику, но я... Мой долг отвести тебя к мудрецу, но я не могу более драться с воинами своего правителя. А тем более, добивать их нагира... Прощу тебя, идем...

Плечи Киоши поникли, когда он осознал происходящее. Пыл схватки медленно оставлял его кровь, в голове стало легко и пусто.

— Ты влип, да? Ну, выступив против ловчих?..

— Да, я влип, — спокойно признал Танара, торопливо перевязывая самые глубокие порезы. — Переступил черту, хотя и делал это раньше... Однако теперь мне действительно никто не позавидует... Впрочем, это сейчас не важно, мы должны спешить.

Забыв про собственные раны, юноша рассматривал Танару, внимательно и долго, словно увидел в первый раз. Он пытался представить себе, как поступил бы на его месте сам, и пока не мог... Только что тот дрался с воинами хосадаку, что почти равня самому Императору Тоэха. Дрался, нарушив все мыслимые законы, но защищая своего... кого именно он защищал? Еще в рыбацкой деревне, кажется, или это было на корабле?... но Танара как-то раз назвал тоэха своим джешем... Неужели он и правда считает так, раз осмелился обнажить клинок в присутствии бронзовой печати нагира?

Внимательно осматриваясь, они быстро, насколько позволяли раны, покинули залитый кровью, словно после грандиозного жертвоприношения, храм. Борис, даже не взглянувший им вслед, так и остался сидеть подле Йомо, устало положив голову на здоровую руку.

А в конце храмовой аллеи путешественников ожидал сюрприз.

Шестерка крупных черных коней, в нетерпении роющих землю когтистыми лапами, была привязана к обломку стены. Скучные пожитки ловцов полетели на землю, когда Танара поднялся в седло, помогая забраться и Киюши. Отпустив привязи остальных животных, беглецы дали коням пятки, и скакуны стремительно понесли их к дальней опушке, на ходу отфыркиваясь струями дыма.

Очередная мертвая дорога, прегражденная редкими поваленными стволами деревьев, уводила напрямик к Буредде. Демонические кони без труда преодолевали несложные препятствия, без усталости мчась вперед по тертым, изломанным временем плитам тракта. Гора неудержимо росла в размерах, стремительно закрывая небосвод над лесом.

Едва путешественники покинули поляну с храмом, погода мгновенно испортилась. Было видно, как грозовые тучи занимали плацдарм на вершине Вечной Горы, чтобы вот-вот начать наступление крупным дождем.

Два всадника летели по старой дороге. Огромный тоэх в порванных джинсах, со свалившейся от крови пышной гривой, и его проводник, столь же окровавленный и облаченный в иссеченную обломками клинков одежду.

Погоня так и не началась, но животные сами по себе шли крупной рысью. Шли абсолютно ровно, даже на преградах не сбавляя темпа, словно почуяли напряжение и тревогу, охватившую своих седоков. Животные спешили, чувствуя спешку всадников, и Киюши успел подумать, что если бы подобные скакуны появились у них еще в деревне у Портала, то дорога сократилась бы на две трети. Пожалуй, на таком коне можно было бы попробовать даже пересечь Дремлющий Поток...

— Ты должен знать, Танара...

Киюши поравнялся с конем следопыта. Говорить было непросто, но бой в храме требовал объяснений... Мидзури молчал, упорно разглядывая проносящуюся мимо дорогу, а татуировки на его щеках начали пульсировать.

— Речь идет о приближающейся войне. О войне между мирами...

Тот не поднимал глаз, еще ниже пригибаясь к шее коня. Губы проводника оставались плотно сжаты.

— Они ищут меня не потому, что я нарушил законы вашего правителя... Меня ищут, потому что это связано с войной... — свободной рукой тоэх придерживал на груди амулет.

— Тебе необходимо как можно скорее покинуть Мидзури... — наконец ответил Танара, по-прежнему не глядя по сторонам, и снова замолчал.

Скакуны без усталости мчали всадников по подножью великой горы. Время и ветер свистели в ушах, а остаток пути стремительно оставался за спиной. Пронзая леса, они буквально летели вперед, и вскоре дорога пошла вверх еще круче, чем прежде.

Когда кони вынесли их к предгорью Буредды, Танара резко натянул поводья, поднимая коня на дыбы, а Киюши от неожиданности едва не кувыркнулся через переднюю луку. Вокруг взмыленных скакунов оседало облако пыли, и сквозь рассеивающийся пыльный

туман тоэху во всей своей горделивой красе представала Вечная Гора — с серпантинами овивавших ее стан дорог, причудливыми башнями скал и многочисленными ярусами, балконами, нависавшими над бездной.

Киоши показалось, что с момента их бегства из заброшенного храма время скомкалось, потеряв даже намек на упорядоченность — все стало стремительным, резким, рваным. Вот и Танара, не утруждая себя долгими разговорами, поворачивал коня обратно...

— По сути, я выполнил обещание, данное Виктору, — его зверь гарцевал на месте, пританцовывая в пыльном облаке. — Однако хочу знать, не желаешь ли ты, чтобы я пошел с тобой еще выше?..

Проводник до сих пор старался не встречаться с ним взглядом, а рисунки на его щеках стали фиолетовыми. Стараясь успокоить коня, он похлопал того по шее, выпрямляясь в седле. Грозовые облака за его спиной создавали зловещий темный фон, и юноша поежился.

— Конечно, я был бы рад...

Киоши не знал, как себя вести, вновь ощущая смущение — конечно, он понимал, что отныне следопыт пребывает в опасности, схлестнувшись с законом. Но в тоже время совершенно не чувствовал своей вины — ведь он-то знал, что законники хосадаку приходили совсем с другой, чем объяснили, целью... Но как объяснить это проводнику? Как поделиться страхами?

Танара глубоко и медленно вздохнул, проведя пальцем по щеке.

— Тогда не будем медлить, — он повернул коня, вскидывая его на дыбы и готовясь сдвинуть бока.

— Подожди... — тоэх успел вскинуть руку, прислушиваясь к оставшемуся за спиной лесу. — Я могу посмотреть...

Птица была небольшой. Кажется, зеленого цвета, с коротким клювом. Ей было страшно, надвигалась гроза, и она торопилась в гнездо. Но что-то заставило ее чуть свернуть с курса, заставило снизиться... Вот заброшенный храм. Птица скользнула вниз, внутрь сквозь пролом в крыше. Ветер бросился в лицо, а круглый глаз в постоянном движении тревожно осматривал внутренности заброшенного здания.

Та же картина — разбросанные тела, кровавые разводы и дорожки, но... Вот Борис, он стоит в обваленном дверном проеме, глядя в сторону Буредды, сквозняк шевелит его плащ... Йомо сидит, прислонившись к постаменту центральной статуи, обхватив плечи руками. Его лицо залито кровью, бич валяется рядом — воин жив, но постанывает, крупно дрожа и скрежеща зубами. Аано лежит рядом с ним, он бледен, но руки без остановки ткнут заклинание — фехтовальщик пытается остановить толчками вытекающую из раны жизнь. Остальные находятся там, где и лежали... Борис протяжно свистит, и от опушки через аллею к нему рысят два черных коня. Старший ловчий оборачивается, что-то говорит своим воинам... Птица освобождается, испуганно бросаясь обратно в пролом...

Все померкло, а крохотная птичка метнулась из-под купола в спасительную чашу леса.

Киоши быстро-быстро заморгал, потер глаза, восстанавливая равновесие.

— Йомо и мечник живы, — прорычал он, тоже разворачивая коня к Буредде. — Но, судя по виду, не представляют угрозы. Мы серьезно ранили их...

Проводник сосредоточенно кивнул, выдвигаясь вперед, а его конь пошел крупной рысью. Киоши двинулся следом.

Гора действительно была прекрасна, и, глядя на нее, охотно верилось, что такие творения природы на самом деле существуют вечно. Огромный каменный исполин, царь земель, повелитель пустых городов. Гордо и величественно возвышался он над миром, обозревая свои владения.

При этом, в отличие, например, от земной Фудзи, гора не имела строгой формы — то здесь, то там, будто спятивший архитектор, природа Мидзури насаждала скальных отрогов и плато. Огромные площадки и крохотные балкончики облепляли ствол Буредды со всех сторон. А искусственные и выточенные ветрами дороги так искусно опутывали склоны, что превращали это творение времени в огромный чудесный замок. Было заметно, что не только

Синие, природные Нити Мидзури, опутывали гору. Все цвета Держателей собрались здесь, споря в превосходстве, и Киюши, не без доли доброго злорадства, подсчитал почти равное количество и Синих, и Красных.

Редкие рощицы и одинокие деревья робко прижимались к плечам великана. Птицы, широко распахнув белоснежные крылья, выписывали круги в темной вышине. Вершина горы уходила так далеко вверх, что было не достать и взглядом тоэха. Уходила, теряясь в небе, сейчас грозовом и бурном, клокочущим лиловыми хлопьями низких туч.

Киюши был поражен красотой исполина, но отнюдь не удивлен — на Тоэхе и подобные громадины были не редкостью, а подчас... Именно эта мысль и натолкнула его на вопрос, не является ли Буредда произведением не природы, а чьих-то умелых рук? В другой момент он бы спросил у проводника...

Но сейчас Танара, определено, не был настроен на разговоры, молча и целеустремленно понукая коня. Остановившись лишь на минуту, он позволил тоэху быстро сменить регенерирующее заклинание на своем боку, обронив не больше нескольких слов. А когда юноша перетянул бинты, с досадой отметив, что мидзури потерял очень много крови, молча кивнул и двинулся дальше.

Кони, осторожно выбирая ровные места, карабкались вверх, преодолевая невысокие отроги. А вскоре путешественники достигли и самой горы, от ступней которой вверх разбегалось множество дорог. Танара осмотрелся, словно сверяясь с памятью, и решительно повел своего скакуна направо, дав животному самостоятельно выбирать скорость. Киюши старался не отставать.

Рискуя, сражаясь и проливая кровь, они добрались до Буредды, наконец-то начав подъем к жилищу Мокено. Юноша скалил зубы, не в силах удержаться от ликования, и почти не выпускал из ладони амулет.

Однако почти тут же на смену азарту и горячке бегства пришли усталость и опустошенность. Как бы ни была красива величайшая гора Мидзури, подъем на ее стены начинал становиться скучным, и вскоре тоэх поник в седле, опустив подбородок на грудь. Как говорил наставник Хоэда, великое является таковым только на расстоянии, и теперь Киюши на собственном опыте убедился в правдивости этого высказывания. Если издали Буредда была произведением искусства, то для восходящих на нее — всего лишь огромным нагромождением камней.

Перед глазами однообразно сменялись ущелья, превращенные в коридоры для троп, обрывы и расщелины. Величественные птицы, спускавшихся посмотреть на незваных гостей, уже не казались столь прекрасны. Пещеры и площадки потеряли таинственность, а разноцветный лес, вместе с лентой реки и редкими шпильями заброшенных строений оставшийся внизу, превратился в пестрое покрывало. Даже молнии, ветвисто ударявшие в дальний склон Буредды, потеряли сказочность образов, утомляя однообразием.

Дождь так и не начинался, словно чего-то ждал, но тучи продолжали упорно клубиться над головами странников, постреливая вспышками света. Откуда-то из-за Небесного Озера приближалась буря — вокруг горы небесным водоворотом принялись медленно закручиваться щупальца грозовых облаков. Ощутимо усиливался ветер, завывающий среди камней.

Киюши старался не дремать, убаюканный мерным покачиванием конского крупы, а боль в ноге только помогала, время от времени напоминая о себе. Юноша глянул через плечо — к его удивлению за довольно короткое время они забрались уже весьма высоко, с высоты птичьего полета озирая леса, за которыми стеной чернел берег Озера. Однако, каждый раз поднимая лицо к холодному небу, тоэх понимал, сколь ошибочны его оценки — впереди лежали все новые и новые скалы, проходы между ними и каменные балконы, а проделанный путь оставался до смешного мизерным.

Вскоре тропа стала совсем крутой, критично сузилась и оборвалась. Старинные ступени вели дальше, и было непросто сказать, ветром созданы они, или же рукой разумного существа. Не сказав ни слова, проводник спешил, и Киюши последовал за ним.

— Мы оставим коней здесь, — Танара прочнее закрепил оружие и сумку на спине, проверяя узлы. — Думаю, они сами найдут дорогу к своим хозяевам...

Киоши лишь многозначительно покачал головой. Он очень надеялся, что после разговора с мудрецом сможет спокойно и обстоятельно объяснить все следопыту, открыв глаза на истинное поведение Бориса Конты... Очень надеялся.

— Ты знаешь, как на этой громаде мы сможем найти жилище Мокено? Сдается мне, тут можно плутать вечно...

— Для этого я и пошел с тобой. Хотя, как говорят, абсолютно все дороги Буредды ведут к вершине. Надеюсь, мы не промахнемся, — мидзури уверенно зашагал вверх.

Идти пешком оказалось гораздо труднее и еще более скучно. Одинаковые, иссеченные ветром ступени монотонно мелькали под ногами, то выныривая на поверхность склона и заставляя вжиматься в камни, то убегая в толщу горы. Когда лестница выходила наружу, из-под ног в бездонную пропасть неслись водопады мелких камешков. А ураган, между тем, усиливался, резкими порывами прижимая путников к стене, бросаясь клубами пыли и играя лохмотьями одежды.

Площадка открылась столь внезапно, что когда Танара отступил в сторону, тоэх с трудом сохранил равновесие, поставив ногу на идеально ровную поверхность.

Они стояли на площадке, способной разместить нормальный футбольный стадион. Этот огромный каменный балкон опасно нависал над тысячами шагов пустоты, создавая ощущение незащитности и возможного обрушения. Маленький, не выше пояса, бордюр оградкой бежал по округлому краю площадки. Своей левой стороной балкон прижимался к монолиту горы, где идеально-овальный проход уводил внутрь.

— Кажется, мы на месте... — Танара медленно отошел к краю, задумчиво разглядывая раскинувшиеся внизу земли и потирая натруженные бедра. — Все, Киоши, считай, что теперь мы добрались.

Они все же добрались... Нет больше засад, нет вооруженных наемников, преграждающих путь, нет никого, кто мог бы помешать...

Киоши подошел к мидзури и низко поклонился, стараясь не морщиться от боли в гудящей ноге.

— Танара... Я действительно благодарен тебе за то, что ты сопровождал меня. Я твой должник теперь, прими мою признательность...

— Ты ничего не должен мне, — Танара тоже поклонился, и тоэху показалось, что узоры на его лице потускнели до прозрачности. — Я лишь выполнял долг... Но искренне принимаю твою благодарность.

Крохотные фигурки демонов терялись на фоне гигантских завихрений туч в вышине.

— Знаешь, думаю, что при всей моей силе я бы пропал без твоей помощи. Но столь же хорошо понимаю, что если бы не я — у тебя было бы гораздо меньше неприятностей, — тоэх положил руку на плечо Танары. — Прости меня.

— Ты говоришь лишние слова... — беспокойство не покидало глаз следопыта.

— Что ты собираешься делать с ловчими?..

Но проводник не ответил, и они надолго замолчали.

— Что собираешься делать дальше? — Киоши перефразировал вопрос, глядя в сторону Небесного Озера, где буря вот-вот готова была взорваться.

Воздух стал душен и плотен, ветер теперь то налетал, то исчезал вовсе.

— Это будет зависеть от того, что ты найдешь у Мокено... Возможно, я всего лишь бродяга, но далеко не дурак, и правда хочу понять, что происходит...

Киоши улыбнулся, и они крепко пожали руки.

— Спасибо, Танара...

Тот почесал голову, поправляя длинную прядь, выбившуюся из собранного пучка волос. Повел плечами, смущенно улыбаясь.

— Это мне нужно благодарить тебя... Я отплатил долг и более не завишу от Виктора Конты, а это хорошо. Теперь я, вроде как, полностью свободен...

Он внимательно посмотрел на пещеру, словно раздумывая, не войти ли в нее самому.

— Найди свои ответы, Киюши. Как бы я не вел себя, мне безразлично, что ты говорил о войне... Честно, ужасно не хочу совать голову во все это... Понимаю, что совершаю большую ошибку, но... Но не думаю, что ты врал.

— Я ценю это.

— Одной жизнью больше, одной жизнью меньше... — проводник натянуто рассмеялся. — Просто теперь всегда буду помнить, что если Вайраш сумел-таки вернуться...

Киюши кивнул и, не оборачиваясь, пошел к овальному входу.

Эпизод VII. Перепутье

Это не вода сбегает по морщинистым стенам шустрыми ручейками, прицельно капает со сталактитов, собирается в крошечные озера — это само время, то стремительно наступающее, то размеренно опадающее в хранилище вечности. Это не взоры светильников наполняют широкий коридор, не блики мерцают на сверкающей воде — это рассвет завтрашнего дня сам шагает навстречу храбрости. Это не шаги дерзкого гостя летучими мышами разлетаются по пещерам, гаснут в тупиках, будто угли прожитых дней — это само прошлое оседает за спиной, умоляя не забывать.

Вперед, неспешно, обдумывая каждый шаг, огибая вековые капельники. Жадно вдыхая влажный и морозный воздух пещеры, стараясь навсегда запечатлеть в памяти царство отшельника, ведь такой шанс выпадает лишь раз в жизни. Вниз, по наклонным коридорам, наперегонки с кинжальными ручьями, в самую толщу камня, в самое сердце престарелой Буредды.

Вот проход расширяется, а свежий ветер, будто прилетевший с самой вершины, омывает лицо, принося ароматы благовоний. Зал огромен, а его потолок и вовсе теряется в полумраке над головой. Идеально очерченный овал пространства заполнен массивными каменными чашами, в беспорядке расставленными по гладкому полу. Кристально-чистая вода наполняет чаши, на массивных бортах десятки... нет, здесь сотни ароматизированных свечей, дарящих свой теплый, едва беспокойный свет. Им вторят тусклые бумажные фонари, висящие на тонких цепях, чье начало теряется в темноте где-то высоко-высоко. Птицы, белоснежные птицы с человеческими глазами прогуливаются меж каменных кубков, негромко переговариваясь на мелодичном языке. Они сидят вдоль стен и на краях чаш, внимательно разглядывая чужака.

В дальней стене зала новый проход. Слышится музыка? Нет, это лишь причудливое переплетение звуков капли, звона ручьев и плескотни серебристых рыб.

За плавным поворотом следующий зал, значительно меньше прежнего. Изящные каменные колонны поддерживают высокий потолок из нарочито грубых плиток необработанной яшмы. В стенах поблескивают золоченые прожилки, наполняя комнату таинственным мерцанием. Украшенные изящными рисунками бумажные фонари покоятся на тонких железных подставках, вокруг каждой из которых курятся чашки с ароматными маслами. В центре зала приютились несколько каменных кресел, низкий столик, шест для белоснежной птицы и единственная чаша-бассейн, чей край сверкает матовым величием обсидиана. Оплетая мебель и колонны, в воздухе парит множество Нитей, разложенных в пространстве сложным трехмерным узором.

Душа любого существа словно засыпает здесь. Засыпает сном ровным и детским, за считанные мгновения обретая умиротворение и покой. Страх, гнев, ярость битвы, ненависть к врагам, жажда мести — все это остается за порогом, сгинув в глубине широких слюдяных бассейнов. В душе отныне царствует лишь легкая печаль о том, что когда-нибудь все важное превратится в прах и пыль.

Он у бассейна...

Мокено стоял у воды, с улыбкой разглядывая игру двух зеркальных карпов и покачивая крупной головой.

Не успев перешагнуть порога, Киоши оторопел, рассматривая хозяина пещер. К своему стыду, молодой тоэх даже не попытался скрыть разочарования.... В его родном мире отшельник был бы высоким седовласым старцем, величественно восседающем на огромном янтарном столбе среди туманной бездны. Прикрыв свои бездонные глаза, он бы снисходительно выслушал неразумного визитера, постукивая когтями по подлокотнику трона. Но Мокено...

Мокено был маленьким. Настолько, что едва достал бы юноше до пояса. Его огромная голова с безобразной залысиной покачивалась, словно в болезни. Редкие волосы, обильно тронутые сединой, колыхались под легким ветерком, наполнявшим комнату. Скрюченные артритом пальцы судорожно сжимали две изогнутые трости, на которые отшельник опирался при ходьбе. Улыбка, не покидавшая лица, при внимательном взгляде уже не казалась мудрой и проницательной — создавалось впечатление, что у старика просто свело скулы. Сухой, сгорбленный, болезненного вида — он показался Киоши обычным дряхлым дедом, легенды о мудрости которого не более, чем старинная сказка.

Тот, кого на Мидзури называли Мудрецом, обернулся, отчего его небесно-синий халат зашуршал по полу. Птица на шесте подняла голову, словно проснулась. Киоши показалось, что в этот момент замерла даже капля в коридоре.

Мокено неуклюже поднял темную морщинистую ладонь. Улыбка его стала еще шире, обнажая желтеющие зубы, но глаза вдруг искренне вспыхнули Синим светом.

— Приветствую тебя, Киоши! — голос отшельника был тихим, словно стук сталактитовых слез, но одновременно сильным, как полноводный поток... Голова его вновь качнулась, словно шее было тяжело все время удерживать ее в одном положении.

— Я... вы... — юноша по-прежнему стоял на пороге, не зная, как быть дальше.

— Проходи в мой дом, — Мокено продолжал улыбаться, попробовав поклониться. Вышло неловко, жалко, отчасти даже смешно. Сжимаемые в руках палки со скрипом разъехались по зеркальному полу, отчего старик едва не упал.

Это как будто отрезвило Киоши, и тот мигом покраснел, столь же неловко шагая вперед.

— Прошу простить мое замешательство, почтенный старец... Я приветствую вас... мудрейший, и прошу позволения посетить этот дом. Прошу позволения узнать у вас совета...

Стуча палками по полу, Мокено медленно двинулся к центру зала, с трудом опускаясь в невысокое каменное кресло с низкой спинкой. Закрепив костыли в специальных зажимах на подлокотниках, он с кряхтением устроился на покрывавших сидение желтых шкурах. Искривленными пальцами подобрал со столика длинную тонкую трубочку для курения трав.

Заставив голову раскачаться еще сильнее, отшельник кивнул на соседнее кресло, но Киоши не сразу понял, что этот кивок предназначенся ему. Запоздало спохватился. Продолжая краснеть от стыда и внезапного чувства беспомощности, он осторожно присел, вдруг заметив, что обработанный камень вовсе не холодит кожу.

Тот, кого в легендах родного мира Танары считали Мудрецом, смог раскурить свою трубку только с третьей попытки — крохотное кресало танцевало в его ладони, грозя выскользнуть и упасть на пол, тем самым мгновенно приковав к себе внимание Киоши. Тоэх даже подался вперед, готовый подхватить кремень, если тот упадет, или еще хоть как-то помочь старику. Без всякого сомнения, парень чувствовал себя обманутым, хотя отчего-то это чувство вовсе не желало разгораться ярче. Отвлечшись на непослушное кресало, юноша не заметил, как яркие синие глаза внимательно наблюдают за ним, улавливая каждый жест и эмоцию.

Наконец отшельник раскурил трубку, с улыбкой выпустил клуб дыма и многозначительно произнес:

— Не удивляйся ничему, молодой Киоши.

— Вы знаете меня?

— Я же попросил не удивляться, — голос и манера речи старика вступали в открытую дисгармонию с его внешним видом, отчего тоэху становилось еще более не по себе. — Мои

птицы сказали мне, что вы идете...

— Мой друг... он остался...

— Не волнуйся. Я уже пригласил его обождать в передних залах.

Дым тлеющих трав причудливо завивался, превращаясь в гибких переплетенных драконов. Вот над трубкой возник прозрачный замок, на шпильях которого развевались знамена. Он тут же рухнул, превращаясь в тонкое женское лицо, а через секунду клубы уже напоминали языки пламени. Мокено слегка взмахнул кривыми пальцами, разгоняя видения, и Киоши невольно вспомнил Конту — в тот же миг сердце словно очнулось ото сна, застонав...

— Ты должен понимать, Киоши, что старик, в уединении живущий высоко на склонах дикой горы, знает не так много, как хотелось бы... Однако я вижу, что ты искренне жаждешь ответов, так что готов попробовать найти их в твоей душе...

Старик ожидающе замолчал, попыхивая трубкой. Голова его по-прежнему покачивалась, как у пластикового болванчика, когда-то стоявшего в автомобиле Бактияра...

Комната наполнилась приятным запахом неизвестных трав, отчего телу сделалось очень свободно. Киоши заставил себя собраться, стараясь не смотреть на идиотскую улыбку, не покидающую лицо отшельника.

Мысли путались. Настал долгожданный миг, ради которого тоэх покинул Землю и прошел через опасности, и вот он не знает, с чего начать. Сидит перед тщедушным стариком, не способным самостоятельно прикурить трубку, и старательно подбирает слова.

— Начни по порядку... — негромко предложил отшельник, и Киоши даже не обратил внимания, с какой легкостью тот изучил его смятение.

Юноша кивнул, рассыпав по лбу пряди черных волос. Кулон, качнувшись, ткнул в грудь, словно ободрял и поддерживал.

— Я владею кулоном, обладающим ценностью для моих врагов... Это очень старая вещь, ровесница войны Бешенства. Как узнать мне, какую тайну она хранит? Как мне понять, что за силы желают отнять кулон у меня? Почему Мидзури наполнена разговорами о новой войне между нашими мирами? Как могу узнать я, кто желает этой войны или как ее избежать?

Что? Он смеется?! Негромко, покашливая, раскачивая похжей на тыкву головой и помахивая в воздухе своей дурацкой трубкой... Киоши до боли в когтях сжал подлокотники, и Мокено мгновенно замолчал, пронзая его пристальным взглядом, не имеющим ничего общего со старческим дряхлением. Лукавые искорки прыгали в глазах отшельника.

— Так много вопросов, а не знал, как начать... — изогнутый палец разорвал травяной дым, превратив его в прыгающую по ветвям белку. Старик вдруг стал тверд, как край каменной чаши. — Ты что, действительно думал, что найдешь здесь ответы на эти вопросы? Думал, что здесь ждет тебя развязка всех страданий и бед?

Голос его повышался, и теперь между колоннами загуляло эхо. Вместо того, чтобы разозлиться на тон старика, Киоши внезапно почувствовал себя еще более неловко... И как он только на самом деле мог подумать, что оракул, пусть даже могущественный, даст ему ответы на столь непростые вопросы?..

— Ты действительно считал, что все закончится здесь, в моей пещере? Что некие силы оберегут тебя впредь?.. Что я, оторванный от жизни и земли, смогу поведать тебе о скрытом?

Мокено вновь рассмеялся, на этот раз не как скованный болезнью старичок, но в голос и очень заразно. Белоснежная птица, сидящая на шесте за правым плечом Киоши, мелодично заворковала, прислушиваясь к раскатистому смеху хозяина.

— Я не Бог, Киоши. И даже не могущественный прорицатель. Просто я очень стар, а люди, мидзури и тоэхи любят наделять преклонный возраст мифическими способностями...

— Но я...

Молодой тоэх почувствовал, как щеки вновь начинает заливать румянец, но на этот раз не краской стыда. На этот раз сущность Киоши начал наполнять гнев. Как мог Конта так ошибиться? Как мог Танара до сих пор верить в сказки? Как мог он сам принять за чистую

монету рассказы о некоем мудреце, способном объяснить сущность кулона? Великие Держатели! Он начал вставать с кресла, стараясь не смотреть на жалкого старика.

— Не горячись, парень, — в негромких словах отшельника прозвучал мягкий приказ, и Киоши невольно опустился обратно на теплый камень. — Я не сказал тебе, что не знаю ответов... Я лишь указал тебе, что, как и любой из жителей трех миров, ты скорее готов искать "великое-лекарство-от-всех-бед". Искать мудрость, силу, защиту. Идти через огонь и воду, лишь бы раздобыть эликсир спасения. Раздобыть его любой ценой, только бы не пришлось самостоятельно сражаться с бедой и находить ответы... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Киоши вонзил взгляд в полированный пол пещеры, рассеянно поигрывая цепочкой кулона. Смекалка, расшифровка метафор и острый ум никогда не были сильными чертами его характера, но слова Мокено смогли задеть за саму душу. Конечно, он мог бы объяснить отшельнику, что противостоять опасности больше нет сил. Мог бы сказать, что уже пытался найти ответы, но не смог. Мог бы убедить, что против него объединились все три мира, а союзников не найти. Мог бы рассказать, что хочет не сражаться с бедой, а мирно жить на Земле, каждое воскресенье выезжая с друзьями на пикники... Но он не стал, понимая, что старик на самом деле не желал обидеть его или изгнать, всего лишь прокомментировав очевидное.

Мокено снова набил неглубокую трубку, пряча кисет с травами за пояс. Неспешно прикурил, и на этот раз в его жестах не было и тени неловкости или болезни. В круглом зале родился новый запах, более резкий, но не менее приятный. В неглубоком бассейне плеснул серебристым хвостом карп.

— Но, Киоши, довольно словесной мишуры, — отшельник внезапно прищурился, сверкая глазами, и в этот момент словно сбросил не один десяток лет. — Ты не один из тех, кто приносит мне пищу и подношения, чтобы я крал твоё время, сотрясая воздух многоэтажной заумью. Ведь я знаю тебя, тоэх. Наслышан, несмотря на изоляцию...

Юноша удивленно поднял на Мокену глаза, но рта раскрыть не успел.

— Ты совершил отважный, но отчаянный поступок, попытавшись убить Стервятника, — старик кивнул головой. Не просто покачал, как будто та была готова безвольно упасть на грудь, но решительно кивнул, подкрепляя слова.

Киоши привстал с кресла. Из-под когтей брызнула каменная крошка, когда кулаки его невольно сомкнулись поверх подлокотников. Глаза молодого демона сверкнули.

— Проклятье, старик! Я не для того проделал путь через ваш пласт реальности, чтобы выслушивать лживые обвинения от каждого встречного!

Тоэх вдруг вздрогнул, неожиданно осознав, что пещера так называемого Мудреца является всего лишь очередной ловушкой врагов... Будто вновь прочитав его мысли, Мокено гневно стукнул кулаком по подлокотнику своего кресла.

— Успокойся! — глаза отшельника сверкнули так, что Киоши невольно зажмурился, оседая обратно. — Успокойся, Киоши Мацусиро, или мое терпение лопнет! И перестань портить мне мебель — ты шел сюда не для того, чтобы потерять голову в самый решительный момент.

Юноша обмяк на укрытой шкурами спинке кресла, отчаянно стараясь успокоить звенящие внутри нити. Отшельник попытался трубкой.

— Как и любой представитель племени тоэхов, ты вновь интерпретируешь чужие слова так, как это выгодно только тебе. Так вот не думай, что я хвалю, мальчик, — продолжал старик, словно и не было вспышки внезапного гнева. — Я лишь сказал, что это был отчаянный и храбрый поступок, но безрассудный и бессмысленный. Ты должен знать, что Стервятник жив и лишь приумножил свои силы.

— Старик, я никогда не пытался убить никакого Стервятника... Никогда!

— Возможно, — смиренно кивнул Мокено, еще сильнее запутав тоэха. — Ты не делал этого, но это сделал ты. Ты не захочешь драки, но уже поздно, и сделанный выбор решит дальнейшую судьбу.

— Ты обещал, что избавишь меня от словесной заумы, старик. Так постарайся не обманывать, ведь я не принес тебе ни даров, ни еды, — злость, копящаяся в душе Киоши, позволила ему отодвинуть в сторону уважительный тон и легкую опаску перед скрытыми способностями отшельника.

— Такова моя суть, ничего не поделать, — на лице Мокено опять появилась широкая, болезненная улыбка. Голова качнулась вперед, назад, снова вперед, будто готовая запрокинуться.

— Я не понимаю ни единого твоего слова!

— Не торопись, это бывает опасно. Поймешь, хоть и позже. Главное, не забудь наш разговор. Однако могу добавить: теперь я вижу, что ты получил вещь, сила и важность которой и вправду велика.

— Я не получал ее. Это наш родовый кулон, и он достался мне после инициации. Отец вручил его мне незадолго перед своей смертью.

— Тогда ты чертовски рисковал, едва не отдав его в лапы Стервятнику.

— Если ты знаешь, в чем сила кулона, но продолжаешь путать меня, отшельник, я ухожу...

— Нет, ты не уйдешь. Пока.

— ...И кто такой, в конце концов, этот Стервятник?!

Киоши снова не смог подняться с кресла, при этом уже буквально физически не находя себе места в словесных лабиринтах Мокено, переполняющих голову. Чувство собственного бессилия сначала вызвало в нем новый приступ ярости, а затем ощущение опустошенности.

— Кулон нужен тоэхам, — принялся рассуждать Мокено, не глядя на собеседника, но словно ожидая, что тот подхватит нить разговора. — Также его пытаются добыть мидзури, пусть и чужими руками. Может, ты знаешь, что он нужен кому-нибудь еще?

— Людям?!

Киоши презрительно фыркнул, недоумевая, как такая мысль вообще могла придти отшельнику... и вдруг ком встал в его горле, мешая дышать. Он расслабился, уже не пытаясь встать. Осознал, что молча смотрит в бездонные, как темно-синий океан, глаза старика. Едва слышно, одними губами юноша смог произнести вопрос:

— Они тоже ищут его?

Мокено улыбнулся, но на этот раз предельно печально, как уставший веселить зрителей мим.

— Кулон принадлежит клану Мацусиро не первую эпоху, так откуда мне знать его силу? Это как раз твоя забота, юноша. Но если ты хочешь получить ответ на вторую половину своего вопроса, то Стервятник — это нынешний советник нашего хосадаку. Это необычайно сильный демон, и я не знаю, где его нашел Кого. Или это он нашел Кого... Одно я знаю точно — Стервятник не мидзури.

Киоши сглотнул колющий комок.

— И не тоэх?

— Верно...

Тень пронеслась по зале, заставив пламя в светильниках затрепетать, а белоснежную птицу тревожно вскрикнуть. Далекий раскат грома потряс гору, сверкающие карпы заматались в прозрачной воде. Ох, как же холодно стало в этот миг в пещере.

— Близятся тревожные времена, Киоши. Всегда на Кресте были те, кто желал продолжения войны, но сейчас они необычайно сильны. Я не вижу силу вражеских комбинаций, не знаю расположения фигур, не могу предсказать, кто тянет за нити. Я волен лишь предполагать, но это можешь делать и ты сам. Тех, кто жаждет свести счеты с демонами соседнего мира, хватает и на твоей родине, и на моей. Подумай над тем, что человеку никогда не увидеть Нитей. Ему лишь кажется, что сущности, подобные твоей или моей, черпают свое могущество прямо из воздуха. И он никогда не увидит их, если осознанно не станет стремиться к этому... Всегда. Вся жизнь. И даже после смерти. Поняв, о чем я говорю, ты сможешь увидеть цепи заговора, охватившего Крест.

Мокено выбил трубку о скрюченную ладонь, привычным жестом сбросив невесомый серый пепел на пол, и отложил ее на столик. Морщины на широком лбу отшельника пришли в движение — он хмурился. Казалось, разговор начал тяготить старика, а, возможно, и просто утомлять.

— Ты не доверяешь себе, Киоши, и в этом нет ничего противоестественного. Недоверие, настороженность и поиск возможной ошибки — лучшие спутники и помощники, если ты хочешь найти ответы. Прости, если не оправдал твоего ожидания, но я могу дать совет...

Мокено поймал блуждающий по залу взгляд тоэха и терпеливо дождался, пока тот неуверенно кивнет.

— Рассуждать о судьбах миров легко. Гораздо сложнее окунуться в переплетение этих судеб, взять на себя часть ответственности за них, принимать решения, выбирать стороны, делать ставки. Пока что ты не готов взвалить на себя это бремя. И я, кажется, знаю причину. Киоши, ты видишь, что происходит вокруг. Предполагаешь, что может произойти в самое ближайшее время, но нечто давит тебя, не позволяя с головой ринуться в битву. Давит, не позволяя следовать судьбе тоэха, упиваясь сражением, а не интригами... Поправь меня, если я окажусь неправ, хорошо?

Но Киоши лишь вновь рассеянно кивнул, не поднимая глаз. Он всматривался в свою опустошенную душу и задумывался над словами старика. Тот продолжал говорить загадками, но теперь юноша начинал понимать.

— Ты не станешь отступать от угрозы, да, это видно. Но и драться ты не можешь, предпочитая искать поддержки у покровителей, оракулов и бывших друзей. Например, сюда ты пришел за спасением и защитой, но мы оба знаем, что сила твоя не здесь, — Мокено протянул руку в сторону, откуда пришел его гость. — Если ты хочешь совета, то вот он — освободись от лишних раздумий, сбрось тяжесть, поверь себе, инстинктам и друзьям, и никогда не ошибешься... Скажи мне откровенно: если ты узнаешь, что за кулон носишь на груди, тебе станет легче сражаться с противником? Тогда ты точно сможешь победить своих преследователей? Ха... Мы оба знаем ответ. Так чего же ты на самом деле ищешь?

Теперь Киоши задумчиво глядел вдаль, куда-то сквозь стену пещеры, потирая подбородок. Что-то рождалось внутри него, обретало форму и очертания, словно дымчатые иллюзии из трубки отшельника. Осторожно, чтобы не развеять эти образы, тоэх ухватился за чувства, не давая туманным ликам развеяться.

— Тоэхи и мидзури могут до конца времен спорить о своем превосходстве и жаждать войны. Но сегодня даже я вижу, что главное зло обитает не в дворцах наших правителей... Птица, поедающая падаль — вот кто несет смерть. Всем нам...

Киоши медленно, будто во сне или трансе, встал, полностью погрузившись в раздумья. На этот раз чары отшельника не удержали его в кресле, а словно бы подтолкнули. Молча наблюдая за гостем, Мокено помогал юноше найти правильный ответ.

Мысли, яркие образы, вероятности вероятностей... Киоши почувствовал, как по виску пробежала капля холодного пота, но не дал себе освободить рассудок. Это было чуждое и неприятное ощущение, словно щекочущие волны омывали сущность, предлагая окунуться то в один поток, то в другой. Старательно удерживая сознание сконцентрированным, молодой демон заставил себя не отбрасывать чехарду мыслей, кружащих в голове, но принялся пристально разглядывать их.

Он прошелся по залу, машинально теребя кулон когтями — прозрачную безделушку из камня в золоченой оправе из трех змеек. Как же сильно сейчас она жгла его руки. Казалось, что вновь Нити всех цветов пронизывают душу парня. Перед глазами пронеслись события последних дней — схватки, погони, образы врагов и союзников...

Прервать накатывающий транс решил сам Мокено, успевший предвосхитить глубину смятения, охватившего тоэха. Отшельник тяжело поднялся из кресла, оправляя накидку и вынимая из зажимов костыли.

— Если что-то надумал, меня не благодари. Уверю тебя, что все необходимые ответы

ты мог получить и сам, не тратя времени и сил на это путешествие... Ведь наверняка тебе его посоветовал не тоэх? Да ладно, не отвечай... Если я смог хоть чем-то помочь, рад...

Мокено склонил свою тяжелую голову, покрытую залысинами и остатками волос, и неловко пошаркал к выходу из залы, оставляя Киоши у бассейна, где серебристые карпы не знали горя в прозрачной, как горный воздух воде. Стук изогнутых палок по полу нахально разлетался вокруг.

— Возможно, мы еще поговорим, молодой Киоши... Но сейчас я утомился, — чтобы теперь услышать старика, тоэху даже пришлось напрячь слух, столь тихим и уставшим был его голос. — А пока ты и твой друг можете оставаться здесь, сколько угодно для вашего отдыха и восстановления сил. Циновки и еда в соседней пещере... Я позову его, Киоши, не провожай меня... Сегодня буря особенно сильна.

Шаркающие шаги отшельника стихли в коридоре, и в пещере наступила тишина, нарушаемая лишь легким плеском рыб и шелестом сверкающе-белых перьев. Киоши перевел взгляд на блики, под которыми вода смеялась в переливах чистого волшебного света.

Рука, тербившая кулон, замерла.

— А ведь ты и правда помог мне, дряхлый старик...

Железный коготь переломил цепочку. Змейкой обвивая кулон, она сползла в широкую ладонь юноши.

— Больше никакого бегства, — Киоши шептал слова рыбам и птице, внимательно разглядывающей его, едва ли замечая, что разговаривает вслух. — Теперь моя очередь атаковать. Так, как это умеют делать тоэхи...

Карпы метнулись в стороны, огромными выпученными глазами разглядывая нового соседа. Белая птица задрала голову и развернула свои длинные величественные крылья, что-то проворковав. Снаружи снова ударил гром, сотрясая само основание Буредды. Кулон, посверкивая чешуей металлических змеек, немного проплыл, виляя хвостом цепочки, а затем со стуком опустился на дно, усыпанное мелкими разноцветными камешками.

Не скрывая печальную улыбку, больше не похожую на оскал больного старика, в пещеру устало вернулся Мокено, с трудом переставляющий костыли. Танара, восхищенно озираясь, появился следом за отшельником, робко и нерешительно застыв в дверном проеме.

Тряхнув густой гривой, Киоши решительно направился к ним, но слова застыли у него на губах. Потому что в этот момент на склонах вечной горы в третий раз оглушительно грянул гром...

Сначала Киоши, затем Танара, а после и сам старик повернули головы к выходу. Все трое знали что сейчас, там, снаружи, на Мидзури словно опустилась ночь.

— Мы вновь не одни, — Танара деловито поправил кинжал, едва заметно сморщившись, когда прикоснулся к повязкам на ранах. Голос его звучал спокойно, но от Киоши не укрылось возбуждение, с трудом сдерживаемое проводником.

Тоэх кивнул и обернулся к Мокено, собираясь... Но круглый зал, все еще наполненный плывущим под потолком дымом, был пуст — лишь птица хохлилась на своем шесте, готовясь уснуть, и едва слышно плескались рыбы. Отшельник оставил их.

— Встретим гостей?

Киоши внимательно посмотрел на следопыта, с удивлением заметив, сколь прозрачны и размыты стали покрывавшие его щеки узоры. Вместо ответа Танара решительно кивнул, и воины шагнули в коридор.

* * *

Чистый горный воздух врвался в изгибы тоннелей, принося с собой запах грозы. Во рту мгновенно появился металлический привкус, а волосы на загривке встопорщились.

Стая белоснежный птиц, наполнявшая зал каменных чаш, исчезла. Больше половины из множества свечей и светильников, украшавших борта слюдяных кубков, были потушены. Пламя оставшихся металось, будто в тревоге. Эхо шагов гулко разлеталось в тишину, и

Киоши вдруг заметил, что стихла даже подземная капель.

Тоэх обернулся, но Мокено так и не вышел проводить своих гостей — за одну короткую беседу заставив юношу самостоятельно прийти к решению, он оставил за ним право выбора судьбы, а сам, наверняка, отправился спать... Киоши тряхнул головой, понимая, что при множестве исходов предстоящей битвы может никогда более не увидеть того, кого в родном мире Танары по праву называли мудрецом.

Арка входа темнела впереди и чуть выше. Частые, буквально одна за другой, всполохи молний ярко освещали площадку перед ней. От контрастного освещения становилось больно глазам — тьма, и тут же мелькание ярко-белых вспышек, наполняющих воздух электрическим треском.

Странники остановились на пороге пещеры отшельника, подставляя лица наглому грозовому ветру, перемешанному с мелкой моросью начавшегося дождя.

— Мне сдается, что это будет немного сложнее, чем Борис Конта?..

Киоши бросил на Танару косой взгляд. Его вопрос был риторическим, проводник сейчас испытывал схожее чувство. Тем не менее, мидзури неторопливо, величественно кивнул. Глаза его сверкали решимостью, а плечи под старой зеленой курткой напряглись, став похожими на гладкие булыжники.

— Ты успел поговорить с отшельником? — голос следопыта был бесцветен и тих, и Киоши догадался, что тот вводит себя в боевой транс.

— Да, пусть и не обо всем. Знаешь, Танара, он разваливается на глазах, из его рта вылетает много словесного мусора, но он смог подтолкнуть меня на нужную тропу. Даже и сам не знаю, как и когда...

Очередная вспышка разлапистой, на полнеба молнии вычертила человеческий силуэт, замерший на дальнем краю вытянутой террасы. Неистовый ветер, бушевавший на склонах Буредды, рвал с плеч длинный плащ. Эхо очередного раската волной пронеслось по коридору, толкнув в грудь. Там, где когда-то висел кулон, Киоши ощутил болезненную пустоту. Заставил себя вновь мотнуть головой.

— Это за нами, да?

— Наверняка...

Киоши повертел головой, хрустя позвонками шеи. Теперь он буквально заражался исходящим от Танары спокойным, всепроникающим светом решимости и отрешенности. Мысли постепенно отступали, уступая место сладострастному предвкушению боя. Предвкушению не яростной схватки, где кровь заливает лицо, а лапы сами нащупывают следующего врага, но поединка, сражения, чего-то важного. Чего-то, способного принести смерть им обоим.

Юноша смотрел вперед, где вспышки выхватывали из густой грозовой мглы изящный силуэт, и понимал, что ему совершенно все равно, что ждет его у выхода из пещеры — Охотник, Конта, посланники клана Мацусиро или кто-то еще. Он сразится с любым из них, легко и самозабвенно, и пусть Крест трещит по швам!

Новая молния расколола пространство на белое и черное. Нестерпимо яркий свет залил балкон перед пещерой. На этот раз площадка оказалась пуста.

Голос. Безразличный и тяжелый, как грязный свинец, сотню раз переплавленный рыбаками на грузила. Он раздается в голове, он громче ударов небесной стихии:

— Киоши Мацусиро?

Тоэх вздрогнул, снова бросая взгляд на Танару, обратившегося в созерцающую статую.

— Он пришел за мной, джеш. Он зовет меня.

На украшенном узорами лице Танары не дрогнул ни один мускул, когда он медленно наклонил голову:

— Я слышу, Киоши. Иди, я буду рядом.

Плечом к плечу они покинули пещеру отшельника.

Быстро, по-звериному осмотрев пустую террасу, тоэх успел мельком удивиться, что стена ливня, падающая с небес, теперь покорно огибала овал площадки, словно та была

укрыта невидимым, но очень прочным куполом. За пределами этой прозрачной ограды струи дождя яростно били в камни гигантской горы, образуя ручьи, реки и водопады. Стихия бушевала, сотрясая и небо, и твердь, словно не на шутку разозлилась. Темные, почти черные грозовые тучи плотной шалью затянули пространство от горизонта до горизонта, клубясь вокруг Буредды исполинским торнадо, мгновенно превратив бледно-голубой день в темно-фиолетовую ночь. Киоши втянул носом разряженный воздух, но не почувствовал ровным счетом ничего.

Начало представления...

Гипнотизирующие цветные сполохи блистают богатством и глубиной палитры. Истончаясь до призрачных оттенков, они переливаются всем многообразием спектра, накатывая волнами и отступая невесомой пеной. Брызжа горячим пламенем, тут же сменяются холодным лаком равнодушного ожидания. Вспышки подчеркивают причудливые силуэты, сотканые из дыма.

Пружинистым шагом Киоши двинулся вперед. Танара, словно взведенная боевая пружина, ступал чуть левее и сзади, обнажив оба клинка.

Снова Властитель Путей шевелит бесплотными губами, а царствующие Цвета самонадеянно полагаются на скорый выигрыш.

Терраса по-прежнему оставалась пуста — ни следа того, кто ждал их на краю парапета. На тропе, ведущей к подножью, тоже никого.

Все безумнее и смелее становится сверкающий поток, набат звенит мерным ритмом. Над мирами, не умолкая, мечутся стенания проигравших и гремит победный смех, как вдруг все замирает в ожидании чего-то очень важного. Тишина, столь внезапно наступившая, оглушает много сильнее триумфального хохота. Последний мазок бьет по холсту столь неожиданно, что подобен молнии.

Движение слева привлекло внимание тоэха, заставив молниеносно развернуться, припадая для броска. Он был там, уже не стараясь прятаться...

Неожиданно звуки пропали. Разом, как отрезанные. Не все, лишь звук ливня и грохот небес, но сначала юноше показалось, что он в один миг оглох. Буквально через мгновение он разобрал скрежет мелких камешков под ногой, бесшумную поступь Танары за спиной и мерное рычание, вырывающееся из собственной груди.

Оценив расстояние до противника, Киоши выпрямился, скрещивая руки на груди.

А из-за низкого парапета террасы взмыл он.

Высок, в теле статного и горделивого человека. Длинные, почти до бедер, пепельные волосы схвачены в шикарный хвост. Холодный ветер поигрывает ими, но бережно, словно знает, что увлекаться нельзя... На нем черная кожаная куртка с широкими рукавами до локтя, такие же штаны, заправленные в невысокие сапожки с зеленоватым отливом. Плащ с высоким стоячим воротом струится до земли, сколотый на массивную золотую фибулу в форме оскаленного черепа. Вся одежда суха, словно плотный дождь даже не прикоснулся к ней. Из оружия лишь кинжал, висящий на поясе. У незнакомца тонкие губы, длинный, чуть с горбинкой нос, и глаза... Безжизненные серые глаза.

Стоя на воздухе, тот поднялся над краем балкона, плавно опускаясь на бордюр, всем видом демонстрируя расслабленность и легкую заинтересованность. Киоши вздрогнул и невольно отступил на шаг, хотя расстояние до демона с серыми глазами и так превышало двадцать прыжков. Танара тенью замер у стены, и тоэха кожей ощутил сковавшее проводника напряжение.

— Теперь я вижу, что все это правда...

Чужак, от которого и за дневной переход веяло враждебностью и угрозой, говорил медленно и очень тихо. Однако, к своему удивлению, Киоши отлично разбирал слова, с нарастающим беспокойством различив за ними невероятную силу.

— Хотя, стоит отметить, что не испытывал ни капли сомнения по поводу слов брата, — демон с серыми глазами прищурился, глядя прямо на тоэха. — Здравствуй, Киоши.

— Я тебя не знаю, — юноша поймал себя на мысли, что ему хочется еще сильнее

увеличить дистанцию до этого странного существа.

— Ты уверен в этом, Киоши? Может быть, твой друг знает меня? Танара, что скажешь?..

Киоши чувствовал, что проводник даже не шелохнулся, продолжая рассматривать незнакомца сквозь скрещенные клинки. Тоэх быстро взглянул в его сторону, но Танара лишь качнул головой, не изменившись в лице.

Отрезанный от террасы, дождь стал еще сильнее, вставая за парапетом непроницаемой стеной воды. Холодный ветер мгновенно высушивал капли пота, бегущие по спине Киоши.

— Жаль... — незнакомец отбросил тяжелую полу плаща, усаживаясь на каменный бордюр и закидывая ногу на ногу. — А ведь мы уже встречались, Киоши.

— Я впервые вижу тебя...

Очередная капля пота начала бег по его лицу, и тоэх не без усилия заставил себя изменить температуру тела. Он словно то леденел до дрожи, то его бросало в жар, выматывая силы. Взгляд серых глаз гипнотизировал, словно змеиный. Балкон сотрясся от беззвучного раската грома, все новые и новые молнии хлестали в небесах, озаряя склон Буредды, как ярким днем.

— Что тебе нужно?

— Ты сам прекрасно знаешь это, молодой тоэх, — тонкие пальцы незнакомца поигрывали заколкой, а налетевший порыв ветра хлопнул плащом. — У тебя ведь есть то, что принадлежит мне... вернее сказать, нам.

Киоши на миг зажмурился, собираясь, словно перед прыжком через пропасть. Охотники, пираты, распри с кланом и Борис Конта внезапно остались далеко позади — прозрачные силуэты, смешные и картонные, даже при всем старании не способные причинить реального вреда. Истинная опасность сейчас была здесь. Настоящая, неподдельная, небрежно сидящая на камнях парапета.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь... — несмотря на высочайшую влажность воздуха, в горле стало сухо, как в песчаной яме.

Незнакомец понимающе кивнул, будто справедливо ожидал такого ответа.

— Согласен, ты крепкий парень, брат оказался прав... Но...

Внезапно воспарив над балконом, он оказался на ногах. И гораздо, гораздо ближе, чем прежде. Шокированный тем, что впервые в жизни не успел среагировать, Танара запоздало рванулся вперед, поднимая меч.

— Ах, понимаю... — незнакомец замер в воздухе, паря в трех локтях над камнями террасы, едва заметно покачиваясь вверх-вниз. — Дружба, скрепленная бедой... Согласен, прочный узел.

Неожиданно демон с серыми глазами поднял голову, оглядывая грозное небо, словно выискивал кого-то на одноцветном полотне туч. Голос его стал крепче, возносясь вверх и возвращаясь, словно он разговаривал сам с собой:

— Надеюсь, Овельговерн не станет заставлять ждать. О нет, не станет, — вдруг резко повернулся, крылом взметнув плащ, и устоял прямо на проводника. — Скоро Танара, очень скоро, если верить судьбе. Ты ведь далеко не все рассказал своему новому приятелю о своей прошлой жизни. О тайнах, об ошибках, о могуществе человеческих магов?

— Закрой свой поганый рот, сын безродной суки, понесшей от своего собственного ребенка, — мидзури разглядывал чужака вдоль короткого заклитого клинка, но Киоши вдруг уловил в его голосе трещину, расколовшую непроницаемую оболочку боевого транса. — Почему бы тебе сейчас не шагнуть за парапет и навеки не убраться отсюда вон?

Сероглазый улыбнулся, словно Танара сказал что-то очень забавное. Он покачал головой, сверху вниз разглядывая изготавившихся к схватке демонов.

— Действительно, как же забавно... Поверьте мне, друзья, одно дело — слышать рассказы, но другое дело — видеть своими глазами, убеждаясь в их правдивости... Ну так что, Киоши? — он перевел пронзительный взгляд на тоэха. — Сейчас ты скажешь мне, что кулона у тебя нет?

— А если скажу? — Киоши вызывающе поднял голову, демонстративно хрустнув шейными позвонками. Вытянув руки перед собой, он несколько раз сжал и разжал кулаки, демонстрируя стальные когти.

Глаза незнакомца превратились в тонкие щели, за которыми плескалось серое пламя.

— Не вздумай злить меня, щенок...

И вот тогда Киоши впервые увидел их.

Серые Нити... Осторожно плывущие среди царствующих Цветов, полупрозрачные, словно гости из чужой, смертельно-опасной реальности. Зрачки тоэха сжались до размеров булавочных головок, рот распахнулся в немом вскрике. Глаза отказывались верить, руки онемели, а разум восставал против увиденного.

Серые ленты, змеясь по камням террасы, медленно потянулись к нему, и в то же мгновение мозг юноши охватило ярким раскаленным кольцом.

Киоши зарычал, невольно прижимая ладони к вискам, а его ноги подкосились.

Серых Нитей не существует...

Седая пелена накрыла сознание, словно живой и голодный туман проникая в самые отдаленные его уголки. Боль расколола голову на несколько частей, словно наливной арбуз, а новые Серые змеями зашевелились вокруг него, что-то нашептывая и шипя. Небо потеряло последние краски, и молодой тоэх почувствовал, как в сосуде его жизни появилась брешь, сквозь которую вытекает воля. Чужой, беспредельно цепкий разум держал его душу в своих руках, разглядывая, словно базарную безделушку.

Внезапно все кончилось, и Киоши упал на колени, чувствуя запах и привкус собственной крови.

С усилием разлепив чугунные веки, он успел заметить лишь заключительный момент боевого танца Танары. Меч мидзури пластовал воздух на том месте, где висел седовласый, а тот, небрежно отвернувшись и перехлестнув за плечо длинную полу плаща, стоял на другом конце площадки. Именно стоял, уже не пытаясь взмыть в воздух.

Медленно, экономя энергию в каждом жесте, Танара повернулся к врагу, а в глазах его застыл немой вопрос. Казалось, проводник не может поверить в стремительность произошедшего.

Киоши попробовал подняться, но рука предательски дрогнула, и он едва не упал лицом вперед.

— Проклятье...

Незнакомец обернулся, отбрасывая плащ.

— Обещаю, Танара, что ты заплатишься мне за это...

К ногам демона упал идеально ровно срезанный кусок ворота, а следом по ветру рассыпался клоч пепельных волос. Шторм подхватил игрушки, мигом унося их за край балкона.

Незнакомец обернулся к тоэху и вновь прищурился, на этот раз заинтересованно.

— А ведь ты не обманул, Киоши, будь проклят твой род, — он медленно пошел вперед. — Где кулон?

Наконец юноша смог подняться, оборачиваясь к противнику. По лицу его стекала кровь, бегущая из носа и уголков глаз, взгляд плавал, ноги отказывались служить. В голове тревожным пульсирующим пятном билась лишь одна шальная мысль — происходящее невозможно. Серые Держатели пали, а царствующие Цвета навеки исключили этот Дом из своей игры...

— Ты... — Серые все еще здесь, они до сих пор клубятся вокруг его ног. — Ты суэджигари?..

Незнакомец остановился, будто вкопанный. Улыбнувшись, отвесил юноше поклон, надменный и игривый.

— Но ты не можешь быть суэджигари...

— Так же, как ты не можешь быть тоэхом, мой мальчик...

Танара оставался на прежнем месте, даже не пытаясь сменить позицию, и Киоши

чувствовал безысходность, волнами пульсирующую в сердце проводника. Юноша попятился, силясь не упасть. Ему хотелось повалиться перед мидзури на колени, выпрашивая прощения за то, что втянул его в... во что-то очень, очень неприятное... Во что-то смертельное.

— Значит, — как и чуть раньше, сероглазый разговаривал сам с собой, — это произошло чуть раньше... Все-таки произошло. Не так, как в первый раз... Странно. Очень странно. Киоши, когда и где ты спрятал кулон?

— Тебе не дано этого узнать, — юноша едва успел произнести это, как седая петля удушливого страха захлестнулась на его шее.

Демон с серыми глазами вдруг замотал головой, словно человек, наотрез отказывающийся верить очевидному. И без того узкие губы превратились в невидимую щель. Он вскинул лицо к небу, продолжавшему полыхать вспышками молний:

— Мы где-то ошиблись! Ты слышишь меня, брат? Ты допустил промашку... Ты ведь уверял, что это невозможно? Брат, ты нужен мне здесь!

Он опустил голову, с усмешкой разглядывая неподвижных противников. Откинул выбившуюся на лоб серую прядь.

— Чего уставились? Я разговаривал не с вами.

В то же мгновение Танара бросился вперед, разводя клинки в стороны.

Незнакомец тут же поймал его взглядом, сменил стойку, собравшись к бою — и вновь запели Серые. Отчетливо запахло горелым деревом. Следопыт застыл в воздухе, остановленный в верхней точке длинного прыжка. Нити врага оплели его лицо, словно тряпичные ленты. Схваченный за голову, он раскачивался в воздухе, словно на невидимом тросе, выронив меч. Одной рукой мидзури лихорадочно собирал Синюю защиту, другой неловко взрезая Серые заклятым острием кинжала.

Киоши зарычал, встряхнувшись, будто ото сна, и присел, собираясь к броску... В несколько размашистых шагов он ринулся к сражающимся, заставив суэджигари вновь отпрыгнуть. На этот раз их противник переместился плавно, паря в воздухе, однако маневр стоил ему плененного проводника. Серые Нити ослабли, и Танара тяжело рухнул на камни, мотая головой.

— Не советую тягаться со мной, шпана... — за спиной седовласого демона бесшумно бесновались молнии, раздирающие темно-синее небо. Склоны горы продолжали сотрясать немые удары грома.

Тоэх сконцентрировался, собирая и подтягивая многочисленные Красные. Танара поднял откатившийся меч, широким движением спрятал оба клинка в ножны, и вскинул над головой сплетенные в замок руки.

— Ну, чего же ты ждешь? — знакомый голос долетел из-за спины, из-за обрыва, из-за парапета, за которым открывалась бездна. — Я ведь предупреждал, что будущее рассчитано по секундам...

Этот голос. Знакомый, словно недавно услышанный, но еще не укрепившийся в памяти. Это ведь голос...

Киоши резко обернулся, поднимая перед собой почти завершенное оружие, сплетенное из Красных. В несколько легких шагов Танара сместился, не выпуская демона с серыми глазами из виду. Мельком взглянув в сторону тоэха, проводник едва не опустил руки, сжимающие едва начатое заклинание.

На краю парапета стоял суэджигари.

Тот, кто появился на террасе, был точной копией их врага. Первый из седовласых улыбнулся.

На вновь прибывшем была все та же кожаная куртка, все те же отливающие зеленью сапоги, тяжелый бесцветный плащ на золотой фибуле. Близнец носил такие же длинные пепельные волосы, ремешком перехваченные в конский хвост. Только...

Только через лицо второго, снизу вверх перечеркивая всю левую щеку, кривясь и прерываясь на губе, бежал широкий безобразный шрам.

— Помнишь это, тоэх? — голосом своего предшественника произнес двойник.

Приложив указательный палец к изуродованному лицу, он взмыл над парапетом на столбе из Серых, разглядывая оцепеневшего юношу. Внезапно его гневный взгляд сместился на собственную копию.

— Знаешь, братец, если бы ты не был мною, я оторвал бы твою голову за такое позерство... Лишь понимая, насколько важно тебе было видеть все собственными глазами, я смирюсь с тем, что щенки все еще живы...

— Не смей угрожать мне, братец.

Тот нахмурился, при этом не выпуская из поля зрения тоэха и его спутника. Киоши и Танара по-прежнему стояли меж ними, словно пешки на игральной доске, оторопело наблюдая за странным разговором.

— Как я уже сказал, кулона нет. Я проверил, щенок сумел нарушить распорядок и спрятать его раньше... Низвергнутые Держатели, где же этот проклятый Овельговерн?

Рука седовласого, не обезображенного жутким порезом, невольно ощупала срез ворота.

— Если ты собирался торопить время, это нужно было сделать раньше, — Шрам мягко опустился на бордюр, спрыгивая на террасу. — Время Овельговерна еще не пришло... Значит, Киоши, мы промахнулись, предполагая, что в этой временной точке кулон находится у тебя? В таком случае нам всего лишь придется повторить урок...

— Бескожие псы Ямы будут обглаживать твои кости двенадцать сотен эпох, ублюдок, — прорычал Киоши, пользуясь передышкой и приходя в себя после ментальной атаки суэджигари. — Ты никогда не получишь кулон. А когда Император узнает о вашем существовании, тебя ждет вечность боли на Крюках Наслаждения мастера Сконе!

Казалось, что Шрам пропустил его проклятия мимо ушей. Теперь он сосредоточено осматривался, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем вдруг высвободил из-под плаща руку и протянул в сторону длинный костлявый палец:

— Осторожно, братец, это совсем рядом...

Теперь молнии распарывали небо практически беспрерывно, гора сотрясалась, и Киоши неожиданно подумал, что суэджигари намеренно изолировали звуки грозы, превратив сражение в спектакль, а своих жертв — в обреченных зрителей.

Скосив глаза туда, куда указывала худая рука Шрама, Киоши вдруг различил в воздухе крохотную светящуюся точку. Заслоняясь сотканными из Нитей серпами, он двинулся назад, стараясь оказаться поближе к своему напарнику. В воздухе раздался мелодичный звон. Теперь, не спуская друг с друга глаз, на светящуюся точку смотрели все.

Крохотный шарик, выкованный из красного железа, выпал из солнечного зайчика, с лязгом запрыгав по камням просторного природного балкона. Следом за ним выпал второй, и вот они зазвенели в унисон, подскакивая без причины. Третий шар, вывалившийся из пустоты, упал ровно вниз, словно бы намертво приклеившись к камню. Шрам кивнул, словно все шло по задуманному им плану, и сердце Киоши тревожно защемило.

А в следующее мгновение в нескольких десятках шагов от тоэха, заискрившись Красными Нитями, начал разворачивать свое зеркало Портал. Гудение густого багрового марева указало, что проход готов, и юноша сделал еще несколько шагов в сторону Танары. По всему выходило, что его враги основательно подготовили последнюю, вполне ожидаемую ловушку, но теперь тоэх не собирался бежать. Он станет драться и, если будет нужно — умрет, но сначала заберет с собой в Яму как минимум одного Серого выроodka.

Шрам потер подбородок, а его брат с интересом наблюдал за заклинанием перехода, открыто игнорируя тоэха, стоявшего сейчас почти за его спиной.

— Значит, это и есть его агент?... — спросил первый суэджигари. Шрам лишь кивнул.

Сбрасывая с бедер вязкие хлопья розового тумана, из Портала медленно появился демон, и при виде его у Киоши перехватило дыхание. Безупречно стройная, будто бы ее широкие бедра и высокая пышная грудь были выточены из розового мрамора, она с удовольствием подставляла обнаженное, почти человеческое женское тело холодным ветрам Мидзури. Копна длинных огненно-красных волос рассыпалась по плечам. Темные, алого

отлива глаза с прищуром рассматривали окружающих, привыкая к полумраку грозы.

Полные губы изогнулись, а тонкий, сужающийся к кончику хвост нетерпеливо вздрогнул, хлопнув по мускулистому бедру. Суккуб в задумчивости остановилась, острейшим когтем почесывая мочку удлиненного уха. Когда она улыбнулась, на щеках заиграли ямочки.

— Киоши... Давно не виделись.

Первый из суэджигари кивнул головой, словно соглашаясь с чем-то, а девушка совершила стремительный и высокий прыжок, мгновенно оказываясь рядом с молодым тоэхом. Танара, так и не закончивший заклинание, не отрывал от нее глаз.

Киоши облизнул пересохшие губы, почувствовав вкус собственной крови, заливающей лицо.

— Линда?

— Молчи! — приказала она, демонстративно прикладывая палец к губам, и повернулась к суэджигари, словно бы специально встав так, чтобы юноша мог в подробностях разглядеть ее сзади.

— Приветствую тебя, Овилла, — Шрам повторил игривый поклон, отбрасывая полу плаща. — Ты вовремя.

— А я не желаю тебе здоровья, Тоэши-Набо. Сейчас я прикрываю глаза, а когда открываю их, ты со всех ног несешься прочь. Это ясно? Убирайся. Немедленно. И тогда, возможно, пока что останешься жив.

— Остынь, девочка, пока я не переломал тебе кости, а из кожи не сделал чучело, — серые глаза Шрама превратились в узкие бойницы, а Киоши негромко зарычал, выдвигаясь вперед. Вытянув в его сторону руку, Линда повторила прежний приказ:

— Молчи и не двигайся, я сказала! Погляжу, у тебя на лице добавилось украшений, Тоэши. Осторожней, ведь я в силах добавить еще. Оставь этого тоэха в покое. Уходи.

Негромкие хлопки, которые можно было бы принять за шум дождя. Они обернулись, и Линда внезапно пригнулась, чертя перед лицом охранные знаки. От ее прежней уверенности и спокойствия не осталось и следа, под гладкой кожей зашевелились волны мускулов, а плечи напряглись. Хвост демоницы яростно заметался, отхлестывая по ногам, когда она забормотала проклятия. Первый из суэджигари неторопливо аплодировал, высоко подняв подбородок.

— Сколь храбрые слова для девушки, Овилла. Вижу, ты ни капли не изменилась, даже похорошела. Честное слово, — демон с серыми глазами двинулся вперед, обходя тоэхов и мидзури по широкой дуге. — Но будь осторожнее с угрозами, девочка...

Суэджигари неторопливо пересек террасу, занимая место рядом с братом. Улыбнулись они абсолютно одновременно — две стройные фигуры на фоне черного небосклона и сверкающих молний. Алые глаза девушки широко распахнулись, когда она прошипела что-то нечленораздельное.

— Овилла, хочешь попробовать сразу с нами двумя?

Словно сошедшие с полотна картины, близнецы стояли плечом к плечу, а непокорный ветер трепал их плащи и седые гривы.

— Вас двое.

— Линда, я хотел бы знать... — но суккуб лишь отмахнулась от Киоши, как могла бы отмахнуться от насекомого.

— А ты наблюдательна, девочка.

— Тоэши-Набо, ты осмелился нарушить величайшие запреты Держателей? Ты осмелился разрушить тончайший баланс?

— Баланс? — Шрам равнодушно пожал плечами. — Запреты? Я ничего не нарушал, призываю в свидетели все царствующие Цвета. Баланс сохранен, уверяю. Запрет не нарушен, клянусь. Мироздание не покачнется, будь спокойна. Он, — Тоэши ткнул пальцем в молодого тоэха, и тот невольно вздрогнул, вскидывая серпы, — он нарушил его в одной плоскости, я в другой. В итоге — лодка больше не раскачивается...

— Признаю, — неожиданно к беседе присоединился второй суэджигари, — что там, где меня сейчас нет, вы победили. Да, возможно, наши планы рухнули, и все пропало. Ужас, мои вам поздравления... Но здесь я отныне силен вдвойне. Овилла, давай же сейчас не станем забивать себе голову никчемной теологией, а рассмотрим текущую ситуацию?

Неожиданно Линда обернулась, испепеляя Киюши глазами. Тот поймал ее взгляд, непонимающе замотав головой, но под прицелом алых глаз все же отступил на шаг. Демоница вскинула руку, пальцем целясь в лицо Шраму:

— Хочешь рассматривать текущую ситуацию, Тоэши-Набо? Хорошо. Поясняю — какой бы силой ты не обладал, ты опоздал взять этого тоэха голыми руками, — Линда зарычала, начав искусно стягивать сочные Красные.

Киюши взмахнул серпами, готовясь к новой схватке. В его голове, раскалываясь на куски, сшибались титанические айсберги шальных мыслей, а потому он даже не успел запомнить обиду на покровительственный тон девушки и новое упоминание о себе, словно речь шла о какой-то вещи.

— Запомни, дура ты набитая, сейчас для меня вообще отсутствует понятие "поздно"... — рявкнул Шрам. Серые угрожающе приподнялись. — Братец, постарайся выпить щенку память, пока я займусь девчонкой.

А дальше произошло то, что даже очевидцы через какое-то время предпочтут считать лишь легендой. Серые Нити, о существовании которых не помнили и самые древние старики... Нити, низвергнутые тремя лучами Креста задолго до войны Бешенства... Серые Нити, наполняющие проклятую Богами родину суэджигари, взмыли над террасой.

Близнецы собирали их в огромные жгуты, даже не шевеля руками, и спустя несколько мгновений за спинами седовласых демонов возвышались, устрашающе покачиваясь, десятки щупалец. Заклинание набирало силу, как первобытный самум. Серые Нити стекали с воздуха и рождались прямо под широкими плащами братьев, закручиваясь смерчами серого песка. Вот щупальца свились воедино, и чара обрела черты огромной кобры, ожесточенно раздувающей капюшон. Извиваясь и скаля пыльные клыки, змей пронзительно зашипел, скользнув по камню балкона, и метнулся на Линду.

Но та успела встретить врага. Отставив назад правую ногу, она вскинула руки, вычерчивая перед собой широкую Красную спираль. Защитное заклинание раскрутилось, с протяжным стоном отвердевая в диск щита.

Вспышка удара затмила блеск молний, а раскат прокатившегося по террасе грома заставил бы стыдливо утихнуть и небеса.

Шрам переместился в сторону, его полупрозрачные щупы продолжали методично искать дыры в Красной полусфере. Второй Тоэши-Набо одно за другим швырял в Линду седые копыя, брызгами песка разбивающиеся о защиту суккуба. После очередного удара щит треснул, разваливаясь на две половины.

Киюши бросился вперед, одновременно метая оба серпа и заплетая вокруг них широкую сеть. Шрам увернулся, но в следующее мгновение удивленно изогнул бровь — целью тоэха был не он сам, но сами Серые. Юноша заставил свое блокирующее заклинание сцепиться с Нитями обоих Тоэши, прижимая к камням.

Как по сигналу, на лицах суэджигари вновь появились неприятные улыбки. Шрам, которого молодой тоэх отчего-то считал старшим из братьев, широко расставил ноги, заставляя свои Нити отступить, свиваясь в петли. Красные, плавясь, густыми каплями начали стекать на камни, и Киюши отбросил оружие.

Не дав демонице времени на плетение нового щита, младший из двойников выхватил из воздуха еще одно копьё. Метнул, крутанувшись на пятках, и торжествующе вскрикнул, когда визжащее древко неожиданно нашло цель. Песчаная пика, почти прозрачная, как и все остальные заклинания близнецов, дотянулась до Линды, словно бы растворившись в ее голове. Девушка негромко вскрикнула, роняя обломки щита, отскочила, упав на колени и стряхивая с лица зачарованный песок, но тут вмешался Танара.

Длинные клейкие Нити ультрамариновыми молниями протянулись к врагам, встав

перед суккубом стеной трепещущего пламени. Младший из братьев отпрыгнул, выдернув жало из сознания Линды, и по камням террасы потекли струи сухой пыли. А пульсирующая стена проводника двинулась дальше, ломая оставшиеся Серые. Навалившись на демона, пламя коконом сомкнулось вокруг Тоэши-Набо, заставив его закричать.

Второй суэджигари взмыл, и Киоши мог отчетливо разглядеть природу этого полета — едва видимые в полумраке Серые без труда несли чародея по воздуху.

Крик из огненного кокона неожиданно сменился смехом, а бликующая поверхность пламени пошла мелкими трещинами. Пробив чару, суэджигари без труда вышел из пламени.

Танара покатился по земле, закручивая пути в узел и стараясь удержать, связать, но в этот момент старший Тоэши-Набо настиг его, наотмашь хлестнув в корпус бичом из могильного праха. Танара закрутился на камнях, теряя контроль над заклинанием, а Киоши уже возвышался над ним, готовясь броситься вперед.

— Киоши, в портал! — Линда поднялась на ноги, тяжело качая головой. Из ее носа заструилась тонкая алая струйка, смывая с подбородка пепельный песок.

— Непременно... — не оборачиваясь, огрызнулся юноша, по высокой дуге рванувшись на младшего Тоэши-Набо.

Тот прыгнул в сторону, поднимая Нити, но остатки заклинания мидзури все же сковали его движения, парализовав левую ногу. Удар тоэха получился скомканным, но все же в следующий миг суэджигари тяжело осел на камни, а из его правой руки фонтаном хлестнула кровь. Его старший брат, словно птица упавший на юношу с небес, мощнейшим ударом отшвырнул Киоши в сторону, ударив в корпус целым роем Нитей. Юноша выставил руку, пытаясь защититься, но с таким же успехом он мог бы попытаться остановить летящий на всех парах локомотив. Отлетая на пару десятков шагов и крутясь по шершавому полу террасы, тоэха слышал треск собственных ломающихся ребер и увидел вылетающий изо рта кровавый сгусток.

— Этим нам их не одолеть... — Танара вновь взялся за Нити, не сводя с близнецов разъяренного взгляда.

Следопыт тяжело дышал, а с его губ капала кровь. Под потертой походной курткой неумолимо разрасталось красное пятно, и вот уже первая тяжелая капля просочилась сквозь ослабевшие повязки, сочно шлепнув по камню балкона. Мидзури зарычал, и Киоши вдруг понял, что его спутник скорее погибнет на склоне вечной горы, чем признает победу противостоящих ему колдунов.

Над плечами Линды выросли три Красные Нити. Разбитые на гибкие многочисленные сегменты, щупы обрели материю, верхняя часть стеблей сломалась, раскручиваясь и на глазах превращаясь в вертящиеся отточенные диски, а воздух наполнил пронзительный визг. Демоница пошла вперед, осторожно ставя босые пятки на камни площадки.

Киоши поднялся, отбрасывая со лба свалившиеся от пота и крови пряди. Пытаясь придти в себя и успокоить тлеющую в груди боль, юноша сконцентрировался, убедив мутную пелену отступить. Когда он в следующий раз взглянул на поле боя, мидзури шел в атаку.

Зрачки Танары брызнули Синим огнем и Киоши различил тончайшие кружевные Нити, несущие вперед две шаровые молнии. Шрам небрежно сбил их плотной матовой паутиной, заставив с шипением погаснуть, даже не достигнув земли, и переместился к брату. А тот кружился, взмахивая лохмотьями изрезанного Линдой плаща, словно птица перебитыми крыльями. Раненый чародей безуспешно старался увеличить дистанцию, но визжащие щупальца суккуба каждый раз оказывались в опасной близости от его хрупкого тела.

Но вдруг он замер, победно улыбнувшись, а девушка резко согнулась пополам, отлетая назад и роняя диски — намотав на здоровую руку тугой клубок Серых, младший суэджигари ухитрился ударить ее в живот. Щелкнула золотая фибула в форме оскаленного черепа, и изодранный пепельный плащ отлетел прочь, где голодный ветер накинудся на свежую добычу.

Теперь оба суэджигари вновь стояли в дальнем конце площадки, картинно, в пол

оборота, почти прижавшись спиной к спине. Казалось, бой совершенно не утомил демонов, лишь тот, что был справа, бережно баюкал на груди изодранную в лохмотья руку.

— Я предупреждал тебя, Овилла... — Шрам тоже щелкнул застежкой, сбрасывая плащ. — Не стоило нам хамить.

Киоши приблизился, вставая рядом с Танарой. Тоэх тяжело и неровно дышал, но вовремя подхваченная Красная уже извивалась в его ладони.

— Киоши, не выводи меня... — прошипела демоница, вскакивая на ноги, но даже не повернувшись в его сторону. — Перестань играть в героя, немедленно в Портал!

Услышав это, Шрам неспешно отправился наперерез, пока его раненый брат осматривал руку. Кровь, красная, но словно бы смешанная с серой пылью, свободно лилась по его предплечью, капая с тонких пальцев. Он вскинул другую ладонь, овивая рану тусклым матовым свечением.

— Ну, может быть, теперь-то Танаре пора покинуть нас? — гневно проскрежетал младший Тоэши-Набо, поднимая голову. В его голосе мешались дикая ярость и боль, но Киоши различил там еще и нетерпение.

Едва успев удивиться порыву, юноша взглянул в небеса. Прямо над их головами, в грозном небе Мидзури зажглась ярчайшая желтая точка, отчетливо различимая на черном фоне полотен бушующей стихии. Почувствовав, что наверху действительно что-то происходит, невольно головы подняли все, при этом каждый ни на миг не спускал взгляда со своего противника.

Оказалось, что золотистая точка двигалась, едва заметно покачиваясь в стороны. А затем стало очевидно, что она очень быстро приближается, увеличиваясь в размерах. Тоэх уже различал, что в небесах парит гудящий огненно-желтый обруч, стремительно падающий вниз.

Танара попятился, Шрам отвернулся, будто его не интересовала ни схватка, ни золотой обруч, однако второй близнец внимательно наблюдал. Его хищный взгляд метнулся к Танаре, к обручу, вновь к Танаре, и снова сконцентрировался на желтой вспышке. Это не укрылось от следопыта, вдруг осознавшего невиданную опасность. Мидзури запоздало метнулся к краю террасы, на бегу закрываясь защитной чарой, и Киоши бросился ему навстречу.

Небесный обруч изменил курс, и, не меняя сокрушительной скорости, рухнул прямо на голову проводника.

Уже через мгновение Танара стоял в центре просторного золотистого круга в ярко-желтом столбе прозрачного света, внимательно осматривая колышущиеся стены ловушки. Маг не торопился прикасаться к сверкающей пленке, стараясь набрать Нитей в пределах западни, но даже тоэх видел, как быстро гниют и опадают энергетические каналы, отрезанные от мира вместе с мидзури. Танара схватился за зачарованный кинжал, но тот впервые в жизни отказался покинуть собственные ножны.

Выставив когти, Киоши с ревом бросился на столб прозрачного желтого света, но тут же отскочил, тряся обожженными ладонями. От обуглившейся кожи поднимался дым, пахло жареным мясом. Стены магического ловушки громко загудели, а их свет становился то ярче, то почти затухал.

Линда перебралась поближе, и сошедшиеся на ее переносице брови не говорили ни о чем хорошем.

— Танара! — Киоши подхватил упавшую Красную, почти превращенную в острейший шип.

Суэджигари, словно упиваясь паузой в сражении, не без интереса наблюдали за ними. Раненый Тоэши-Набо смог остановить кровь, осыпав руку черным порошком.

Приблизилась Линда, наотмашь ударила по ловушке. Но Красные, едва прикоснувшись к желтой пелене, мгновенно раскрошились.

— Заклинание вызова, — почти выплюнула она, а тонкий хвост раздраженно заметался. — Природа неясна. Сильное...

Стало очевидно, что теперь плененный мидзури не мог ни слышать, ни видеть происходящего на террасе. Повернув голову к невидимому собеседнику за пределами круга, он беззвучно шевелил губами. Мотнул головой, еще раз, презрительно рассмеялся кому-то. Киоши в отчаянии наблюдал за проводником, яростно рыча от собственного бессилия. Тяжелое, свинцовое предчувствие вдруг охватило юношу, нашептывая беду. Киоши понял, что сейчас произойдет что-то страшное, что-то неожиданное, к чему никто из них не был готов даже в мыслях.

Вот под ногами Танары начала расти, распускаясь кровавыми лепестками, пунцовая пентаграмма. Быстро прочитав ее узоры и руны, мидзури беззвучно закричал, вскидывая голову, и вдруг исчез, ярчайше вспыхнув вместе со столбом золотого пламени.

Киоши взвыл, в протяжном стоне выплескивая в молчаливые и мокрые небеса свою боль и злость. Даже понимая, что на эмоции нет ни единого мига, он не мог остановить их поток, хлынувший в душу. Танара исчез, словно брошенный в воду камень. Словно лопнувший воздушный шар, словно брошенная в очаг сухая ветка. Его проводник, его спутник, его союзник и друг. Мидзури, с которым за время бесконечного путешествия к смертельной ловушке тоэш успел разделить и тяготы, и жар битвы, и тайны чужого мира.

Но время на эмоции и скорбь сейчас на самом деле было непозволительной роскошью...

Киоши оскалил клыки, оборачиваясь к Тоэши-Набо.

— Что вы сделали с моим другом?

— Может, ты хочешь обменять его на кулон? Можем устроить.

А Серые уже крались к ногам юноши, осторожно, вкрадчиво, как проникающие в курятник ласки, скользя вдоль шершавого камня линиями тоньше воздуха. Киоши поднял Красный шип, пальцами распыляя чару в тончайший щит, и уронил к ногам, перерубая Нити врагов.

— Киоши, — Линда, разгоряченная и разъяренная, стояла за его плечом, — нам срочно нужно уходить. Поверь, это единственный выход... Особенно теперь, — добавила она, столкнувшись с тяжелым, полным сожаления взглядом молодого тоэха. — Просто доверься мне, ладно?

Звон? Знакомый звон... Мелодично отстукивая по ровному покрытию скальной террасы, из пустоты выпали два железных шарика. Киоши почувствовал, как внутри начинает медленно, но неизбежно расти ледяная волна, в которой страх мешался с обреченностью. Спектакль, развернувшийся на склоне Буредды, захлестывал своей непредсказуемостью и темпом, в то время как у остальных, казалось, давно имелись программки... Еще один шар.

С привычным хлопком в центре площадки развернулся второй Портал, и Киоши вздрогнул, прочитав эмоции, бурей пронесшиеся по лицу Линды. Он решил драться. Он будет драться. Но если неуверенность испытывают его собственные союзники, драка не будет затяжной...

Из плотной, кроваво-красной пелены прохода на вековые камни Буредды шагнул Охотник.

Шрам молча кивнул брату, перемещаясь за спину прибывшему.

Охотник остановился, и поля его широкой шляпы качнулись, когда он неспешно осмотрел поле боя. В непроглядной тени язычками пламени полыхнули глаза. А затем чистый блеск титанической молнии кристально четко выхватил из-под шляпы все остальное, и Киоши наконец взглянул в лицо одному из своих страхов.

Казалось, что узкие глаза Охотника буквально процарапаны на его невероятно длинном лице. Острый подбородок выдвинут вперед. Болезненного вида, словно бы заточенные скулы. Тонкие клыки, скорее похожие на иглы, что запомнились юноше еще на Земле. Полоска узких черных усов обрамляет бледный рот, а темная прядь, будто намеренно выбившаяся из-под шляпы, ниспадает до правой брови.

Линда очнулась первой.

— О, нет! Даже не рассчитывай на это, урод... — она постаралась на ощупь найти Красные, но руки ухватили пустоту, едва не ошпарившись о Цвета других Домов, и демоница отскочила, выискивая нужные Нити.

— Малыш, я так и не научил тебя убирать след, — Охотник качнулся вперед, словно собирался поклониться. — Отследить твой путь было несложно...

Шрам неожиданно закашлялся, отвернувшись от тоэхов, но искоса поглядывая на Охотника. Тот выжидающе склонил голову, левой рукой предельно небрежно снимая с воздуха пару Черных.

— Прошу прощения, что прерываю. Но я бы не советовал вмешиваться в происходящее действо, ибо мне известно, что роли вы особой не сыграете, но драка может неблагоприятно отразиться на вашем самочувствии, — суэджигари поклонился, с насмешкой в каждом жесте, обернувшись к брату и едва слышно добавив в его адрес. — Уверяю, что все было именно так...

Охотник равнодушно отвернулся, словно не понял ни единого слова, произнесенного Шрамом, и Киюши мгновенно узнал на себе его тяжелый взгляд. Черная Нить отвердела, превращаясь в длинный узкий клинок. Едва шевеля тонкими губами, Охотник обратился к суккубу:

— Овилла, зачем он тебе? Отдай пацана, и разойдемся миром...

— Пошел вон.

— Малыш, ты же знаешь, я еще никогда не упускал добычу.

— Это будет первый...

— Эй, Киюши, я и не думал, что ты позволишь какой-то бабе охранять себя...

— О, ты начинаешь мне надоедать, — демоница шагнула вперед, походя отшвырнув молодого тоэха, дернувшегося было к Охотнику, себе за спину.

— Овилла, да брось ты, что нам делить? Найдешь себе другого любовника...

Шрам и Линда начали двигаться одновременно, и Киюши с мрачным удовлетворением ощутил, как отступает вдруг страх, перевоплощаясь в обжигающий кипяток ярости.

Охотник резко сместился в сторону, на ходу срывая еще несколько Нитей. Черный клинок, вращаясь, прогудел мимо, разрубая пустоту, а Линда мягко приземлилась в стороне, скрещивая перед лицом руки и собирая новый щит.

Младший Тоэши-Набо что-то спросил. Громко, но неразборчиво, хотя и привлек к себе внимание.

— Что ты мямлишь, пожиратель паутины!? — Линда резко повернулась, завершая заклинание, и высокие холмы ее груди тяжело качнулись.

Охотник и Киюши замерли друг напротив друга, не торопясь начинать бой. Но суэджигари, казалось, вновь забыли об их существовании. Встав боком ко всем трем тоэхам, они спокойно разговаривали между собой.

— Прямо сейчас? Откуда? — Шрам отступил, вместо ответа протянув руку в сторону склона.

— По той тропе... — и вновь жест седовласого демона словно срежиссировал остальными, заставив оглянуться.

Сверкнула новая молния, окрасив мир в молочно-белый и превратив тени в бездонные ямы. Завеса дождя у тропы треснула и расступилась, выпуская на скальную террасу фигуру человека. С его одежд ручьями стекала вода, слипшиеся волосы были взъерошены, и он неловко опирался на каменную стену, вдоль которой шел. Шагнув на сухую площадку, прикрытую магическим куполом, он словно очнулся, сбитый с толку отсутствием звуков бури.

Мутный взгляд пробежался по всем, находящимся на балконе, и замешательство стремительно прошло. Он заметил Киюши, а обрубок левой руки поднялся в его сторону.

— Мацусиро, ты не уйдешь... Сдайся, и будешь осужден по справедливому закону...

Борис так и не сбросил свою человеческую форму, от которой уже не веяло легкостью и самоуверенностью. Сейчас Борис выглядел подавленно, жалко, разбито. Шатаясь и чуть не

падая, мидзури вышел почти на середину балкона, останавливаясь недалеко от второго Портала. Было очевидно, что схватка в храме и отчаянное преследование отняли у Конты слишком много сил. Возможно, почти все.

Суэджигари, как ни в чем не бывало, вернулись к прежнему разговору, а Киоши лихорадочно переводил взгляд с Бориса на Охотника. Затравленный взгляд. Взгляд зверя, в душе которого вот-вот сломается последний рубеж, после чего тот бросится в глотку своим загонщикам, не обращая внимания на раны и утекающую жизнь. Ситуация продолжала катиться по наклонной, и юноша даже представить себе не мог, что произойдет, когда она достигнет дна.

Даже Охотник, казалось, теперь пребывал в некотором недоумении, только сейчас оценив компанию, собравшуюся на склонах Буредды, и пока больше не пытался атаковать.

— Так кто будет говорить? — Шрам небрежно повел подбородком в сторону Конты.

— Ты?..

— Знаешь, я уже делал это. Кроме того, хочу послушать... Хочу сравнить...

— Хорошо...

Тоэши-Набо сделал к Борису несколько широких шагов, словно выходил на невидимую сцену. Его выбившаяся из-под завязки грива свободно развевалась на ветру, создавая вокруг головы демона седой ореол.

— Дорогой Борис. Сегодня многое произошло. Эта омерзительная погода утомительно влияет на самочувствие и настроение. Не ошибусь, если замечу, что устали и остальные. Потому буду краток: в первый и последний раз предупреждаю — уходи, и останешься жив, хоть и промокнешь снова. Не пытайся ничего говорить, просто развернись и уйди...

Линда бесшумно приблизилась, ужасающе больно стиснув в пальцах правый локоть Киоши. Не сводя с противников прищуренных глаз, она принялась подталкивать юношу к своему Порталу. Хвост по-прежнему раздраженно отхлестывал по ее бедрам, зрачки светились, будто раскаленные угли. Тоэх едва не вскрикнул, но подчинился, готовый в любой момент стряхнуть девчонку и снова броситься в бой.

— Кто ты таков, чтобы вставать на пути нагира?! — Борис покачивался, но теперь в его голосе гремели возрожденные величие и гордость. — Это я, именно я даю тебе, незнакомец, последний шанс забрать свои слова и исчезнуть. Немедленно!

Он распрямил плечи, стряхивая вдесятеро отяжелевший от дождевой воды плащ.

Тоэши-Набо в ответ лишь разочаровано покачал головой, словно силился, но не мог понять, отчего Конта ведет себя столь неразумно. Борис шагнул в его сторону, запуская правую руку за отворот куртки:

— Лишь сумасшедшие и приговоренные к смерти могут повернуться против меня в этом мире, ибо я говорю словом Стервятника!

На тонкой цепочке раскачивался тяжелый бронзовый амулет, испещренный рунами. Словно в подтверждение слов Бориса, над головой опять полыхнула молния, позволив в деталях рассмотреть диск жетона.

Тоэши-Набо отступил на шаг, съеживаясь, а затем внезапно распрямился, раскидывая в стороны руки. Киоши потряс головой, вдруг осознав, что прямо на его глазах суэджигари становится вдвое выше ростом, как тот могучим плотоядным деревом вырастает над тоэхами и мидзури, раскидывая ветви. Молния, значительно более яркая, разлапистая и продолжительная, чем ее предшественница, очертила тень демона. Глубокая, иссиня-черная, она метнулась через всю террасу, а длинные костлявые пальцы потянулись к ногам Конты.

Круглый бронзовый амулет, свисающий из правой руки Бориса, потускнел, покрывшись тончайшим налетом пепла.

— А я и есть Стервятник!

Старший Тоэши-Набо, внимательно наблюдающий за оторопевшим посланником Кого, удовлетворенно кивнул:

— Слово в слово...

Конта окаменел, не в силах пошевелиться.

Шрам улыбнулся, оборачиваясь к тоэхам, но вдруг лицо его исказилось в гримасе непередаваемой боли — в этот момент Линда буквально швырнула Киоши в клубящееся кружево Портала. В глазах суэджигари застыла неподдельная обида, рот исторг жуткий, с трудом переносимый вой.

Охотник вскинул Красно-Черное заклинание, целясь в суккуба из мерцающего арбалета, но опоздал буквально на мгновение.

Всем телом вздрогнув от демонического воя, Борис отшвырнул задымившийся медальон, бесстрашно ринувшись в атаку, но колдовская сеть младшего из близнецов перекрыла ему путь.

Шрам что-то закричал, проклиная Держателей и все четыре луча, лицо его стало похоже на восковую, оплывающую от жара маску. Он отказывался верить. Он до последнего отказывался верить. Он не мог понять своего просчета, и потому отказывался верить... Но на какой-то краткий миг вдруг показалось, что искаженное лицо его — действительно не более чем маска, а в бесцветных, мертвых глазах суэджигари искрится триумф.

Но Киоши уже падал, до боли крепко прижатый к влажному бедру демоницы. Падал, вспарывая перья красного тумана, пронзая расстояния, которых не существует...

С пронзительным скрежетом Портал захлопнулся за их спиной.

* * *

Круги...

Цветные круги — это дробится воздух. Круги летают в глазах, ярко вспыхивая на солнце.

Мир светел и прекрасен, бежевый фон неба не утомляет взор, Нити колышутся и парят, ласково прикасаясь к лицу. Так тепло и спокойно...

Но эти фигуры — откуда они взялись?

Они приближаются размытыми тенями, постепенно становясь четче, узнаваемее.

Куратор Конта. Он хмурится, поигрывая сигарой, и неодобрительно качает головой.

А это, за спиной — его сын, все так же нахально скалится, потирая ладони.

Танара... Он так и стоит в круге желтого света, безвольно опустив руки, и шепчет слова, не долетающие до тоэха...

Дряхлый старик, с головой, похожей на перезрелую тыкву. С его лица не сходит идиотская, словно приклеенная улыбка. Теперь он будет хранителем. Пусть так...

Лица и образы, знакомые и впервые увиденные.

О, вот Вайраш, с головой, наполовину объединенной Червями Ямы.

А это Охотник, его плотный черный плащ развевается, словно стремительно наступающая ночь.

Слабость и безволие охватывают юношу — это идет Тоэши-Набо...

Хочется забыть о чести клана, о героях прошлого, о подвигах отцов — пусть три мира сами разбираются с восставшим четвертым, приближая или удаляя собственное крушение. Хочется упасть и отползти в сторону, забиться в угол и незаметно умереть, лишь бы не привлекать нового взгляда этих чудовищных серых зрачков...

Но серое горит, выветриваясь под шквалом красного, а эти волосы он теперь узнает и в глубоком бреду. Линда или Овилла? Нужно будет спросить, как же на самом деле ее зовут...

Эпизод VIII. Мир огня

Киоши разлепил глаза и сердце мгновенно заметалось, похожее на угодившую в силос птаху. Застучало в сумасшедшем ритме, а глаза невольно заслезились... наверное, от резкого порывистого ветра.

Низкий красный небосклон нависал над тоэхом, в одной стороне окрашиваясь багровым, в противоположной — бледно-розовым. В вышине раскинулось безупречно-

красное небо, словно во всем окружающем мире сработала гигантская система противопожарной безопасности, так хорошо знакомая Бактияру по устроенной на Земле травле. Бесчисленные Нити родной стихии густо наполняли пространство над головой, как плотные косяки рыб наполняют океанские глубины.

Постоянное, ни на минуту не прекращающееся движение всех оттенков красного создавало всепоглощающую иллюзию живого, дышащего полотнища, растянутого над миром. Полотнище не было плоским, оно казалось будто бы рельефным, объемным, готовым обрушиться в любой момент. Здесь не было завораживающей бескрайности высот, ночных глубин Космоса, загадочных облаков, полюбившихся юноше на родине людей — эти небеса были одним из символов человеческой преисподней, диким, опасным, отталкивающим взгляд. Красный купол являлся плотной мембраной вселенского сердца, имя которому — Тоэх.

Все еще пошатываясь, Киоши сделал несколько шагов по темной каменистой земле и замер на месте, жадно впитывая забытый воздух родины. Тот пьянил, кружил голову, шаг за шагом перестраивая дыхательную систему демона. Казалось, Портал Линды не только переместил их меж мирами, но и отбросил схватку на склоне горы далеко-далеко в прошлое. Разглядывая первобытные просторы Тоэха, юноша не мог сдержать томного ликования, охватившего сейчас его душу. Как же много навалилось на плечи... какая усталость... какое напряжение и боль потерь — и все это для того, чтобы неожиданно вернуться.

Линда, однако, совсем не разделяла упоение Киоши от прибытия домой. Внимательно осмотрев окрестности холма, на котором было развернуто заклинание перехода, она успокоилась, лишь когда лично убедилась в отсутствии опасности. Неслышно подошла сзади, откидывая со лба мокрые пряди пламенеющих волос, и мягко опустилась на покрытое пунцовым мхом бревно. Вся ее поза говорила о том, что пока сражение окончено и на какое-то время угроза миновала, скорой погони можно не ждать.

Киоши заметил возвращение девушки, но по-прежнему не торопился двигаться с места. Несколько мгновений ничего не решат, пусть даже за ними гонятся все суэджигари отломленного луча. Ради этого затянувшегося мига он был готов простить даже покровительственное отношение этой выскочки с рыжими волосами, столь бесцеремонно прервавшей схватку. Его схватку. Битву, в которой бесследно исчез, а может и погиб, его боевой друг... Не оборачиваясь, юноша жадно втягивал раздувавшимися ноздрями пронизывающий ветер Тоэха, вспоминая...

Он вспоминал титанические каменные острова, мерно курсирующие в вышине, среди парящих прядей влажного красного тумана. Вспоминал оскалившиеся пики скал, копьями целой армии Богов возносящиеся прямо в брюхо багровым небесам. Нитки мостов шириной с полноводную реку, соединяющих летающие монолиты. Вспоминал путешествия над бездонными пропастями и зубастыми ущельями. Вспоминал столбы кипящих гейзеров, глухо бормочущие бродячие вулканы, потоки пурпурной лавы и курящегося яда, непроходимые каменные леса. Он вспоминал о местах, которые и люди, и мидзури испокон веков называли Приютом Злобы, Кругами Ада...

Глаза его распахнулись, жадно глотая полузабытые образы и картины.

Киоши был дома...

И вдруг снова навалилось, словно физически прижимая к сухой ржавой траве, тяжелое бремя противостояния многоликому врагу, и яркие краски померкли в глазах. Он неожиданно вспомнил, что не так давно все же бывал на Тоэхе, пусть и не очень долго. В тот раз его попытались убить...

Киоши обернулся к Линде. Эта лживая девчонка так искусно притворилась человеком, что смогла провести его, будто ребенка. Что она делала на Земле? Спасала его? Следила за ним? Уберегла от Охотника, а затем присматривала во время визита к Виктору Конте? Придерживаясь за бок, куда его ударил Тоэши-Набо, юноша подошел к Линде. Его поза, взгляд, сжатый кулак — все это говорило о том, что ответы должны быть получены. Немедленно. Правдивые.

— Я жду от тебя объяснений, — он вздернул подбородок, и девчонка кивнула, словно ожидание этого вопроса успело утомить ее. — Прямо сейчас, до того, как ты вновь потащишь меня в неизвестность, убеждая, что след Портала скоро смогут вычислить.

— Не стану притворяться, лгать, тянуть время или мучить тебя загадками, — вальяжным жестом она указала на массивное бревно, покрытое мхом, приглашая присесть рядом. — Просто дай мне решить, с чего проще начать...

— А ты начни сначала, — Киоши продолжал хмуриться, рассматривая демоническую форму девушки, когда-то сумевшей обмануть Бактияра. Тем не менее, опустил на мох.

Над головами пронеслась стайка зверьков, чьи кожаные тела, казалось, сплошь состояли из подвижных, остро отточенных клыков и когтей. Глядя помутневшими глазами в сторону далекого горизонта, где под пульсирующим красным небом плыли несколько летающих монолитов, Линда задумчиво закусила ноготь. От Киоши не укрылось, насколько человеческим оказался этот жест, но он пока не смог решить, является ли тот уловкой или девушка на самом деле долго прожила на Земле.

— Хорошо... Попробую начать вот с чего... Не так давно до некоторых шпионов Императорской разведслужбы стали доноситься определенного характера слухи... В чем дело?

Киоши повернулся к ней. Слова девчонки оседали в его сознании медленно, как падающие перья, позволяя рассмотреть себя во всей красе. Теперь он догадывался, что все эти изящные жесты, туманный взгляд воспоминаний, закушенный ноготь — не более, чем вторая шкура, надеваемая, словно накидка. Юноша начал понимать, что за существо сидело рядом с ним на длинном окаменевшем бревне.

— Ты сказала, Императорские службы?..

— Да, я так сказала, — Линда подняла голову, с интересом изогнув бровь. Она словно забавлялась произведенным эффектом, но все же нашла силы предупредить. — Наверное, Киоши, я должна попросить тебя ничему не удивляться. Хотя бы до конца моего рассказа... Хорошо?

Тот лишь кивнул. Если суккуб является тем, кем может являться по его предположениям, беды прошлого наконец-то закончились. Ровно для того, чтобы уступить место бедам будущего, по сравнению с которыми возвращение суэджигари — тренировочный бой с собственной тенью.

— Рассказ, который ты сейчас услышишь, юноша, до сих пор считается секретным, — обыденно предупредила девушка, но молодой тоэх понял, что если он без должного уважения отнесется к этому замечанию, сбудутся его самые худшие опасения. — Однако ты уже перестал быть рядовой фигурой, принимая в происходящих событиях непосредственное участие, а потому я уполномочена раскрыть тебе часть сведений.

Теперь она говорила торопливо и сухо, а ее голос и тон в восприятии Киоши никак не сочетались с великолепным телом, словно намеренно выставляемом напоказ. Создавалось впечатление, что демонице доставляет наслаждение вот так вот мучить его, отвлекая, и одновременно делясь ценнейшей и опаснейшей информацией.

— Итак, все началось сравнительно недавно, — продолжила Линда. — По непроверенным, в тот период времени, слухам кабинету разведки стало известно, что тайный противник намечает ряд взаимосвязанных провокаций. Боевых провокаций. С уничтожением поселений, убийством мирных жителей и высокопоставленных чиновников, тотальным разграблением префектур и так далее. Проведение их планировалось как на территории Тоэха, так и на Мидзури. Целью провокаций являлось разжигание нового костра ненависти, что в итоге приводило к новой войне между нашими расами.

Набор красочных кусочков раздробленной общей картины, до этого момента небрежно сваленных в одну кучу на задворках сознания Киоши, зашевелился. Под аккомпанемент ритмичного рассказа Линды кусочки потянулись друг к другу, будто намагниченные, собираясь в единый узор, и юноша невольно расстроился, только теперь осознав, как проста и незамысловата фигура, понять значение которой он не смог сам.

— С помощью агентов разведки, работающих во всех трех мирах, через какое-то время у руководства кабинета появились образы ключевых фигур, стоящих за подготовкой к войне. По личному приказу Императора орден Спокойного Сна приступил к активной части своей работы — сбору информации и устранению виновных.

Девушка ненадолго умолкла, словно продолжение давалось ей не без труда, но Киоши наблюдал слишком пристально, чтобы понять, что этим маневром Линда пытается что-то завуалировать. Например, неблагоприятность следующего факта.

— Нам не удалось заметить связь, — наконец произнесла она, рассматривая кончик собственного хвоста. — Не удалось понять. При этом мы уже тогда знали, что собрание придворных Ткачей доложило Императору о неопределенного рода активности на Защищенных Границах...

На кого бы ни работала Линда, они смогли пропустить возрождение четвертого луча...

Киоши похолодел, соображая, не изменился ли сейчас в лице. Что будет с ним, так легко узнавшим о просчете специальных имперских служб?

— Мы, конечно, спохватились, но позже, чем было нужно, — демоница, как ни в чем не бывало, продолжала портить ему настроение. — Отправившиеся на расследование к Границам Ткачи ордена пропали без вести, о чем, впрочем, мы тоже спохватились не сразу. К сожалению, это стало одной из самых неприятных ошибок начавшейся войны.

Линда сорвала жесткую травинку, пожевала, бросила. На надрезанной острым краем губе показалась кровь, почти прозрачная в красном свете неба-солнца.

— К сожалению, тогда ни один прозорливый стратег не смог предсказать, что суэджигари вернулись. Ни один оракул, ни один предсказатель, ни один чародей... У нас на руках находилось гармоничное полотно оппозиции Императору, состоящее из ряда подкупленных именитых кланов, завербованных князьков и еще более мелкой швали. Нам того казалось достаточно, и врага искали внутри. Искали, готовые в любой момент захлопнуть ловушку, лишить пару благородных Домов своих мятежных лидеров, а потом и спугнуть вожака. Вот тогда-то из надежных источников мы получили первые сведения о Ткачах Серых Нитей. Известие об этом стало похоже на взрыв. А практически сразу после мы вдруг начали находить подтверждения связи возрожденных с мятежными кланами Тоэха... Слухи о союзе, заключенном между суэджигари и врагами Императора.

Хвост Линды раздраженно заметался, не в силах справиться с охватившим суккуба гневом.

— К счастью, насколько нам известно, их пока очень мало. Не исключено, что сквозь Защищенные Границы удалось прорваться лишь одному Тоэши-Набо...

— Уже не одному...

— Заткнись.

Тонкий подвижный хвост ударил по бревну, взметнув в воздух ошметки мха, болезненно щелкнул по бедру Киоши, и тревожно замер, лишь оплетя ногу юноши. Тоэх вздрогнул, сглатывая крупного морского ежа, невесть как угодившего в его глотку. Но девушка, казалось, лишь еще глубже погрузилась в размышления.

— Описанное положение дел сохраняется и по сей день, и секретные службы уже не в силах что-то изменить. Тоэх кипит, теперь открыто, кипит в ожидании скорой гражданской войны. Мятежные дома уже не скрывают желаний свержения трона, множественные торговые пути блокированы, наемники целыми армиями стекаются под знамена предателей. К сожалению, Император не торопится развязывать войну своими руками, давая им время собрать еще большие силы. Повелитель надеется, что устранение зачинщиков разом обрубит мятежу голову, хотя Спокойный Сон уже принес ему на блюде не один десяток этих самых голов. При этом все попытки Сна ликвидировать или захватить суэджигари не увенчались успехом. Сукин сын очень силен, обладая воистину сверхъестественной способностью обходить расставленные ловушки. Если кратко, то это все.

Киоши сидел неподвижно, лишь осторожно прикасаясь кончиком языка к разбитым пересохшим губам. Сейчас ему ужасно хотелось схватить демоницу за хвост, попрочнее

намотать его на запястье и от души приложить чертовку о землю, вышибая дух и самоуверенность. Если бы этот короткий рассказ, отнявший лишь крупицу времени, был поведен ему еще на Земле, все произошло бы совсем иначе. Не было бы погони и бегства, позорного покровительства мидзури, опасного путешествия и гибели следопыта... Все было бы иначе.

Глаза тоэха сузились, когда он обернулся к девушке, скрипнув зубами.

— Ты могла рассказать мне это и раньше, ведь так? Ты могла предупредить меня. Могла спасти жизнь Танаре. Могла предотвратить путешествие к Буредде. Не стала. Так какова же моя роль?

— Знаешь, вряд ли смогу ответить на эти вопросы... — спелые губы чопорно поджались. Узкая крылатая ящерица спикировала с неба, в качестве насеста выбрав плечо девушки. — Во всяком случае, полностью, — она небрежно смахнула ящерицу с плеча, отбросив далеко прочь.

— Ты следила за мной на Земле, — продолжал давить Киоши, стараясь удерживать растущую злобу. Он ярко вспомнил долгую ночь в Новосибирске, бегство от Охотника, дом Куратора. — Зачем?

— Я получила приказ. Если тебе польстит, то в очень строгой форме, — суккуб наклонилась вперед, заглядывая в глаза.

Теперь ее голос стал бархатистым и вкрадчивым, что еще сильнее сбивало с толку. Казалось, ее искренне забавляет морочить парню голову, прикидываясь то удрученной, то легкомысленной. Киоши вдруг осознал, насколько незначительной пешкой являлся для девчонки. Сколь много таких, как он, повстречала та в своей жизни и как запросто распоряжалась их судьбами. Словно забыв, что только что сражалась, проливая кровь и рискуя быть убитой, сейчас она играла его сомнениями.

— В мои обязанности входило только приглядывать за тобой.

Она повернулась, наклоняясь к нему и руками опираясь на колени, как бы невзначай поджав и приподняв грудь. Юноша скользнул по импровизированному корсету глазами, но хищный блеск тут же сменился матовой поволокой — он с горечью размышлял о последних годах на Земле, проведенных под контролем тайных служб.

— Также мне было приказано охранять тебя в случае неприятностей. Если честно, Киоши, то причин не знаю и я сама. Но могу поразмышлять. Ведь в свете последних событий становится очевидно, что суэджигари были бы не прочь схватить тебя.

— И как долго ты следила за мной? — Киоши с трудом удерживал ровный тон беседы, стараясь не сорваться. Не учуяв длительную слежку в чужом мире, сейчас он ощущал себя беспомощным.

— С твоего переезда в Красноярск, — глаза тоэха сверкнули, но девушка не обратила на это никакого внимания. — Не скрою, пару раз я упускала Бактияра из виду, но вовремя находила. Как, скажем тогда, в Новосибирске...

— Ты знала, что на меня ведется охота?

— Ну... я предполагала, как и те, кто меня послал. Пока известный тебе ублюдок в шляпе не принялся играть в открытую, — теперь пришла очередь Линды презрительно кривить губу.

— У меня сложилось впечатление, что вы знакомы, — едко заметил Киоши, все еще не торопясь отодвигаться от демоницы и пытаясь уловить взгляд. Глаза полыхали зарницами.

— Да, верно заметил... — Линда небрежно кивнула, потрянув рыжей гривой. От суккуба исходил сухой жар, как от раскаленного в горне камня, и этот сухой, терпкий запах был до невозможности приятен. — Было когда-то, старая история. А вот один из самых интересных вопросов, так это на кого наемник работает сейчас...

— Что ты узнала о Конте?

— Ты о Кураторе Новосибирска? Там все чисто, он полностью в стороне от происходящего... Мы убеждены в этом, хотя и удивились, когда он помог тебе покинуть Землю.

— А Борис?

Линда изогнула бровь, силясь припомнить.

— Ну, безрукий, что пришел за мной по приказу Кого. Это сын Куратора...

— Вот как? Любопытно... Могу отметить, что своим появлением этот демон создал новые вопросы.

— Как я понимаю, Стервятник пытался схватить меня руками телохранителей хосадаку.

— Полагаешь, Тоэши-Набо подстраховался, в лице Стервятника приказав младшему Конте начать двойную охоту? Это вполне возможно...

Они надолго замолчали. Где-то неподалеку раскатисто заревел зверь, ему ответила целая стая. В высоком багровом мареве купались, переплетаясь и скользя, три ленточных дракона. Ветер Тоэха, рождавшийся сам по себе, дохнул в лицо изнуряющим теплом. Под куполом неба родилась цепь сизых молний. Цепляясь одна за другую, росчерки пересекли небосклон, скрываясь за громадами парящих монолитов. Мир жил и пульсировал, словно один огромный организм.

— Ты ведь хотел вернуться, не правда ли? — вдруг спросила она, и на этот раз в словах не слышалось ни издевки, ни игры.

Киоши задумался, вновь взглянув в ее лицо и задохнувшись от нестерпимого жаркого запаха.

— Да, хотел, — он услышал, как хрустят ребра, вставая на места и медленно срастаясь. — Но не при подобных обстоятельствах. Вы следили за моим кланом?

— Следили. К твоему счастью, он не вмешивается в нарастающий конфликт, предпочитая сохранять нейтралитет, — демоница повела обнаженным плечом. — Если тебе интересно, в твоём доме дела идут неважно, и в последнее время Небесные Пловцы вообще не покидают пределов префектуры.

— Вы следили за мной на Мидзури?

— К сожалению, нет, — честно созналась она. — Если бы мы чуть раньше узнали о том, что мидзури тоже имеют на тебя виды, без внимания не оставили. Но как видишь, события разворачиваются весьма стремительно, появляются новые фигуры. Есть опасение, что некоторые из них в итоге могут оказаться козырными. Мне далеко не сразу удалось установить конечный пункт твоего перехода, после чего мне было приказано лишь ждать. К сожалению, кое-кто не стал упускать возможность, сумев обнаружить тебя одновременно с нами.

— Этот Охотник. Он ведь когда-то работал на вас, я прав?

Взгляд Линды замерз, а скулы отвердели.

— Для простачка, угодившего в перепплет, ты слишком любопытен.

— Мне не оставили выбора, Линда. А еще я хочу знать, на кого ты работаешь. Без вранья. Иначе даже твоя осведомленность не даст мне повода доверять. Ты ведь понимаешь меня?

Линда подняла руку, кладя ладонь на плечо Киоши. В этом жесте была и забота, и неожиданная нежность, и желание успокоить.

— Для недоверия нет причин. Теперь Киоши в надежных руках, и мы сможем позаботиться о тех, кто желает твоей смерти. А я всего лишь служу Магистру ордена Спокойного Сна Императора. Имя Марвина Сконе тебе о чем-нибудь говорит?

Киоши даже не стал утруждать себя кивком. Это имя на Тоэхе любой знал еще с колыбели — им пугали особенно непослушных детей. Линда же произнесла это так обыденно, словно рассуждала о недавно прошедшем дожде.

В этот миг юноша подумал, что обречен, и даже пожалел, что суэджигари не удалось отнять его жизнь в схватке на склоне Буредды. В орден Сна входили существа, в мифологиях народов Земли представляющие силы неконтролируемого разрушения, первичного зла, стихий катастроф и крушений. Тайная стража Тоэха, зримо и незаметно несущая волю Императора и его приказы.

— Распоряжение незамедлительно вернуть тебя на Тоэх я получила непосредственно от Сcone, — продолжила Линда, а в глазах ее вновь зажглись лукавые огоньки. — Но не мучай себя догадками, в скором времени он лично пообщается с тобой.

У Киоши перехватило дыхание, и он не заметил, как Линда придвинулась практически в упор. На лице суккуба сверкнула хищная улыбка.

— Но Сcone придет не сейчас, а долгие разговоры способны утомить любого тоэха, — негромко прорычала она, а тонкий хвост сжался на ноге юноши. — А сейчас, мой мальчик, ты заплатишь мне за мои старания. За заботу и защиту.

— Охо... — Киоши попытался отстраниться, но она не дала, придвигаясь еще сильнее. Тревога разлилась по сердцу, заставляя сжаться в комок. — Охотник сможет взять наш след.

— Только не в этот раз, — еще ближе, почти вплотную, и он уже слышит ее обжигающее дыхание на своей щеке. — Когда ловчий поймет, куда ведет след, он надолго отложит свою травлю, — хвост еще крепче, до боли оплел его правую ногу.

— Что ты делаешь?

— Заставляю тебя оплатить счета. Замолчи, Киоши... — в этот же момент тот задышал часто, почти как Линда.

Против его воли желание, какое-то опаляющее разум чувство, сродни мучительному стону, поднималось из глубины сущности тоэха. Первородная, животная сила, несравнимая с хрупкой земной любовью, вновь раскрывала свой опьяняющий бутон. Окровавленные губы Киоши нашли губы суккуба, та томно прикрыла глаза.

Ее руки быстро избавляли Киоши от лохмотьев старой одежды. Переплетаясь, они мягко повалились на устилающий склон холма мох. На миг демоница отодвинулась:

— Там, на Земле, в корчме под названием "Кантри" ты однажды познакомился с высокой блонеткой. Знаешь, ты сумел произвести впечатление не только на нее...

— Ты подглядывала за мной?

— Я наблюдала, это моя работа...

Линда снова прильнула к нему, и Киоши покорился.

На обиды не было ни времени, ни желания...

Если бы хоть кто-то из двоих знал, сколь правдивым подчас бывает предчувствие беды.

* * *

Назойливое ощущение, что даже самые хорошие и приятные вещи все равно когда-нибудь кончаются, неспешно приходило с пробуждением от дремы. Легкой дремы, какой он давно не наслаждался. На короткий миг ему даже показалось, что Бактияр снова на Земле, в своем доме, в спальне на втором этаже, все глубже закутывается в пуховое одеяло, не торопясь отрывать голову от пышной подушки. В комнате жарко, но кондиционер выключен, позволяя прохладному ветерку выполнять свою работу через приоткрытое окно. Все же Линда оказалась права — он слишком увлекся образом жизни людей...

Ноги скользнули, позволяя телу чуть глубже погрузиться в гладкий каменный кратер. Не открывая глаз, Киоши сладко потянулся, несколько раз громко клацнув зубами, и плеснул в лицо горсть воды. Чудесный кипящий источник, к которому привела его суккуб, за самое короткое время сна сделал свое живительное дело. Подземный поток Мазавигара, расшвыривающий по окрестным скалам облака испарений, зарубцевал многочисленные раны юноши и усыпил внутреннюю боль. Но главное, он принес натруженному телу долгожданное облегчение.

Тоэх привстал в широком овальном бассейне, притаившемся среди валунов. Вода, шипящая и исходящая на пар, сейчас едва доходила до его груди. Киоши зевнул. Еще раз, как следует, потянулся и вновь распластался на теплых камнях.

Несколько раз получив от него свою плату, Линда ушла. Не то, чтобы юноша был против, считать так было бы лукавством, но девчонке действительно удалось застать его врасплох. Тем не менее, он был рад, что впервые за долгое время действительно смог

отдохнуть и телом, и душой.

С наслаждением перебирая в памяти яркие образы разгоряченной демоницы, Киюши нырнул, набирая в рот воды и сплевывая вверх тонким фонтанчиком. Наконец открыл глаза, блаженно шурясь в затянутое паром небо. И вдруг с запоздалым ужасом почувствовал, что находится не один.

Отчаянно проклиная себя за беспечность, постарался не подать виду. Словно бы продолжая наслаждаться природной ванной, медленно развернулся, осматриваясь украдкой. Предельно осторожно и естественно. Горячая вода действительно расслабила его, усыпила тревогу, купировала инстинкты...

Опасения подтвердились — за его правым плечом в десятке шагов вверх по склону кто-то сидел.

Поняв, что его обнаружили, скрытый паром силуэт поднялся на ноги.

— Киюши Мацусиро, я полагаю?

Тоэха подбросило в воде. Киюши рванулся к ближайшему краю источника, слишком медленно, словно сквозь патоку. Готовясь к удару, он отчаянно пытался разогнать задремавшее тело, так неохотно реагирующее на приказы. Вцепился в край, стремительно обернулся, отчего широкие полосы волн разбежались, облизывая крапчатые камни.

— Меня начинает раздражать, что это имя известно кому попало, — заставляя кровь бежать по венам все быстрее и быстрее, Киюши оскалился, и стоящий в плотных облаках силуэт примирительно поднял руки.

Незнакомец носил человеческую форму мужчины, с плеч которого спадала тень плаща, и сердце Киюши невольно екнуло, сбивчиво зашептав, что сам Тоэши сумел выйти на след тоэха. Подловил, готовый ударить... Но тут же зрение подсказало, что пришедший к кипящим ключам едва ли не вдвое шире суэджигари в плечах, ниже и коренастее, а руки его толщиной вполне могли бы сравниться с бревнами.

— Не хотел пугать тебя, молодой тоэх. Мне показалось, твой сон был безмятежен.

Лицо Киюши вспыхнуло, хотя это и было незаметно под разгоряченной кожей. Кем бы не оказался стоящий перед ним демон, его дерзость и самоуверенность не ведали границ. Юноша уже открыл рот, готовый выстрелить ответным оскорблением, но в этот момент фигура приблизилась еще на несколько шагов. Не глядя на юношу, незнакомец сосредоточенно стряхивал травинки с богатых штанов из плотного красного бархата.

— Полагаю, нам необходимо срочно прояснить создавшуюся обстановку, — подытожил он, не дав Киюши ответить.

Голос его оказался глухим, невероятно тяжелым, будто долетающим из бочки, но в то же время предельно четким и заставляющим прислушаться. В такой манере любят изъясняться те, кто привык к вниманию. Привык к послушанию. А еще к безоговорочному выполнению распоряжений. В фигуре демона грация танцора непостижимым образом сочеталась с мощью кулачного бойца, и Киюши не нужно было дважды думать, чтобы разгадать в неожиданном собеседнике опытного воина.

Одежда незнакомца хоть роскошью и не кричала, но была богатой и в меру изысканной. Широкая коричневая рубаха была прижата к телу красным кожаным жилетом, из-за высоких сапожных голенищ выглядывали рукояти ножей. Плотный плащ бережно охватывал широкие плечи.

Клубы пара от кипящего пруда разлетелись в стороны, открывая лицо. Обветренное, вырезанное из пористого камня. Большие холодные глаза на нем казались чужими, словно бы неуместными. Длинные темные волосы были расчерчены правильными мазками седины.

— Ты кто такой?

— Резонный вопрос, юноша. Да, Киюши, пожалуй мы не знакомы. Хотя ты мог обо мне слышать.

Киюши безуспешно попытался разглядеть, какое из истинных обличий скрывается под этой качественной маской. Он определенно впервые видел этого демона, хотя подобные личины, почти человеческие, лишь ощутимо усиленные, всегда были предпочтительными

нарядами для большинства демонов и Тоэха, и Мидзури. Как, впрочем, и Суэджигари, низвергнутого мира.

При воспоминании о Тоэши-Набо Киоши невольно вздрогнул, заставляя себя предельно сконцентрироваться и отбросить опасные мысли. Лучше думать о том, что это не демоны предпочитают выбирать человеческие тела, а сами люди являются одной из наиболее универсальных, хоть и крайне хрупких и примитивных, форм демонической жизни...

Приглаживая аккуратно зачесанные на затылок волосы, незнакомец сделал еще один шаг, позволяя Киоши получше себя рассмотреть. Склонил голову, оценивая тоэха, погруженного в источник прямо у его ног:

— Ты знаешь меня под именем Марвина Сконе.

О, великие Держатели... Киоши сник, на это раз проклиная себя за дерзость, что едва не слетела с языка. Мышцы его мгновенно расслабились, будто потеряв волю, а в горле пересохло, но не от поднимающегося к небу пара. Да, разумеется, он на самом деле спал безмятежным сном, Магистр прав.

Юноша торопливо вцепился в край природной ванны, готовый выбираться из ямы, но Марвин остановил его взмахом руки.

— Сиди, сиди. Набирайся сил в чудесных ручьях Мазавигара... Овилла сказала, что это необходимо, ведь ты был ранен, — Сконе скинул плащ, аккуратно стеля его на влажные черные камни, сверкающие серебристыми вкраплениями.

Киоши невольно кивнул, соглашаясь. Он чувствовал себя неуверенно и незащищенно. Вода в каменном бассейне, казалось, ощутимо похолодела. Магистр Императорской разведки и хранитель царственной безопасности уселся перед ним, поджимая ноги и устраиваясь поудобнее.

— Как считаешь, с чего нам стоит начать? — Марвин опустил руку-бревно и в ней застучали, перекатываясь по широченной ладони, два костяных шара. — Да, кстати, если тебе это интересно, Овилла отлучилась, но скоро будет, — он прищурился. — Очень просила за тобой приглядывать...

Юноша опустил глаза, разглядывая парящую пленку, затянувшую источник. Сконе, тем временем, продолжал, не обращая на реакцию молодого тоэха ровно никакого внимания:

— Сейчас я задам тебе несколько вопросов, Киоши, и ты ответишь мне на них. Столь же коротко и, заметим, правдиво. Мы понимаем друг друга?

— Я бы хотел просить об одном условии, мастер...

Повисло тревожное молчание и стало слышно, как в наступившей тишине с лязгом стукнулись костяные шары. Киоши прикусил язык, силясь не зажмуриться под взглядом Магистра, вдруг ставшим таким острым. Юноше не без труда далась эта фраза, и пусть он не мог поступить иначе, сейчас уже сожалел, что осмелился.

— Киоши, — к удивлению парня, тон Марвина ничуть не изменился, — лишь учитывая необходимость нашего сотрудничества, я не стану рассуждать, кто ставит здесь условия... И все же попрошу впредь быть повнимательнее.

— Я прошу прощения, мой лорд, — Киоши смутился столь искренне, что по обветренному лицу Магистра пробежала тень улыбки. — Не считите за дерзость, но я слишком устал отвечать на вопросы, сам не получая нужных ответов... Поверьте, отчаянье — не лучший советчик в светских беседах... Надеюсь, что этим не вызову ваш гнев.

Марвин одарил юношу одним из своих тяжелых, невыносимо оценивающих взглядов, и по его реакции было неясно, остался он удовлетворен ответом или же нет. Наконец он кивнул:

— Твой отец хорошо воспитал тебя, Киоши, хоть проживание среди людей и не самым лучшим образом сказалось на твоих манерах. Но я постараюсь помочь тебе, поверь.

Он катнул шары в руке, словно этим жестом подчеркивал закрытие темы. Большие холодные глаза Магистра неотрывно наблюдали за юношей.

— Итак, начнем с простых вопросов. Где кулон?

Киоши чуть приподнялся над водой, упираясь руками в камни. В животе тревожно заняло, когда он вдруг понял, что именно собирается ответить Сконе.

— Я длительное время удачно избегаю ответа на этот вопрос, интересующий очень многих, мастер Сконе, — Марвин даже не шелохнулся, но в воздухе разлилось напряжение, а зрачки Магистра остекленели. — Сожалею, но не могу ответить на этот вопрос...

— Хорошо, — вдруг ответил Марвин, ничуть не смутившись. Взгляд его вновь обрел жизнь, поза обмякла. — Это даже очень хорошо, что ты до сих пор никому не доверяешь. Известно, что в нашем и, заметь, твоём деле — это большой плюс. Тем не менее, в истории наступил переломный момент...

Свободной от шаров рукой он почесал правую бровь, задумчиво рассматривая склоны Мазавигара, густо усыпанные воронками природных бассейнов. Сконе как будто рассуждал на отвлеченные темы, и от этой отстраненности Киоши стало еще более гадко. Он вдруг понял, что больше всего на свете не желал бы оказаться в месте, где глава ордена Спокойного Сна пытается своих пленников. Словно прочитав его мысли, Марвин продолжил, по-прежнему глядя куда-то вверх:

— Не стану убеждать тебя, что все равно получу нужную информацию. Теми или иными путями, как ты понимаешь, — костяные шары со стуком сшибаются, — и не нужно расценивать это как угрозу. Однако, Киоши, я хочу, чтобы при этом мы все же остались союзниками. Надеюсь, мне также не надо упоминать о значимости заданного вопроса — думаю, ты уже сполна ощутил это на собственной шкуре.

Киоши снова кивнул. Заставив двигаться окаменевшие мышцы, плеснул в лицо воды, смачивая пересохшие губы. Сейчас он снова ощущал себя маленьким, словно вновь представшим перед отцом — тот отчитывал их с Ангусом за то, что во время игры они случайно открыли загоны, выпустив в небо почти всех породистых скатов. Отец тогда тоже не кричал, отчитывая их негромко и строго, но от этого становилось лишь страшнее.

— Я понял вашу мысль. Но если вы позволите, мастер, я бы хотел задать встречный вопрос...

Марвин молча выжидал. Теперь в его глазах читалось легкое удивление. Кажется, он на самом деле не был готов к тому, что юный тоэх окажется столь дерзким и упертым. Магистр сделал пальцами некий неопределенный жест, приглашая продолжать, и Киоши набрал в грудь воздуха:

— Вам известно, что за кулон принадлежит мне?

— Возможно ты и прав, — костяные шары вновь столкнулись с болезненным, сухим стуком, — знание сути вещей поможет тебе кое-что понять. Что тебе уже известно?

— Из того, что известно моим врагам, ничего, — Киоши наморщил лоб, невольно потирая грудь в том месте, где ее когда-то касался амулет. — Он достался мне в подарок от отца, незадолго до его смерти. У меня создалось впечатление, что это даже не родовая драгоценность, мать и остальная родня и вовсе ничего не знали о безделушке. Я никогда не придавал ему значения. Всегда считал, что кулон лишь оберег, заговоренный в каком-нибудь храме, а то и вовсе куплен отцом на ярмарке, просто как подарок на память. К слову, Лин... то есть, Овилла, тоже ничего не добавила к моим знаниям. У меня даже сложилось впечатление, что до встречи со мной она ничего не знала про кулон.

— Она и правда ничего не знала, — спокойно согласился Магистр. — Овилла была поставлена присматривать именно за тобой. Просто ты разрушил мою ставку на то, что никогда не расстанешься с этой вещью.

— Я изменился.

— Рисковый расчет отражает характер нашей игры, — будто утомившись, Марвин переложил шары в другую руку. — Мне достоверно известно, что твой отец не покупал кулон у базарных заклинателей. Он достался ему после войны Бешенства. Как трофей.

Несмотря на то, что у Киоши не было ни единой причины не верить Сконе, он не мог поверить услышанному. Конечно, он помнил истории матери или дяди, что в прошлом его отец был воином, но чтобы подаренная им вещь оказалась столь древней. Столь памятной.

Столь ценной для того, кто проливал свою кровь в столкновении демонических рас...

— Возможно, ты что-то слышал о Камне Пересечения?

Все еще погруженный в нелегкие мысли, Киюши покачал головой.

— Камнем Пресечения называли древний монолит, якобы находящийся на месте переплетения всех четырех реальностей. После рокового сражения у пика Сужано монолит был разрушен, чтобы навсегда отрезать врагу открытый путь на Тоэх, будь тем врагом человек, мидзури или суэджигари. Тогда, с повеления самого Императора, восемьсот восемьдесят восемь воинов Тоэха получили куски этого камня в качестве трофеев. Осколок монолита скрыт и в твоём кулоне, Киюши Мацусиро.

Встав на скользкое дно воронки, Киюши наклонился, еще раз ополаскивая лицо. Если Сконе не врал, а в этом не было смысла, его отец слишком мало рассказал о себе перед уходом. Никогда не упоминая ни о том, насколько ценную и старинную вещь оставляет сыну, ни о том, что принимал участие не только в уничтожении диверсионных отрядов мидзури, рассыпанных по Тоэху на последних этапах войны, но и в одном из самых эпических сражений в истории. И даже мать Киюши, почти сразу отправившаяся в Яму следом за супругом, никогда не говорила, что тот участвовал в битве у Сужано, финальной схватке миллионов тоэхов и мидзури, положившей конец войне Бешенства. Даже не упоминала, что отец принимал участие в сражении, во время которого суэджигари попытались разом уничтожить обе расы демонов. В сражении, когда четвертый мир Креста был навсегда низвергнут царствующими Цветами.

— Сегодня за этим камнем охотятся все, — юноша поднял голову, позволяя горячим струям сбегать с волос на плечи. — Камень нужен тоэхам, его жаждут отнять мидзури, в погоне за осколком даже объявились существа, выдающие себя за суэджигари. В чем же тогда его ценность?

— Как не печально, но это и есть суэджигари, мы получили неопровержимые доказательства...

Марвин покусал губы, и было так непривычно видеть растерянность на этом широком и волевом лице. Готовясь ответить на вопрос Киюши, он какое-то время собирался с мыслями.

— Овилла посвятила тебя в курс последних событий в Империи? Хорошо, тогда ты уже кое-что знаешь. Близится гражданская война, и Тоэх вновь близок к расколу на сторонников мира и желающих порвать глотки мидзури. На желающих сохранения стабильности, статус-кво, и мечтающих окончательно доказать превосходство нашей расы. Как мы знаем, на этот раз не последний голос в партии имеют и суэджигари, восставшие из небытия.

— Каким образом Серым Держателям удалось вернуться? Как нам всем рассказывают с детства, четвертый мир запечатывали силами всех трех рас...

— Не думаю, что сейчас настало подходящее время для подробной лекции, — кость глухо задребезжала в ладони Сконе. — Опустошив четвертый мир и запечатав границы, сегодня известные под именем Защищенных, Держатели царствующих Цветов нарушили баланс Креста, лишив человеческую расу своего изначального противовеса. Обломав один из лучей Креста, Держатели лишили примитивных людей своего антагониста. Созидающие — остались, приносящие хаос — ушли. И сегодня, как считают мудрецы моего ордена, суэджигари нашли в себе силы вернуться. Вернуться для того, чтобы отомстить и окончательно разрушить систему равновесия миров...

Магистр перевел дух, собираясь с невеселыми мыслями. Где-то ниже по склону, почти за его спиной, один из гейзеров взорвался, с оглушительным ревом выстрелив в красное небо столбом воды и кусками покрытого прожилками гейзерита.

— Однако на этом неприятные вести не закончились, — продолжил Марвин, когда шум выброса стих. — Сегодня ордену Сна известно, что князь Мишато, один из множества мятежных лордов, заключил с посланниками Серого мира нечестивый союз. Вскоре после этого Императорские Ткачи-провидцы сообщили о готовящемся ритуале, ведущую роль в котором должен исполнить Тоэши-Набо, Ткач Серых. Насколько мы смогли узнать, целью

ритуала является открытие постоянно действующего Портала, как во время войны Бешенства. Через него Мишато и его клан планируют переброску на Мидзури крупной наемной армии. Одним из основных компонентов ритуала является Камень Пересечения. Целый...

Киоши тяжело осел обратно в воду, погрузившись едва ли не с головой. Глотнул, прополоскав рот, пригладил мокрую гриву руками. Он старательно отгонял от себя мысли о том, что произойдет, когда восставшие лорды и суэджигари смогут воссоздать Камень. Словно не до конца осознавая, что за персона находится перед юношей, в груди начала подниматься привычная волна теплой злости.

— Так какого же беса. Вы. Не захотели. Предупредить обо всем меня?! — глухое рычание прорвалось сквозь плотно сжатые зубы, и Киоши замотал головой, словно умолял образумиться сам себя. — Моя жизнь находится в постоянной опасности, а вы рассчитывали, что наблюдение суккуба спасет ее? Вместо того, чтобы просто вызвать на Тоэх и все рассказать? Так?!

Взорвавшись беззвучной вспышкой, злоба откатила прочь. Плечи Киоши поникли, когда он задумался, как Магистр отреагирует на его эмоции. Но тот спокойно выжидал, искоса наблюдая за тирадой юноши. Затем мягко поднялся на ноги, отряхивая и без того чистые штанины.

— Возможно, в свое время от лица ордена Спокойного Сна тебе будут принесены официальные извинения, Киоши Мацусиро. Мне непросто об этом говорить, но в самом начале противостояния орден не смог объективно оценить противника, — Марвин принялся прогуливаться вокруг бассейна, осторожно ставя ноги на влажные камни. — Недооценив Мишато, при дворе не успели заметить смены козырной масти... Хотя на твоём месте я бы не стал злиться, ставка на Овиллу оправдалась, хоть и не с лихвой. Ты здесь, целый, живой, по моему приказу, пусть и запоздавшему. И теперь я намерен подстраховаться — кулон не может больше оставаться у тебя, его необходимо укрыть в безопасном месте. Естественно, после благоприятного исхода операции по устранению мятежников, реликвия будет возвращена клану Небесных Пловцов.

Марвин остановился на самом краю, сквозь клубы пара пронзая Киоши потяжелевшим взглядом:

— Поэтому, Киоши, я повторю свой первый вопрос: где кулон?

— Его нет...

Мгновенная тишь упала на лечебные ключи Мазавигара, словно брошенное с алых небес одеяло. Плечи Марвина начали угрожающе расправляться.

— Я спрятал кулон в безопасном месте, — Киоши смотрел на Марвина снизу вверх, размышляя о том, что на испуг или злобу у него уже не осталось сил. — Это правда, мастер Сcone. Ведь сбор сотен осколков Камня представляет собой неразрешимую задачу... И пусть суэджигари столь сильны, чтобы сделать это, место, куда я поместил кулон, защищено не хуже, чем ваше.

— Ах, так ты спрятал его в надежном месте? — к невиданному удивлению Киоши, Марвин шумно выдохнул, облегченно махнув рукой. Голос его снова стал по-прежнему спокоен и тягуч. — Как я понимаю, ты усреднил вероятность добычи этого осколка на фоне поиска сотни других, да? Сколь незамысловато и блестяще!

Магистр хвалит его? Дыхание перехватило... Марвин Сcone улыбнулся, и Киоши закивал в ответ, невольно начиная улыбаться следом.

А в следующий момент молодой тоэх так и не понял, произошел ли под ним выброс гейзера или Марвин ударил его чем-то незримым, незаметным. Однако кипящая вода источника вдруг встала многометровой стеной, с шипением и гулом обрушиваясь на окрестные кусты и камни.

Когда стена опала, Магистр стоял на прежнем месте. Обрывки рубахи свисали со словно взорвавшихся мышечной массой рук и плеч, внезапно увеличившееся тело наклонилось вперед. Костяные шары в его лапе брнчали без остановки, яростно,

ожесточенно. Сcone повернул к юноше вытянутую голову, увенчанную парой огромных бизонных рогов. В удлинившейся челюсти посверкивали клыки, а из широких ноздрей вырвались струйки пара.

— А знаешь ли ты, щенок, — прорычал он, сверкая глазами, — что Тозши-Набо осталось собрать только шесть осколков?

Киоши понял, что вот теперь пришло время по-настоящему испугаться. Распластавшись на дне полусухого бассейна, он не мог оценить, что вдруг стало не так, и лишь спустя несколько ударов сердца понял, что костяные шары замолчали, уже не стуча друг о друга.

— Смотри, — приказал Магистр, бросая Киоши один из них.

Так Киоши впервые познакомился со знаменитыми Сферами Иллюзий Марвина Сcone.

* * *

Пелена, пелена, пелена.

Это то, что раньше было облаками...

Под ними мертвая земля, черная и обуглившаяся, словно поверхность метеорита.

Здесь нет ничего, лишь у горизонта смутно рисуются обломанные зубья гор.

Летающие острова медленно рушатся в Яму, чье ненасытное жерло поглотило почти всю поверхность Тозха. Жалкие существа шныряют в кучах отбросов, селятся в руинах, роют норы в пепле.

Нити умерли, их редкие обескровленные обрывки гоняет злой ветер, и только хлопья Серой паутины легко колышутся всюду, куда упадет взгляд.

Выжившие в войне существа, превратившиеся в искривленных уродцев, яростно совокупляются и пожирают друг друга.

Багровое небо лопается, открывая безмятежную серую пелену...

Эпизод IX. Выбор воина

Костяной шар отпрыгнул, возвращаясь в руку Марвина. Киоши помотал отяжелевшей головой, стряхивая безнадежность ярких видений. За проведенное юношей в иллюзиях время Магистр сменил гнев на безразличие, сквозь пленку которого просвечивало плохо скрываемое раздражение. Черты его лица принялись очеловечиваться, и лишь рога с явной неохотой медленно сжимались в размерах.

— Видишь, умник, что ты наделал? — Марвин двинулся прочь от вновь наполнившегося гейзера, небрежно забросив за плечо плащ. — Я собираюсь вернуться на Землю, юноша, а быстро убрать эти бивни будет непросто... Вот ведь удружил... Иди за мной!

Киоши беспрекословно подчинился приказу, не без труда выбираясь из каменной воронки и догоняя удаляющегося Магистра. В голове шумело, а перед глазами стояла четкая картина охватившего Тозх хаоса, мешая адекватно оценивать реальность.

— Предупреждаю в последний раз, — голос Сcone был спокоен, но Киоши уже знал, как легко над его головой может разразиться новая буря, — любые ставки в этой игре делаю только я! Не ты, не Овилла, только я. Иначе произойдет то, что показали тебе мои Сферы. Проклятье, щенок, да как ты вообще мог спрятать кулон? Проще этого было лишь отдать его в руки суэджигари...

Они петляли по склону горы, в столбах пара огибая кипящие кратеры гейзеров.

— А сейчас ты по порядку расскажешь мне то, чего я до сих пор не знаю. Где кулон?

— Вы похвалили меня, когда я не стал доверять вам.

— Сейчас у тебя нет выбора. Силой принуждения я докажу тебе свою верность.

Киоши задумался, рассматривая идущего впереди тоэха. Хмурясь, тот изучал изорванную трансформацией одежду, не менее хмуро поглядывая на обнаженного

Мацусиро. Конечно, это сам Магистр Спокойного Сна, но... Киоши поймал себя на мысли, что уже не доверяет ничему. И куда запропастилась Линда? Даже если перед ним сейчас настоящий Марвин Сcone, почему он должен открыться? Да, демон рассуждает убедительно, но говорит ли он правду? Он силен, убежден в своей правоте и совсем не оставляет времени на раздумья. Юноша задумался, что сейчас ему бы очень пригодился совет Танары.

Образ проводника, все еще болезненно сочный, возник в сознании Киоши, понимающе покачивая головой. В воображении тоэха татуировки на лице мидзури окончательно исчезли:

— Ты можешь выяснить, настоящий ли это Марвин и правдивы ли его речи, — негромко пояснил образ голосом Танары, — двумя путями. Промолчи и сражайся до смерти, либо промолчи и соверши весьма вероятный визит в подземелья Императорского дворца. Во втором случае тебе, конечно, помогут рассказать все, но о союзничестве с Магистром можешь забыть. В этом же случае ты потеряешь и знакомство с известной тебе рыжеволосой демоницей...

Лик следопыта был предельно четким, вплоть до мелочей, и Киоши еще раз ужаснулся мощи Иллюзорных Сфер Магистра.

Сделав глубокий вдох, юноша начал рассказ. Осторожно и неторопливо, опуская сомнительные и маловажные места истории, он поведал Марвину об утомительном путешествии до Буредды от момента самой первой стычки через открытый на Землю Портал.

Все это время Марвин кивал и сосредоточенно слушал, целенаправленно уводя их куда-то прочь от Мазавигара. Напролом продираясь сквозь редкий кустарник и огибая редующие, дымящиеся едким паром источники, он не уставал задавать наводящие вопросы, уточняя самые незначительные детали.

Киоши рассказал о Черном Охотнике, Кураторе Конте, нападении у Портала мидзури, следопыте по имени Танара и Серых близнецах. Станные сны, в которых Киоши неоднократно видел Ткача Серых, лично столкнувшись с ним лишь на склонах Буредды, вызвали у Марвина особый интерес. В конце своего рассказа, занявшего немало времени, Киоши все же открыл Магистру — осторожно и без подробностей — где спрятан кулон. К невольному сожалению юноши, тот никак не отреагировал на полученную информацию, лишь еще раз сосредоточенно качнув рогатой головой.

Почти к окончанию истории Сcone вывел Киоши к краю высокого леса, где на пересечении трех каменных дорог приказал сделать привал. Разлапистые каменные деревья, больше напоминающие обглоданные, воткнутые в землю пылевые щетки, умоляюще тянули растопыренные пальцы ветвей к могущественному красному небосклону. Заметив демонов, в чаще леса скрылось какое-то насекомое, в холке достигающее обоим тоэхам почти до груди.

— И ты никогда ранее не слышал об этом Овервой-как-его-там? То есть даже не представляешь, что случилось с твоим проводником? — в очередной раз уточнил Марвин, и Киоши замотал головой. — Знаешь, как и у Овиллы, у меня есть одна версия... но она слишком маловероятна, чтобы я мог сейчас заниматься ее анализом. Мы почти пришли.

Они пересекли две из трех дорог, приближаясь к аккуратному холмику у перекрестка. Холм, опутанный едва заметными струнами защитного заклинания, густо порос мелкими цветными колючками. Сотни изумрудных ящериц заскрежетали, бросившись из-под ног за камни.

— Значит, ты точно уверен, что Борис — это младший Конта из клана Раконов?

Киоши кивнул, уже привыкая к тому, что глава ордена Сна почти все уточняет дважды. Марвин расстегнул плащ, снова бросая его на землю, и сел, задумчиво пожевывая сорванную травинку. Юноша опустил голову.

— Знаешь, Мацусиро, исходя из твоего рассказа, у меня родилась одна любопытная, хоть и сырая в первоначальном состоянии, гипотеза...

Киоши терпеливо ждал. Тяжелые ломкие ветви близкого леса скрипели, то ли от ветра, то ли под тяжестью животных или птиц. Далеко-далеко под островом, может быть даже в самой Яме, взревел, разбрасывая эхо от горизонта до горизонта, заворочался некто крайне огромный. С кустарников сорвалась стая летающих белок, покружила над головами и

унеслась прочь.

— Суэджигари, напавший на тебя на горе Буредда, был самым Тоэши-Набо. Насколько нам было известно, другим прорваться не удалось... — Марвин посмотрел вдаль, где в розовом мареве терялась группа столичных островов, и юноша не разобрался, разговаривает ли тот с ним или просто рассуждает вслух. — Однако отныне меня предельно настораживает появление его близнеца и, если верить вашим с Овиллой рассказам, безумное поведение этих клоунов в бою. Неужели суэджигари смог повторно открыть Защитную Границу, освободив еще одного сородича? Этого мы не могли предполагать никак... Совершенно очевидно, что если на Тоэхе Тоэши-Набо готовит войну, настраивая на нее наименее лояльных Императору лордов, то на Мидзури его власть пролегла еще глубже, вплоть до самого трона хосадаку. Конечно, последнее предположение верно лишь в том случае, если Тоэши действительно является Стервятником, а не ставит своей задачей запутать и отвлечь младшего Конту... К сожалению, контрразведка Кого умело блокирует наши попытки увеличить присутствие членов моего ордена на Мидзури.

— Я убежден, что правитель Мидзури знает о приближении войны, — осмелился вставить Киоши. Он самым подробным образом поведал Сконе про набеги кавертаев.

— Конечно, знает, — кивнул Магистр, не удостоив юношу взглядом. — Но лишь в случае, что Стервятник — не суэджигари, и позволяет ему получать эту информацию.

— Если же это он...

— Если это он, то хосадаку Мидзури вообще ничего не знает о войне в своих владениях. Равно как и о том, что эта война — лишь подготовка к еще большей...

— Мастер Сконе, вы позволите мне еще один вопрос? — Марвин вернул внимание к собеседнику, неохотно кивнув. — Тоэх, вызвавший меня через Портал на Земле? Тот, что первым попытался отнять у меня осколок... Кто он?

— Точно ответить не смогу, но, скорее всего, это был агент лорда Мишато. Как ты уже мог заметить, если есть возможность, суэджигари готовы поручать выполнение грязной работы другим.

— Значит, Мишато тоже собирает осколки?

— Возможно, при условии, что этот демон был его посланником, — в ладони Марвина, словно из воздуха, вновь появились костяные шары, заставив Киоши вздрогнуть.

— Охотник, едва не поймавший меня на Земле, тоже его агент?

К удивлению юноши, Сконе в ответ многозначительно хмыкнул.

— Этого демона зовут Ибара. Он наемник, и я не могу поручиться, на кого он работает в данный момент.

— Один из ваших?.. — в ответ Киоши получил ледяной взгляд, отчего волосы на руках и шее поднялись дыбом, но осознал, что догадка попала в цель. — Он предал вас, так?

— Это просто идеальный воин и маг, истинный профессионал. Но, даже работая на орден, он обладал одним чудовищным недостатком. Чудовищным даже для демона, заметь. Ибара — азартный игрок, готовый поставить под угрозу старательно спланированную операцию только ради удовлетворения пафосных амбиций. Во время службы он ни разу не провалил миссию, но я посчитал, что, рано или поздно, это окончательно сгубит его...

Они замолчали, разглядывая величаво курсирующий высоко над головами остров. В вышине летящих скал виднелся крохотный замок.

— Ну хорошо, — с негромким стуком Марвин спрятал Сферы, подхваченной Нитью принявшись прямо на себе штопать разодранные рубаху и жилет. — Нужно поторопиться. Ты уверен, что рассказал мне все? Я рад, что мы пришли к взаимопониманию. В таком случае, остается еще один важный вопрос...

— Мастер Сконе, но ведь я не получил ни одного ответа — одни домыслы, — Киоши вдруг понял, что Магистр больше ничего не расскажет ему. Узнав, что кулон остался на Мидзури, он бросит юношу, как отыгравшую свое пешку.

Но тот улыбнулся, и если бы в этот момент Киоши знал, как сильно ошибается в своих опасениях, то взмолился бы Держателям, чтобы Сконе немедленно отбросил его фигурку с

игральной доски...

— Домыслы, мой мальчик, это лишь то, что мы можем позволить себе наверняка. Как любил говаривать мой отец: никто не узнает, чем все это закончится, пока это не закончится... Не правда ли, глубокая мысль? — клинки глаз скрестились, и молодой тоэх отвернулся первым.

Магистр осмотрел себя — теперь на нем были одеты тонкая льняная рубаша без рукавов и светлый однобортный пиджак, какие летом носят на Земле. Плащ, на котором сидел Сcone, по-прежнему остался плащом, а вот высокие сапоги превратились в изящные черные туфли со вздернутыми носками.

— Киоши, — тон Марвина неуловимо изменился, заставляя прислушиваться все внимательнее. — Не стану лгать тебе, утверждая, что Овилла вернула тебя домой только для того, чтобы спасти от смерти и доставить кулон в мои руки.

Юноша смотрел на обновленный элегантный костюм Сcone, чувствуя себя неловко. Видимо, он и правда слишком много времени провел среди людей, привыкнув стесняться своей наготы, что для любого демона казалось, по меньшей мере, странным. Наверное, со времени его отъезда мода опять изменилась, раз при дворе вновь стали одеваться, а это означало, что Киоши нужно как можно скорее найти хоть какое-то подобие одежды. Хотя и обнаженным ходить никто не запрещает, особенно суккубам. Другое дело, что само понятие моды и стиля человечеству принесли именно демоны, полагающие, что правильной одеждой можно не скрыть, а скорее, подчеркнуть достоинства... Мысли об этом полностью завладели сознанием тоэха, и он далеко не сразу поймал себя на том, что слышит не столько смысл, сколько чарующие интонации голоса Магистра.

— Начинается война, Киоши. Мятежники еще не готовы в открытую объявить себя врагами Императора, они настаивают на том, что собираются воевать не с властью, но с враждебной расой. Мидзури готовят ответный удар, как только им дадут повод. Суэджигари желают окончательно разрушить баланс Креста. И я не стану лукавить, говоря о том, что хотел видеть тебя в рядах наших союзников. Знаешь, Овилла весьма лестно отзывалась о тебе. Киоши, я спешу отбыть на Землю, а потому спрошу на прямую — ты желал бы вернуться вместе со мной, или орден мог бы рассчитывать на твою дальнейшую помощь здесь?

Киоши притянул колени к груди, укладывая подбородок на сплетенные пальцы. Кровь глухими толчками отбивала в голове приятный, успокаивающий ритм. Мысли текли плавно и неторопливо. Рядом с самим Магистром Сcone юноша чувствовал себя в полнейшей безопасности, и бесконечная гонка наперегонки с Ибарой, Контой и Тоэши-Набо наконец-то закончилась... Череды огня и крови пришел конец, кулон спасен, и можно возвращаться в свой дом на Земле. А можно вернуться в родную префектуру, к дядюшке, примириться с кузеном Ангусом, и затаиться, пережидая, чем кончится гражданская грызня.

Но... Киоши невольно вспомнил слова Куратора Конты, сказанные еще на Земле:

— Только в объединении против единого врага тоэхи и мидзури смогли найти силы, чтобы избежать крушения своих миров.

Юноше снова привиделся отец, лик которого был размыт и туманен. Сначала на память приходили лишь добрые и спокойные ощущения, оставшиеся с ним с тех пор, когда глава рода Мацусиро качал Киоши на своих могучих лапах. Но вдруг на смену им пришел совсем другой образ — грозный воин, с ног до головы забрызганный многоцветной кровью, с семейным мечом в раненой руке, и Серые Нити, с шипением извивающиеся вокруг. В этот момент Киоши свято убедился в том, что камень, привезенный из-под пика Сужано, достался отцу не как простой сувенир... На том закончилась безумная война на истребление.

Когда-нибудь утихнет и эта война. Утихнут крики раненых и стоны скорбящей родни, и сильные трех миров будут, как и прежде, вершить свои великие дела. Без него, молодого тоэха Киоши Мацусиро. А затем пройдет эпоха, и еще одна, и он раз за разом перескажет внукам бесконечную историю о том, как не осмелился помочь Марвину Сcone, так и не решившись встать подле Императора, защищая трон Тоэха...

Сконе что-то говорил, а перед глазами юноши рождалась новая картина.

Киоши вспомнил обжигающие волосы и бархатную кожу суккуба, зажмурился, словно еще раз собирался нырнуть в бездонное Небесное Озеро, и кивнул. Вытянул ноги, поднимая голову, и кивнул еще раз. Если это все когда-нибудь кончится, то не здесь и не сейчас.

— Я рад, — очень просто и искренне сказал Марвин, протягивая руку.

Киоши поднялся на ноги и низко поклонился, пожимая ее.

— В таком случае, слушай внимательно, Киоши, — в холодных глазах Магистра полыхнуло пламя. — Совет Ткачей Императора вместе с орденом Спокойного Сна разработал план. Рисковый, спорить не буду, но разве я стал бы предлагать тебе пустяк? Правильная реализация плана если и не позволит нам окончательно избавиться от угрозы, то хотя бы даст преимущество в борьбе с суэджигари. Смотри внимательно.

Марвин обернулся, обламывая с камня длинную колючку. Встал, выбирая кусок земли, свободный от трав.

— Именно вот так, — Магистр ловко прочертил в утоптанной каблуком земле три полосы разной длины, — неравномерно и сложно, течет время в трех мирах, после того, как был разрушен Камень Пресечения, обеспечивающий прямой проход по Кресту.

Киоши кивнул, скрывая удивление. Основы несоответствия времен познавали все, кто хоть раз переступал порог Портала. А вот то, что его неравномерному течению миры обязаны разрушению Камня, оказалось для юноши очередной новостью...

— Это, — Марвин, словно школьный учитель, ткнул в левую полосу, — Тоэх. Эта чуть более длинная полоса справа — Земля. Относительно нашей родины время идет там чуточку быстрее. Ты сам знаешь, что ненадолго заглянув на Тоэх с Земли, — Сконе медленно проскреб линию, под прямым углом соединяя параллельные у основания, — мы теряем пару земных дней.

Размашистым движением он чиркнул по земле, под острым углом соединяя вторые концы линий. Киоши затаил дыхание, не желая верить, что догадка уже стучится в его разум.

— Силы, чудовищнее и мощнее которых нет во всех трех... четырех реальностях, движут этими процессами, но я не стану утруждать тебя пространными, и подчас заведомо ложными, теориями Ткачей Трона о природе времени. Ты и сам все знаешь. Открыт Портал — время течет равномерно. Делаешь шаг, не чувствуешь ничего. Возвращаешься и понимаешь, что время совершило скачок. Оттого человеческие жизни для нас мимолетны, а цивилизации меняются, как времена года...

Магистр перевел дыхание, внимательно наблюдая за реакцией юноши. Поудобнее перехватив колючку, он продолжил:

— На Мидзури же время еще быстротечнее, и два дня, проведенных на Земле, будут стоить тебе четырех во владениях Синих Ткачей. Представители моего ордена прибывают на переговоры, неожиданно обнаружив, что у чародеев за прошедшее время сменилось два поколения хосадаку...

Новая пыльная дорожка соединила вершины второй и третьей линии под прежним острым углом.

— Убежден, что нам никогда не понять этого парадокса, — Марвин взмахнул тонким длинным шипом растения, все еще не сводя с Киоши пристального взгляда, — да и не нам, смертным, судить о его сути... Я много слышал, что все попытки всерьез разгадать тайну разрушения Камня приводили лишь к сумасшествию. Удивительно, не правда ли? Отправься на Мидзури несмышленным ребенком, потрать там уйму времени на обучение боевым искусствам и вернись к концу ярмарки, с которой сбежал, матерым драчуном.

Марвин присел на придорожный валун, разминая ноги, оставив Киоши удрученно разглядывать рисунок в пыли. Из-под камня показалась и немедленно юркнула обратно острая зеленая мордочка. Киоши машинально бросил в нее камешек, и ящерка зашипела, спасаясь бегством.

— Я понимаю, что рассказываю очевидные вещи. Любой путешественник знает все это, — Марвин Сконе вновь приковал его внимание. Глаза Магистра пульсировали, словно

ожившие куски халцедона. — Но я привык работать при полном понимании ситуации.

Магистр медленно скрестил на груди руки и понизил голос. Пространство, казалось, сгустилось, обнимая его широкие плечи, словно поддерживая могущественный образ второго тоэха Империи. Мир потемнел.

— Но я нашел способ проткнуть этот парадокс. Проткнуть насквозь, нарушив все известные законы.

Юноша вдруг вновь ощутил себя пешкой, разменной картой, за которую уже давным-давно все решили. Предчувствие чего-то мрачного, предвещавшего беду, родилось внутри, заворочавшись в сырой норе. Как тогда, когда Танара вдруг покинул его... Но внутренний голос тут же одернул, приказав взять себя в руки — в тот момент, когда Марвин предложил возвращение или войну, он прекрасно знал, чем это может быть чревато. На его потемневшую кожу падал приглушенный свет красного небосклона родины, и Киоши собрался, понимая, что если и собирался оттолкнуть руку мастера Сcone, то время безнадежно упущено.

Магистр, тем временем, продолжал:

— Придворные Ткачи Императора обнаружили средство, с помощью которого возможно создание краткосрочной временной сферы, действующей по аналогии с Камнем. Мы сможем на короткий миг остановить течение времени на всех трех лучах. После этого оно будет пробито обыкновенным, хоть и усиленным, Порталом. С помощью сильнейшего заклинания мы откроем путь из этого мига на Тоэхе в прошлое Мидзури. Вернувшись обратно на Тоэх с помощью нового Портала, ты попадешь в уже прожитые нами дни. Ты попадешь в наше недавнее прошлое, когда никто не уберег нас от совершенных ошибок...

Марвин присел, опуская руку на плечо Киоши. Пальцы его сжались, и юноша поразился нескончаемой силе этого демона. Сcone осторожно развернул его к себе лицом. Если бы он захотел, в этот самый момент мог бы с легкостью вырвать мальчишке плечо.

— Ты осознаешь всю важность ситуации, парень?

А тот, к своему, пусть и старательно скрываемому, ужасу, осознавал. Не торопясь снимать руку Магистра со своего плеча, Киоши молча кивнул, постаравшись сделать это как можно более уверенно. Он понимал, что только откроет рот, Сcone мгновенно распознает его нерешительность и слабость. На что дрогнувший душой Мацусиро мог толкнуть главу ордена Сна после столь откровенного разговора, не хотелось даже предполагать.

Однако Марвина удовлетворил ответ. Он встал, отряхивая безупречно чистый плащ, и вид его откровенно намекал на то, что разговор подходит к финалу. Заканчивал свою мысль Сcone обыденно, как будто просил Киоши прибраться в доме или доставить не очень важное послание. Выдавали возбуждение Магистра лишь его глаза — еще ярче и прозрачнее засветившиеся на широком лице.

— Вернувшись, ты разыщешь Тоэши-Набо — слабого, едва пересекшего Зашитые Границы, еще не успевшего набрать силу. Если получится, найдешь Камень Пересечения на первой стадии возрождения. Тогда ты уничтожишь и его. Как догадываешься, вернуться в это время ты уже не сможешь. А мы станем молиться Держателям, чтобы они помогли тебе победить хотя бы в одном из временных пластов нашего мира. И еще одно: даже не старайся искать меня там, я не поверю тебе, а возможно, и убью. Постарайся вообще не попадаться на глаза тем, кто узнает тебя. И вообще, парень, — на короткий, мимолетный момент голос Магистра искренне потеплел, — будь осторожен. Я на самом деле рад, что ты с нами, Киоши Мацусиро из клана Небесных Пловцов.

Юношу приятно задела эта теплота, и Киоши задумался о том, насколько Сcone действительно рассчитывает на него, как на один из сотни хитроумных планов по спасению Империи, разработанных орденом. Он поднялся на ноги.

— А сейчас мне действительно пора, — Марвин вновь стал прежним — сильным, надменным, не теряющим время по мелочам. Глядя на него, не верилось, что это существо вообще способно на проявление каких-либо эмоций. — Более подробные инструкции выдаст Овилла, она посвящена в курс операции. Своего коня я оставил тебе, он в сарае хозяина

местной скотобойни, это вверх по той дороге.

Марвин Сcone вышел на перекресток, отряхивая запылившиеся штанины, и махнул тяжелой рукой.

— Я прощаюсь с тобой, Киоши Мацусиро, и желаю удачи.

Киоши вскинул руку в ответном салюте, и Марвин пошел прочь. Сделал несколько шагов, остановился, оборачиваясь, и добавил, глядя юноше прямо в глаза:

— И по-прежнему постарайся никому не верить...

После этого Марвин Сcone, Магистр ордена Спокойного Сна Императора, хозяин и автор печально известных Крюков Наслаждения, ушел. Не открыл Портал, не призвал ленточного дракона, летающего ската или птицу Ямы, а просто ушел вниз по дороге за холм, взбивая осевшую на камнях пыль загнутыми носками изящных туфель.

* * *

И только сейчас Киоши в полной мере осознал, что свой титанический вес имеют не только прожитые годы, боль утраты или леденящий ужас. Ответственность, страх, неуверенность, тревога, жалость к себе, беспомощность и бунтующая гордость с такой силой навалились на плечи юноши, что заставили присесть на один из придорожных валунов.

Рассматривая нехитрый узор, начерченный в пыли Марвином Сcone, Киоши постарался сконцентрироваться, восстанавливая дыхание и сердечный ритм. Теперь, когда образ отца, бросающегося в атаку при пике Сужано, отступил, приказ стать героем уже не казался молодому тоэшу столь дерзким и манящим. Тропа героя звала его, но Киоши без посторонней помощи мог догадаться, чем закончится эта дорога — его могилой.

Знакомый приятный голос выхватил его из небытия. Погруженный в раздумья, он совершенно не заметил, как она подкралась.

— Мастер Сcone уже ушел? — ее разгоряченное тело кошкой скользнуло ему в руки, удобно устроилось на коленях. — Ты опечален? Что этот демон с куском гранита в сердце поведал тебе?

Сказать честно, появление суккуба несколько подняло настроение юноши. Однако упоминание о Магистре и его приказе стерли улыбку с лица, превращая ее в оскал. Юноша встал, мягко отстраняя демоницу. Успел мельком заметить, что та приделась — набросив на бедра повязку из тончайшей шкуры, руки украсив браслетами, а грудь изящным колье.

— Не притворяйся, Лин... я хотел сказать, Овилла. Ты прекрасно знаешь, куда Сcone собирается отправить меня.

— Ты согласился?

— Да, я согласился. И не жалею.

— Убеждаешь себя? Понимаю. Мастеру Сcone сложно отказать, когда речь заходит о защите интересов Империи.

— Я не очень понимаю, о чем ты говоришь?

— Не бери в голову. Идем, — решительно добавила она, подхватывая Киоши за руку.

Суккуб потащила его по одной из трех дорог, широко огибающей поросший каменным лесом холм и уводящей вверх.

— Конечно, я знаю, о чем вы говорили. Конечно, я знаю, что приказал тебе Сcone после того, как ты дал согласие остаться. Как известно нам обоим, это именно мне поручено сопроводить тебя до необходимого Портала, проинструктировать и вооружить...

Дорога обогнула холм, за которым виднелась крохотная ферма, с прилегающей к ней скотобойней. В загоне, сложенном из плоских камней с отточенными кромками, терпеливо ожидали своей участи десятки неповоротливых животных. Хозяин скотобойни, похожий на усохшую жабу тоэх, и четверо его детей поправляли изгородь, примыкающую к дальней стене зачарованного ледника, в котором хранились освежаванные туши.

— Вообще-то, я ожидала, что ты так ответишь, — Овилла продолжила прерванный разговор. — Этого ожидал Сcone, а он не ошибается в своих избранниках, но того же ждала

и я. Предсказала тебя.

— Привычка? Предсказывать поступки существ, за которыми следишь?

— Не совсем, — суккуб пожала обнаженным плечиком, — пытаюсь угадать, я строила собственные планы.

— О, и какие же? — усмехнулся Киоши.

Сейчас он чувствовал себя легко и спокойно, словно они всего лишь отправились на приятную прогулку, готовые в любой момент вернуться в уютный дом. Следующие слова демоницы заставили его остановиться, выпуская ее руку.

— Я решила, что если ты согласишься, я пойду с тобой, — она мотнула головой, словно окончательно принимая решение, и кроваво-красные в свете небес волосы рассыпались по ее лицу.

— Это приказ Марвина? — уточнил Киоши, все еще не торопясь двигаться с места.

Краем глаза он видел, как хозяин скотобойни заметил приближение незнакомцев. Оставив детей продолжать строительство забора, тот направился к амбару, откуда рассматривал стоящих на дороге тоэхов.

— Нет, это прямое нарушение приказа Марвина.

— Зачем тебе это нужно, Овилла?

— Считай, что это не твое дело, Киоши, ладно? — она наклонила голову, приподняла бровь, словно вновь дразня его. — Будешь сопротивляться?

Юноша позволял своему взгляду плескаться в тлеющих углях ее зрачков, не торопясь с ответом. Она только что сказала ему, что собирается последовать на погибель за отрезанным ломтем, отмеченным личным расположением мастера Сконе. Сказала ему, что хочет отправиться туда, откуда нет возврата. Отправиться на смерть или забвение. Несмотря на скудность фантазии, Киоши не тешил себя иллюзией, что выбран Сконе по причине своей уникальности или боевых качеств — он понимал, что орден Сна и без того несет потери, чтобы жертвовать хотя бы одним его членом в сомнительной операции, не говоря уже об ударном отряде...

Молодой тоэх прищурился, задумываясь о том, что простому демону никогда не понять сущности суккуба:

— Мы оба умрем там, Овилла.

— Вполне возможно, — она наморщила нос, понимающе кивнув.

— Так зачем?

— Я уже ответила. Идем, хозяин скотобойни заждался. Пожалеет престарелого тоэха — представляешь, как тяжело ему понимать, что в амбаре на хранение оставлен скакун кого-то из придворной знати?

Они продолжили путь, на этот раз чуть медленнее. Рука демоницы вновь оплела его предплечье. Хвост, то и дело вынырывающий из-под набедренной повязки, похлопывал юношу по бедру.

— Мне не стоит рассказывать, сколь опасным будет путешествие?

— Не утруждай себя.

Она зевнула, совсем как кошка, сладко и заразительно. Казалось, суккуб ведет разговор не о сложнейшем походе в прошлое врага, но о чем-то значительно менее важном. Например, о моде на ручных животных, набирающей обороты при дворе Императора.

— Вовсе не факт, что я смогу остановить Тоэши-Набо — он дьявольски силен.

— Со мной наши шансы удвоятся.

— Я оставляю здесь все, что было моим — друзей, родню, любимых... В том времени я еще не знаком с Танарой, Куратор Конта мирно управляет своим городом, мидзури не гонятся за моей головой, а суэджигари только начинает составлять свой план.

— В таком случае, — она лукаво подмигнула ему, и юноша опять не понял, что за игру ведет его спутница, — я останусь для тебя кусочком настоящего.

Скотобойня приближалась, а сгорающий от нетерпения хозяин замахал им рукой. Даже отсюда, с холма, было видно, что тот сгорает от нетерпения избавиться от животного,

томящегося в амбаре.

Внезапно голос суккуба переменялся, словно на этот раз она решила поговорить искренне и предельно серьезно:

— Работая на Марвина, Киоши, не можешь позволить себе чем-то владеть. Ты вот говоришь, что уходишь, навсегда оставляя родной клан — у меня сейчас нет даже вдсятеро меньшего. Работая на Сконе, сам становишься собственностью. А меня, сказать по совести, это порядком утомило...

— Но ведь ты агент ордена... Марвин не простит измены.

— Марвин не заметит моего исчезновения. А если заметит, то ловить не бросится.

— Отговаривать бесполезно?

— Если уйдешь без меня, я навсегда потеряю надежду обрести что-то на самом деле свое.

— Считаешь меня своей собственностью?

— А у тебя возникают возражения?

Возражений не возникло, и Киоши замолчал. Не произнося более ни слова, они продолжали спускаться вниз по извивающейся каменной дороге, чьи плиты были выложены задолго до рождения обоих. Мертвый ветер, рождавшийся под алым небосводом, усиливался. Покрытые когтями ветви деревьев на правой обочине дороги тревожно шелестели. Далекие горы, возвышающиеся либо на самом краю этого острова, либо на поднимающемся ввысь безымянном соседе, приобрели нежно-розовый оттенок.

Волосы Овиллы горели плавленным золотом, а темная грива Киоши обтекала багровой кровью.

Когда до скотобойни осталось не более двух полетов арбалетной стрелы, а чернеющий чащобой лес готовился остаться за спиной, к ним обратилось одинокое дерево, росшее у самого края дороги:

— Киоши Мацусиро, я полагаю?

Тоэх не успел ответить, его опередила суккуб. Вместо ответа Овилла швырнула в гущу ветвей несколько визжащих Красных дисков. Густая темнота ветвей, наполненная обманчивыми силуэтами, лопнула, когда на дорогу со скрипом начали валиться массивные ветки, ровно срезанные у ствола.

Где-то в кроне взвизгнуло, и что-то юркое метнулось в тень.

Но продолжить атаку демонице Киоши не дал. Ухватив за гладкое плечо, осторожно задвинул за спину, заслоня собой и обнажая клыки.

— Кому дело до того, как меня зовут?

Ветви зашелестели, в них определенно скрывалось что-то небольшое и ловкое. Однако тоэхи не торопились отбрасывать приготовленные боевые заклинания — в их родном мире размер далеко не всегда имел принципиальное значение в схватке.

— Не нужно драки, не нужно, прошу!

С широкой нижней ветки в придорожную пыль сиганула длинная красная ящерица. С недоверием глядя на Киоши, она широко раздувала шейные перепонки. От этого слова ящерицы смешно растягивались, превращаясь в "дра-аки" и "про-ошу".

— Ты до-олжен быть призна-ателен мне, моло-одой Мацуси-иро, что я не забыл, какой наступи-ил перелив, — многозначительно прошипела ящерица, застыв статуэткой. В движении оставались лишь ярко-алые глаза, то и дело скрывающиеся за подвижными веками.

Киоши спиной чувствовал желание суккуба прихлопнуть тварь, но его рука лежала на ее предплечье, легким пожатием удерживая от необдуманных действий.

— Я тебя не знаю, малявка. Тем более, понятия не имею, что ты несешь. Сейчас ты скажешь мне, откуда знаешь это имя, и твоя жена не станет вдовой.

Ящер оставался неподвижен, лишь крохотный язычок его так и мелькал в костяной пасти, а голова медленно клонилась, уже почти касаясь дороги. Казалось, слова Киоши застали его врасплох, заставив задуматься.

— Все ве-ерно, — неохотно прошипел он, резко склонив голову на бок и теперь глядя на тоэхов искоса. — Ты предупрежда-ал, что бу-удешь вести себя стра-анно...

Неприлично растягиваемые слова начинали раздражать, но юноша терпеливо ждал, боковым зрением наблюдая за хозяином скотобойни. Тот, вероятно поняв, что гости не торопятся в его амбар, уныло вернулся к работе, помогая потомству возводить изгородь.

— Не ва-ажно. Я сде-елал, как ты проси-ил.

Овилла все же не сдержалась, выдвигаясь из-за спины спутника и буквально на удар сердца опережая его вопрос:

— И что же ты сделал?

Вместо ответа ящер вдруг словно ожил, срываясь с места, и бросился к дереву. Киоши едва успел опустить руку суккуба, уже целившуюся в крохотного тоэха отточенной Красной звездой. Исчезнув в густой и колючей кроне, тот буквально тут же выпрыгнул обратно, волоча в мелких зубах объемный желтый пакет.

— Все, как ты и предска-ал, ро-овно в этот перели-ив, — решительно прошипел ящер, как делают существа, убежденные в своей правоте. Брошенный им пакет лежал на камнях дороги. — Ови-илла, ты выгляди-ишь лучше. Кио-оши, ты все же разду-умал ее сжига-ать?

Суккуб приподняла метательную звезду, но Киоши вновь придержал ее руку. Ящерица смотрела на них, словно ожидала соответствующей реакции на свою шутку. Наконец она не выдержала тяжелого молчания под пламенеющими взглядами двух рослых тоэхов.

— Тогда-а все, я уше-ел, — крохотный дракон развернулся, стремительной лентой ныряя в кусты. — Запо-омни, Кио-оши, я де-елал это только из-за вознагражде-ения, глупые ро-озыгрыши мне никогда-а...

Зашуршали жесткие плотные ветви, и ящер исчез, растворившись во мраке каменного леса.

Овилла первой приблизилась к пакету, настороженно прощупывая его Красными.

— Я ничего не понимаю. Но, судя по надписям, это действительно тебе...

Киоши подошел. На верхней стороне потертого бумажного пакета, размокавшего и сушенного не один раз, виднелась полузатертая надпись.

Для Киоши Мацусиро. Очень важно.

Одной тропой можно пройти семь раз. Нужно ли?

По обнаженной спине тоэха пробежал холодок. От пакета буквально веяло тайной, но юноша не испытывал страха, скорее необъяснимую тревогу и печаль, что настигает нас, когда память прикасается к давно забытому образу. С огромной высоты, из-под самого купола бездонного красного неба мира Тоэхов, Киоши увидел себя, стоящего рядом с мощнейшим суккубом на пыльной каменной дороге, и что-то сломалось...

Пакет был стар, со стертыми углами и брызгами почти выгоревшей крови. Киоши осторожно поднял его, проводя рукой по надписи.

— Мы ведь не спешим?

Овилла молча помотала головой, не переставая осматривать кромку непролазного леса.

— Я прочту это?

— Конечно. А я за это время... — демоница не закончила фразу, одним изящным прыжком перемахнув через кусты, и буквально втекла в чащу, скрываясь за деревьями.

Даже не взглянув ей вслед — все его внимание было приковано к загадочному пакету — Киоши сошел на обочину. Вертя послание в руках, уселся на длинный плоский камень, трамплином вытянувшийся над карамельной дорожкой лавового ручья. Передвинув пыльные ноги ближе к исходящему теплом потоку, тоэх когтем взломал старую смоляную печать.

Звуки погасли в тот же миг, оставив юношу один на один с пожелтевшим пергаментом, покрытом неровными строчками. Свет померк, будто алое небо-солнце Тоэха выцвело, став белым и тусклым. Доносящиеся от скотобойни запахи крови, лавы, собственного пота и лесных трав исчезли, словно воздух вокруг камня стал стерилен. Киоши сейчас видел только письмо — тонкую стопку желтых листов бумаги, исписанных его собственной рукой. Если

время когда-нибудь и останавливается, то это произошло сейчас.

Приветствую тебя, Киоши!

Ты, наверное, уже догадался, что письмо написано твоей рукой, а потому я должен пояснить, что меня тоже зовут Киоши Мацусиро, я тоэх джегал из клана Небесных Пловцов. И тебе придется поверить в это...

Киоши быстро пролистал старые, заляпанные засохшей кровью страницы. Сомнений не было. Но он был готов поклясться гневом Держателей, что никогда не писал этого...

Если Цутро из рода Семенящих не забыл своего обещания, то сейчас ты читаешь эти строки на пути к Порталу Марвина Сcone, куда ведет тебя Овилла. Скотобойня неподалеку, не правда ли? Я же сейчас умираю.

Да, Киоши, я нашел Тоэши-Набо. Но запомни эти строки.

Суэджигари непобедим.

Никакое оружие трех миров не способно причинить ему реальный вред...

Прежде чем привести меня к Слизню, Овилла вручила мне клинок, оставленный Марвином. Говорят, его выковали в кузнях самого Императора, а чары, вплетенные в это оружие, создавались советом придворных Ткачей. Знаешь, я чувствовал себя непобедимым... Особенно, когда рядом была она.

Сейчас Овилла уже мертва, и я надеюсь, что мне хватит сил положить головню на ее погребальный костер.

Знаешь, любовь — это термин, изобретенный поэтами людей, но мы оба хорошо помним Бактияра, столь близкого и понятного нам, а потому я позволю себе сказать его словами. Этот суккуб полюбит тебя, брат. Полюбит по-настоящему, до самой последней черты, но и ты ответь ей тем же.

Юноша невольно вскинул голову, прислушиваясь к стене леса, но окружившая его плотная перина по-прежнему поглощала звуки, краски и запахи. Удар письма был настолько силен, что слова скакали, как сумасшедшие, не желая выстраиваться в предложения и доносить до читателя свой смысл.

Слизень — потрясающий Ткач. Он на самом деле смог создать статичную сферу временного потока, и мы вышли в прошлое Мидзури. Однако, Киоши, ошибки совершают не только Магистры, но и те, кто выполняет их приказы.

Тоэши-Набо на самом деле является тайным советником хосадаку мидзури. Уже давно, к сожалению. Могу лишь догадываться, какую политику ведет эта тварь за спиной Кого, но на Мидзури у него имеется хорошо укрепленная база. Камень Пресечения же находится на Тоэхе — лорд Мишато, владелец земель Серединного Котла, уже в моем потоке времени состоит в нечестивом союзе с Серыми Ткачами и предоставил им свою цитадель для выполнения обряда.

А теперь главное, брат.

Тоэши-Набо более не единственный суэджигари, прорвавшийся сквозь Защитную Границу. Он следил за действиями ордена Спокойного Сна, терпеливо выжидал, и прошел за мной через Портал вне времени. Все, что я хочу сделать этим письмом, так это предостеречь от подобной ошибки тебя.

Мое покушение на Тоэши во дворце Кого было сорвано появлением близнеца. Я дрался, как умеем мы оба, но и против одного долго бы не устоял. Все что смог, это ранить старшего. Ранить так, что он навсегда запомнит это.

Потом я бежал и скрылся на Тоэхе, и Овилла была со мной все это время. Но суэджигари выследили нас, словно профессиональные гончие. Я понимаю, отчего предки решились запечатать границы, низвергнув один из лучей Креста — это сама смерть, Киоши. А теперь им помогает знание будущего.

Тот из них, кто носит мой шрам, убил Овиллу. Прямо у меня на глазах. Я же смертельно ранен, и регенерация не поможет — я по-настоящему умираю, брат.

По моим расчетам, в своем временном потоке ты сейчас только переезжаешь в Красноярск, даже не представляя, в какое жерло тебе предстоит упасть. Прости, что не

предупреждаю тебя прямо сейчас — слишком многое пришлось бы объяснять, а теперь тебе доступно много большее.

Киоши не мог поверить. Читал, раз за разом пробегаясь глазами по неровным строчкам, по бурым засохшим пятнам, узнавая собственный подчерк, стиль и даже истончившийся до прозрачности запах, исходящий от бумаги, но поверить не мог. Незаметно для себя, он принялся качать головой, словно это могло помочь отринуть очевидное.

Сейчас, истекая последней кровью, я понимаю, что Марвин сказал мне почти всю правду. Почти. В моем временном потоке больше нет суэджигари. Единственный ушел, унося с собой заботы. Зато в твоём времени их уже двое. Я подозреваю, что Марвин осознанно использовал нас в качестве приманки, не особенно задумываясь, что произойдет с мирами Креста, когда в одном из потоков их станет сотня. Если ставка Магистра сыграет, в твоём времени больше не будет Серых, а в нашем прошлом появятся трое... И никому, кроме Держателей, неизвестно, какой силой будут они обладать.

Я помню свои размышления, когда Сگونه предлагал мне стать героем. Помню и понимаю, что все опасения оправдались. Я и правда стал героем, принесшим свою жизнь на алтарь спасения Императорского трона. Единственное, о чем жалею, что позволил моей любимой умереть вместе со мной.

Когда я шел к своему Порталу, никто не оставлял мне подобных писем. Надеюсь, ты задумаешься...

Едва не забыл: я заплатил низшему, его зовут Цутро, и он поклялся в нужный перелив передать мне... передать тебе эти бумаги. Скоро он придет за письмом.

Я заканчиваю, силы уходят.

Суэджигари высокомерны, кичливы и заносчивы. Воспользуйтесь этим.

Наши могилы лежат за бесцветным ручьем, в тайной роще у жилища Слизня. Не забывай сказанного мной. Надеюсь, что помог, и не напрасно писал это послание.

Будь осторожен — близнецы Тоэши прямо сейчас наблюдают за тобой. Не дай им пройти Портал.

Еще раз прости меня.

Прощай.

Глядя ровно перед собой, Киоши осторожно положил письмо на камень. Осмысливая прочитанное, юноша оставался слеп, глух и подавлен. Произошло то, чего он просто никак не мог ожидать. Нечто, способное спутать серьезные планы. Что-то такое, после чего жизнь уже никогда не станет прежней.

Рассматривая притаившиеся возле ноги листки бледно-желтого пергамента, Киоши вдруг поймал себя на том, что дышит шумно и глубоко. Так, словно только что закончил длительную и напряженную гонку. Или, как сказал бы человек, словно увидел нечто, действительно напугавшее его.

Молодой тоэх не был наивным простаком. Может быть, он не обладал способностями мгновенно анализировать ситуации и делать выводы; возможно, не умел принимать сложных решений; вполне вероятно, что кто-то мог бы назвать Киоши примитивным и бесхитростным. Но простаком в клане Мацусиро не был ни он, ни кто-либо еще — доверчивость и беспечность не являлись достоинствами жителей Красного мира.

Сквозь прищур глядя на жидкий поток белесой лавы, протекающий у ног, Киоши размышлял, невольно постукивая когтем по лежащему рядом письму. Безусловно, пакет можно было и подделать. Кому-то, кто собирается помешать реализации плана Марвина Сگونه, не составило труда подбросить ему это послание. Однако, а Киоши уже достаточно хорошо знал своих противников, любому из врагов Сگونه было бы многим проще устранить юношу, а не путать его подметными письмами.

Он помотал головой, невольно бросив на стопку листьев тяжелый взгляд. Магистр лично взял на себя встречу с Мацусиро, чтобы максимально исключить возможность утечки. О приказе Марвина и новом плане не знал никто, кроме посвященных членов ордена... Кроме Овиллы, например. Но ведь она пытается нарушить приказ Сگونه, именно

отправившись с Киюши, а не убеждая его остаться? Мог ли кто-то еще из агентов ордена Сна допустить утечку или предать Сcone, в попытке сорвать покушение на Тоэши-Набо? Вполне возможно, и в этот момент юноша в очередной раз почувствовал острую боль от утраты своего проводника-мидзури. Если бы Танара сейчас был здесь, он, наверняка, смог бы поделиться собственной точкой зрения. Но Танары не было рядом, и тоэх поднялся на ноги, сжимая листки в кулаке.

Он мог сколь угодно долго ломать голову над странным посланием, но чутье уже нашептывало, призывая отбросить сомнения. При самом старательном изучении, никаких заклинаний на письме не лежало — ни на бумаге, ни на чернилах, ни вокруг конверта. А вот в том, что покрывающая страницы кровь была его кровью, молодой тоэх более не сомневался.

Киюши направился к дороге, рассматривая возвращающуюся суккуба. Овилла с шипением пробиралась сквозь колючие кусты, широким плотным листом какого-то растения стараясь оттереть с рук кровь, в красном свете небосклона казавшуюся черной.

— Тебе удалось догнать этого низшего? — Киюши подошел, жадно вдыхая жар разгоряченного погоней тела демоницы.

— Да, удалось. Странно, но я уверена, что уродец убежден в своей правоте, не разыгрывал нас и не пытался обмануть или ввести в заблуждение. У меня сложилось устойчивое ощущение, что он знал нас обоих и искренне верил в сказанное...

Она упорно счищала с рук начинавшую запекаться кровь.

— Пока мы беседовали, он продолжал упорно твердить, что пакет на самом деле передал ему ты. Представляешь себе, по его словам, я в это время лежала на могильной плите. И все это происходило давно. Скорее всего, этого низшего опутали необычайно мощным и умелым заклинанием, следов которого, к сожалению, мне не удалось найти. Ты уверен, Киюши, что никогда раньше не встречался с этим Цутро? — Овилла хищно прищурилась.

Вместо ответа, тот протянул ей письмо.

— Пойдем на берег. Присядь, почитай?

Отблески текущей лавы отражались на гладкой коже, и Киюши, украдкой наблюдая, в который раз восхитился безупречностью форм суккуба. Склонившись над письмом, демоница полностью погрузилась в себя, снова и снова перечитывая послание, и лишь подвижный гибкий хвост метался, пристукивая по плоскому камню, нависающему над ручьем.

Наконец она отложила бумаги. Обернулась, глядя на Киюши и одновременно куда-то сквозь него.

— Значит, ты уверен, что действительно писал это? — она небрежно смахнула прилипшие к ступням кусочки окаменевшей лавы.

Чуть позже, получив долгожданную передышку в безумном марафоне на выживание и поиск ответов, Киюши сможет еще раз внимательно осмотреть непростую ситуацию, в которую попал. Осмотреть ее как бы со стороны, подвергая каждое решение старательной критике и пытаясь найти изъян в собственных поступках. Он вспомнит спасение с Буредды, мертвые глаза суэджигари, рассказ Овиллы-Линды, встречу с Магистром Сcone, его приказ и нелегкие раздумья, ставшие предвестником согласия на путешествие ко двору Стервятника. Он вспомнит свои колебания и неуверенность, странный разговор с суккубом, решившей отправиться с ним, вспомнит письмо, написанное собственной рукой. Окунувшись в горнило настоящей войны, когда демоническая ярость перехлестывает через край души и топит врагов в крови, он будет размышлять, как Марвин Сcone предложил ему стать героем. Как Марвин Сcone предложил ему хотя бы попробовать стать героем, и он согласился. Возможно, согласился не ради сохранности родного мира или благополучия Императора, но ради отца, в облике бесплотного гекару наблюдающего за поступками сына. Окруженный пламенем догорающих городов, Киюши Мацусиро вспомнит, сколь решителен и тверд был в принятом решении, и не пожалеет ни на мгновение...

Юноша протянул руку, забирая у демоницы письмо, словно этот жест мог помочь ему ответить более искренне:

— Я ни в чем еще не был так уверен за долгое-долгое время, Овилла. Уверен, что и сама ты уже успела проверить послание, убедившись в его подлинности. Разве нет?

— Разумеется, — она поднялась на ноги, хвостом поглаживая бедро. — Есть какие-то мысли?

— Есть, — вдруг решительно ответил Киоши, удивив сам себя. — Наперво мы не станем раскрывать перед Тоэши-Набо, что знаем о его засаде. Продолжим путь, как ни в чем не бывало, — без сожаления или раздумий он отправил бумаги в ручей, внимательно наблюдая, как листки вспыхивают, растворяясь. — А еще я хочу, чтобы ты отвела меня к оружию, о котором упоминал Магистр.

* * *

Путешествие к тайнику ордена оказалось на удивление недолгим. Вероятно, Марвин намеренно приказал Овилле доставить юношу с Буредды как можно ближе к нужному месту, чтобы в случае успеха не пришлось тратить лишнее время на дорогу. Похожий на жабу хозяин скотобойни все же дождался своего, наконец избавившись от породистого злобного скакуна, успевшего острыми копытами разнести ему часть амбара. Тем не менее, хозяин оказался понятлив и тих, и даже вышел к воротам, чтобы проводить странную парочку демонов, оседлавших столь необузданное животное.

Без труда разместившись на широкой блестящей спине зверя, лишь отдаленно напоминающего лошадь, Киоши и Овилла отправились вверх по дороге. По словам демоницы, тайник располагался на одном из соседних островов, и вскоре, словно в подтверждение, дорога на самом деле оборвалась. Ласково обогнула холм и закончилась, уткнувшись в край парящего монолита, на котором находились тоэхи. Пропасть была отгорожена невысоким массивом горы.

У подножия ее виднелась заброшенная, далеко не вчера обвалившаяся шахта, вокруг которой все еще цеплялось за жизнь небольшое торговое поселение. Бывшие шахтеры, до сих пор не поспешившие оставить насиженные места, выживали исключительно за счет рискованных экспедиций в грозящие рухнуть штольни, распродаж остатков техники и охоты в небезопасных окрестных лесах. Было очевидно, что последний, даже самый бедный и непривилегированный джегал покинул этот поселок очень, очень давно.

Малочисленное население шахтерского городка злобно наблюдало за непрошенными чужаками, но не торопилось покидать нищих лачуг, жавшихся к скалам. В загонах блеяли тягловые звери, стучал молот кузнеца, два деревенских мальчугана у околицы вовсю хлестались игрушечными Красными Нитями. Проехав поселение практически насквозь, Киоши направил скакуна вверх, прямо на вершину горного массива.

Тягостная тревога не смогла долго провисеть на плечах юноши, сменившись милосердным чувством предопределенности. Суккуб сидела за его спиной, тесно прижимаясь и обвивая хвостом, и это в немалой степени помогало Киоши избавиться от мысли, что где-то из горных расщелин за ними сейчас наблюдают суэджигари.

Чудовищный конь Сконе с легкостью поднялся на неприступный гребень, и деревня шахтеров скралась из виду. Теперь странникам попадались лишь неглубокие красные озера, минуемые вброд, и массивные трубы воздухопроводов, густо торчащие из-под скальной породы.

К удивлению юноши, суккуб все же решила рассказать о своей службе ордену Спокойного Сна. Пусть сухо и без очевидных подробностей, но поведала немало, словно все еще продолжая отвечать на вопрос Киоши, зачем решила отправиться с ним. Тот узнал, что Овилла убеждена, что для работы в ордене подходит далеко не любой демон. Это только в мифах людей и мидзури тоэхи, олицетворяющие природные силы разрушения и обновления, как один способны пытать свою жертву, подвешивать на копыта, вырывать сердца и неотступно настигать добычу, всегда добиваясь своего. На самом же деле главным

препятствием для службы Сконе были собственные интересы и свободолюбие, с которым не могло справиться большинство неофитов ордена.

Сама Овилла в свое время смогла, пусть и не без ущерба для себя, почти сразу войдя в круг наиболее ценимых и используемых суккубов ордена Сна. Как понял юноша из ее рассказа, она неоднократно принимала участие в операциях против человеческих чародеев, разведывательных миссиях на Земле, слежке и охране. Еще одним из очевидных достоинств демоницы являлась ее истинная форма, трансформация в которую из человеческого облика почти не занимала времени. Именно богатый опыт общения Овиллы с людьми и знание их непростой природы послужили причиной ее частых рейдов на Землю, а в итоге — приказа приглядывать за Киоши.

Однако понять, на самом ли деле служба при дворе тяготила суккуба или решение нарушить приказ Сконе было спонтанным, тоэха так и не смог. Казалось, что запутывать его доставляет демонице буквально физическое удовольствие, что та и делала, то повествуя драматическим шепотом, то смеясь и взхлеб рассказывая странные истории о людях, познавших тайны миров Креста. Покорный приказу Марвина, зверь уносил их к дорогам летающих сфер.

Вдыхая раскаленный воздух Тоэха, Киоши наслаждался опасностью, сквозившей в каждом дуновении обжигающего кожу ветерка — опасностью жить в столь безжалостном и суровом мире. Но лишь добравшись до каменистого края горного массива, за которым открывалась мрачная огненная бездна, наполненная неспешно проплывающими островами-великанами, юноша до конца осознал, что находится дома. Забытое чувство тревожной бескрайности вновь захлестнуло его, когда, спешившись, они встали на самом-самом краю...

Не тратя времени, Овилла ухватила за Красные, и Киоши помог ей отловить один из многочисленных клейких канатов, в изобилии свисающих с соседнего острова, парящего чуть выше. Легкие, чуть тяжелее жаркого воздуха, паутинки толщиной с взрослого тоэха колыхались в полете, увешанные гроздьями прозрачных маслянистых сфер, словно побеги невиданных ягод.

Закрепив канат меж камней своего острова, тоэхи притянули и сорвали один из таких пузырей, с помощью Нитей плотно усаживая его на липкую поверхность. Во время спешных приготовлений, подчас против воли, Киоши улыбался, словно ребенок, возбужденно ожидая неожиданной поездки по дороге сфер. Продолжая крепить вместительную, но невесомую капсулу к канату дороги, он не без зависти вглядывался в пурпурную даль, где немногочисленные демоны, не наделенные способностью самостоятельного полета, плавно перемещались по липким лозам, смело раскачиваясь в прозрачных шарах.

Овилла что-то прошептала скакуну, внимательно слушающему ее, опустив крупную зубастую морду. Мотнув головой, животное потрусило на ровную площадку, где с удобством улеглось между скал, практически слившись с камнями.

После этого суккуб молча скользнула в шар, в одно мгновение плотно сомкнувший дымчатые стенки за ее спиной. Еще раз оглянувшись на покидаемый остров, Киоши прошел следом, с удовольствием ощутив забытое чувство, когда тело разом стало значительно легче, подчиняясь законам небесных дорог.

Маслянистая поверхность шара стала более плотной, и Овилла метким рывком выбросила вверх длинную Красную, ловко цепляясь за край соседнего острова. Получив курс, невесомый пузырь завибрировал и пополз вверх, перекачиваясь по клейкой поверхности небесного троса. Огненная бездна разверзлась под ногами, утопая в красном мареве. Безграничный мир Тоэха открылся перед глазами юноши, заставляя оскалить клыки в довольной улыбке.

Киоши взглянул вверх, пытаясь рассчитать время, необходимое на дорогу, и притянул суккуба к себе, увлекая ее на качающийся под ногами невидимый пол. Времени, конечно же, не хватило...

Остров, на который Овилла привезла юношу, по меркам Тоэха был просто крохотным, состоящим из одной единственной рощи, шапкой осевшей на вершине холма, и кустарниковых пустошей, охвативших этот холм по периметру. Кустарники радовали глаз обилием ярких желто-красных цветков, ведущих терпеливую охоту за насекомыми, и многочисленными роями крохотных воздушных существ, похожих на летающих морских коньков. Один пристальный взгляд на островок мог подсказать, что под высоким слоем плодородной почвы наверняка можно обнаружить подземные пещеры, места в которых гораздо больше, чем наверху. Но дикость и запущенность парящего монолита вызывали едва ли не отвращение.

Масляный пузырь сферы пристал к покосившейся деревянной конструкции, менее всего напоминающей пирс, и тоэхи выбрались из его душного нутра. Вымощенная камнем, запущенная и заросшая дорожка уверенно убегала в кустарники и дальше, вверх по холму. Было тихо и тоскливо, жаркий тропический воздух душил, мешая дышать полной грудью, а прелая листва томно дышала, даря вязкие густые ароматы.

Овилла уверенно отправилась прямо по тропе, настороженно осматриваясь по сторонам, и юноша двинулся за демоницей, напоследок еще раз внимательно изучив небосклон и убедившись, что за ними никто не следовал.

Тропа провела их сквозь буйные насаждения хищных цветов, поднялась в ярко-зеленую рощу, развалившимся каменным мостком перепрыгнула через ручей и, наконец, вывела к вершине холма — пустынной, усеянной поваленными деревьями и валунами площадке, в центре которой зиял широкий, разваленный овраг. Казалось, что когда-то в вершину ударила чудовищной силы молния, уничтожив постройки, как казалось, какого-то храма, после чего к острову потеряли всякий интерес. На самом краю расщелины суккуб жестом приказала Киоши оставаться на месте, выходя вперед.

— Именем Марвина Сcone и ордена Спокойного Сна Императора, приказываю тебе, Ткач, впустить меня и моего спутника.

И только сейчас глаз тоэха, никогда прежде не встречавшего такой маскировки, заметил огромное неповоротливое существо, заполнявшее дно оврага. Комок мышц перекатился под толстой разноцветной кожей, но ничего не произошло.

Киоши медленно обернулся, рассматривая до неприличия яркие заросли рощи. Сколько еще спрятанных существ скрывают эти ветви? Сколько глаз сейчас наблюдает за ними, ступившими на тайную землю? Юноша чувствовал, что за ними внимательно присматривают.

— Слижень, — вдруг зашипела суккуб, и от прежнего величия в голосе не осталось и следа, — немедленно открой нам, если не хочешь навлечь беды!

Словно повинувшись волшебной силе ее слов, полных сдерживаемой злобы, воздух лопнул, обнажая настоящую суть оврага. Старые, обвалившиеся склоны расщелины с оплавленными стенами исчезли, а поляна зарябила в воздухе и изменилась, мазок за мазком подтирая следы запустения. Теперь почти всю пустошь на вершине холма занимал одноэтажный каменный дом, массивный и старинный, будто бы нехотя проявившийся из теней в слабосветящихся контурах Нитей. Овилла быстро шагнула вперед, шустро спускаясь в овраг по появившимся ступеням, и Киоши постарался не отстать.

Глухой хлопок за спиной тоэхов вновь выстроил в воздухе удивительные декорации, в полотне которых даже самый искусный колдун не смог бы различить и проблеска Красной Нити, поддерживающей купол иллюзии. Киоши не удержался от одобрительного мычания, вертя головой и по достоинству оценивая блистательную работу одного из знаменитых Императорских Ткачей.

А в следующее мгновение он уже знал, что насторожившиеся чувства не обманули. Не налетело порывов холодного ветра, не потускнело небо, не было вихрей сухой травы под ногами, не проявилось ни единого знака, но по краешку сознания прокралась осторожная мысль, подтвержденная звериным чутьем — он здесь, он тоже прошел за ширму. Незаметно,

бесшумно, будто тень или призрак.

Овилла тоже что-то почувствовала, напряженно разворачиваясь, но юноша лишь осторожно сжал ее запястье, призывая не подавать виду. Ни один из Тоэши не знает о письме, а это значит, что до последнего момента тоэхи не должны показать, что обнаружили опасность. Пока что преимущество оставалось на их стороне, и Киоши лихорадочно соображал, как может воспользоваться своими знаниями. Суккуб поняла все мгновенно, плечи поникли, и только ярко горящие глаза выдавали возбуждение, охватившее демоницу.

Осматриваясь, словно из чистого любопытства, они направились к дому. Массивное одноэтажное здание одиноко возвышалось впереди, подставляя красному свету свои облезлые бежевые стены. Казалось, узкие глазницы окон с интересом разглядывают приближающихся тоэхов. Шпиль на высокой крыше был обломан у основания, валяясь перед входом, а красивая кованая решетка, когда-то украшавшая входную дверь, лежала снаружи. Киоши подумал, что с таким запустением Ткач мог и не наводить маскировку — дом и без дополнительных чар казался заброшенным и нежилым. Миновав пустынную поляну, демон и суккуб вошли внутрь.

На пороге Киоши остановился, рассматривая растрескавшиеся дверные косяки и пыльный полумрак душной комнаты, занимавшей всю площадь здания. Первое, что бросилось в глаза — это, конечно же, Нити, и такого обилия Красных, при дискриминации всех остальных, юноша не наблюдал уже давно. Старая ломаная мебель была свалена вдоль стен, словно хозяева перестали пользоваться ею, но так и не могут найти время вынести на помойку. Целыми оставались лишь многочисленные столы, заполнявшие помещение. Их поверхности были завалены камнями всех цветов и размеров, черепками, демоническими конечностями в стеклянных банках, дымящимися посудинами, масляными горелками, увеличительными стеклами, свечами, стопками книг и пергаментов, а на одном даже возлегал окаменевший труп. Сизый туман, струями стекающий со столов, медленно стремился к окнам и единственной двери, пробираясь между ног юноши. Не торопясь шагать внутрь, Киоши вскоре разглядел и самого хозяина лаборатории. Овилла смело вошла, приседая на корточки и почтительно здороваясь со Слизнем.

Хозяином странного дома оказался огромный блин жира, растекшийся по грубым доскам, из которых был сколочен пол, и больше всего напоминал кусок вываленного из кадки жидкого теста. Два овальных блюда глаз хаотично перемещались под тонким прозрачным слоем его кожи, ни на секунду не останавливаясь. Слякоти, открытые книги и наполненные смесями горшки плавали над Слизнем в воздухе, поддерживаемые Нитями. С их же помощью колдун смешивал, переливал, отламывал и подносил рассмотреть. Бубнящий голос Ткача раздавался, казалось, сразу со всех сторон. Когда он двигался, похожий на тающее желе, из-под мясистых складок вырывался тонкий шипящий звук.

— И ты здравствуй, девочка моя (ш-ш-шпаа), будь славен твой род. И ты, молодой демон, здравствуй... Проходите (ш-ш-шпаа), проходите. Я чувствую, как ваши жизни тянут за собой множество нитей... Это так заманчиво... Входите же.

Под босыми ногами захрустело, когда Киоши поклонился, тоже проходя в дом. Сухо щелкнула, ломаясь, старая кость, он перешагнул битые черепки тяжелого толстостенного кувшина, с интересом рассматривая всевозможный хлам, наполнявший комнату. Однако ни на миг взгляд тоэха, внимательный и цепкий, не отрывался от двери, за которой ленивый жаркий ветер гонял сухую пыль.

Наспех создав в высоком кувшине некую смесь, Слизень ловко разлил по бокалам темную дымящуюся жидкость. Нить протянулась в сторону Киоши, и тот с поклоном принял бокал, с первого же глотка отдав должное бодрящим свойствам напитка. Прихлебывая, он прошел в самый дальний угол комнаты, как можно тише хрустя битым стеклом, и устроился у стены, облокотившись на потемневший от времени шкаф. Тот заскрипел, а с наваленной сверху горы мусора едва не соскользнул вытянутый зубастый череп.

— Н-у-усс... Во имя безразличных свершений, дети мои (ш-ш-шпаа), что привело вас в мое скромное жилище? Вы, молодые демоны, наверняка желаете углубиться в

непознаваемое? — продолжая издавать шипение, ком жира ловко перетек с одного места на другое, при этом не раздавив ни одну из хрупких вещей, густо устилавших пол.

— Ты совсем погряз в своих опытах, Слижень, если смог забыть приказ Марвина Сگونه.

На этот раз в голосе Овиллы сквозило гораздо меньше почтения и вежливости, а полученный стакан она опустошила одним глотком. Киоши догадался, что суккуб не первый раз общается с Императорским Ткачом, и тот в ответ лишь хохотнул, подтверждая его догадку.

— Так ты помнишь?

— Ох... ну конечно (ш-ш-шпаа), доченька... Разве я мог забыть? А это и есть тот самый тоэх, про которого мне говорил мастер Сگونه? Сколь причудлива его судьба, сколь непредсказуемы ее повороты. Неужели вам бы не хотелось постичь тайны (ш-ш-шпаа), какими не обладает ни один из живущих Ткачей? Неужели не хотелось бы познать саму суть материй, наполняющих миры Креста?

— Познавать в изоляции, пока не превратимся в такой же бесформенный пласт, как ты? — Слижень вновь хохотнул, ничуть не обижаясь.

— Ох, доченька, не насмешничай. При желании я могу обрести такую форму, что твоему другу станет стыдно от зависти (ш-ш-шпаа), а ты поймешь истинное значение наслаждения.

— Не стоит утруждать себя, мастер Слижень, — улыбнулась она, — мы уже проходили эту тему. Так пусть же каждый занимается своим делом...

Демоница поставила пустой стакан на крохотный подоконник, поворачиваясь к юноше.

— Это именно мастер Слижень способен создать стабильный коридор, объединившись с силами остальных Ткачей Императорского Совета. Если статичное поле будет действительно безопасно, ты... — она запнулась, но исправлять в присутствии Слижня не стала ничего, — должен будешь воспользоваться им для открытия Портала на Мидзури. Поверь мне, Киоши, этот древний кусок мяса обладает воистину огромными знаниями. Обладает эгоистично, надо заметить — он наотрез отказывается сотрудничать с Советом напрямую...

— Ох, девочка моя, ты так и не поняла моих причин, — вновь хохотнул Слижень, словно демоница сказала что-то забавное, — но я никогда не отрицал (ш-ш-шпаа), что являюсь преданным слугой Императора.

— Вероятно, Магистр проделал большую работу, наконец-то заполучив твои умения в свою колоду? — прищурилась Овилла, но Ткач не ответил, по-прежнему беспорядочно вращая глазами.

— Я ведь не против, если члены Совета усилят мои способности, чтобы помочь Сگونه? — наконец, вопросом на вопрос, отреагировал он, захлопав к одному из столов. Его желеобразное тело с грацией куска тающего масла обтекало обломки стульев и пыльные бутылки. — Никому из них и в голову не может придти (ш-ш-шпаа), с какими тонкими субстанциями приходится работать мне, с какими непостижимыми аспектами мироздания... Конечно, конечно, чванливым придворным проще всего считать меня сбрендившим куском сала, но никак не существом, поставившим под угрозу всю их небывалую мощь...

Киоши взглянул на Овиллу, и та кивнула, подтверждая его немой вопрос — побывав в трех мирах, юноша еще ни разу не встретил существа, сознание которого устояло бы перед длительной изоляцией.

— Овилла, девочка моя, — Слижень опустил на столы висящие в воздухе склянки и пузырьки, — как и приказал мастер Сگونه (ш-ш-шпаа), у меня все готово. Когда мы сможем начать?..

— По моему приказу, — сухо ответила суккуб, внимательно глядя в узкое окно. — Надеюсь, ты никуда не уйдешь из дома, пока мы будем отсутствовать?

Слижень привычно хохотнул, а затем вдруг прикрыл мутные глаза, стремительно погружаясь в дрему.

— Идем, Киоши...

Тоэх залпом допил резкую, густо-красного цвета жидкость, уложил бокал на шатком столике среди многочисленных пробирок и вышел из дома.

Обойдя здание кругом, неторопливо, осматриваясь на каждом шаге, суккуб привела юношу на задний двор.

— Он ведь наблюдает, да? Ты чувствуешь?

— Возможно... Не дай ему понять.

— Я постараюсь.

Как оказалось, сразу за лабораторией Слизня холм обрывался, открывая крохотный водоем, лежащий в уютной овальной низине. Медленный, словно бы стеклянный, ручей пробивался между камней у подножия дома, бежал к обрыву, где карамельной струей падал в пруд с высоты в пару десятков локтей. Стараясь двигаться как можно более естественно и непринужденно, Овилла спустилась с обрыва, цепляясь за кустарники и влажные корни деревьев. Однако юноша видел, что в каждом жесте ее сквозит напряжение, готовое взорваться битвой, едва лишь суэджигари даст о себе знать.

В этот же момент Киюши подумал, что соваться в тайник, как того и ждал Тоэши-Набо, было не самым разумным вариантом. Запоздалая мысль о том, что по прочтении письма они были обязаны предупредить Сcone и устроить Стервятнику надежную ловушку, пронеслась в сознании юноши пущенной стрелой. А еще он успел подумать, что Овилла идет с ним вовсе не по собственному желанию, а выполняя очередной приказ Магистра — что, если девочка лишь должна проконтролировать, как Киюши вместе с суэджигари покинут этот поток времени?

По пояс забравшись в тягучий водоем, демоница что-то раздраженно прошипела, а от ее гладкой кожи начал подниматься пар. Тяжелые тревожные мысли со звоном вздрогнули, рассыпаясь грудями осколков, и Киюши тряхнул головой — как бы то ни было, сейчас он не мог позволить себе тратить силы на бесплодные раздумья и отвлекать внимание от врага, крадущегося за спиной. Суккуб, тем временем, сунулась прямо в карамельный водопад, прикрытый маскирующим заклинанием. Мышцы на руках вздулись, когда она не без натуги вынула из каменной ниши длинный деревянный ящик, успевший потемнеть от влаги.

— Это просил передать тебе Марвин... — она тяжело бросила ящик на короткую траву под скалой, и Киюши легко прыгнул к водоему, опускаясь на колени. — Передать перед тем, как Слижень отправит тебя...

Юноша не ответил, лишь кивнув.

Сетовать о принятых решениях было поздно — если Киюши хотел сохранить жизнь и не дать Тоэши-Набо проникнуть в свою память, наперво он нуждался в оружии. Оружии, которое, по словам Сcone, способно отнять жизнь суэджигари. И лишь потом думать, как поступать дальше.

Суэджигари непобедим.

Никакое оружие трех миров не способно причинить ему реальный вред...

Незаметно для себя, Киюши оскалил зубы. В вопросе схватки он был готов поспорить даже с самим собой... Но он сделает это, лишь когда будет знать, чем именно пользовался его двойник в ином пласте временного течения.

Боковым зрением юноша настороженно осматривал подступающие к пруду деревья, чьи ветви едва не касались воды, одновременно ощупывая металлические застёжки ящика. Чуть поржавевшее железо причудливых крючков скрипнуло под пальцами, когда Киюши, поудобнее повернув к себе ящик, откинул узкую крышку.

Задержал дыхание...

Признаться, Киюши ожидал найти в ящике меч — одно из наиболее почитаемых тоэхами орудий ближнего боя. Возможно, секиру или боевой молот. Возможно, что-то парное, например, кинжалы или серпы. Но когда взгляд юноши пробежался по драгоценной вязи, украшающей пальцы, пластину на запястье и чешую на костяшках, обеспечивающую подвижность — когда он впервые увидел оружие, подобранное для него мастером Сcone, он напрочь забыл о собственных ожиданиях.

В длинном ящике из потемневшего дерева лежала изящная латная перчатка, оснащенная коротким широким клинком.

Как скульптор рассматривает древнюю статую, не скрывая своего благоговения; как художник вглядывается в каждый мазок картины известного автора; как кулинар наслаждается видом своего творения, украшая его последними штрихами — так и воин взирает на достойное оружие, не в силах сдержать эмоции и трепет. Посверкивая серебром и отливая сложнейшим узором вплетенных в металл Красных Нитей, латная перчатка в точности повторяла форму правой кисти Киоши. Ювелирно отчеканенные пластинки собирались в непробиваемую чешую, сочленения которой были искусно спрятаны от глаза. Было сразу видно, сколь удобным, сбалансированным и смертоносным является произведение военного искусства, лежащее в темном деревянном ящике.

Духом войны, от которого у бывалых воинов слезятся глаза и замирает сердце, веяло от оружия, и единожды увидев его, можно было не сомневаться в хранящейся в металле мощи. Выпустив воздух сквозь плотно сжатые зубы, Киоши медленно поднял боевую перчатку, любуясь ее изгибами и наслаждаясь холодным перезвоном переливающихся чешуй. Он не мог и предположить, к каким последствиям приведет неожиданное знакомство с этим непростым артефактом.

Овилла выбралась из омута, остервенело стряхивая с коленей шипящую жидкость, уже начинавшую разъедать кожу демоницы. Сорвала пук листьев, оттерла ноги, не без злости разглядывая свежие ожоги, и наконец наклонилась над открытым ящиком.

Глаза суккуба вспыхнули, и что бы там не подозревал Киоши, сейчас это был огонь неподдельного изумления. Что бы ни сказал ей Марвин, Овилла впервые видела содержимое тайника собственными глазами.

— Она прекрасна, — просто сказала демоница, и в этих двух словах заключалось истинная правда.

— Ты не знала?

— Марвин не уточнял, что именно ты найдешь в тайнике, но был уверен, что останешься доволен.

Киоши бережно, почти с благоговением примерил великолепное оружие, как влитое севшее на его правую кисть. Застегнул ремень у локтя, еще один у запястья. Поиграл пальцами, наслаждаясь тихим лязгом подвижных пластин, резко сжал и разжал руку, привыкая к охлаждающему кожу металлу оружия. Как он и предполагал, перчатка оказалась на удивление легкой, почти не оттягивающей плечо. В полированных чешуйках отражалось красное небо, крася перчатку в свежую кровь. Теперь ему принадлежала одна из жемчужин Императорского арсенала, и тоэх не мог представить себе противника, способного противостоять этому оружию.

Сражаясь с желанием никогда более не снимать ее с собственной руки, он все же растянул перчатку, очень осторожно откладывая на откинутую крышку ящика. Овилла опустилась рядом на колени, пальчиками перебирая вязь брони. Стараясь не смотреть на то, сколь бесстыдно демоница прикасается к его оружию, Киоши извлек из футляра тяжелый бронзовый многогранник, усыпанный рельефными письменами. Следом за многогранником на траву последовали девять шаров для установки Порталов, тяжелый кошель и несколько подробных карт, изображающих как орбиты перемещения парящих монолитов Тоэха, так и земли Мидзури.

Киоши рассматривал дары Магистра, а Овилла наконец-то убрала руки от латной перчатки, сосредоточив свое внимание на увесистом желтом многограннике.

— Знаешь, что это?

— Нет.

— Это бомба. Именно с ее помощью ты должен уничтожить Камень в стадии сборки. Количество нажатых рун равно временным циклам, поворот верхней плоскости устанавливает силу взрыва, эти впадины обеспечивают узнавание свой-чужой. Механизм активации находится вот здесь, снизу.

Не сводя с бомбы глаз, Киоши встал, вновь поднимая перчатку, не в силах отказать ее зову и притяжению. Сейчас, он был уверен, что ни один суэджигари не устоит под ударом подобного оружия... А это значит, что он в силах пройти Портал и сделать то, что не удалось его двойнику.

Юноша замер, наслаждаясь ощущениями властной мощи, переполнявшими душу. Он чувствовал, как застенчивый ветерок шевелит жесткие звериные волосы на его плечах и спине, чувствовал запах пота, почти неуловимые ароматы усыпающих кустарники цветов, прелой листвы и ядовитой воды источника, изнуряюще-сухой запах кожи суккуба. Он ощущал себя частичкой родного мира, крохотной, но всеильной песчинкой, способной сворачивать горы.

Двигаясь скупой, словно неловким жестом опасаясь разрушить ауру мощи, исходящую сейчас от него, Киоши повернулся к демонице. Строчки, неровные и заляпанные пятнами засохшей крови, проплыли перед глазами. Он склонил голову, внезапно осознав, что тайник за жилищем Слизня раскрыл еще далеко не все свои секреты.

Густая роща шумела ветвями на дальней стороне ручья. Длинные широкие листья, похожие на наконечники охотничьих копий, клонились к воде, покачиваясь над тягучей жидкостью, но прикасаться не торопились. В одном месте, словно приглашая, стена ветвей расходилась в стороны, давая понять, что там, чуть глубже, что-то есть...

Овилла без труда догадалась, о чем думает Киоши, но не сдвинулась с места. Лишь посмотрела на него снизу вверх, проследила взгляд, прищурилась и опустила бомбу обратно в ящик. Лицо суккуба вдруг очертила усталость, резкие непрошенные морщины пролегли вокруг рта. Конечно, она догадалась...

Киоши молча двинулся мимо, бережно и аккуратно коснувшись пышных волос — так заботливый пахарь идет по полю, прикасаясь к колосющимся побегам.

По трем круглым камням тоэха перешел ручей, оставляя водоем за спиной.

Теперь он отчетливо слышал собственный голос, долетающий откуда-то издалека, возможно, из-за края времен. Голос утверждал, что именно от этого он старался уберечь Киоши, пока тот еще жив. Он рассказывал, что сила тоэха, мидзури, человека или суэджигари иллюзорна, как дымные образы Мокено или магические декорации Слизня. Он сетовал, что молодой Мацусиро все же уверовал в эту ложную силу, решившись повторить ошибку.

Юноша невольно взглянул на перчатку, буквально вибрирующую от переполнявшей ее уверенности и отваги, и столь же невольно отвел этот взгляд.

Раздвигая коренастые влажные ветви, по короткому земляному склону он выбрался на крохотную поляну, окруженную плотной стеной переплетенных деревьев. В том месте, где растений когда-то коснулось заклинание, не росла даже трава, очерчивая в центре лесного убежища круг правильной формы. А в центре круга...

Не каждому доводилось стоять у надгробия собственной могилы.

Теперь Киоши испытал это.

Казалось, поляна поглощает звуки. Стихли пронзительные крики птиц в небесах, шум ветра, тяжелый гул монолитов, проплывающих по своим причудливым дорогам высоко над головой. Подобное Киоши испытал, читая письмо, и вот опять... Погасли краски, стадиво утихли звуки, воздух стал пресным и затхлым на запах. Живым оставалось лишь место в центре выжженного круга, где сиротливо возвышалось широкое, на двоих, каменное ложе. Старые кирпичи могильного алтаря почернели и растрескались. Массивная каменная плита смотрела на Киоши сквозь время глазами самого Киоши.

— Я услышал тебя, брат, — Киоши не заметил, как сказал это вслух, но слова растаяли в воздухе, не дав лишним звукам осквернить безмятежность лесного склепа.

Потом он будет думать, что решение пришло к нему само собой. Еще позже поймет, что с того момента, как неподалеку от безымянной скотобойни он взял в руки плотный желтый конверт, решение начало зреть, готовясь упасть в окованную железом руку. В этот же момент оно пришло, словно волна сухого ветра в лицо, прыгнувшая со старого

могильного камня, пеплом сожженных тел отметая прочь и жалость, и вину.

Дойдя до Буредды, он узнал, что должен следовать пути тоэха. Пути воина.

Вернувшись с этой древней горы, он понял, что даже самый тонкий расчет противника разрушается непредсказуемостью.

В последний раз взглянув на собственную могилу, Киоши двинулся обратно, более не оглядываясь. В несколько плавных прыжков миновал заросли, пересек ручей, вырос за спиной по-прежнему сидящей на корточках демоницы. Суккуб отодвинула ящик, поднимаясь на ноги, и мышцы ее напряглись. Даже не оборачиваясь, она почуяла тревожное возбуждение, исходящее от юноши. Стараясь не делать резких движений, наконец повернулась к нему. Тут же отступила на полшага, углядев в глазах молодого тоэха что-то мрачное, сильное, опасное.

— Марвин послал тебя наблюдать за мной и убедиться в том, что я миновал Портал сквозь время? Чтобы не дать мне шансов на сомнения, так? А если понадобится, то и пройти вместе со мной, ради блага Империи, ведь так?

Киоши стоял неподвижно, опустив длинные руки вдоль поджарого волчьего тела, но произнес вопрос таким тоном, словно латная перчатка с коротким клинком на запястье была приставлена к горлу Овиллы. И та сразу же поняла это, медленно и опечаленно покачав головой.

— Я знала, что ты заподозришь. Но ответу отрицательно. В мои задачи входило лишь отдать тебе оружие и отвести к Слизню. Марвин не приказывал мне следить, а тем более, жертвовать жизнью, отправляясь в Портал следом за тобой.

— Ты так и не назвала причину, по которой решила идти со мной...

— Назвала. Если бы ты захотел, ты бы услышал.

— Однако сейчас я хочу спросить о большем. И ответ должен быть прямым, четким, уверенным. Иначе нельзя, — голос Киоши стал шепотом. — Скажи, если я не пойду в Портал, что ты предпримешь?

В глазах суккуба плеснуло пламя, один единственный язычок, вспыхнувший и погасший. Она посмотрела куда-то за плечо юноши, еще раз покачав головой.

— Там, в роще за ручьем, мы умерли вдвоем. Однажды я уже последовала за тобой, нарушив приказ Сконе, и ты своими руками возложил мое тело на погребальный костер. Так отчего ты думаешь, что я не последую за тобой вновь?

— Я не собираюсь проходить Портал, — Киоши еще резче понизил голос. Теперь тот звучал, словно прикосновение опадающих листьев к стоячей воде, но демоница все еще могла слышать его.

— Я хочу знать, что ты задумал, — так же бесшумно ответила она, но тоэх сделал свободной от оружия рукой небрежный жест.

— Не сейчас. Если они поймут, все пропало...

Взгляд его упал на ящик, извлеченный из тайника, метнулся к склону.

— Собери снаряжение и жди меня здесь.

Останавливаться было поздно. Задержись сейчас он хоть на мгновение, чтобы еще раз все обдумать или оценить принятое решение, и все пошло бы по-другому. Не было бы войны, предательства, рек крови и зарева пожаров, а смерть нашла бы Киоши Мацусиро совсем иначе. Но он не остановился. Не замешкался и не задумался. Сжав стальную руку в кулак, прыгнул на склон, в один скачок оставляя водоем и демоницу за спиной.

Пружинистой, напряженной походкой он двинулся в сторону дома Императорского Ткача, осматриваясь и нюхая воздух. Сейчас, как никогда более, юноша был похож на огромного полу-волка, полу-человека, и если бы не сверкающее оружие на правой лапе, случайный свидетель мог бы принять его за животное. Киоши понимал, что должен спешить. Падальщики уже заподозрили отступление от прежнего сценария, заволновавшись.

Легкой рысью достигнув единственного дверного проема, Киоши скользнул в сумеречную прохладу каменного дома. словно живая, догадавшись и предвкушая, перчатка хищно щелкнула, еще удобнее гнездясь на руке. Прищуром палача сверкнул клинок. Юноша

торопился, потому что уже начинал чують чье-то присутствие. Чужое.

Слизень более не дремал. Управляя сразу двумя десятками Нитей, он продолжал смешивать, растирать и измельчать различные субстанции, одновременно что-то уточняя в фолиантах и без усталости опробуя полученные снадобья и элексиры на специально приготовленных Красных.

— Приветствую тебя, путник... — склянки в воздухе замерли на мгновение, после чего опять пришли в беспорядочное движение. — Представься (ш-ш-шпаа), пожаловавший в мой дом, и расскажи, как ты смог миновать защитные заклинания, уберегающие мое жилище от непрошенных гостей? Если ты столь силен, нам будет о чем поговорить, обсуждая суть материй и материю сути... — водянистые глаза безумного Ткача прокатились под поверхностью его тела, когда растекающаяся туша медленно поплыла к дверям. — Мне кажется, молодой демон (ш-ш-шпаа), мы уже встречались, не так ли? Сколь тесны наши миры...

Овилла, все же ворвавшаяся следом за Киоши, опоздала буквально на доли мгновения.

Тоэху хватило ровно одного короткого удара. Слизень не успел понять ничего. Не успел среагировать, не успел сменить тело, не успел защититься Нитями. Он даже не заметил, как тень перечеркнула комнату, а в воздухе мелькнула изящная латная перчатка. И вот этот необычный Ткач уже растекается по полу комнаты. Здоровенные овальные глаза наконец-то остановились, остекленев и мутнея с каждым новым вздохом, покрылись сетью трещин. Бутылечки и черепки, висящие в воздухе, разом посыпались вниз, громко и со вспышками разбиваясь о столы, помещение наполнил резкий неприятный запах, а от трупа начал подниматься прозрачный дым.

Все еще не разжимая сведенных челюстей, Киоши выпрямился, стряхивая с перчатки свернувшуюся в желе кровь.

— Это было совсем не обязательно...

Овилла устало прислонилась к дверному косяку, опуская длинный ящик к бедру и придерживая его хвостом. В свете, падающем внутрь дома через пустой проем, ее силуэт показался Киоши воистину безупречным. Огненно-золотистые волосы кипели, обрамляя совершенный овал лица, но лицо это оставалось печальным. Такое выражение посещает лица всех живых существ в тот момент, когда они вынуждены осознанно совершить ошибку и понимают, чем придется расплачиваться.

— Я уверен, ты поймешь меня, — Киоши шагнул к выходу, расстегивая ремни перчатки. Под ногами хрустело и хлюпало. — Если бы эта сбрендившая, но уникальная гора жира досталась суэджигари... Я уверен, Овилла, что после нашего прохода в прошлое Стервятник все равно убил бы его... Ставки слишком высоки.

Суккуб лишь вздохнула в ответ, шагая внутрь и волоча за собой ящик. Киоши остановился напротив, стараясь заглянуть в глаза.

— Возможно, ты прав, Киоши, — она прислонила ношу к краю одного из столов. — Но впредь хочу просить тебя, прежде чем совершить подобный поступок, посоветоваться со мной... Можешь расценивать это, как приказ члена ордена Спокойного Сна.

— Прости, у меня не было выбора. Он уже здесь.

— В этот раз прощу.

— Ты все еще хочешь идти вместе со мной? Куда бы я не отправился?

— Не задавай мне этого вопроса.

— Тогда я...

Ветер взбесился в мгновение ока, не дав закончить фразу и мысль. Взбесился, превратившись в ураган и охватив дом мертвого Ткача в кольцо. Подхватил струи песка, поднимая в воздух камни и куски дерна, швырнул в здание, взвыл раненым зверем. Стих так же внезапно, растаяв с завыванием. Красные Нити тревожно заколыхались, когда обожженная плита могильного костровища с грохотом упала во двор. Вонзилась в землю строго вертикально, утонув на четверть, змеями длинных трещин разламываясь на куски.

— Ты злишься, ублюдок, — Киоши оттолкнул суккуба, становясь лицом к дверям и

вновь одевая грозную перчатку, — потому что проиграл! Ну, так где же ты? Выйди и отомсти! Можешь и братца своего прихватить... — последние слова юноши стали почти неразборчивы, потому что напоминали хищный звериный рык.

Ревущий ветер мгновенно стих, теперь беспокойным бродягой мечась по площади перед домом и посвистывая в оконных проемах. Медленно оседала встревоженная пыль, уцелевшие на окнах ставни скрипели в наступившей тишине. Плотная серая мгла начала сгущаться за дверью. В клубах ее, выступив из-за осколков могильной плиты, показался размытый высокий силуэт. Плащ, поддерживаемый ветром, колыбался почти параллельно земле, грозясь вот-вот сорваться с правого плеча. Два безупречных боевых заклинания — серые с черными пятнами, целиком свитые из Нитей громадные дикие коты — мягко двигались подле ног Тоэши-Набо. Суэджигари остановился.

— Трижды неразумный поступок, щенок, — призрачные коты с шипением оскалились, подергивая длинными хвостами, и грациозно двинулись вперед.

Киоши выхватил из рук демоницы ящик, с грохотом укладывая его на пол прямо на остатки Слизня. Щелкнул замками. Не глядя протянул бронзовый многогранник за спину, и Овилла поняла тоэха без слов, забирая бомбу. Юноша закрыл длинный ларец, подхватывая. Настороженно выглянул наружу — коты, придиричиво обнюхивая вход, замерли, беззвучно скаля клыки. Казалось, они обсуждают тактику атаки.

Киоши поднял вверх один палец, и суккуб кивнула, с щелчком проворачивая плоскости многогранника.

Тоэх отошел к дальней стене и пригнулся, примеряясь к прыжку. Кладка была старая, разошедшаяся, и оставалось лишь надеяться, что перекрытия не обвалятся в тот же миг...

— Ты побежден, пожиратель падали! — коты остановились на пороге, глазами Тоэши рассматривая дом, и Киоши еще сильнее повысил голос. — И теперь ты ничего не сможешь поделать с этим! Ты даже поймать меня не можешь, повелитель пыли!..

Коты неспешно двинулись внутрь, шерсть на их загривках приподнялась, хвосты молотили по бокам. С тяжелым презрительным шипением сам Стервятник пошел вперед, небрежно перешагивая через разрушенную могилу. Он раскинул в стороны руки, и боевые заклинания приготовились к броску. В этот момент Киоши рванулся прямо в стену. Приложился тяжело, со всего размаха, понимая, что второго удара ему сделать не дадут. Кладка прогнулась, с гулом поддалась, и ряды кирпичей с треском вылетели наружу. Прижимая к груди ящик, юноша растворился в туче пыли.

Овилла мгновенно отпрыгнула к пролому, по дуге отбрасывая тяжелый многогранник в центр комнаты. Животные в замешательстве пригнулись. Один из них метнулся вслед беглецам, щуря серые глаза, но замер, склонившись над тускло поблескивающей среди мусора бомбой.

Недобро улыбаясь, на пороге убежища мертвого Ткача возник Тоэши-Набо. Колдовские звери обернулись на его силуэт, против воли поджимая хвосты.

Бомба защелкала, разворачиваясь.

Чудовищной силы взрыв настиг тоэхов, когда поляна и дом уже скрывались из виду на огромной скорости. Обхватив демоницу свободной рукой, Киоши молнией перемещался по крепким ветвям массивных деревьев, как можно скорее уходя вглубь острова. Правое плечо, принявшее удар старой стены, саднило и постанывало, но даже по первым ощущениям юноша понимал, что кости уцелели.

Огненный столб со стоном взметнулся до низкого красного неба, рухнули камни и обломки крыши. Будто снег, посыпался крупный пепел. Уже через минуту все стихло, и Киоши мягко спрыгнул на землю, отбрасывая ящик.

— Кажется, мы только что смогли одержать первую победу...

Но это прозвучало, как вопрос.

* * *

Смерть. Его собственная смерть...

Киоши никогда не думал, какой она будет. Тысячи тысяч форм ее проплывали в голове, но исход был один. Ярко-красная воронка Ямы стремительно приближалась. Вот неровные стены, вот полыхающий в бездне огонь... Лица. Лица давно ушедших. Сотни и сотни миллионов канувших в вечность. Лишь суэджигари умирают без остатка, остальные отправляются в Яму. Отец, там ли ты?..

— Что ты намерен делать дальше?

Овилла чуть настойчивее ткнула его в бок. Повторила вопрос.

Киоши стряхнул полудрему и снова обнял ее, словно это все объясняло. Тени раскидистых крон причудливо бегали по их лицам. Красный мир над головами был спокоен и свеж.

Что дальше? Самый простой вопрос, способный поставить в самый глухой тупик. Тоэх потянулся, улыбаясь. Дальше — все что угодно. В душе юноши цвело убеждение, что своей первой победой они наконец-то смогли сломить что-то неизбежное, предначертанное. Смогли пройти против течения и остаться живы. Вдвоем.

Что же дальше? Обрушены мосты, ведущие назад. Танара канул в небытие, и Киоши еще предстоит узнать, какая судьба постигла следопыта. Охотник потерял след. Борис Конта, скорее всего, просто мертв. Тоэши-Набо кусает локти, как и его близнец... Возможно, один из них даже погиб или ранен, хотя искренне верить в это было бы ошибкой.

Но самое печальное, это сорванная ставка Марвина Сcone. Из всех грядущих опасностей именно эта казалась Киоши наиболее опасной. Особенно учитывая уход из ордена Овиллы. Предательство, вот как назовут битву в доме Слизня разведчики Спокойного Сна. Измена, мятеж, заговор. План Магистра лопнул, сорвался на корню, а это могло означать в дальнейшем только крупные неприятности. Всего раз встретив Сcone, юноша мог поклясться, что этот демон не прощает обмана или неподчинения...

Значит, нужно вновь бежать. Спрятаться, отлежаться. Убедиться, что погоня стихла. Нужно где-то укрыться. Укрыться и хорошо подумать, все взвесить. Исчезнуть там, где никакие силы, ни враги, ни вчерашние союзники, не смогут найти. Безусловно, это почти невозможно — Тоэши-Набо смог догнать его даже в прошлом, и он, конечно, рано или поздно снова выйдет на след. Но хоть немного времени получить они смогут.

— Нам нужно убежище, — наконец произнес юноша, не открывая глаз.

Овилла окинула с лица рыжую прядь, и Киоши невольно разлепил веки, теперь совершенно серьезно глядя ей в глаза.

— Нам нужно надежное убежище, — повторил он, — и время для поиска союзников.

Суккуб не менее серьезно кивнула в ответ, хмуря брови, и юноша медленно вздохнул полной грудью. Демоница согласилась — не передумала, не повернула вспять, не попыталась убедить его попробовать все исправить. Это обнадеживало. А еще тоэх понимал, что та не испытывает ни малейших угрызений совести — ни по поводу своего решения или убийства безумного Ткача, ни по поводу вынужденного отступления. И это учитывая, что Марвин, наверняка, уже отдал приказ о ее аресте... Именно эта странная внутренняя сила, произрастающая откуда-то из глубины демонической души суккуба, притягивала Киоши, и он с удовольствием отдавался этому притяжению.

— На Землю мы возвращаться не можем, — Овилла задумчиво покусывала блестящий коготь. — Логично предположить, что там мы станем легкими мишенями. Мидзури, естественно, также закрыта для наших визитов. Остается подумать о Тоэхе.

— Магистр, наверное, уже ищет нас...

Киоши произнес это, невольно удивляясь спокойствию собственного голоса. В словах юноши сквозила уверенная изморозь... Или полнейшее равнодушие к дальнейшей судьбе, какое бывает у многих существ, не по собственной воле вынужденных ввязаться в столь серьезную и рискованную игру.

— Полагаю, ты лучше меня знаешь принципы работ агентурных сетей ордена. Можешь найти место, где власть Спокойного Сна наименее сильна?

— Мне кажется, — демоница приподнялась на локте, продолжая хмурить брови, — я знаю такое место.

Она помедлила, рассматривая игру теней на упругих листьях деревьев. Куснула губу, но продолжила:

— Полнейшей безопасности оно нам не гарантирует, но агентов ордена там меньше, чем где бы то ни было на Тоэхе. Соблюдая свод определенных правил, там мы какое-то время сможем оставаться в тени и для Тоэши, и для ищеек Мишато. Если станем тенью, сами Держатели не узнают, где мы легли на дно.

Выдержав еще одну паузу, суккуб взглянула Киоши в звериные глаза и тряхнула головой:

— Я говорю о Гив-Назандаре, городе бандитов.

Эпизод X. Проклятый город

Многообразие городов миров Креста способно поразить воображение любого разумного существа. Их лики разнятся, как и обитатели — города бывают большими и маленькими, густо и не очень населенными, широкими, раскинувшимися на многие акры, или же совсем небольшими, уютящимися на кусочке скалы или скудной почвы. Города бывают современными и древними, многоярусными, похожими на лабиринты, или простыми, как оструганная доска. Напоминают башни с лентами переходов и километровыми перепадами улиц, издали похожие на пчелиные ульи, или же выглядят, как куча дерьма, насыпанная посреди равнины. Они бывают высотными, простирающимися к небу шпили домов и часовен, а бывают до ужаса убогими, словно бы размазанными по земле, на которой стоят. Бывают укрепленными, обнесенными неприступной стеной и рядами мрачных башен, но бывают и свободными, не ведающими страха. Они бывают торговыми и военными, цветущими и заброшенными, дерзкими и смиренными, злыми и доброжелательными, жадными и щедрыми. Города — лишь зеркала, в которых отражаются души населяющих их жителей.

Но когда все мыслимые и немыслимые стили, эмоции и настроения уживаются в одном месте, оно называется — Гив-Назандар, также известный среди жителей Тоэха, как Опасный или Проклятый город. Столица бандитов и ублюдков, город самой отборной падали демонического мира, где воплощаются в реальность все пороки и грехи трех миров. Падут небеса, и великие войны без оглядки захлестнут существующие расы, поглощая все живое в языках пламени, но Назандар будет стоять вечно, как зародился сотни веков назад. Возможно, размышлял Киоши, каждый луч Креста, как и в случае с местом силы, имеет такой город, подобно сливной яме стягивающий под свои гнилые стены весь смрад главенствующей расы.

К его печали, именно эту сливную яму и имела в виду Овилла, когда рассказывала о месте, способном стать их убежищем. Головокружительно-огромный по площади, Проклятый город лежал на поверхности сразу шести летающих островов-монолитов, сцепленных меж собой древними заклинаниями. Его дряблый и развалившийся периметр пытались очертить несколько рядов стен, местами уцелевших, местами превратившихся в прах. Огромным кишачим муравейником виделся город сверху летящим по дорогам сфер, и перед мерзкой личиной его отворачивался сам Император.

Казалось, словно все когда-либо существующие в мирах Креста расы и народы внесли свою лепту в строительство города. Ни одного одинакового дома нельзя было встретить на узких душных улочках и огромных, но изветшавших проспектах. Количество храмов Назандара, как живых, так и заброшенных, упорно соревновалось с количеством процветающих таверн, публичных домов, рюмочных, притонов, забегаловок и постоянных дворов. Легальные и подпольные рынки, места для проведения боев и скачек на верховых животных, целые кварталы ночлежек и шикарные усадьбы богатых бандитов, могучие, неприступные форты отдельных кланов и диаспор, остатки укреплений городских стен —

все это, как изодранная одежда, из которой вечно пьяный и немывтый увалень давно вырос — все это в полнейшем беспорядке захламляло земли Гив-Назандара.

Нити здесь умерли. Их элементарно не хватало жителям, исчерпывающим Ключи с невероятной скоростью. Исчисляющиеся сотнями, остатки высохших заклинаний и редкие Красные перья тумана лениво шевелились под дурно пахнущим ветром. Только особо богатые, бережливые или умелые строили свои особняки и крепости на редких Источниках, стараясь осторожно, запасаясь впрок, пользоваться энергией Нитей.

Длинные тонкие трубы без устали изрыгали в темно-багровое небо струи огня, отчего над домами и улицами висела плотная пелена постоянного смога, в основном состоящая из едкого дыма — местные Ткачи не оставляли попыток добычи дополнительной энергии для жизнеобеспечения города. С помощью заклинаний и специальных машин, пронзая насквозь материю самого Тоэха, они отнимали у родного мира хрупкие новорожденные Нити, едва проклеивающиеся в незримом пространстве.

На протяжении сотен тысяч переливов велась эта опасная игра, и время от времени Держатели отвечали нагледцам, посягнувшим на основы мироздания. Отвечали злобно и без пощады, и тогда город сотрясался сериями взрывов. Однако и сотни смертей не могли удержать практикующихся в своем могуществе беглых Ткачей — в основном, ренегатов, а также бандитские кланы, торгующие новорожденной Тканью. Заводы и лаборатории работали на износ, перелив за переливом засоряя небо над Назандаром шлаком, остаточными продуктами распада не успевших прорости Нитей и выбросами неудачных заклинаний. Держатели хмурились в низком живом небосклоне, с болью наблюдая за убивающим себя городом. Священники и мудрецы отчаянно проповедовали, что Высокие Хранители отвернулись от Гив-Назандара, навеки прокляв Падший город, потерявший всякие ценности.

Этот город никогда не спал, постоянно пребывая в едва заметном со стороны движении, словно облепленный насекомыми, медленно разлагающийся труп. Полноводными реками текли вино и заклинания, заключались сделки всех мастей и масштабов, под продымленными сводами харчевен вербовались смельчаки и продавалось награбленное. Здесь торговали всем — от драгоценных камней, до человеческих душ. Постоянные драки и непрекращающиеся уличные войны давно стали привычным делом, унося в Яму все новых и новых жителей. Цена жизни здесь могла легко упасть ниже стоимости стакана дурманящего вина. В этом месте выживали лишь быстрые и сильные...

Гив-Назандаром не правил никто, им правил хаос. На каждом из шести парящих монолитов заправляли свои кланы и семьи, давно поделившие город на участки влияния и регулярно пытающиеся устроить передел этих участков. Старожилы поговаривали, что в прошлом были времена, когда безвестные ныне безумцы совершали отдельные попытки захватить и централизовать власть над городом, однако итогом было одно — до невероятности кровавые боины, после чего город почти лишался как тех, кто собирался править, так и большинства потенциальных подданных.

Император же и вовсе не пытался прибрать к рукам беспокойную провинцию, осознавая, какую цену придется заплатить, если в городе попытаются навести подобие порядка. Тем временем, знающие поговаривали, что за немалой частью крупнейших сделок Назандара стоят именно демоны из ближайшего окружения правителя, так что очевидная свобода и разнузданность города не удивляла никого.

Отряды отпетых ублюдков, профессиональных бандитов, авантюристов-одиночек, торговцев и контрабандистов, наемников, убийц и беглых каторжников, младших и старших демонов, Ткачей и низших, группировок и пантеонов — миллионы демонов питали гниющий город, описания которого Бактияр когда-то находил в самых мрачных человеческих историях под названием Ада. Но Овилла была права — сильный и ловкий тоэх мог спрятаться и в этом Аду.

Киоши накинул на плечо сумку, скрывавшую богатства тайника Марвина Сcone, и пригнулся, направляя сверкающий пузырь дороги сфер вниз, к пестрому лоскутному покрывалу городских улиц. Прозрачный невесомый шар вклинился в плотный поток сфер и

демонов самых разных размеров, заполняющих пространство над городом. Проплывая в опасной близости от расстреливающих прожженное небо столбов прозрачного синего пламени, тоэхи парили над Назандаром, разглядывая тусклые калейдоскопы проносящихся мимо переулков и подныривая под арками стройных мостов.

У каменного пирса, прилепившегося к бедру уродливой квадратной башни, Киоши остановил плывущую по липкому канату капсулу, внимательно осматривая заполненный назандарцами причал, ветшающую стену строения и оживленную улочку у подножия башни. Нога юного тоэха не без опаски ступила на черный от гари и крови камень Гив-Назандара.

Едва не сбив путешественников с ног, к освободившейся сфере бросились сразу трое демонов, как и Киоши, лишенных способности самостоятельно летать. Тот оскалил зубы, отшатываясь с дороги, но в перебранку вступать не стал. Влившись в поток толпящихся на пирсе в ожидании свободного шара, суккуб и ее спутник по широким ступеням спустились с причала, старательно запоминая разветвления мостов, лестниц и улиц этого района города.

Неширокая, мощеная грубым темным камнем, ближайшая к станции сфер улица по всей протяженности была усеяна различными питейными заведениями. Самые разномастные демоны заполняли ее, шатаясь вдоль строений как целенаправленно, так и не очень. Из притонов постоянно кто-то выходил, кто-то стремился внутрь, шумно и, чаще, компаниями. Из открытых окон доносилась музыка, пьяные песни, рычание и смех.

Прямо у спуска с лестницы двое одурманенных низших, крепко вцепившись друг в друга, пытались подняться из заполненного болотной жижей водостока, протянутого вдоль улицы. Обнаженные суккубы недвусмысленно курсировали от таверны к таверне, стреляя глазами и призывно виляя бедрами. Неприметные фигуры, закутанные в темные, часто магические плащи, сновали по переулкам — озираясь по сторонам, они передавали друг другу какие-то свертки и пакеты. В дальнем конце улицы двое тоэхов, похожие на длинных тощих гиен, упоенно рвали на куски душу человеческого подростка, купленную в соседней лавке. Киоши оскалился, поморщившись, но демоница легко сжала его запястье, и тот лишь тяжело, с едва слышным рыком, вздохнул, поникая плечами.

Читая вывески, они двинулись по улице, постаравшись слиться с толпой, и довольно скоро остановились перед массивным двухэтажным зданием с полинявшей вывеской, почти оторванной от креплений. В окне таверны показалось луновидное лицо карлика. Скаля желтые клыки, тот неспешно облизывал пену, венчающую тяжелую деревянную кружку в его руке. Овилла развернула Киоши к себе лицом, стараясь улыбнуться как можно более уверенно, но ей это не удалось.

Вот, значит, куда привели их теперь Пути Держателей... Киоши поймал себя на мысли, что напряжение не покидает его с момента высадки. Здесь, в хаотичных лабиринтах улиц, он чувствовал себя диким зверем, неожиданно сменившим волю бескрайнего простора на душные и опасные стены сомнительного убежища. Ловушки. Клетки.

Тоэхи приблизились к двустворчатой двери, сплошь иссеченной когтями и клинками. Из-за потемневших створок неся ровный гул, нарушаемый выкриками, стуком лавок и посуды, слышалась нестройная песня и пьяный женский смех. Дыхание корчмы, вываливаясь на улицу густым облаком, было полно запахов пота, прокисшего пива и подгоревшего мяса.

— Уверен, что это место ничем не лучше, как и не хуже любого в округе, — юноша поднял глаза, честно стараясь прочесть вывеску. В его голосе с рычанием мешались отвращение и злость. — Думаю, мы сможем остаться здесь на несколько переливов, пока отыщем себе более укромное жилье.

Овилла молча кивнула, тряхнув гривой, но Киоши не испытал радости, рассматривая игру красного света на ее огненных волосах и гладкой коже. В отличие от других городов, где он когда-либо бывал, этот давил на рассудок так, словно хотел поработить с первых же мгновений знакомства. Стараясь не наступить на бродягу, прикорнувшего перед входом, молодой тоэх толкнул двери, без всякого желания шагая в недра "Хрустальной арфы Ниамора".

Как и ожидалось, внутри оказалось значительно темнее, и Киоши прищурился, изменяя зрачок и присматриваясь к полумраку зала. Довольно узкое с фасада, в глубину здание оказалось значительно больше — его дальняя стена с лестницами на второй этаж терялась в продымленной светильниками мгле. Зал корчмы заполняли тяжелые широкие столы, окруженные грубыми скамьями. Подпирающие низкий потолок столбы были обильно увешаны плащами посетителей и коптящими лампами. Вдоль стены слева, начинаясь сразу за глотающим пену карликом, тянулась длинная стойка, за которой высились ряды пузатых пыльных бутылей.

Публики в таверне, как уже успел рассмотреть юноша, оказалось немало, о чем свидетельствовал ощутимый даже на улице гул. Закутанные в тени силуэты тоэхов занимали практически все свободные места в зале. Демоны пили, играли, спорили и заключали сделки, не устывая заказывать новые порции выпивки.

Едва створки двери сдвинулись за спиной Овиллы, сидящие у выхода притихли, обрывая разговоры и с интересом рассматривая вошедших. На лицах суккубов замелькали плотоядные улыбки, а Киоши, неожиданно смутившись, вдруг вспомнил, что так и не раздобыл себе одежды. Как и повсеместно на Тоэхе, мода на одежду оставалась сугубо личным делом, но негласно считалось, что в больших городах принято хоть как-то прикрывать собственное естество.

Киоши заставил себя сделать шаг вперед, и замершие в ожидании пьяницы вновь ожили, потеряв к вошедшим интерес. Над столами снова зазвенел женский смех, полилась оборванная на полуслове песня. Демоница, ощутив сотрясающую ее спутника дрожь, прикоснулась к его плечу. Ничего не сказала, но и тот не торопился выплескивать свои эмоции. Он — чистокровный джегал из высокого Дома должен скрываться в этой грязной, всеми Держателями забытой дыре. Киоши презрительно сплюнул на бугристый, едва присыпанный старой соломой пол и направился к стойке, стараясь не задевать окружающих.

Одиноким и огромным, занимающим больше половины лица глаз хозяина, окруженный множеством крохотных рогов, уставился на Киоши. Хозяин наклонился вперед, широкими ладонями опираясь на темную каменную плиту, выполняющую роль стойки.

— Мне нужна комната, — юноша старался, чтобы в его голосе не была слышна откровенная неприязнь, способная сейчас испортить все. — Комната на двоих, для начала на три перелива, до второго Просветления.

Ярко-желтый зрачок хозяина корчмы скользнул вправо, изучая стоящую поодаль суккуба. Догадавшись, Киоши немедленно запустил руку в мешок, нащупывая кошель. Выложенные на стойку монеты исчезли с нее так быстро, что движение руки трактирщика заметил бы далеко не любой тоэх. Хозяин мгновенно оживился, отчего окружающие глаз рожки зашевелились. Его второй рот, расположенный на левом плече, тут же принялся картавить.

— Заплатишь еще столько же, и сможешь забгать угловую комнату в конце когидога, — но пальцы Киоши уже затягивали горловину мешка.

— Считай, что это был аванс, — он обернулся в глубину зала, высматривая свободный стол. — А сейчас принеси нам чего-нибудь поесть и выпить. Живой пищи не надо.

— Газумеется. Непгегменно, господин, — рты хозяина скривились в гротескных улыбках, изображавших покорность, и тот двинулся в комнату прислуги.

Более не удостоив его и взглядом, юноша направился к уже примеченному столу, увлекая за собой спутницу. Сбросил на пол засохшую обглоданную кость, поставил мешок возле лавки, осторожно сел, не переставая осматриваться и нюхать воздух. Суккуб устроилась напротив. Только сейчас Киоши заметил, как напряжены обнаженные плечи Овиллы, как внимательна и осторожна она.

— Я уже бывала в Гив-Назандаре, — та немедленно ответила на его немой вопрос. — Как ты можешь догадаться, выполняла поручение Марвина. Тогда искали государственного изменника. Искали долго, перерыв город вдоль и поперек, но так и не нашли. Потеряли двоих агентов. В итоге, конечно, Магистр послал Ибару, и тот вскоре вернулся, принеся в

корзине голову преступника. Но время, проведенное здесь, позволило мне хотя бы немного узнать город. После того, как мы поедем и отдохнем, будет необходимо обзавестись одеждой, после чего я попробую кое-кого найти.

Киоши согласно кивнул. К столику подковылял низший, с грязного подноса расставляя перед ним тарелки со снедью и узкую бутылку со стаканами. Рассматривая даже эти нехитрые закуски, второпях собранные на кухне, юноша все равно услышал, как у него заурчало в животе. Расплатившись со слугой, они принялись за вяленое мясо и светлое кислое вино, ни на миг не прекращая украдкой рассматривать зал таверны.

В который раз за последнее время Киоши поймал себя на мысли, что невольно вспоминает о Танаре. О ловком и потертом судьбой проводнике, чувствующем себя в любой корчме, словно рыба в толще воды. Насколько иначе могла бы сложиться жизнь мидзури, не согласись тот вернуть старинный долг Виктору Конте? Где он сейчас, жив ли? На этот вопрос могло ответить лишь одно живое существо, но тоэх верил, что когда-нибудь настанет день — и он спросит с Тоэши-Набо. С пристрастием.

Вычищая уже вторую тарелку, юноша не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. Наверное, это вполне характерно для кабака, где рассматривают тебя и рассматриваешь ты. Но Киоши знал, что даже из сотни равнодушных взглядов можно выхватить единственный, цепкий и внимательный, несущий в себе совсем другую энергетику. Придвигая к себе блюдо речных осьминогов, завернутых в бледно-зеленые водоросли, он уже наверняка знал, что из дальнего конца зала, от самой темной стены трактира на него устремлен именно такой взгляд.

За намеренно погруженным в густую тень столом разместились двое взрослых тоэхов, закутанных в теплые бесцветные плащи. На жестких воротниках, излучая мягкий блеск, покоились лоснящиеся львиные гривы, старательно ухоженные и заплетенные в косы. Киоши знал, что львиная форма являлась одной из наиболее популярных среди тоэхов, много времени проводящих на Земле. Обычно ей пользовались мелкие придворные, путешественники и авантюристы, большим числом успевшие угодить сразу в несколько человеческих пантеонов. Вырвав из мелких щупалец острые когти, юноша вонзил зубы в сочного осьминога, одновременно внимательно и долго посмотрев на Овиллу. Не изменившись в лице, та лишь едва заметно кивнула, отодвигаясь вместе с лавкой и поднося к губам бокал вина.

Тоэхи, наблюдавшие за юношей и его спутницей, решили действовать почти сразу. Не успело опустеть блюдо с осьминогами, как те поднялись из-за стола, отодвигая пустые каменные кружки. Еще плотнее запахиваясь в походные плащи, они двинулись через заполненную посетителями залу, ловко лавируя среди столиков и лавок. На свету коптящих ламп стало заметно, что усы на кошачьих мордах аккуратно подстрижены, а у того, кто шел первым, через пустую левую глазницу пролегал длинный боевой шрам. Блестящие звериные глаза менее крупного из пары не отрывались от Киоши, тогда как единственный зрачок старшего был преисполнен показного равнодушия.

Оставив ведомого подпирать деревянную колонну в нескольких шагах от Овиллы, одноглазый приблизился, замирая в ожидании. Не поднимая головы, Киоши отодвинул тарелку, даже не пытаясь прощупать опустошенный зал в поиске Красных. Суккуб продолжала попивать вино, лишь единожды взглянув на подошедшего — снизу вверх, лениво и высокомерно, как это в совершенстве умеют делать демоницы.

— Я мог бы присесть для короткого разговора?

В бархатном голосе демона с мягким урчанием перекачивались круглые камешки. Не дожидаясь приглашения, тот придвинул еще одну лавку, усаживаясь к столу с торца. Теперь было видно, что под плащом одноглазый носил кожаный колет, усиленный бронзовой горжетой, защищавшей его грудь и шею.

— Я тебя не знаю, тоэх, — хрустнув пальцами, как можно спокойнее произнес Киоши, опуская правую руку на горловину мешка. Он буквально чувствовал вибрацию перчатки, изнаывающей от желания. — Что тебе нужно?

Одноглазый не обиделся, будто бы вовсе пропустив слова юноши мимо заостренных ушей.

— Чтобы не отнимать твоего времени, перейду к делу, — он пригладил усы, снова пряча мохнатую когтистую лапу под плащ. Демоница, сидящая слева от него, даже не сменила позы, глядя куда-то в потолок. — Если я ошибся, ты меня поправишь. Если я прав, мы оба останемся довольны. Просто мне и моему другу показалось, но вы двое ищите жилье, деньги и, возможно, несложную работу.

Дыхание Киоши перехватило, и он торопливо глотнул кислятины. Безусловно, он понимал, в какой город его привела суккуб. Конечно, отдавал себе отчет, какого рода публика собирается в заведениях, подобных "Хрустальной арфе". Мог ожидать, что появление новеньких заинтересует местную шваль, бандитов, шлюх или тайных агентов ордена... Но чтобы вот так, едва ступив на землю Назандара, они сразу же привлекли внимание рекрутеров? А еще он подумал, что если появление новых лиц мгновенно становится так очевидно окружающим, им с Овиллой придется большую часть времени оставаться в пределах своей комнаты...

Одноглазый метнул в напарника короткий взгляд, наклоняясь вперед.

— Если я не ошибся в своих предположениях, мой господин готов предоставить сильным и отчаянным тоэхам, желающим подзаработать, щедрое вознаграждение и кров. Конечно, работа связана с определенным риском, но могу заверить тебя, что она оплачивается сполна...

Киоши медленно повернулся к демону, лихорадочно соображая, что ответить. С одной стороны, охватившее его напряжение спадало, но с другой, он хотел как можно скорее избавиться от назойливых вербовщиков. В этот момент Овилла подалась вперед, со звонким стуком опуская на столешницу пустой кубок. Закусив губу и быстро осмотрев всех троих, она изогнула бровь, наклоняясь к одноглазому.

— Что делать нужно, и сколько твой господин готов платить?

Рот Киоши закрылся, спрятав начало неловкой фразы. Он очень хотел надеяться, что сейчас выглядит не предельно глупо — с правой рукой на мешке с оружием, полнейшим непониманием в глазах и скованностью в движениях. Вербовщик, сразу переключивший свое внимание на демоницу, оскалился в довольной улыбке, коротким кивком подзывая к столу напарника. Теперь уселись вчетвером, словно заговорщики придвигаясь друг к другу плотнее. Овилла намеренно не смотрела на юношу, давая понять, что даже самым проникновенным взглядом все равно не объяснит происходящего.

— Деловой подход, ценю, — низко промурлыкал одноглазый, качнув шикарной гривой. — Рад, что угадал в вас единомышленников, считающих, что риск для демона, как небо для птицы. Пока что могу сказать одно — работа, предлагаемая моим господином, не представляет сложности, но связана с применением вашей силы. И еще раз повторю, что она очень хорошо оплачивается...

— Если в момент поступления на службу мы не будем довольны оплатой или поймем, что нас собираются бросить на убой, то немедленно уйдем, — суккуб подлила себе вина, выжидающе посмотрев на рекрутера, но тот глухо усмехнулся, покачивая крупной головой.

— Нет, так не пойдет. Вы соглашаетесь или отказываетесь на месте. Дело в том, что мой господин весьма застенчив и не желает, чтобы подробности его... предприятия были подвержены огласке. Я могу озвучить сумму и, в случае согласия, готов выдать на подпись особый контракт, скрепленный Нитями.

— Сколько? — сухо поинтересовалась Овилла, пряча губы за краем кубка.

В этот момент Киоши почувствовал, как гибкий хвост суккуба бережно трогает его за колено, вежливо предлагая не вмешиваться.

Наклонившись вперед и еще сильнее понизив голос, одноглазый озвучил цифру.

— Мы согласны! — демоница отсалютовала ему вином. — Что дальше?

Вербовщики переглянулись, почти одновременно пригладив усы. Старший кивнул, вновь обнажив клыки в довольной усмешке, и решительно отодвинулся от стола. Киоши,

стараясь не поднимать головы, рассматривал остатки водорослей на тарелке. Тоэх решительно не понимал происходящего, не в силах даже предположить, что за игру неожиданно затеяла суккуб.

— Мы будем ждать в переулке справа от "Арфы". Там обсудим детали, и вы прочтете контракт...

Вербовщики мягко поднялись со скамей, придерживая тяжелые плащи. Молчавший до поры младший из них наконец-то заговорил, кладя мягкую лапу на гладкое плечо Овиллы.

— Кстати, если ваши друзья ищут работу, можете привести их с собой.

И оскалился еще пуще, прищуривая зеленые глаза:

— А ты, красивая, точно знаешь, что брать от жизни...

В ответ суккуб соблазнительно улыбнулась, словно бы невзначай прикасаясь пальцами к лежащей на своем плече лапе, и юноша мог поклясться, что в этот момент глаза спутницы затаили непрозрачным саваном похоти.

Ловко огибая столики, рекрутеры удалились к выходу.

Киоши оставался неподвижен и только сейчас заметил, что когти его левой руки оставляют на досках стола глубокие борозды. Заставил себя расслабить кисть, смочил горло вином. Заговорил негромко, намеренно не глядя на Овиллу:

— Теперь ты можешь объяснить мне, что происходит? Можешь рассказать, почему я чувствую себя законченным идиотом, а ты на моих глазах едва ли не раздвигаешь ноги? Сумеешь подобрать слова, чтобы доступно пояснить мне, зачем ты затеяла эту игру? А может, ты хочешь, чтобы нас продали на крылатые галеры? Или принесли в жертву?

Сдерживая рычание, он все же осмелился поднять голову, мгновенно умолкая под ее спокойным взглядом. Азарт и возбуждение, переполняющее суккуба, исчезли без следа, сменившись брезгливым недовольством. Не торопясь перебивать юношу, она лишь приложила палец к губам. Над столом пролился ее тихий, едва слышный голос.

— Конечно, я могу объяснить, что происходит. И можешь быть спокоен, я не сошла с ума, — демоница наклонилась над столом так низко, что ее левая грудь легла в пустую тарелку. — Просто когда он сел, я рассмотрела цвета туники. И знаешь что я увидела? Красное с золотом — геральдическое сочетание дворянства префектуры Серединного Котла. Ты понимаешь, куда я клоню, Киоши? Это были посланцы лорда Мишато.

* * *

Шею Киоши словно сковало судорогой, и он так и остался смотреть перед собой, безуспешно собираясь с мыслями.

Если Овилла не ошиблась, они только что беседовали с рекрутерами самого беспокойного из всех мятежных лордов Империи. С посланниками князя, который почти открыто заявляет о своей оппозиции Трону, настаивая на войне с миздури. Более того — только что они лично угодили в число тех, кто вербуются для мятежной армии. В наступательные части? В саботирующие отряды, в диверсанты? А может быть, предчувствуя близкую бойню, Мишато формирует дополнительные гарнизонные службы? Или кавертаев, специальные группы для отправки в сердце вражеского мира?

Овилла словно читала мысли. Протянув руку, она коснулась его пальцев.

— А вот это нам и предстоит выяснить, — голос суккуба невольно дрогнул. — Если мы не работаем на Марвина, это не означает, что мы не работаем на Империю.

Киоши притянул вещевой мешок ближе к себе. Распустил завязки, нащупывая завернутую в тряпку пульсирующую сталь перчатки. Опустив руку внутрь, он щелкнул застежками, надевая оружие. Оно радостно взвыло, окутав пальцы теплом, но тоэх заставил себя жестко контролировать рождаемые магией чувства. Он снова закутал перчатку грубой мешковиной и теперь со стороны казалось, что молодой демон скрывает безобразный нарост на своей правой руке. Допив вино, они встали из-за стола.

После темного продымленного помещения таверны по глазам бил даже тусклый цвет

закопченного неба. Киоши и Овилла чуть замешкались у входа в "Арфу", перестраивая зрачки, и двинулись в переулочек.

Казалось, что на улице прибавилось народу. Над головами прошипели, покачивая мясистыми крыльями, два летающих верховых ската с парой суккубов в стоячих седлах. В тупике напротив трое низших бродяг изо всех сил пытались сцедить в треснутую бутылку опробованное здесь же заклинание. Острый край обнаженной Нити торчал из воздуха, мутными каплями стекая в сосуд. Не утерпев, один из низших нетерпеливо подхватил его, под возмущенные крики друзей запрокидывая в зубастую глотку. Замер, довольно кряхтя, передал бутылку соседу, причмокнул губами и внезапно упал на спину, брызжа кровавой пеной. Его собутыльники оторопело взирали на агонию, пока та не утихла, и принялись наполнять бутылку дальше.

Безлюдный переулочек справа от "Хрустальной арфы" был забит большими деревянными ящиками, в большинстве своем пустыми. Сужаясь с каждым шагом, в итоге он упирался в двери кабацкой кухни, сейчас плотно закрытые. Отодвинувшись за нагромождения ящиков так, чтобы было незаметно с улицы, в глубине каменной кишки терпеливо ожидали закутанные в плащи фигуры. Третий демон, чья густая грива оказалась ярко-желтой, сплошь переплетенной блестящими красными лентами, подозрительно уставился на свернувших в закоулочек тоэхов.

— С вами никого? — одноглазый осторожно шагнул вперед, вынимая из-под плаща лаковый тубус на заклётом замке. — Хорошо... В таком случае, приступим к подписанию контрактов. После этого я расскажу подробности и дам указания, где вы сможете получить аванс.

Тряхнув огненными кудрями, Овилла приблизилась к нему почти вплотную.

— Доставай свои бумаги, — суккуб с рассеянной улыбкой наблюдала, как вербовщик открывает замки. — Когда приступаем?

— Уже сегодня вам предстоит покинуть Гив-Назандар и отправиться в указанную префектуру, — глухо ответил одноглазый, недоверчиво взглянув на правую руку Киоши. — После того, как мы оценим ваши умения, будет принято окончательное решение.

— Это нас устраивает, — Овилла пожала плечами и подмигнула Киоши. — Не правда ли?

Юноша так и не усмотрел, когда демоница успела свить заклинание, острой трезубой вилкой посверкивающее в ее левой ладони. Он лишь согласно кивнул, отступая на шаг влево и опуская мешок на один из ящиков. А когда повернулся к скучающим поодаль напарникам одноглазого, старший вербовщик уже напарывался горлом на удар суккуба. Молниеносно отдернув руку, демоница уколола еще и еще, метя ровно над бронзовой горжетой и совершенно не давая опомниться. Вцепившись мохнатыми лапами в ворот колета, одноглазый осел на грязную землю переулочка, истекая кровью. Под отлетевшим краем плаща блеснуло красное с золотом шитье, брякнули висящие на поясе шкатулки и тубусы.

Остальные рекрутеры среагировали мгновенно, бросаясь вперед и выдергивая из-за спин изящные сабли. Давясь собственным рычанием и слюной, побежавшей с оскаленных клыков, они навалились на Киоши. Выскальзывая из водоворота гудящей стали, тот перчаткой блокировал несколько ударов, удивляясь, как быстро движется его вооруженная рука. Казалось, заклётый подарок Сگونه дрался сам, желая, чтобы ему лишь указывали цель. Еще не утих звон железа, как Овилла прыгнула вперед, стряхивая с руки кровавую пену.

— Ты прав, я точно знаю, чего хочу от жизни...

Она улыбнулась томно и хищно, покручивая в пальцах заклинанием. Демоны Мишато пригнулись, с прищуром рассматривая нападавших. Их гривы встали дыбом, глаза сверкали гневом, короткие пальцы судорожно сжимались на сабельных рукоятках. Из приоткрытых глоток донесся монотонный глухой рык, но более вербовщики не произнесли ни звука. Сколь бы неожиданной не стала смерть их старшего, вербовщики продолжали действовать осторожно и профессионально.

Левой рукой Киоши сорвал изрубленную тряпку, посверкивая переливами железных

чешуй.

— Ай-йана-ха! Драка! Драка! Здесь дерутся, сюда!

Крики долетели из-за их спин так быстро, словно оживленная улица только и ждала, когда в дело пойдут клинки. Прохожие и бродячие зеваки метнулись к переулку, толкаясь друг с другом и занимая самые удобные места. Кто-то принялся карабкаться на соседние балконы, цепляясь за края зданий и вывески. Стало слышно, как ударили по стенам распахнутые двери таверны, как опрокидываются лавки, бьется посуда. Те, у кого не было денег на посещение кровавых арен, торопились не упустить внезапного бесплатного представления.

Стараясь не обращать внимания на нарастающий за спиной гул, Киоши начал наступать, двигаясь вдоль левой стены закоулка. Овилла тенью наступала справа от него.

— Ну, ублюдки, — яростно прошипела она, стегая хвостом по растрескавшимся бокам ящиков. — А теперь слушайте. В первом случае, вы быстро рассказываете мне, зачем Мишато послал в Назандар своих аристократов. Во втором, я получаю эту информацию сама, но обещаю, что будет больно.

Вербовщики вновь обменялись короткими, полными ненависти взглядами. Теперь они уже не пытались скрыть под плащами богатую вышивку, одновременно расстегнув накидки и сбросив их на землю. Даже сквозь толстую кожу армейских колетов было видно, сколь сильны противники, и Киоши порадовался, что их осталось только двое. Рекрутеры продолжали пятиться, шипя и брызжа слюной. Из глоток вырывался тяжелый, вибрирующий стон, срывающийся на рычание.

— Прикусили языки? Тогда придется идти по второму пути...

В этот момент, загнанные почти до конца переулка, демоны Мишато одновременно ринулись в атаку. Суккуб в мгновение ока подпрыгнула, опускаясь на высокий массивный ящик, но Киоши не успел рассмотреть большего — отблеск вражеского клинка резанул по глазам, и юноше пришлось отпрыгнуть, сбивая перчаткой. Сталь еще дважды швырнула вверх голов потоки искр, прежде чем сцепившиеся противники ударились в стену — молодой тоэх попытался отбросить противника обратно в тесноту тупика, тот же рвался наружу, в сторону шумной улицы.

С легкостью вырвавшись из захвата Киоши, вербовщик с желтой гривой ударил еще раз, стараясь рассечь врага снизу вверх от самого паха. На этот раз юноша блокировал удар клинком перчатки, бросаясь вперед в надежде сойтись в новом клинче. Сабля вонзилась в угол ящика, с хрустом разлетелись щепки. В следующий миг заклятая перчатка сама перехватила клинок у рукояти, и сражающиеся тесно сцепились, тяжело падая на землю.

Из-за спин летели ликующие крики зевак. Кто-то бил в импровизированный гонг, кто-то свистел.

Киоши уперся ногой в стену трактира, рывком перекатываясь на противника сверху. Тот рванулся ударить клыками, лязгнув белоснежным капканом буквально над ухом юноши, и выскользнул, извиваясь изо всех сил. Взбитая ногами, оседала пыль. Посланец лорда все еще пытался выдернуть зажатый в перчатке клинок, когда Киоши другой рукой рискнул ухватить того за горло. Пальцы его соскользнули, вырвав клочок гривы, и он вовремя отдернул кисть, избегая нового удара зубами.

Наконец Киоши удалось заломить противнику левую кисть, навалиться сверху и надавить, с наслаждением вслушиваясь в хруст костей. Вербовщик дико взревел, с воем бросая саблю и выскальзывая из залома, а его изуродованная лапа безвольно повисла вдоль тела. Глаза демона с желтой гривой засветились угольками, когда он выхватил широкий кинжал, но Киоши, рывком оттолкнувшись от земли, уже прыгал вперед. Удар пришелся в живот рекрутера, прямо в центр изящной кожаной кирасы, пропустившей клинок перчатки, словно масло. Глаза демона тут же остекленели, он все еще пытался вскинуть свое оружие, но юноша ударил еще раз, целя чуть выше. Перехватив лапу с кинжалом, он бил до тех пор, пока мышцы врага не ослабели под его пальцами.

Зеваки дружно взревели, хлопая и стуча по земле всем, чем могли — копытами,

ладонями и кулаками, прутьями и хвостами. Едва не поскользнувшись в расплывающейся луже крови, Киоши обернулся, готовый идти на помощь своей рыжей спутнице.

Но подмога не требовалась. Овилла сидела на шее поверженного противника в узкой щели между двумя ящиками, неестественным образом вывернув правую руку вербовщика поверх его лопаток. Склонившись над пышной гривой, суккуб прижимала свой клинок к подбородку рекрутера. Тот скулил, не решаясь дотянуться до оброненной сабли, и лишь скалил зубы.

Киоши приблизился, подобранной тряпицей отирая с оружия кровь. Овилла коснулась губами острого уха пленника.

— А теперь ты расскажешь, с какой целью Мишато прислал вас в Назандар. Если мой вопрос звучит неубедительно, могу отрезать от тебя кусочек, — демон что-то прорычал в ответ, и рыжая усилила залом.

Толпа, оживленно обсуждая внезапную бойню, начала редеть. Опоздавшие, досадно ругаясь, жадно выслушивали от очевидцев приукрашенные подробности схватки.

Киоши подхватил под плечи одноглазого, подсаживая того к стене. Несмотря на обилие уже запекшейся крови, он знал, что тот, наверняка, еще жив. Юноша откинул плащ, вышвыривая из ножен саблю и кинжал. Когда молодой тоэх прикоснулся к деревянным резным шкатулкам, оттягивающим пояс вербовщика, тот пошевелился в забытии. Овилла продолжала вкрадчивым голосом расспрашивать скулящего врага.

В этот момент в узкий переулочек кто-то вошел. Киоши пригнулся, пряча за спиной насытившуюся перчатку, а суккуб умолкла.

Вовсе не зеваки и зрители пожаловали сейчас к месту боя.

Первым шел высокий тоэх, чье тело почти не отличалось от человеческого. Могучие плечи и бычья шея, сплошь покрытые татуировками, блестели от ароматных масел. Ровно пополам выбритый череп тоже сверкал, остаток пряди закрывал левый глаз и часть иссеченного шрамами лица. Тесный кожаный жилет на обнаженном мускулистом торсе скрипел, грозясь разойтись по швам. Стройные ноги обтягивали облегающие штаны, одна штанина которых была красной, другая синей, убегающие в высокие черные сапоги. Из-за спины выглядывал закрепленный на широком поясе меч, а слева ремень был оттянут изящным шестопером.

Покусывая пухлые губы, незнакомый тоэх остановился поперек переулочка, левой рукой задумчиво потирая подбородок. Его алый, без зрачка, глаз был лениво прикрыт.

За спиной незнакомца, уверенно занимая позиции на входе, разместились еще пять фигур. Двое долговязых в плащах, сжимая в костлявых руках цепи. Убогий карлик, определенно служба. Вооруженная взведенным арбалетом суккуб в железной маске, из-под которой виднелись короткие зеленые волосы. И еще один крепко сбитый демон, какими в человеческих книгах рисуют чертей — здоровенный, с витыми рогами до плеч, сжимающий в ладонях боевую секиру.

Киоши облизнул сухие губы, чувствуя, как те растягиваются в рыке, а Овилла, не выпуская пленника из захвата, повернулась к выходу из переулочка.

— Ну и что за дерьмо вы здесь разгребаете?

Демон с алым глазом опустил пальцы на рукоять меча, и его напарники мгновенно оживились.

— Грабить в квартале разрешается только моим тоэхам. Потому придется оплатить проценты. Скажем, для начала пусть будет восемьдесят.

Он смачно сплюнул на стену, а Киоши выпрямился в полный рост, прикрывая проснувшуюся перчатку окровавленной тряпкой.

— Да будет тебе известно, я происхожу из рода джегалов, и никогда не опущусь до уличного грабежа, — твердо ответил он, высматривая, кто из противников может представлять большую опасность.

Банда за спиной бритого тоэха качнулась вперед, но тот предупредительно поднял руку.

— Эта драка не имеет отношения ни к твоему кварталу, ни ко всему городу, — Киоши расправил плечи, прислушиваясь к набату в висках, где кровь еще пульсировала боевым ритмом. — А тебя я и вовсе не знаю, бандит.

Улыбка проскользнула по лицу незнакомца, обнажая ровные белоснежные клыки.

— Да, я бандит. И я удивлен, что ты ничего не слышал обо мне... Что еще раз подтверждает, что ты и твоя девка — новенькие в городе. Меня зовут Дарвал Анзурон из банды Громовых Плясунов, и я хозяин этого района, — он отбросил с губ волосы.

Киоши, презрительно кривя ответную усмешку, равнодушно покачал головой. Овилла раздраженно зашипела, прихлопнув по земле хвостом, а по лицу Дарвала пробежала тень изумления.

— Я не слышал о тебе. Сам же сказал, что я новенький, — похожий на беса бандит с топором рассмеялся, но вожак вновь вскинул кисть, и тот мгновенно заткнулся.

Становилось душно. Отчего-то на этот раз зеваки не собирались на крышах и балконах. Шум улицы даже стал тише, а на противоположной стороне разом закрылись две лавки.

— И ты так просто говоришь мне об этом? — в голосе демона с алым глазом загудел раскаленный металл. — Подтверждаешь, что новенький? При этом, не проведя в Назандаре и одного перелива, уже убиваешь?

Киоши заставил себя кивнуть. Он хотел как можно быстрее разобраться со сложившейся ситуацией и убраться с этой вонючей улицы. Пройтись по трупам этих недоносков и уйти. Куда угодно, хоть бы даже и в городскую тюрьму. Поэтому он еще раз кивнул, дерзко вскидывая подбородок и не обращая внимания на шипение Овиллы.

— А чего мне бояться? Тебя?

Теперь над переулком повисла гробовая тишина, и даже пленник утих, учуяв в происходящем призрачный шанс на спасение. Демоница предусмотрительно зажала ему рот.

Дарвал медленно покручивал на пальце длинную прядь, банда замерла в ожидании.

— Ты очень смелый, да? Ну тогда впредь должен знать, что убивать на моей земле можно только мне, — на этот раз правая кисть бандита крепко сомкнулась на рукояти длинного прямого меча. — А теперь тебе придется заплатить за нарушение закона.

Его алый глаз встретился в схватке со взглядом Киоши. Воздух переулка буквально раскалился.

А потом юноша тихо, но отчетливо, прорычал прямо в лицо Дарвала, не отводя взора:

— Я не мастак подбирать умные слова. Не умею строить из них грамотные речи. Но происходящее сегодня заставило задуматься даже меня. Вы прячетесь в этом подышающем городе, даже не выглядывая из-за его стен, чтобы увидеть, что происходит снаружи. Конечно, бандит, деньги стали для вас единственной ценностью. Не стану читать мораль, ломая твои гнилые идеалы... Но вспомни новенького в твоём квартале, Дарвал, когда благодаря им, — коготь Киоши нацелился в замершего под Овиллой пленника, — само небо обрушится на Тоэх, и вы все завоюете, погребенные под руинами поганого города. Ибо когда этот и ему подобные доведут до конца свое дело, победу ты не сможешь купить ни за какие деньги...

Банда Дарвала возмущенно загудела, в очередной раз качнувшись вперед. Бес и арбалетчица с зелеными волосами шагнули вперед, но замерли как вкопанные, пригвожденные к месту властным взмахом командира. Главарь Плясунов вновь стал неподвижен, но руку с меча не убрал. Тогда Киоши нагнулся к умирающему одноглазому, срывая с его пояса увесистый кошель, заляпанный кровью.

— Я убил — я заплачу. Вот твои деньги, бандит, — левой рукой юноша высыпал на ладонь треть содержимого. — Пусть все будет по твоему закону. Этого хватит?

Дарвал оставался недвижим, и тогда Киоши бросил деньги через голову предводителя. Бес и двое долговязых мгновенно оказались в нужном месте, ловко подхватывая сверкающие в воздухе слитки. Взгляды тоэхов вновь встретились, и Киоши демонстративно затянул кошель.

— И вот еще, — юноша повысил голос, намеренно говоря так, чтобы услышали и на

пустынной улице. — Я готов платить столько же любому демону Гив-Назандара, способному принести мне голову, завернутую вот в такую красно-золотую вышивку!

Пленный рекрутер за его спиной заревел, возобновив попытки вырваться, но суккуб хорошо знала свое дело, и тот сник, заливаясь жалобным воем.

Бандиты зашептались между собой, увлеченно жестикулируя и взвешивая слитки. Суккуб в железной маске, не опуская заряженного арбалета, подошла к Дарвалу сзади, что-то прошептав на ухо, но тот решительно покачал головой.

— Я остановился в "Хрустальной арфе", Дарвал. Знай, что красно-золотые носят с собой хорошие деньги, плюс ты получишь то, что доплачу я. Заманчиво? Тогда дерись за свои ценности, бандит.

Прищурившись, Дарвал резко развернулся на месте, твердым шагом направляясь прочь. Волосы его взметнулись, обнажая драгоценный камень на месте второго глаза. Остальные бандиты, пряча оружие, поспешили следом, с интересом оглядываясь на поле недавнего боя.

Киоши тяжело, словно только что победил в еще одной схватке, вздохнул, опуская плечи.

Овилла молчала, но теперь не раздраженно, а с долей неподдельного уважения.

— Собираем трофеи и уходим, — Киоши нагнулся, подбирая из пыли плотный бесцветный плащ с красивой латунной застежкой.

Суккуб рывком заставила своего пленника подняться на ноги. Юноша сунул в мешок оставшиеся плащи, кошель и лакированные шкатулки с бумагами, еще раз внимательно осмотрев переулок. Раненый демонницей посланник Мишато начинал дышать, регенерируя прямо на глазах, но у Киоши не было никакого желания добивать его — из Назандара одноглазому теперь не выбраться.

Что-то наговорив пленнику на ухо, Овилла ногой распахнула двери "Арфы", похозяйски вваливаясь внутрь. Не оборачиваясь, Киоши вошел следом.

В кабаке не изменилось ровно ничего, как будто они и не выходили наружу. На этот раз на вошедших не обратили никакого внимания, а кое-где посетители намеренно отворачивались от вербовщика, идущего впереди с заломленными лапами. Странная тройца миновала зал, ступая на скользкую каменную лестницу.

Второй этаж был разделен на две части длинными коридорами. Следуя указаниям крохотного низшего, Киоши свернул в правый, останавливаясь у самой дальней двери. Толкнул толстые желтые доски, пропуская Овиллу и обреченного рекрутера. Цепко оглядел пустынный коридор с рядами одинаковых дверей и вошел, задвигая в пазы тяжелый засов.

Комната оказалась довольно высокой, без окон, но с узкой горизонтальной щелью для воздуха в противоположной стене. Грубая двуспальная кровать занимала один из углов, рядом мостились пара стульев и пустой стол. Два светильника на стенах были погашены, под ними темнели свернутые тюфяки. На дощатом полу виднелись старые, не до конца оттертые красные разводы.

Не ослабляя захвата, суккуб грохнула угрюмо замолкшего пленника на один из стульев. Киоши бросил мешок на кровать, осматриваясь в поисках Нитей, и через какое-то время ему все же удалось отыскать пару Красных, слабых и иссушенных. С явной неохотой сняв перчатку, юноша умело заплел чару, прихватывая пленника к стулу старинным отцовским заклинанием. Закрепил кляп. Овилла загадочно улыбалась, наблюдая за его работой. Возможно, Танара бы и смог выскользнуть из наброшенных пут, но поникший головой демон явно не обладал уникальными способностями проводника.

Наконец отпустив пленника, рыжая устало опустилась на второй стул, потирая забрызганные затвердевшей кровью руки. Киоши отволоч пленного в дальний угол, отвернув лицом к грязной серой стене, и немедленно упал на голую кровать.

— Мне кажется, или мы в очередной раз попали в неприятную историю?

Киоши устало скосил на подругу глаза. Вместо ответа та встала, разворачивая набитый соломой матрац. Заставила юношу встать, застелила и прилегла рядом, прижимаясь к его

груди. За стеной раздались чьи-то крики, грубый смех, что-то звонко разбилось. В наступившей тишине шумно сопел пленник.

— Поспи, если хочешь, — вместо ответа прошептала она, удобнее устраиваясь рядом.

И только сейчас Киоши вспомнил, сколь непростой и долгий путь был проделан ими до Назандара. Ноги тут же загудели, руки налились свинцом, в голове стало шумно. Повернувшись на бок так, чтобы отчетливо видеть пленника, молодой тоэш позволил усталости победить, чутко вздрагивая от любого шороха.

* * *

Тяжелый гул. словно рычат сотни доменных печей — это горит земля. Размытые силуэты безумными зигзагообразными скачками мелькают в зареве, с дикими криками удаляясь прочь — в огонь, чтобы убивать. Черные стаи ширококрылых птиц бороздят небеса, не боясь сгореть в пламени, облизывающем небо. Падальщики слетаются на пир. Идет битва.

Нарастает рев, трескается полотно неба. В ослепительной вспышке над головой проносятся несколько реактивных истребителей. Магические огненные копья гонятся за ними, раздирая на части.

Картинки мелькают, сменяясь.

Он видит их — улыбающихся, гладко выбритых, в безупречных деловых костюмах, за одинаковыми трибунами, украшенными гербами и гроздьями микрофонов. Они машут руками и скалятся окружившей толпе, к ним поднимают детей. Синее небо безмятежно и покрыто легкой пеленой невесомых облачков.

Облака сереют. Лица людей превращаются в нелепые, замершие в улыбках маски. С тихим шелестом начинает осыпаться кожа. Посверкивают огоньками будущих пожарищ ордена и генеральские значки, люди в черных очках склоняются друг к другу, перешептываясь.

Из-за спин стоящих за трибунами, словно проявляясь на фотопленке, проступают силуэты. Вырываясь из тумана человеческого страха и небытия, над поднятыми к небу детьми разворачиваются кожаные крылья. В зловещих улыбках блестят отточенные клинки зубов. Трескотня выстрелов напоминает щебетание рождественских петард и фейерверков.

Крик, просто невероятный по силе, до боли закладывает уши. Картинки трескаются, как зеркала, осыпаясь пылью миров.

Он ищет...

Эпизод XI. Слово наставника

Киоши открыл глаза за несколько мгновений до стука. Не двигаясь, бросил на дверь быстрый взгляд, пристально осмотрел узлы заклинания, сковавшего пленного рекрутера. Овилла бесшумно соскользнула с кровати, занимая место слева от входа, а юноша медленно сел, покручивая затекшей шеей. Судя по ощущениям, он все же уснул, и вполне надолго. Задремать успел и пленник, сейчас оживленно вскинувший гривастую голову.

Стук повторился — негромкий, но настойчивый.

— Чего надо? — Киоши не нужно было стараться, чтобы голос звучал сонно.

Ответили тут же, тонко и визгливо, судя по всему — тот самый низший, что показывал им комнату.

— Почтенный господин, хозяин передает, что с вами хотят встретиться какие-то тоэхи. Он послал меня предупредить.

Юноша и его спутница переглянулись, но суккуб только пожала плечами. Вся ее поза говорила о том, что если именно Киоши приглашал в гостиницу бандитов, то решение ему и принимать.

— И кто ищет встречи? — он встал, осторожно подходя к двери.

— Я не знаю, уважаемый. Мне только приказали передать...

— Хорошо, — Киоши облизнул губы, задумчиво осмотрев тускло освещенную вентиляционную щель в стене. Судя по всему, на улице основательно потемнело, а поднявшийся ветер тихонечко подвывал, стараясь втиснуться в комнату. — Те, кто спрашивал про меня, уже здесь?

— Хозяин сказал, да. Они ждут внизу, в корчме. Спасибо, господин, — за дверью послышался дробный топот удаляющихся ног.

— Неужели демоны Дарвала столь буквально истолковали твоё предложение? — Овилла нерешительно качнула головой, потирая глаза. Зевнула, потягиваясь и отходя от двери. — В одном я уверена точно — ни Тоэши, ни Ибара не стали бы извещать хозяина таверны... Согласен?

Она похрустела пальцами, а хвост резко оплел правое бедро.

— Думаю, невежливо заставлять гостей ждать, так?

Она приблизилась к стулу с привязанным вербовщиком. Тот, не в силах повернуться, лишь прислушивался к ее словам и шагам, отчего острые уши с кисточками на кончиках мелко подрагивали. Суккуб опустила руку на его широкое плечо, все еще выбитое из сустава — точь-в-точь так, как это ранее в таверне сделал с ней он сам. Нагнувшись, чтобы пленник лучше расслышал, она покосилась на Киоши.

— Спустись в зал, — промурлыкала мягко, старательно подражая манере речи рекрутера, — а я побеседую с нашим новым другом. Возможно, он все-таки согласится рассказать мне что-то интересное.

Юноша смотрел на демоницу, в очередной раз не в состоянии понять, шутит та или говорит совершенно серьезно. Этого, как он видел, не смог понять и пленник, мускулы которого отчаянно напряглись под врезавшимся в кожу заклинанием.

— В случае чего, немедленно отступай наверх, я услышу, — она уже не смотрела на юношу. — Ну что, дружок, хочешь еще раз сказать мне, что я умею брать от жизни самое интересное?

Развязав потолстевший дорожный мешок, Киоши извлек из него один из трофейных плащей и скромно украшенный пояс. Отстегнув ножны, закрепил на ремне боевую перчатку, передвигая на бок, рядом повесил кошель. Накинул плащ, пришедшийся впору, защелкнул застежку. Овилла, тем временем, развернула стул так, чтобы пленный тоэх смотрел прямо на нее.

Настороженно выглянув в пустой коридор, Киоши мягко вышел из номера, прикрывая за собой дверь. На обреченного вербовщика он больше не бросил ни случайного взгляда. Направившись к лестнице, Мацусиро постарался передвинуть оружие так, чтобы одним жестом кисть проскальзывала в жаждущий зев перчатки.

Скользкие потертые ступени вновь привели юношу в низкий, задымленный и душный, шумный зал таверны. На этот раз посетителей стало чуть меньше, но основная масса столиков была все равно занята. Киоши двинулся между лавками, направляясь к каменной стойке. Гигантский глаз хозяина уперся в молодого тоэха.

— Слуга передал, что кто-то ищет встречи, — Киоши положил на стойку левую руку.

Хозяин неспешно кивнул, продолжая вкручивать штопор в толстую пробку здоровенной черной бутылки.

— Не знаю точно, что ты сказал Дагвалу, новенький, но советую впредь быть осмотрительнее, — корчмарь кивнул головой вглубь зала, а его рты причмокнули, словно подбирая слова. — Это один из его подгучных ищет встречи с тобой. Столик у дальней стены, под тойным фонарем...

Киоши кивнул, двигаясь в указанном направлении. Суккубы, восседающие на коленях пьющих тоэхов, заманчиво улыбались ему вслед, с досадой рассматривая скрывающий все самое интересное плащ.

Горбуна, закутанного в тряпье, он заметил сразу. Посланник Дарвала сидел за узкой высокой бутылкой, низко склонившись над исцарапанным столом, а у его ног покоился

объемный бесформенный мешок. Над лавкой потрескивали свечи, укрепленные в тройном рожке. Несмотря на царящее вокруг оживление, соседние столы пустовали.

Юноша подошел, без разрешения усаживаясь напротив. После схватки в переулке и странного разговора с бандитом он был не намерен менять тактику поведения. Если Назандар живет только по законам силы, Киоши выучит эти правила наизусть.

— Ты из команды Дарвала? — вместо приветствия, негромко спросил он, и демон молча кивнул, не поднимая лица. Густая тень скрывала черты, но он не двигался, позволяя воску свечей падать прямо на кожаный капюшон. — Ты искал встречи? Зачем?

Все столь же молча тоэх опустил длинную руку под стол, заставив Киоши отодвинуться вдоль по лавке и положить кисть на край перчатки. Стараясь действовать нарочито спокойно, горбун придвинул к его ногам тяжелый мешок.

— Здесь пять штук.

В сердце Киоши что-то оборвалось, а звуки трактира разом угасли. Теперь он ощущал лишь происходящее в тусклом круге света, созданном свечами. Ноздри расширились, а зрачки сузились до толщины тонких игл. Юноша вдруг понял, что уже слышал это негромкий скрипучий голос. Нагибаясь за мешком, он безуспешно попытался рассмотреть лицо тоэха, умело скрываемое в сумраке. Новая капля воска с тяжелым щелчком ударила горбуна по затылку, твердея на глазах, но тот вновь не обратил внимания.

С опаской, буквально одним пальцем, Киоши откинул горловину, уже чуя характерный запах. Золотое шитье колетов с трудом проблескивало через покрывающую его густую запекшуюся кровь.

— Хорошо, — Киоши невольно сглотнул ком, все еще силясь вспомнить, что за голос прошлого явился ему в шумном кабаке. — Дарвал работает очень быстро...

Горбун едва заметно кивнул, подтверждая произнесенные слова. Молодой тоэх снял с пояса кошель, со стуком отсчитывая на стол деньги. Драгоценные слитки вербовщиков за головы самих вербовщиков... У Киоши мелькнула мысль, что если бандиты продолжают действовать с продемонстрированной сноровкой, трофейные деньги быстро подойдут к концу, ровно как и оставленные Сcone. Тем не менее, он заставил себя вновь обратиться к горбуну.

— Передай Дарвалу, что предложение остается в силе. Если так пойдет и дальше, мы одним ударом избавим ваш город от этой дряни...

Все еще погруженный в мучительные раздумья, Киоши встал, плотно запахивая горловину мешка. Замер, нависая над столом. Еще раз взглянул на горбуна, пытаясь угадать, кто скрывается под просторным балахоном, и вспоминая, когда раньше Держатели могли свести его с этим демоном. Но ответ не приходил, как юноша не старался.

Новая мысль забилась в сознании, едва рука случайно коснулась перчатки. Он успел подумать, что сначала было бы неплохо обсудить ее с рыжей напарницей, но проскочившая между пальцами искра словно придала уверенности, выметая сомнения. Они оба понимают, что времени нет, приходится действовать на страх и риск, а если суккуб не ушла после драки в переулке, то примет и это решение. Он принялся подбирать слова, поймав себя на том, что хочет говорить с горбуном еще и потому, что не оставил попыток разгадать его личность. Пока этого не произошло, юноша очень не хотел уходить...

— Еще одно, — он ногой придвинул лавку обратно к столу, но не двинулся с места, — скажи своему хозяину, что я могу предложить кое-что еще... Передай, что я призываю его и всех, кто захочет присоединиться, туда, где можно взять много больше, чем в этом прогнившем месте. Вернувшись, каждый из ушедших сможет зажечь настоящим богачом...

Еще он хотел сказать посланцу Дарвала о том, что истинная награда за содеянное никогда не сможет уместиться в понимании бандита, но взгляд его упал на сверкающие слитки, и он проглотил язык.

— Если твой хозяин заинтересуется, приходи снова... Конечно, при условии, если Дарвал не хочет до конца своих переливов грабить прохожих и опекать шлюх...

Киоши заставил себя отвернуться от стола, забрасывая за спину жуткую ношу. Едва

столкнувшись с рекрутерами и перебив их, он уже сам швыряется деньгами, лично нанимая воинов... И не кого-то, а настоящее отребье, бандитов и ренегатов родного мира... Смутившись собственной решимости, он пообещал себе, что немедленно посоветуется с Овиллой. Поставит ее перед фактом, и пусть та предложит что-нибудь дельное. Разумеется, предварительно смирившись с тем, что фундамент плана юноша уже построил. Плана, не придуманного проникательными агентами ордена, не вкрадчиво предложенного Сcone, а собственного. Грубого, опасного и молниеносного, как удар когтистой лапы.

В этот момент горбун внезапно заговорил:

— Не знаю, что заставило тебя стать убийцей, Киоши Мацусиро, но верю, что причина была действительно веской...

Киоши замер на месте, едва не уронив мешок. Внутри что-то дрогнуло, наконец-то вспыхнув отгадкой. Он вновь ощутил себя ребенком, беспокойно преклонившим колени перед воспитателем и жадно впитывающим трескотню его скрипучего голоса:

— Только пребывая в хрустальном рассудке и действуя по собственной воле, мы способны разумно оценивать поступки, — шепчут факела на стенах родового поместья. — Только тогда мы можем давать поступкам оценки и защищать их, даже если кто-то полагает, что мы действуем неверно, — вторят им узкие стяги на стенах, разбуженные утренним сквозняком. — Только приняв поступок во всей опасности его последствий, ты сможешь в точности познать его цену. И если последовавшее наказание будет жестоким, сумеешь примириться с этой жестокостью... — оружие в специальных стойках вдоль стен тренировочного зала загадочно поблескивает. — Так отстаивай цену своего решения, маленький Киоши...

Картинки яркие, словно заново пережитые буквально в это мгновение. Кузен Ангус, подавившийся дерзкими словами, растущая лужа крови, и лязг тяжелого отцовского меча по каменным плитам. Лицо дяди, искаженное яростью. Старый отец, в отчаянии качающий седой головой... Киоши совершенно успел забыть этот голос.

Все еще придерживая перчатку, он тяжело опустился обратно за стол. Посланник Дарвала по-прежнему сидел, не меняя позы, низко опустив голову. Юноша протянул руку, отодвигая в сторону бутылку и недопитый стакан. Он вспомнил.

— Хоэда.

Горбун поднял голову, выглядывая из-под капюшона.

— Ты не узнал меня, молодой господин.

Он снова замолк, позволяя юноше внимательно рассмотреть свое постаревшее лицо — вытянутую вперед челюсть, мелкие звериные зубы, щеки и скулы, покрытые короткой черно-желтой шерстью, бусинки зорких глаз, когда-то светившиеся лукавством и мудростью. Жилистая, худая рука потянулась к стакану, и у Киоши сжалось сердце. Он заставил себя избавиться от подлых мыслей — сам Хоэда когда-то учил его, что жалость оскорбляет достойного тоэха. Но ведь именно эти руки когда-то подбрасывали крохотного Мацусиро под самый потолок каминного зала...

Киоши был ошарашен, раздавлен. Он чувствовал, как радость от неожиданной встречи затапливает его сердце, но не смог улыбнуться.

Мех наставника выцвел, усы стали ломкими и редкими, глаза слезились. Через левую скулу, прячась за прокушенным ухом, убегал неровный шрам. Посланник вожака бандитов глотнул крепкого вина, вновь опуская голову и пряча глаза под капюшоном.

— Я не знаю, что сказать, наставник, — вымолвил Киоши, слушая себя, будто со стороны. — Я считал, ты мертв.

— Все так думали, — горбун задумчиво побренчал когтями по стеклу бутылки. — Но лишь одного тоэха я не хотел расстраивать вестями о своей кончине. Можешь ничего не говорить, юный Мацусиро, я и без того чувствую, что ты рад меня видеть. Прости, что не нашел времени разыскать тебя, молодой джегал. А может быть, это и к лучшему. Видишь, куда меня привели Пути Держателей?..

Худая рука опять опустилась на стакан.

Наклонившись вперед, Киоши осторожно забрал бутылку из его пальцев.

— Ангус изгнал тебя?

Но горбун не ответил, да это и не было вопросом в прямом смысле слова.

Киоши потер подбородок, сражаясь с искушением самому приложиться к узкому горлышку. Он мог предположить почти все, что угодно, но никак не ожидал здесь, в Гив-Назандаре, встретить своего школьного воспитателя.

— Неисповедимы Пути Держащих Нити, — наконец молвил Хоэда, а новая капля воска шлепнула его по макушке. — Я волнуюсь за тебя, Киоши.

— Мне многое нужно объяснить, — с придыханием прошептал юноша, подаваясь еще ближе к наставнику. Теперь он чувал запах давно немытого тела, каких-то лекарственных трав, старых заклинаний. — Ты отправишься со мной? Поверь, наставник, я не стал убийцей. То есть, сейчас мне приходится убивать... Но ты прав — причина есть. Я могу все объяснить тебе, и это очень важно...

Киоши только сейчас осознал, что перед ним сидит единственное живое существо, связывающее его с прошлым — все, с кем он имел дело за последнее время, появились в новой жизни внезапно, словно удары грома. Но горбун лишь устало замотал головой.

— Оставь, молодой господин. Учитель Хоэда погиб, и уже не сможет пойти за твоим приказом, чтобы служить роду Мацусиро, как прежде. Отныне я слишком многим обязан Дарвалу. Он крепко помог мне после изгнания, поверь. Теперь меня зовут Грызун, и я один из Громовых Плясунов... Оставь свои тайны при себе, мастер... — его капюшон еще ниже склонился над столом.

— Ну уж нет, — зарывав, Киоши толкнул бутылку в сторону. Скользнув к краю, она упала, глухо стукнув по соломе. Проливая вино, откатилась к стене. — Я хорошо запомнил твои уроки и не могу позволить тебе влачить подобное существование.

Несколько заинтересованных голов повернулись в их сторону, но юноша ослепил их таким яростным взглядом, что любопытные мигом уткнулись обратно в свои тарелки.

— Я заберу тебя из Громовых Плясунов, Хоэда. Заберу обратно в клан, не будь я джегал, воспитанный тобой. Пусть сейчас у нас нет родового поместья, нет свиты, нет богатых полей и стад, но я не позволю тебе быть Грызуном. Великие Держатели, старик, вспомни моего отца! Вспомни Небесных Пловцов, наставник...

Он закусил губу, вцепившись в край столешницы так, что затрещали доски. Горбун не изменил позы, но теперь от него исходило какое-то странное тепло.

— Я слышу силу и власть в твоих словах, молодой джегал. И именно сейчас понимаю, что отныне могу умереть с миром. Уйти, соединившись с гекару твоего отца, о котором помню всегда, и поведать ему о том, каким стал наследник. Я воспитал тоэха, которым искренне горжусь, и теперь свободен.

Горбун выглянул из своего капюшона, и юноша увидел слезы, стоящие в его глазах.

— Не мучай меня, молодой господин. Отныне я слабее тебя, и открылся не для того...

Киоши мгновенно сник, опустошенный искренним отчаянием и болью, звучащими в произнесенных словах. Не зная, как себя вести, он протянул вперед правую руку, крепко пожимая плечо Хоэды. Плечо Грызуна из Громовых Плясунов, когда-то бывшего его наставником и воспитателем.

Глотая влажные комки, горбун продолжал, словно боялся не успеть:

— Знай, твоя гордость и заносчивость бойца понравились Дарвалу. Уверен, он сделает многое из того, о чем ты попросишь. А я приложу все свои силы, чтобы так оно и было. А сейчас мне нужно идти...

Но каменная рука Киоши все еще сжимала его плечо, и горбун покорно оставил попытки встать.

— Хорошо, наставник, — сдавленно прошептал юноша. — Если ты прикажешь, я смирюсь с гибелью Хоэды. Смирюсь так, как делал все это время... Но тогда я хочу просить тебя о последней услуге, — Грызун тяжело вздохнул, поникнув, но Киоши решил идти до конца. — Ты ведь понимаешь, что я все еще остаюсь твоим господином, Хоэда? Если нет,

прошу вспомнить клятву, данную моему отцу. А еще прошу — не приказываю, прошу — в последний раз послужить мне, старик.

— Я никогда не забывал этой клятвы, молодой Киоши. Чего ты хочешь?

— Я не бандит, Хоэда, поверь, — теперь Киоши почти шептал, не обращая внимания на недоуменные взгляды со стороны. — У меня появился могущественный враг. Враги. Следуя пути воина, возвращенному именно тобой, я решил драться. На небе и земной тверди, открыто и из-за угла, по законам чести и не жалея раненых — как угодно, лишь бы одержать победу. А потому, Хоэда, мне нужны воины.

Двое посетителей, сидящих за несколько столиков от Киоши, как бы невзначай пересели подальше. В дальнем конце зала, хмурия глаз, хозяин таверны нервно посматривал, как дерзкий новичок трясет за плечо одного из ребят Анзурона, что-то оживленно рассказывая тому в лицо.

— Мне наплевать, почему они пойдут за мной. Наплевать, за деньги или за идею, но мне нужны солдаты. Помоги. Расскажи Дарвалу, что я собираюсь отправиться в префектуру Серединного Котла. Это — земля моих врагов. Она богата и плодородна, а я собираюсь превратить ее в пепелище. Если Дарвал пойдет со мной, он славно поживится, клянусь. Поверь, наставник, речь идет о вещах настолько важных, что вскоре может померкнуть само небо... Убеди Дарвала. Пусть он соберет любых наемников Назандара и поможет мне.

— Довольно, молодой Мацусиро, — горбун вскинул сухую кисть, покрытую ожогами. — Мне будет довольно знать и это. Я в любом случае верю тебе и важности сказанных слов. Мой ученик никогда бы не свернул на неверный путь... И я постараюсь помочь, — собрав деньги за головы убитых рекрутеров, Хоэда неловко выбрался из-за стола, продемонстрировав Киоши ужасную хромоту. — Но тебе придется ждать. Возможно, перелив. А, возможно, и все сто переливов...

Их взгляды невольно встретились — влажный и горящий сухим пламенем.

— Прощай, молодой Мацусиро. Удачи тебе. Знай, мы не увидимся больше. Я намеренно вызвался у Дарвала лично доставить тебе головы — хотел в последний раз взглянуть в лицо своей гордости. Но груз оказался слишком велик.

— Прощай, наставник Хоэда. Примите мое искреннее уважение и почтение.

Киоши вскочил, низко кланяясь старику, и тихо добавил, скаля клык:

— Я видел Ангуса, воспитатель. Недавно. Тот шрам... он до сих пор не зажил...

Не дослушав, горбун резко развернулся и заковылял к выходу из таверны. Сидящие на лавках подбирали ноги и отодвигались, давая ему пройти.

В нависающей над кварталом башне ударил медный колокол, рассыпаясь над городом протяжным эхом. Соревнуясь друг с другом в скорости, его стон подхватили ритмичные трещотки могучих барабанов. Кто-то заверещал, и почти сразу же этот крик перешел в дикий хохот. Жизнь Назандара переходила в новую стадию перелива, приглашая всех желающих еще активнее тратить свои сбережения, жизни и, подчас, даже души.

Раскачивая выцветшие вывески, вдоль улицы рванул ветер, швыряя в окна трактира песок и мелкий мусор.

Крепко подхватив мешок и забросив его за спину, Киоши побрел к лестнице. Стараясь не поднимать голов, посетители раздвигались и перед ним, уже вслед вытягивая шеи и сясь рассмотреть темную дорожку, накрапывающую с матерчатого днища.

У дверей своей комнаты юноша подавленно остановился, сбрасывая ношу на пол. Тяжело прислонился к косяку, положив ладонь на дверные доски. Постоял, собираясь с мыслями, и через мгновение створка бесшумно приоткрылась, пропуская в темноту. Киоши отбросил мешок в угол номера, закладывая засов на место.

В его объятия скользнуло горячее тело. Проворные пальцы, способные одинаково умело жестоко ломать и дарить высшее наслаждение, заскользили под плащом.

Киоши обнял суккуба, прислоняясь спиной к стене. Он чувствовал запах свежей крови, наполняющий комнату, но намеренно не хотел перестраивать зрение.

— Я начала волноваться, — оторвавшись от его губ, прошептала Овилла. — Была уже

готова идти вниз... Как я догадалась, к тебе приходил один из демонов Дарвала?

Юноша лишь кивнул, усаживаясь на свободный стул, выложил на стол увесистую перчатку и полегчавший кошелек. Демоница мигом угнездилась на его коленях, обвив руками шею. Казалось, она пребывает в самом приподнятом расположении духа.

Киоши невольно скосил глаза, обнаружив, что пленник в углу совершенно недвижим. Она заметила.

— Он заговорил, — повела плечиком. — Успел многое рассказать. Что в мешке? Головы? Я чую кровь.

Киоши молча кивнул, раз за разом прокручивая в голове разговор с Хоэдой-Грызуном.

— Пять штук. Дарвал с энтузиазмом выполняет предложенную работу.

— У тебя что-то случилось, так?

— Я встретил друга, которого давно считал мертвым.

— Ох, хочешь сказать, тот сумел вернуться из Ямы?

— Не совсем.

— Но отчего ты расстроен?

— Он оказался мертв при жизни.

Суккуб отстранилась от него на вытянутых руках, вопросительно изломив бровь. Киоши выпустил воздух через плотно сжатые зубы.

— Бывший воспитатель Дома Небесных Пловцов. Я считал, что он погиб. Многим обязан ему, поверь. Теперь он — пешка Дарвала, преданная бандиту до смерти. Я отдал ему свой последний приказ, и если Дарвал действительно хочет заработать, вскоре у нас появится собственный вооруженный отряд. Наемники. Наемники Гив-Назандара, готовые на все. Если таких отчаянных рубак возглавит джегал, они совершат невозможное.

Овилла слушала предельно внимательно, не перебивая и лишь склонив голову на плечо.

— Он велел ждать. Не знаю, как долго, но я полностью доверяю Хоэде. Если же тот не сможет помочь, мы покинем город — не выслушав старика, Дарвал не станет прислушиваться к моим словам и подавно. Я затеял рискованную игру, и если ставка провалится, нам придется искать новое убежище...

— Думаешь, мы не смогли бы укрыться в недрах этого муравейника?

— Через какое-то время до Мишато дойдут вести о проходящей на его вербовщиков охоте. Нет, дай мне закончить, я совсем не жалею, что затеял эту авантюру... Но если Дарвал откажет мне в поддержке, я не хочу вновь становиться дичью. Когда лорд вышлет в Гив-Назандар Ибару, специальный отряд или, хуже того — боевой пантеон, нам снова нужно будет уходить. При этом стоит помнить, что наибольшую угрозу представляет возможность прибытия в город самого Стервятника... вернее, одного из них. Он найдет нас в любой норе.

— Согласна. Но скажи мне, Киоши, зачем тебе понадобились воины? — она наклонилась вперед, кусая его за ухо, и в этом укусе мешалась ласка и предостережение. — Ты что-то затеял, не посоветовавшись? Вербуешь откровенных бандитов... Собираешься дать бой воинам Мишато? Ведь мы хотели затаиться...

Киоши ловко вырвался из ее захвата, потирая больное ухо.

— Я... да, я действительно не посоветовался с тобой. Просто... понимаешь, я придумал все это там, внизу, за один миг.

— Так что же ты придумал?

— Я уверен, что с таким отрядом, как у Дарвала, я вполне смогу нанести Мишато ответный удар.

Она замолчала, позволяя Киоши рассматривать свои блестящие во мраке глаза. Придвинулась ближе.

— Хочешь начать войну? Решил, что если поединок с суэджигари окончился поражением, сражение решит исход дела?

— Назови это войной. Но, видят Держатели, если мне представится хоть один шанс ударить по планам Стервятника, я им воспользуюсь. Пусть сам Император увидит, как горят

села мятежников.

— Тогда Тоэши-Набо точно найдет нас без труда...

— Из тоэхов, подобных Дарвалу, можно набрать неплохую охрану...

Киоши осекся, понимая, что лжет не только спутнице, но и самому себе. Да, он готов начать войну, но если Тоэши-Набо доберется до него, любая охрана ляжет перед суэджигари, как жухлая трава.

— Тогда мне остается надеяться, что Мишато и его покровители станут искать меня где угодно, но только не у себя под носом. Ты ведь знаешь, что если хочется спрятать важную вещь, ее лучше всего положить на самое видное место? Уверен, что искать меня среди грабящей префектуру швали Серые Ткачи станут в последнюю очередь.

— Откуда такая уверенность? — она говорила предельно серьезно, и Киоши понял, что суккуб уже приняла его решение, каким бы неожиданным и рискованным оно не оказалось.

— Однажды я уже дрался с ними, помнишь? Думаю, это называется памятью крови.

Теперь замолчали оба, тесно прижимаясь друг к другу. Было слышно, как за стенами постоянного двора шумит ветер, завывающий в трубах и вентиляционных бойницах, как гомонят подвыпившие бродяги.

Овилла первой нарушила вязкую тишину.

— Перед смертью пленный рассказал мне, что в последнее время лорд Мишато ведет активные рекрутерские наборы в Гив-Назандаре и соседних городах. Сам он, входя в малую дружину лорда, уже неоднократно занимался вербовкой, причем весьма успешно. Желających заработать тоэхов перевозят в специальный лагерь на границе провинции. Из лучших формируют отряды, отправляющиеся в Онадзиро — личную резиденцию Мишато.

— Я начинаю сомневаться в том, что рекрутеров было нужно убивать, — Киоши расстегнул плащ, позволяя ему свободно стечь на пол. — Может быть, нам действительно имело смысл проникнуть в ряды наемников?

— А вот это вряд ли, — она решительно тряхнула копной волос, окружив юношу облаком терпкого запаха. — Я узнала, агенты Марвина уже несколько раз пытались вступить в армию лорда. Однако, добравшись до столицы префектуры, бесследно исчезали. Полагаю, это связано с тем, что до недавнего времени Магистр и предположить не мог, что контроль над наемниками осуществляют суэджигари, вооруженные Серыми Нитями. Когда над сознанием, мыслями и памятью устанавливают полнейший контроль, ломаются даже самые сильные чародеи. А пленник только подтвердил, что с момента создания отрядов в Онадзиро живет могущественный колдун, ставший союзником лорда.

— Другие агенты Сگونه пытались пробраться в замок?

— Как я поняла, центральная цитадель охраняется лучшими воинами префектуры, в основном состоящими из джегалов. Также замок окружен старинной защитой от Порталов, хотя где-то в его подземельях до сих пор сохранилась их действующая система. Мой собеседник предположил, что именно оттуда наемники рассылались на Тоэх и Мидзури... Однако более наш пленник, всего раз лично бывавший в Онадзиро, не смог рассказать ничего толкового. Знал лишь, что там происходит что-то тайное. Что-то, связанное с часовней в сердце замка. Болтливые языки мелют, что готовится некий обряд... Знали бы они, как близки к истине.

Киоши кивнул, вспоминая банду кавертаев, встреченную им с Танарой по пути к Небесному Озеру.

— В целом, все довольно изящно и красиво, как утренняя паутина. Знаешь, я даже жалею, что не могу доставить эту информацию Магистру. Возможно, он узнал бы что-то новое...

— Хочешь написать депешу?

— Конечно, нет. Даже если я пришлю ордену Сна прямые доказательства предательства Мишато, это ни к чему не приведет. Император, да славится его сущность в мирах Креста, не решается открыто признать существование вооруженной оппозиции. Сохраняя облик миротворца, он силится предотвратить гражданскую войну исключительно

политическими рычагами. Вельможи, не готовые терять свои богатства и воинов, активно помогают ему медлить. Факт начала мятежа будет подобен факелу в бочке со смолой, а потому никогда не доберется до Трона. Возможно, в этом ему помешают даже в ордене, Сcone куда лучше нас разбирается в придворных интригах... Знаешь, Марвин уже давно следит за кликой мятежных князей, жмущихся к Мишато. Думаю, он даже собрал достаточно информации, чтобы ввести в их провинции войска. Но если двор продолжает выжидать, не торопясь прислушиваться к его словам, значит ситуация не изменилась...

— Знаешь, мне кажется, я принял самое нелепое решение в своей жизни, — обдумав слова суккуба, негромко проговорил юноша. — Я буду бить Мишато его же оружием, одновременно став врагом Сcone. И знаешь, что странно?

— Скажи мне об этом.

— Я нисколько не жалею. Чувствую сердцем, что прав, и не испытываю ни малейшего сомнения. Ты идешь со мной?

— После случившегося, хоть на дно Ямы... Я уже смирилась с тем, что нам предстоит погибнуть, Киоши Мацусиро, — совершенно серьезно сказала она без тени улыбки, — но знай, что когда этот момент наступит, я хочу уйти достойно и красиво. Однако сейчас наша дорога ведет к постели, и никуда более...

— Но сначала, — Киоши поднялся со стула, отвечая на ее поцелуй, — нам необходимо избавиться от трупа.

* * *

Хозда помог своему бывшему господину.

И не через сто переливов, как того опасался Киоши, а значительно быстрее. Не успели небеса Тоэха дважды наполниться багровой тьмой, уступая место агатовому свечению, как в грубую дверь гостиничного номера постучался служка. В этот момент Овиллы не было в "Хрустальной арфе" — суккуб ушла глубоко в мрачные недра Гив-Назандара, с упорством охотничьего зверя разрабатывая планы отступления и не переставая искать надежное убежище.

— Господин, к вам пожаловали... — но низший тут же умолк, сдавленно всхлипнув, и юноша услышал, как его крохотное тельце отшвырнули к противоположной стене.

Не испытывая ни тени страха, что само по себе заставляло нервничать все сильнее, Мацусиро подхватил со стола боевую перчатку, погружая пальцы в ее сухую прохладу. Встал у дальней стены, ловя себя на мысли, как же сильно изменился с тех пор, когда Черный Охотник пришел за Бактияром в такой же номер захудалой ночлежки... Ноздри тоэха раздувались, улавливая запахи нескольких демонов, стоящих в коридоре. Шея окаменела, а в груди лопнул шар обжигающего тепла, наполняя тело азартом возможной драки.

В дверь забарабанили еще раз, теперь торопливо и громко.

— Кого принесло? — юноша приятно удивился властному спокойствию своего тона.

— Разносчики свежего мяса, — Дарвал громко захохотал над собственной шуткой, надавив на дверь так, что старое дерево затрещало. — Давай, открывай, новенький. Грызун сказал мне, ты хочешь говорить.

Левой рукой отодвинув засов, Киоши отступил обратно. Он понимал, что если бандиты пришли для расправы, шансы на победу крайне низки, но отчего-то знал, что Анзурон явился не со злом. Створка немедленно распахнулась, дав рассмотреть бандитского вожака в окружении собственного пантеона. Все, как и во время первой встречи, были вооружены.

— Проходи, Дарвал, — не торопясь снимать перчатку, Киоши выдвинул вперед стул. — Я и правда ждал тебя.

Бандит машинально поправил прядь, по-хозяйски осматривая нищее убранство комнаты. Брезгливо принялся к застарелому запаху крови, наполнявшему номер. Казалось, он разочарован тем, как живет джегал, готовый щедро платить за убийства. Вошел,

прикрывая за собой дверь и оставляя свиту снаружи.

Вынув из-за пояса ножны, он аккуратно приставил оружие к косяку, поправил увесистый шестопер, и только после этого неспешно присел. Киоши устроился напротив, расстегивая замки перчатки.

Какое-то время Дарвал смотрел в покрытый разводами пол, задумчиво потирая большой коготь на правой руке. Его широкая звериная грудь мерно вздымалась, а под жилетом перекачивались, словно живые, разноцветные татуировки. Бандит провел ладонью по лысой половине головы и, наконец, заговорил, глядя куда-то мимо Киоши.

— Знаешь, новичок, вообще я не люблю таких, как ты. Резвых, дерзких, даже отчаянных. Способных нарушать устои, лезть вперед. Наверное, это от воспитания, да? Вас, джегалов, всегда учат быть хозяевами жизни, избранными... Способными взять любую ситуацию за горло. Способными управлять людьми или вести за собой демонов, да?

— Твоя речь тоже не походит на кодовый язык банд, Дарвал, — мягко перебил Киоши, уверенно выдержав взгляд алого глаза. — Не потому ли ты носишь булаву вождя?

— Не знаю, может быть, — тот ничуть не обиделся, что юноша прервал его, но в раздумье почесал нос. — Одно я усвоил железно — когда приходит тоэ, подобный тебе, прошлое начинает осыпаться перегнившей трухой... Хочешь знать мое мнение — я тому не рад. Ужасно не рад. Дал бы тебе этим чеканом между глаз, обобрал, а тело сжег в печах фабрики. Но мои воины считают иначе. Уж не знаю, чем ты их купил — монетой ли, или пламенем в собственной груди, но я больше не могу приказывать им молчать.

Киоши невольно изогнул бровь, осмысливая слова бандита. Такого поворота событий он мог ожидать, но до последнего надежда оставалась призрачной.

— Не знаю и знать не хочу, что именно ты сказал Грызуну, но я преклоняюсь перед твоим умением ткать слова, — Дарвал излишне резко качнул подбородком, забрасывая ногу на ногу. — Валяй, новичок, рассказывай подробно, чего хочешь от меня. Но предупреждаю, что я далеко не всю жизнь покровительствовал шлюхам и обирал торговцев, а потому прошу опустить эту часть. Мы договорились? Я слушаю. И постарайся не обмануть надежд того, кто поручился жизнью.

Откладывая притихшую перчатку на стол, юноша уже знал ответ на вопрос, срывающийся со своих губ:

— Что случилось с Грызунном?

Дарвал почти не изменился в лице, но скулы его отвердели.

— Он поручился за тебя. Поручился, как за сына, — правый кулак бандита медленно сжался, захрустели костяшки. — К слову — если я узнаю, что ты околдовал его, легкой смерти не жди.

Киоши молчал, глядя ровно в алый глаз, и Анзурон все же отвернулся.

— Я знал, что дело не в чарах... Грызун ушел в Яму, новичок. Простив своих врагов и тебя, шагнул туда с улыбкой. Ронисори станцевала перед ним смертельный танец. Мы достойно проводили его, а клановые барабаны не утихают и сейчас. Ты ведь понимаешь, что означает такой поступок? Понимаешь, что значит столб огня, в котором суккубы творят свои танцы?

Молодой тоэ, неподвижно сидящий перед бандитом Назандара, сдержано, как на придворной церемонии, кивнул. Он имел весьма смутные представления о ритуалах поручения, но догадаться было несложно. Было весьма просто угадать, что именно сделал Хозда, чтобы заслужить доверие своего господина. Обоих господ.

Всецело погруженный в скорбные мысли, Киоши далеко не сразу заметил, что дверь в номер приоткрыта, а в освещенном проеме замерла зеленоволосая. Ее точеный силуэт резко выделялся на светлом фоне, будто она была нарисована на воздухе. Сжимая в напряженных руках готовый к бою арбалет, демоница смотрела прямо на юношу, словно чего-то ждала.

Не оборачиваясь, Дарвал отрицательно покачал головой, и Ронисори резко опустила оружие...

Разлетелись короткие зеленые кудри, и Киоши будто вживую увидел ее —

обнаженную, блестящую в свете десятков костров, извивающуюся в безумном танце посреди залитой багровым заревом площади. Танцуют плечи, покачиваются круглые бедра. Переплетаясь, змеятся руки, посверкивают зажатые в пальцах клинки ножей, горит бронированная личина суккуба. Она томно изгибается до земли, приседает, вертится на месте и вновь прыгает в сторону, гибкая, словно тростник. Бой барабанов не утихает...

Дарвал еще раз покачал головой, и демоница отступила на шаг, закрывая дверь и вновь погружая собеседников во тьму. Первые мгновения, ослепленный ярким светом коридорных ламп, Киоши видел лишь мерцающий глаз вожака бандитов.

— А теперь говори, новенький, — голос Анзулона был спокоен и тих, словно дыхание умирающего ветра. — Говори, а я послушаю.

Вдохнув полной грудью, Киоши заговорил медленно и негромко, стараясь придать каждому слову вес свинцовой плиты. Он кристально-четко понимал, что если сейчас допустит хоть малейшую ошибку, смерть Хоэды окажется напрасной.

— Я отправляюсь в земли своего врага, Дарвал. Отправляюсь, чтобы подарить этим землям смерть и разрушение. Тебя не должны интересовать причины. Тебя должно интересовать, что задуманная мной война принесет богатую прибыль и много добычи. Я — джегал, моя судьба — война. Я умею ее вести и точно знаю, что враг не готов к удару. Я — Ткач Красной Нити, я боевой колдун. Сопротивление, способное встретить нас — банды нищих наемников, поверивших звонким речам рекрутеров. Деревни и замки живут полной чашей. Шагнув за мной, ты обретишь деньги, рабов, новых воинов, уважение. А еще ты обретишь славу, потому что я вижу, что это слово — не пустышка для тебя, ибо ты не понаслышке знаешь, о чем мечтает джегал.

Дарвал не проронил ни звука, но Киоши не ждал подтверждений или разрешений продолжать.

— Рано или поздно, я соберу свою армию. Соберу ее, одним ударом вырвав у жизни личный кусок удачи, истекающий кровью врага. И только от тебя зависит, где в этот момент будешь находиться ты... Я могу говорить с тобой хоть целый перелив, но не вижу в этом особого смысла. Все, что я хотел сказать, произнесено. Убеждать или доказывать — не мой талант, а потому решай.

Бандит не стал медлить, оценивая слова юноши. Он ответил немедленно, включаясь в разговор, словно речь шла о торговле тюками шерсти:

— Почему Грызун взвалил на себя такую ношу, новенький? Неужели война действительно так важна, что он согласился отдать жизнь, чтобы убедить меня в этом?

— Судить об этом ты можешь только сам, — Киоши мысленно воззвал к покровительству Держателей. — Я не могу всего рассказать. Но знай — все мы на пороге гибели, медленной и мучительной. И я хочу встретить ее не в душном логове, но в битве, как это уготовано тоэху.

Дарвал откинулся на спинку стула, расслабленно вытягивая ноги.

— Я думал, что красивые речи — не твой талант, но ты слукавил. Говоришь такие громкие слова... Скажи, почему я должен верить?

— Потому что верил Грызуну.

В наступившей тишине стало слышно, как за дверью негромко переговариваются бандиты. Голос суккуба в железной маске выделялся на фоне остальных. Дарвал пригладил волосы.

— Знаешь, я полагаю, что меня трудно обмануть. А потому считаю, что в твоих устах нет лжи. Ты правда хорошо говорил, новенький. Но знай, что если я пойду за тобой, то лишь ради собственных ценностей...

— Разумеется, — Киоши стоило труда сдержать рык, всклокотавший в горле.

Анзулон стремительно и очень мягко оказался на ногах, делая шаг вперед.

— Ты ведь понимаешь, — он смотрел на юношу сверху вниз, поглаживая прядь, лежащую на лице, — что если я заподозрю ловушку или обман — ты умрешь?

— Понимаю, — равнодушно ответил тот, пытаясь собрать разбегающиеся в

возбуждении мысли.

— Тогда перейдем к делу. Деньги, снаряжение, место назначения. Я хочу узнать все.

— Мой путь лежит в префектуру Серединного Котла. Для формирования первого ударного отряда денег хватит с лихвой. Остальное ждет нас на месте. Все, кого ты соберешь, будут переправлены к месту с помощью Порталов. В случае неудачи, с их же помощью мы всегда можем вернуться в Гив-Назандар. Вся добыча достается командирам, я не возьму ничего. Чем больший отряд тебе удастся собрать, тем более крупные цели я поставлю. Пока я не приму решения, вернуться не сможет никто. Приказ об окончании компании тоже отдаю только я.

— Вижу, ты основательно подготовился к этой вылазке, новичок.

— Я жду твоего ответа.

— А как ты считаешь, — задумчиво протянул Дарвал, отступая к двери, — у тебя хватит сил командовать мной? Командовать моим пантеоном, преданным мне, словно псы?

— Хватит, Дарвал Анзурон, — Киоши медленно поднялся со стула, словно придавая новый вес сказанному. — Ты должен знать, что в случае разгрома именно меня, а не тебя или твой пантеон, водрузят на Крючья Боли в Императорском дворце. А это должно убеждать, что я смогу командовать тем, что веками не покидает нищей мусорной кучи, вместо того, чтобы брать богатства горстями. Брать горстями, наводя ужас на города и форты Империи, подобно Саракаджисото Пятирукому.

И тогда Дарвал лишь опустил голову, не ответив ничего. Вешая на пояс меч, он положил руку на дверную ручку.

— Хорошо, господин, — его голова оставалась покорно склоненной, — я приведу тех, кто поможет твоей мести.

Киоши онемел, лишившись возможности дышать, думать и двигаться. Еще никогда в своей жизни, с момента изгнания из родительского дома, он не чувствовал столь жгучего и пьянящего чувства превосходства и власти. Он никогда не узнает, что именно сказал наставник Анзурону в последние мгновения своей жизни, но искренне вознес ему хвалу. За поступок поручительства, за все, чему старик когда-то научил юного Мацусиро. Страх от внезапности произошедшего сменился ледяной сосредоточенностью и концентрацией внимания.

— Как мне называть тебя, мой господин? — бандит по-прежнему не шевелился.

— Называй меня — Иронотсу, — произнес Киоши раньше, чем успел познать смысл сказанного.

— Железная рука, — одними губами повторил бандитский вожак, неожиданно сумев перевести произнесенное имя с одного из мертвых языков Тоэха.

Юноше показалось, что в этот момент перчатка, дремлющая на краю стола, покрылась тусклым маревом свечения. А в следующий миг в дверь что-то ударило — глухо, но так сильно, что с потолка посыпались пыль и тенета. Кто-то вскрикнул, лязгнуло оружие. Оба тоэха одновременно сорвались с места, подхватывая оружие.

Со вскинутыми к бою перчаткой и шестопером они застыли в распахнутой двери, недоуменно разглядывая открывшуюся картину.

— Стоять!

Рев Дарвала прокатился по коридору, но внезапная стычка и без того перетекла в фазу напряженного противостояния. Следующие слова Анзурон говорил уже юноше, косясь на него через огромное плечо, блестящее от масла:

— Знаешь, Иронотсу, действительно грозные силы нужны, чтобы ей когда-нибудь понадобилась твоя помощь...

У поворота на лестницу, посреди ярко освещенного коридора стояла Овилла. Точнее, сидела на корточках, но создавалось впечатление, что рыжая демоница возвышается над всеми окружающими.

Суккуб угнездилась верхом на плечистом бесе, топор которого, перерубленный поперек древка, валялся за ее спиной. Обе ручки тоэха были неестественно вывернуты

вверх, в то время как лицом тот упирался в занозы пола. Его завитые рога утонули в широких досках на добрую ладонь.

Остальные Плясуны сгрудились напротив, готовые по первому приказу броситься в атаку.

— Попробуй спустить тетиву, — Овилла встряхнула водопадом красных волос, глядя поверх арбалетной стрелы прямо в железное лицо Ронисори, — и у твоего приятеля не останется рук.

— У меня нет друзей, самка безродного шиику, — из-под бездушной маски, скрывавшей лицо демоницы с зелеными волосами, глухо гудели короткие слова.

Дарвал мягко шагнул к сцепившимся взглядами суккубам, небрежным жестом отодвигая за спину костлявых тоэхов с боевыми цепями в руках.

— Уважаемая, могу я просить тебя отпустить Диг-Нага, чтобы мы спокойно во всем разобрались?

Вместо того, чтобы отвечать бандиту, Овилла перевела глаза на Киоши, в некотором замешательстве застывшем за спиной Дарвала. Тот решительно кивнул.

— Все в порядке, Линда, — Киоши разжал закованные в металл пальцы, опуская перчатку. — Анзурон, скажи своим демонам, что это Линда — моя вторая железная рука.

— Полагаю, — с легкой усмешкой обернулся бандит, — теперь они и так это знают.

Он медленно положил могучую руку поверх арбалетного ложа, не без усилия заставляя Ронисори опустить оружие. Тогда Овилла тут же выпустила Диг-Нага из захвата. Недовольно рыча сквозь зубы и потирая плечи, тот с хрустом выдрал из пола рога, подбирая обломки секиры.

Рыжая двинулась сквозь столпившихся бандитов, вскользь, но нарочно задев арбалетчицу плечом.

Дарвал обернулся к Киоши.

— Позволь представить тебе мой пантеон, господин. Ронисори и Диг-Нага вы уже знаете. Это, — он указал на рослых тоэхов с цепями, скрывающих тела под просторными балахонами, — Замма-Кха-Эн и Апре-Кон-Ламсо. Остальных членов клана я приведу тебе позже.

Он внимательно и без намека на усмешку, только что висящую на губах, осмотрел свою свиту.

— Слушайте меня внимательно, Плясуны. Отныне и до моего следующего приказа мы работаем на этого почтенного джегала. Его слово — мое слово. А теперь проваливайтесь.

Взгляды четверых демонов внимательно изучали Киоши, но тот чувствовал, что бандиты рады тому, как скоро вожак принял его предложение. Юноша отпустил короткий церемониальный поклон, демонстрирующий уважение к подчиненным. Открыв дверь, пропустил Овиллу в комнату, цепко взглядевшись в алый глаз Анзулона.

— Я буду ждать.

Эпизод XII. Армия

Тоэх.

В этом слове монотонная песня шамана, парящая в дымах благовоний.

В этом слове самые тягучие ночные кошмары человеческих снов.

Оно похоже на удар гонга, звон которого долго не стихает в сознании.

Оно похоже на крик одинокого орла, скорбящего в вышине.

Мир, похожий на необъятное сердце древнейшего из Богов.

Тоэх.

Дорога сфер несет сотни тысяч демонов куда-то мимо времени, вне пространства и направления. Чувство бесконечного пути стало родным братом движению вперед, но никто не может в точности сказать, где закончится этот путь. Мимо проплывают скалистые шпили, нагромождения титанических валунов, каменные наросты природных изваяний. Иглы скал

нацелены в красное марево, заменяющее здесь небосклон. Сотни парящих островов остаются где-то там, внизу, усеянные поселениями и густо заросшие первобытными лесами. Летающие тоэхи и животные бороздят алое небо.

Коготь Киоши медленно перемещался по карте, словно физический контакт мог помочь юноше более четко осознать задуманное. Взгляд его будто пронзал плотный рельефный пергамент, сейчас перенесшись куда-то далеко. Он представлял себе Серединный Котел с высоты полета, пытаясь представить, понять, увидеть.

Палец уперся в крохотный замок, примостившийся в распадке горы. Императорский форт, расположенный на самой границе владений лорда Мишато. Городок, существовавший за счет путешественников через хребты. Один из наиболее крупных портов дороги сфер, шумная перевалочная база, окруженная слепыми пятнами пустошей и редкими рощами каменных лесов. Сразу за ним — Котел. Дальше — провинции Внешнего Кольца. Киоши всматривался в одинокий скальный форт, позволяя своему воображению дорисовывать на карте недостающие элементы. А не доставало там, и он это прекрасно знал, свежих проплешин дымных пепелищ, широкой полосой отделяющих мятежные префектуры от владений лоялистов.

— Здесь владения мятежников наиболее плотно граничат с землями Империи, — Овилла рассуждала вслух, задумчиво водя по карте кинжалом. — Самое крупное соседство князей Кольца, недовольных политикой Императора и жаждущих войны. Подобные нарывы на теле государства появились почти повсюду, но наиболее сильны они здесь, а также вблизи Четвертого Шпиля...

По спине Киоши пробежала невольная дрожь, когда он услышал, что в соседних с его родной префектурой землях тоже назревают зерна мятежа.

— Почти везде разбойничьи банды, сформированные на деньги мятежных джегалов, создали нечто вроде пограничных буферных зон, — острое кинжала заскользило от пальца Киоши, огибая границы Котла. — Со стороны это казалось сезонным всплеском преступности и беззакония. Там бунтовали против налогов, тут восстали против произвола местного управляющего, здесь чиновник накормил крестьян протухшей едой, и так далее. В итоге по всей стране вспыхнули десятки деревень. Но если присмотреться, то видно, что мятежники просто отгораживают свои владения от преданных Императору замков, чтобы иметь возможность заранее знать о приближении войск, — кинжал отчертил вокруг провинции Мишато подобие стены. — А это, в свою очередь, говорит о том, что атаки с помощью многочисленных Порталов они не опасаются.

— Мы высадимся на самой границе Котла, дальше двинемся по земле.

— Нужно быть осторожнее, — суккуб откинула со лба рыжую прядь, не отрываясь от карты. — Не так давно орден Сна разработал программу по формированию в этих зонах небольших наблюдательных армий. Чаще всего это обычные наемники, формально даже не подчиняющиеся Трону. На самом деле их костяк составляют подготовленные члены ордена. Потому высадку нужно планировать очень грамотно...

— Полагаю, — юноша поднял железный кубок, прижимавший край карты к столу, делая щедрый глоток вина, — что нам это на руку. Формирование столь многочисленных отрядов на границах Внешнего Кольца привлекло туда такое количество бандитов, мародеров и прочей швали, что затеряться в их толпе не составит труда. А еще — обзавестись новыми солдатами.

— За всей своей внешней неповоротливостью, орден ведет жесткий контроль над поступающими в Котел отрядами.

— В таком случае, именно в твою задачу входит поиск и устранение агентов Сна, способных раскрыть наш план или донести об этом в столицу.

— Я поняла.

Киоши протянул руку, накрывая рукоять кинжала и кисть Овиллы своими пальцами. Мягко пожал, и демоница ответила неуверенной улыбкой.

— Насколько я тебя понял, на границах мятежных префектур царит хрупкое и

неустойчивое равновесие. Лорды Кольца копят силы, ожидая подкрепления суэджигари. Император молча наблюдает, не торопясь давить пададь в собственной норе, — кисть юноши невольно сжалась сильнее, и суккуб кивнула, глядя в его сверкающие глаза. — Мы расшатаем это равновесие, Овилла. Мы превратим его в маятник, заставив Мишато совершить ошибку, а Трон — вступить в войну. Когда фигуры будут расставлены, а имена открыты, кулуарная война перерастет в настоящую. И тогда мы проверим, насколько непобедим Тоэши-Набо...

— Нас объявят вне закона.

— Это уже произошло.

— Да, я знаю...

Взгляды тоэхов устремились на объемную карту, лежащую между ними. Каждый, в силу своего воображения, рисовал то, чего так не хватало на ее пестрой поверхности — черные струйки дымов, поднимающиеся над границами Серединного Котла.

* * *

Дарвал оказался надежен, как старый друг.

Появившись в "Арфе" по истечении еще двух переливов, он принял самое активное участие в обсуждении плана выброски в префектуру Мишато. Помогал, подсказывал и беззлобно смеялся, осторожно поправляя, когда знания юноши о законах и устоях бандитов отрывались от истины. А еще он пришел не с пустыми руками — его подарком стали добрые вести.

В прошлый перелив лидеры группировок Гив-Назандара приняли бандита в старинном Зале Ковенов, дав право выступить. Внимательно выслушав вожака Плясунов, к мнению которого в городе прислушивались многие, часть главарей сразу же отказалась. Но были и те, кто с интересом ухватился за рисковую авантюру. Вновь посетив "Хрустальную арфу", Анзурон пришел не один.

После выступления в Зале Ковенов, Дарвала безоговорочно поддержали двое главарей. Громовому Плясуну не без труда удалось убедить их, что если бандиты уведут из города своих лучших воинов, передела территорий опасаться не стоит. Но он убедил, заручившись поддержкой наиболее уважаемых персон бандитского мира.

Первым был Шицирокину, предводитель клана Алмазных Граней. Высокий стройный тоэх, облаченный в богатый красный балахон, носил голову орла. Его ярко-желтый массивный клюв поблескивал, когда бандит поочередно рассматривал Мацусиро то левым, то правым глазом. Он едва протиснулся в узкую дверь гостиничного номера, но ни словом, ни поступком не дал понять, что его оскорбляет личный визит в скромную келью новичка.

По его собственным словам, с клетотом пролившимся после почтительного приветствия, вести и слава в Назандаре ценились гораздо выше драгоценностей, и тот, кто успел так быстро снискать их, становился богачом. Киоши, по его мнению, высказанному витиевато и неоднозначно, уже успел сыскать себе этого богатства. В подземельях города, куда не пробивается свет небосклона и Нити вымерли не одно поколение назад, об Иронотсу уже ходили рассказы, граничащие с героическим вымыслом. Шицирокину желал сокровищ Серединного Котла и не скрывал этого.

Второго главаря звали Лоава-Пран, и он был старшим в банде Семи Шестов. Это был нервный и подвижный тоэх со змеиной головой, усеянной костяным гребнем. По одному взгляду на этого бандита становилось очевидно, с какой умопомрачительной скоростью тот может двигаться в бою.

Заняв стул в дальнем углу номера, он долго и внимательно приглядывался к юноше и его боевой перчатке, без устали пронзая воздух перед собой длинным раздвоенным языком. Подвижными оставались только его черный язык и глаза, раз за разом ощупывающие Иронотсу. В полнейшем молчании, нарушаемом лишь редким шипением, Лоава-Пран вслушивался в беседу Киоши с Дарвалом, лениво перебирая пальцами пушистый мех

крохотного зверька, золотой цепочкой прикованного к его запястью. И лишь сделав какие-то, ему одному известные выводы, он включился в обсуждение, разговаривая короткими свистящими фразами.

Оба бандитских вождя были готовы выставить на поле боя по четыре десятка демонов. Громовые Плясуны выставляли на десяток меньше, но Анзурон сразу расставил знаки препинания в нужных местах, потребовав своему клану большую часть добычи. Возражать не стал никто.

Как чуть позже Киоши признался суккубу, в первые мгновения он все-таки растерялся — одно дело, предполагать, что когда-то будешь командовать другими, и совсем другое, когда твоего приказа ожидают больше ста профессиональных бойцов. Но Овилла выручила юношу, без лишней скромности продемонстрировав отточенные до совершенства умения агента Сна. Она сухо и предметно расспросила главарей о составах их банд, сколько в них низших, сколько Ткачей и какими Нитями те владеют. Казалось, демоница ведет в своей голове невидимое штатное расписание, не упуская ни единой мелочи.

Как выяснилось, бандиты Гив-Назандара смогли собрать в свои группировки тоэхов, обладавших самыми разнообразными талантами. Здесь были юркие, легкие и подвижные разведчики и шпионы. Диверсанты и наемные убийцы. Огромные солдаты таранного удара, способные прошибать, ломать и крушить все, что попадется на пути. Охрану главарей в основном составляли виртуозы мечей, удавок, шестов и арбалетов. В каждом клане обязательно существовало подразделение воинов-теней, а также боевых чародеев, владеющих искусством плетения Нити. Преимущественными цветами, как и предполагал Киоши, были Красный, Черный, Синий и Золотой.

Когда Овилла закончила допрос бандитских вожаков, юноша вдруг подумал, что сумма общих умений его импровизированной армии превзошла все возможные ожидания.

Безусловно, он отдавал себе отчет, что даже толпой бандиты не стоят и одного воина из специальных подразделений Императора или ордена Сна. Но для войны, что затеял молодой тоэх, такая группировка подходила как нельзя лучше — наиболее ярко бандитский нож сверкает именно из-за спины. Создавалось впечатление, что набранные в Назандаре демоны просто рождены для подобного рода операций.

А еще Киоши прекрасно понимал, что посылает большинство из этих бандитов на верную смерть. Бросает на бойню с войсками Мишато, наблюдательными отрядами самого Императора, отборными джегалами и даже суэджигари. Исход такого противостояния — гибель многих.

Юноша осознавал это, но ни одна струна не звенела в душе. Вспышка его сознания, полыхнувшая в мрачном задымленном зале "Арфы", подожгла сухую траву раздумий. А та, в свою очередь, запылила могучее горнило непреклонной решимости, щедро сдобренное злобой и жадой мести. Сейчас Киоши ощущал себя идеальным клинком, взвешенным в умелой руке мастера перед метким ударом. Его переполняло возбуждение скорой битвы, тут же сменяющееся ледяным спокойствием и тяжестью принятого решения. Тропа, на которую он вступил, более никогда не отпустит своего странника, и тот смирился. Нырять то в жар, то в дичайший холод, Мацусиро не переставал удивляться себе, пугаясь и торжествуя одновременно. Бактияр с испугом выглядывал из потемок его разума, наблюдая за тем, как обновленный Киоши готов посылать отряды безродных ублюдков на другой конец Тоэха. Для того, чтобы те умирали ради его целей. Посылать, хорошо представляя себе, как нужно все сделать, чтобы не подставить себя и Овиллу.

А еще Киоши осознал, что полностью лишился страха. Он понимал, насколько Хоэда был бы недоволен новыми достижениями своего ученика, но ничего не мог поделать с собой...

— Воин, теряющий всякий страх, становится ходячим мертвецом, — говаривал когда-то наставник, заставляя двух сопливых тоэхов поочередно опускать руки в норы ядовитых насекомых. — Научиться справляться с ним и контролировать — один из залогов победы. Лишиться этого волшебного чувства — начать свой путь к гибели. Начать путь славный,

усеянный трупами врагов, но короткий.

Сейчас, глядя в лица вожаков бандитских кланов Гив-Назандара, Киоши понимал, что окончательно утрачивает смысл этого слова. Вера в себя, напарницу и полную жажды крови толпу сметали любые сомнения. Они станут действовать быстро, невероятно быстро, молниеносно и непредсказуемо, и никакие силы Мишато не смогут помешать им. Лорд дорого заплатит ему, Киоши Мацусиро, за то, что когда-то решился отнять подарок отца.

Именно полыхающий в его глазах огонь веры помог юноше победить в споре с еще одним бандитским главарем. Ссварна пришел к Иронотсу на следующий перелив, за прошедшее после сходки время внимательно взвесив сказанное Плясуном. Пришел, чтобы лично убедиться в безумии новичка.

— Те, кого ты тащишь в Котел, даже не представляют опасности похода! — выпив еще кружку, низкорослый бандит вскакивал из-за кабацкого стола, яростно потирая виски огромного черепа, покрытого каменной чешуей.

Дарвал и остальные главари переглядывались, словно заговорщики, но в спор не вступали.

— Среди тех, кто пойдет в атаку, я буду первым, — оскалом отвечал Киоши, с хрустом вгрызаясь в прожаренную баранью ногу.

— Ты потеряешь половину своей армии! — сотни амулетов, ковром покрывавшие меховые одежды бандита, звенели, трещали и перестукивались, раскачиваясь на цепочках и ремешках.

— Выжившие станут богаты, словно князя, — рука юноши, облаченная в перчатку, ритмично постукивала по темной столешнице. — Чтобы сохранить свою шкуру и разбогатеть в Назандаре, нужно приложить гораздо больше усилий...

— У тебя нет ни оружия, ни военной техники, ни запасов провизии, — словно ища поддержки, Ссварна хватал за руки Лоаво-Прана и Дарвала, сидящих рядом на скамье. Его массивный лоб, нависающий над крохотными глазками, изрезали морщины сомнений.

— Все, что понадобится моей армии, я возьму в Котле, — Мацусиро не отводил от бандита твердого взгляда, в каждое свое слово вкладывая сталь.

— Но ты еще непростительно молод, дерзкий волчонок!

— С каждым переливом моя шерсть становится темнее, Ссварна, и ты это знаешь.

Когда на столе опустел шестой бочонок, отряд Иронотсу увеличился еще на пару десятков тоэхов.

Не обошлось и без тех, кто пытался отсоветовать дерзкому юноше безумный поход.

Как рассказывал Анзурон, после большой сходки теневых правителей в Зале Ковенов, принять участие в аванюре наотрез отказались три крупнейших бандитских клана Гив-Назандара. Рашимото, представитель одного из них, настоял на встрече с новичком, мягко и дипломатично отговаривая Киоши от участия в походе.

Он прибыл тайно, но с пышной охраной, привезя с собой дорогие подарки. Высоко оценив смелость джегала, клан Рашимото пытался доказать Иронотсу всю бесплодность войны с князем Мишато, открыто высказав заинтересованность в привлечении юноши в собственные ряды. Бандит был уверен, что появление в его пантеоне такого отважного и умелого воина помогло бы ему пересмотреть давние территориальные притязания других группировок, радикально изменив политическую карту города.

Рашимото слыл опытным и прозорливым демоном, Киоши это знал. Молодой Мацусиро вспомнил, что еще задолго до отъезда с Тоэха слышал разговоры, ходящие вокруг этого имени. Сам Хоэда поговаривал, будто в свое время Рашимото был девятым демоном в знаменитом пантеоне Кимона, принимая участие в высадке лорда Геммы на Землю. Но старому проныре хватило проницательности, и он вовремя покинул ряды группы, оставив братьев и сестер погибать от руки человека по имени Джубе. Покрытый позором, он нашел себе убежище в Гив-Назандаре, навсегда исчезнув для цивилизованного мира, но достигнув немалых высот здесь, на дне общества тоэхов.

Бандит долго беседовал с Киоши, проявившим в разговоре все почтение и уважение, на

какие был способен. Глава клана остался доволен воспитанием юноши, хоть и посетовал на его непоколебимое упорство. Уставший и опечаленный, он покинул тайную комнату "Арфы", предназначенную для специальных гостей, унося в сердце скорбь.

— Когда воины Геммы впервые столкнулись в бою с Джубе Кибагами, в моей душе запели сотни фарфоровых скрипок. Тогда я почуял смерть, идущую по стопам этого хрупкого человечка. Знай, Мацусиро, что сейчас фарфоровые скрипки снова поют свою песню в моей душе...

После ухода Рашимото Киюши долго сидел в одиночестве, закованной в латы рукой перебирая драгоценности, подаренные бандитом. Тень, что чернее ночи, мазнула по его сердцу, и он еще долго не мог найти себе места, раз за разом вспоминая неторопливый, словно колыбельная, разговор с одним из лордов Проклятого города.

Переливы сменяли друг друга, а завербованные в армию Иронотсу демоны готовились к походу. Все это время Дарвал не прекращал выполнять поручение Киюши, и за самое короткое время в Гив-Назандаре было убито еще семеро агентов князя Мишато. Рассеянно расплатившись за принесенные ему головы, Киюши отдал приказ об окончании охоты. Он больше не видел необходимости в нанесении булавочных уколов — настала пора ударить мечом. Вооружившись, бандитские отряды должны были незамедлительно прибыть на одну из ярмарочных площадей, заблаговременно расчищенную от торговцев и бродяг.

С трудом удерживая дрожь, сотрясающую его от макушки до пят, Киюши Мацусиро, принявший имя Иронотсу, рассматривал нестройные ряды тоэхов, заполонивших площадь. Момент, которого он так долго ждал, и наступление которого желал отсрочить как можно дальше, свершался. И пусть перед ним сейчас предстала всего лишь сотня бойцов, а не море ошестинившихся пиками отрядов, он ощущал себя ожившим сгустком пламени, рожденным для того, чтобы вести воинов в битву. Перчатка на его правой руке пульсировала в такт ударам сердца, грязный ветер подворотен Назандара развеивал плащ, брошенный на алую тунику.

Мацусиро медленно поднял вверх сверкающую боевую перчатку, и бандитские вожак заставили своих воинов умолкнуть. Сотни звериных глаз устремились на джегала, затеявшего самоубийственную, но от того еще более желанную игру. Киюши разглядел в рядах своего войска Диг-Нага, Сварну, Лоава-Прана и других офицеров, имена которых уже успел узнать.

— Многие из вас уже знают меня. Кто-то видит впервые, — голос юноши казался звонким даже ему самому. Отскакивая от каменных стен, он заметался в мешке ярмарочной площади, долетая до самых дальних рядов. — Знайте все — я, Иронотсу. И этой железной рукой я поведу вас туда, где мой личный враг спит за стенами роскошных поместий. Туда, где есть рабы, богатство и слава. Берите все, что пожелаете. Все, кроме жизни моего врага. Берите, и возвращайтесь богачами. Воины Гив-Назандара, вы готовы к походу?!

Сначала ему показалось, что недоверие и легкая тень презрения, мелькавшая в устремленных на него взглядах, возьмут верх. Победят, и он так и останется глупо стоять перед толпой со вскинутой перчаткой, в полнейшей тишине закончив свою короткую, но полную безвкусы помпы речь. Но замешательство длилось доли мгновения, после чего к агатовому небу рванулись сотни рук, клинков, клешней и щупалец, подкрепленные нестройным многоголосым хором.

Поход в провинцию Серединного Котла начался.

Не дожидаясь, пока над площадью стихнет рваное эхо, Овилла и Анзурон вышли из-за его плеча, направляясь к отгороженной повозками ровной площадке. С помощью амуниции, оставленной когда-то самим Сcone, суккуб принялась медленно и скрупулезно выставлять широченный круг Портала, заручившись ментальной поддержкой Дарвала и его Ткачей. Когда приготовления были окончены, с оглушительным хлопком, словно над головами взорвалась одна из невесомых небесных сфер, открылся Проход. На другом его конце, сейчас скрытый зеркальным багровым маревом, лежал выжженный каменный лес, когда-то окружавший уничтоженную кавертаями Мишато деревню.

Под командованием своих главарей, мелкими отрядами или вовсе по одному, бандиты принялись уходить в Портал. Специально отобранные из кланов воины занимали вокруг площади оборону — отныне и до окончания похода им придется стеречь Проход, как зеницу ока. Внимательно наблюдая за высадкой войск и не упуская ни единой мелочи, Овилла неспешно подвела к питанию заклинания три сочные Красные, заранее выкупленные у местных гильдий.

Киоши, демоница, Дарвал и Лоава-Пран уходили последними, навсегда оставляя прокопченные узкими трубами небо Гив-Назандара за спиной. Шагая через магический порог, юноша громко лязгнул пальцами железной руки.

* * *

Высадившиеся силы Иронотсу встретила недружелюбная бесплодная земля, намеренно выжженная разбойничьими ватагами на много полетов стрел во все стороны. Префектура Серединного Котла, притаившаяся среди двух горных хребтов, была словно очерчена этой черной полосой, великолепно просматриваемой с неба или наблюдательных постов на скалах. Мосты через лавовые реки были разбиты, клейкие канаты дороги сфер оборваны или опалены, о существовавших крестьянских поселениях напоминали лишь обугленные остовы домов. Площадные ударные заклинания Ткачей князя не пощадили даже булыжник крепких дорог, перемешав его с каменистой почвой полей и лесов.

Не допуская ни малейшей суеты, офицеры бандитских отрядов, переодетые в красно-золотые цвета Мишато, выводили своих воинов из огромного блестящего овала. Старательно подражая злобной манере рекрутеров, они пинками и рывканьем заставляли мнимых новобранцев держать строй и не разбредаться. Киоши, заставший самый финал представления, возликовал — даже самый наблюдательный глаз не заметил бы подмены.

Идя вдоль строя своего импровизированного войска, он буквально физически чувствовал любопытные взгляды, обращенные на него из укромных гнездовищ в обступивших Котел скалах. Ощущение слежки не покидало его, и когда он поворачивался в сторону имперского форта.

Несмотря на возбуждение, он мог без труда представить себе происходящее по обе стороны выжженной полосы. С одной стороны наблюдатели хладнокровно фиксировали очередной отряд сброда, набербованный аристократами Мишато, с другой стороны — их коллеги недоумевали, почему перед прибытием офицеры не известили свое начальство об очередной группе новичков. Однако в обоих случаях — и Киоши молился Держателям, чтобы все произошло именно так — не возникало ни единой причины для настоящего беспокойства.

Воспользовавшись помощью Мацусиро, Овилла приглушила Портал, сделав его практически невидимым, но способным ожить по первому приказу. Построенные в подобия колонн, бандиты двинулись в сторону Серединного Котла. Все оставались напряжены, не спуская глаз с вершин ближайших холмов, покрытых колючими деревьями. Почти полторы сотни демонов стали единым целым, по первому приказу командиров готовым броситься в атаку. Миновав горелые пустоши и переправившись через тройной поток ярко-желтой лавы, отряды Иронотсу вступили на земли Серединного Котла.

Дословно вспоминая допрос пленного рекрутера, рыжеволосая предположила, что лагерь, в который вербовщики князя сводили завербованных наемников, разместился где-то неподалеку. Кроме этого лагеря и крохотной пограничной крепости, военных поселений поблизости не располагалось — все форты и сама Оназдиро лежали гораздо глубже. А вот деревень и сел, торговых и рудодобывающих, разместившихся среди широких пахотных равнин, здесь как раз было в достатке.

Миновав холмистую гряду, Киоши остановился, пропуская отряды вперед.

Взгляд юноши скакал по просторам равнины, цепляясь за столбы дымов, поднимающиеся над лесами. Душа его ликовала, предвкушая скорую битву. Теперь ничто не

сможет сохранить префектуру от неожиданного удара. Пока в лагере спохватятся, что прибывшие не имеют никакого отношения к завербованным в армию Мишато демонам, они успеют проникнуть глубоко в сердце провинции, сея смерть и разрушение. С пугающим спокойствием он наблюдал, как передовой отряд Шицирокину встретился с дозорным разъездом, посланным навстречу прибывшей группировке. Едва верховые тоэхи приблизились, бандиты набросились на ничего не подозревающих разведчиков, в короткой и стремительной схватке отнимая первые жизни врагов.

Весть о стычке мигом пронеслась по всей цепи его армии, растянувшейся по холмам, и Иронотсу отдал приказ сменить формацию. Теперь бандитские вожаки выстроили свои отряды поперек дороги, ведущей вглубь провинции. Создав широкую цепь, они продолжили движение, опьяненные первой пролитой кровью.

Почти сразу же к командной ставке вернулись разведчики, обнаружившие впереди первое поселение, почти не укрепленное стенами и гарнизоном. Если Котел и готовился к войне, то никак не ожидал, что та придет изнутри.

Киوشي понимал, что скорость должна была стать одним из его главных козырей. Оставив крохотную часть бандитского войска прятать и охранять скудные припасы, принесенные с собой из Гив-Назандара, Мацусиро приказал немедленно выдвигаться в направлении деревни, стараясь как можно скорее проникнуть в Котел. Краткое совещание с командирами отрядов лишь подстегнуло их желание незамедлительно обрушиться на беззащитного противника, и юноша не хотел мешать этому стремлению.

Овилла, полностью поддерживавшая приказ, осталась рядом, наблюдая, как цепи демонов прыжками вступают в густой лес, окружавший поселение.

— Ты ведешь их на верную смерть. Они и не подозревают, что произойдет, когда Марвин или Мишато начнут с нами серьезную войну...

Суккуб задумчиво смотрела вдаль, краем глаза наблюдая, как ловко и быстро исчезают в чаще каменных исполинов разосланные Иронотсу отряды.

— Путь тоэха в поиске смерти, и ты прекрасно знаешь это, — Киوشي говорил твердо, заставляя верить в сказанное и себя, и ее. — Его путь в сражении, в кровавом бою, — подняв пульсирующую перчатку, он широким жестом всколыхнул парящие возле плеча Красные. — Дарвал и остальные вожаки тоже понимают это.

— Когда бандиты догадаются, что это не их бой...

— Ты испытываешь жалость? — Киوشي притянул демоницу ближе, кладя левую руку на ее обнаженное плечо. — Прodelав немалый путь, сражаясь на склоне Буредды, потеряв друга и узрев мощь суэджигари, для достижения своей цели я готов пожертвовать тремя Гив-Назандарами.

— Надеюсь, мой лорд, ты видишь эту цель, — она вздернула подбородок, заглядывая в его глаза.

Киوشي не ответил, переводя взор на равнину впереди.

Происходящее казалось ему чьей-то выдумкой, сном, несущим тяжелый отпечаток нереальности. Казалось, еще вчера он был загнанной и израненной дичью, но уже сейчас по его единственному слову незнакомые демоны бросаются в бой, готовясь убивать. Зеленой переливающейся вспышкой к Киوشي и Овилле приблизился крылатый посыльный Громовых Плясунов. Приземлившись на камень в нескольких шагах от Иронотсу, он почтительно поклонился, торопливо поведав, что отряды всех главарей готовы к наступлению. Деревня окружена с трех сторон, а ее малочисленный гарнизон совершенно не готов к схватке.

Старательно взвешивая слова, юноша опустил взор, рассматривая собственную ладонь, скрытую броней перчатки. Сила, исходящая от оружия Магистра, буквально опьяняла, затмевая разум картинами яростных битв. И теперь Киوشي видел, что это не просто его вымысел — перчатка на самом деле испускала вокруг себя незримые волны могущества и власти, заставляя большинство тоэхов, находящихся вокруг, внимать и следовать любым повелениям своего хозяина.

— Передай Анзурону, пусть отдает приказ о нападении, — отчеканил Киوشي,

протягивая вперед массивную бронированную руку. — Убейте всех, кто мог бы прорваться к Оназиро и сообщить князю о вторжении. Всех до одного. После разграбления — деревню сжечь.

Они помчались вперед, дикая свора Иронотсу, в считанные мгновения схватив деревню в ревущее кольцо. Подвижная лавина рывком перехлестнула низкие стены просторного поселка. Мацусиро, изваянием застывший на верхних ветвях высокого каменного великана, равнодушно взирал на боевое крещение, получаемое его армией. Он чувствовал, как с каждым новым ударом любого из бандитов его собственная душа стареет и становится все тверже. Овилла замерла рядом, прижимаясь к его плечу, узкий хвост суккуба размеренно колотил по стволу дерева.

Бандиты получили обещанное: легкую драку — легкие богатства.

Несколько десятков воинов князя Мишато, несущих в деревне патрульную и гарнизонную службу, оказались застигнуты врасплох. Не успев организовать толковой обороны, они разбились на крохотные группки, рассыпавшись среди домов и стараясь как можно дороже продать свои жизни. Рассредоточившись по деревне, они значительно облегчили работу бандитам Назандара, привыкшим убивать именно так — в переулках, банда на банду. И если в открытом поле, при поддержке Ткачей и боевых машин мощь регулярной армии могла бы без усилий сломить виртуозов кинжала, в каменных кишках поселка она потеряла всякую эффективность.

Раздергивая отряды противника и окружая их в подворотнях, бандиты без пощады рубили и рвали княжеских солдат, заливая дощатые настилы улиц свежей кровью. Паника, охватившая гарнизон, не позволила офицерам князя отдать нужные приказы и выслать гонцов. Те из солдат, кто решился самостоятельно покинуть деревню, был уничтожен заградительными дозорами Иронотсу.

Сварна со своими воинами вышиб центральные ворота, а Шицирокину без труда занял центральную башню крохотного бревенчатого форта. Сам Киюши, покинув наблюдательный пост, повел в бой Громовых Плясунов, бок о бок с Анзуроном ворвавшись в самый центр городка.

Войско Иронотсу стало похоже на стаю голодной саранчи, рухнувшую на плодородное поле. Разрывая на куски все, что встречалось на пути, тоэхи за считанные мгновения пронзили поселок насквозь, сметая, сокрушая и убивая. Воздух был полон ревом и криками звериной ярости, где-то отчаянно звенел тревожный колокол, гудели заклинания боевых магов. Расправившись с большей частью защитников, бандиты принялись врывать в дома, убивая и насилуя мирных жителей.

Короткие и ожесточенные схватки завязались на каждом клочке поселения, на его площадях, стенах, крышах. Женщины и дети, совсем юные демоны, рабы, слуги, солдаты, чиновники и торговцы без разбора попадали под тяжелый пресс обезумевшего жернова, раскрученного бронированной рукой. Багровый небосклон Тоэха над головами сражающихся медленно переливался сотнями оттенков красного.

Страхивая с бровей заливающую глаза кровь, Киюши отстраненно наблюдал, как отборная гниль самого темного дна Гив-Назандара обнажает свое истинное, покрытое язвами грехов лицо. Не дожидаясь, пока кровь убитых свернется и засохнет, отрядные шаманы, суккубы и боевые жрецы Держателей принялись творить свои мрачные ритуалы, осеняя воинов знаками удачи и неуязвимости. Смешивая внутренности поверженных защитников со свежими Нитями, в достатке парящими вокруг поселка, они освещали оружие и самих бойцов, завывая жуткими голосами. Те, кто практиковал каннибализм, без промедления принялись пировать, жадно глотая еще не успевшие отлететь гекару врагов.

Битва оказалась скоротечной.

Шум сражения довольно быстро стих, сменившись радостными воплями захватчиков, кинувшихся на разграбление. Лишь стонали раненые, надрывно умоляли о пощаде пленные, по всему поселку раздавались крики боли и отчаянья. Полторы сотни тоэхов Иронотсу в считанные мгновения драки сумели перебить почти шесть десятков солдат Мишато, заодно

вырезав две сотни крестьян, и еще сотню согнав в плен. Уйти, как тут же отчитались своему господину наемники, не сумел никто.

Киоши, Овилла, Дарвал и Ронисори решительным шагом пересекли городок по центральной улице, выходя на базарную площадь, сейчас разгромленную и заваленную трупами. Несколько бандитов разместились у колодца, деля добро поселкового главы, выбрасываемое из окон его кабинетов. Прищурившись, юноша наблюдал за их беззлобным спором.

— Ты не обманул нас, Иронотсу! — голос Анзулона еще дрожал от волнения. — Мы соберем в этой префектуре немалую добычу!

Мацусиро лишь медленно кивнул, чувствуя на себе испытывающий взгляд Овиллы.

Тела насаженных на пики солдат князя уже начинали украшать края деревенских стен, но Киоши не собирался мешать бандитскому сброду упиваться собственной победой. Более того, он думал совсем о другом, и эти дикие мысли действительно пугали его. Юноша не только не собирался останавливать бесчинства, он намеревался довести кипение своих воинов до максимальной точки, да последнего рубежа, до предела. Так, чтобы в головы уголовников Назандара не вкралась даже мысль о возможном поражении или жестком противостоянии со стороны армии лорда. Так, чтобы ураган ярости как можно более обжег землю его врага, нанеся максимальный ущерб. Так, чтобы об этой кровопролитной войне узнал сам Император.

Чувства накатывали на него волнами, противоречивые и разрывающие душу. С одной стороны, ему казалось, что удары по мятежной префектуре станут действительно ощутимы для Мишато. Спутают его карты, заставят приостановить подготовку к высадке на Мидзури, а, возможно, и смогут предотвратить ритуал. С другой стороны, тот юноша, что еще совсем недавно носил имя Бактияра, видел, сколь жалкой станет его война, сколь бесплодными будут попытки досадить предавшему князю. Он ощущал себя мошкой, яростно кусающей широкий бок быка. Вдыхая запахи свежих пожаров и крови, Киоши силой гнал подобные мысли прочь.

Ему помогли избавиться от тяжелых дум — сразу после окончания битвы вмешательства потребовала неожиданная ситуация. После того, как последний воин гарнизона со стоном испустил гекару под ударами бандитского оружия, кланы Плясунов и Алмазных Граней едва не устроили драку, не сумев правильно разделить награбленное.

Выслушав запыхавшегося гонца, Киоши, Дарвал и Шицирокину ворвались в ряды спорщиков, расшвыривая зачинщиков по сторонам. Прямо на месте вожаки устроили сходку, за которой Иронотсу наблюдал со смесью отвращения и желания перебить половину собственных бойцов.

Вероятно, Анзурон тоже почувствовал пульсацию боевой перчатки. Когда крохотная армия покидала превращенный в пепелище городок, на высоких шестах остались висеть несколько бандитских тел, по приказу главарей вступивших в круг смертельного танца суккубов. Юноша с болью ощущал, как его душу все острее перечеркивают шрамы войны и грязной смерти. Овилла сделалась необычайно молчаливой, все чаще пряча глаза за локонами красных волос.

Скованные в цепи рабы, навьюченные тюками с награбленным, ушли в сторону Портала вместе с немногочисленными ранеными. Тонкая нитка армии Иронотсу, почти не понесшей потерь, уходила вперед, в самое сердце префектуры. Разведчики, посланные по окрестностям, искали перевалочную базу наемнической армии Мишато. Поселок, разоренный бандитами, вспыхнул, словно факел, ярко и быстро сгорев на самом острие наступления Киоши. Серединный Котел загорался под ногами грабителей, как того и хотел Мацусиро.

Происходящее превратилось для Киоши в одну яркую и скачущую картинку, но он не без удивления познал, что давным-давно хотел такой жизни. Любое решение требовало мгновенного решения, на эмоции, выяснения отношений или анализ чувств элементарно не оставалось времени.

Многое требовало его личного участия, но он быстро научился перепоручать второстепенные вопросы Дарвалу и Шицирокину. Лечение раненых, разведка и охрана временных стоянок, отдых и кормежка бойцов, мелочные споры между наемниками, пополнение магических ресурсов армейских Ткачей — все это навалилось на юношу огромным войлочным комом, и он не раз возблагодарил Держателей за сноровку Анзулона. Молчаливая Овилла время от времени появлялась рядом, принося кусок мяса или бурдюк с вином, внимательно следя за его силами. Она словно бы умела быть в нескольких местах одновременно, то заботливо разминая Киюши затекшие плечи, то лично пресекая назревающую между бандитами драку.

Блоха, кусающая буйвола, на глазах обретала силу и веру в себя.

Не мешкая, Киюши повел свое войско, опьяненное первой победой, узкой расщелиной, все глубже вгрызаясь в территорию мятежного правителя. Вспугнутые слухами, избежать которых не удалось, крестьяне спешно бросали насиженные места, под прикрытием малочисленных гарнизонных войск уходя в леса.

Встреченные войском караваны, торговцы или армейские разъезды противника уничтожались на месте без потерь. Миновав широкий мост, еще к окончанию текущего перелива Иронотсу вступил на земли очередного парящего монолита, принадлежащего префектуре Мишато. Ушедшие вперед разведывательные отряды сообщали, что на спине ближайшего горного исполина, лежащего впереди, разместился военный форт, оберегающий рудную шахту. Именно у его стен и раскинулся полевой лагерь, куда рекрутеры князя сводили завербованных наемников.

* * *

Спор начался неожиданно. Воины разместились на привал в теплой чаше укромной долины, окруженной холмами и берегом лавового озера, когда бандитские вожаки собрались на импровизированный совет.

— Иронотсу, мой господин! Ударив здесь, мы потеряем все свои силы, — Ссварна ходил по кругу, покачивая тяжелой головой. Амулеты на его меховых накидках злобно перезванивались. — Мы не обретем никакой добычи, сразившись со сбродом, навербованным Мишато! Линда, ты должна убедить его.

— Это так, — Шицирокину, важно вздернув ярко-желтый клюв, поддерживал собрата, хоть и без должного рвения. Время от времени он наклонялся к широкой бронзовой чаше, наполненной вином. Пил, после чего запрокидывал голову, глотая, словно птица. — Военный форт не может стать лакомым куском. Даже если мы захватим запасы руды, отчаянного сопротивления не избежать. Мы должны заставить солдат запереться в крепости, а сами пройдем дальше, ударив по беззащитным фермам и деревням.

— Не говори глупостей, брат, — Анзулон, твердо занявший сторону Иронотсу, похлопывал по своей ладони изящной булавой, уже вкусившей крови на этой войне. Каждое его слово напоминало удар этой булавы — тяжелый и беспощадный. — Мало того, что мы имеем шанс перетянуть на свою сторону половину этого сброда, после своего падения военный форт откроет нам ворота арсеналов. Ты же не собираешься до конца своих дней отбирать у крестьян вино, посевы и безделушки? Чтобы к нашим ногам пал хоть один крупный город, нам понадобится техника.

Лоава-Пран, с интересом разглядывающий спорщиков, как обычно молчал, выжидая. Молчал и сам Киюши, внимательно выслушивающий бандитских главарей.

— Мы не можем мешкать, это факт, — Овилла подала голос, накручивая на палец кончик хвоста. — Если мы дадим князю опомниться и собрать силы, он без проблем вышвырнет нас из провинции, не дав взять и сотой части запланированного. Мы же должны ударить так дерзко и неожиданно, чтобы у лорда пропало всякое желание преследовать нас. Так, чтобы не появилось даже мысли о возможной мести Гив-Назандару.

— Верно! — Шицирокину обернулся к суккубу, с достоинством кивая. — Но давайте

же ударим по селам и деревням, не теряя клановых воинов в стычке с профессиональными солдатами.

— Согласен! — Ссварна стоял на своем, стреляя глазами по лицам собравшихся.

— Да никакие они не профессиональные, — Анзурон звонко прихлопнул по ладони палицей. — Если одели туники князя и взяли алебарды, это еще ничего не значит. Они напуганы вторжением, и мы не должны давать им времени, чтобы придти в себя.

— Тьфу! — Ссварна сокрушенно всплеснул руками, зазвенев берегами. — Да как вы не поймете? А стены? А боевые машины на них? Высокие башни? Их тоже не обучали военному делу?

— Умоляю, брат, — в голосе Громового Плясуна зазвучала мольба, — да эта провинция ни разу не подвергалась серьезному нападению. Я убежден, что форт просто выгнил изнутри, видят Держатели!

— Смола, пропитанная Нитями, не протухает никогда, и об этом расскажут твои воины, если ты отправишь их на штурм!

— Гарнизон этого жалкого форта не превышает и пяти десятков воинов, — Дарвал взглянул на Овиллу, и та ответила молчаливым кивком, подтверждая его слова. — Нас почти втрое больше, мы имеем на своей стороне внезапность и первую победу. Мы ворвемся на стены, словно ветер, даже не дав им подготовиться к битве.

— И унесем с собой в Назандар трофейные знамена, оружие и камни стен? — едко поинтересовался Ссварна. — Или ты думаешь, что в подвалах форта хранятся несметные сокровища? Ударим по деревням, там мы хоть сможем набрать рабов. Лоава-Пран, ну чего ты молчишь? Скажи свое слово.

Но тот лишь покачал плоской головой, задумчиво пронзая воздух раздвоенным языком. Зверек, прикованный к руке бандита, жалобно заскулил, спрятавшись в складках одежды. Было видно, что Лоава-Пран ждет, когда свое веское мнение выскажет сам Киоши. От Ссварны не укрылась его реакция.

— Иронотсу, мы ждем твоего решения! — ручки морщин изрезали широкий лоб бандита, глазки сверкали. — Ну зачем нам этот форт? Воины не поймут тебя.

— Поймут, — негромко сказал Киоши, поднимаясь с камня, на котором сидел. Он видел свое отражение в зрачках Овиллы и лишь тверже понимал, что все делает правильно. — Они поймут меня. Вы говорите, что нам предстоит столкнуться с наемниками? Анзурон прав — те, кто не разбегутся при виде нас, приняв за армию Императора, примкнут. Вы говорите, что в форте нечем поживиться? Руда и запасы торговых караванов станут вам наградой. Гарнизон и правда слаб — окрыленные победой, ваши воины сомнут его, даже несмотря на стены и башни. Но главное, для чего мне нужен этот форт...

Киоши намеренно сделал глубокую паузу. Он ощущал на себе внимательные взгляды, нетерпение и сомнения бандитов, их страх и неуверенность. Развернувшись так, чтобы сжатую в кулак латную перчатку было видно всем, он продолжил еще тише.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы отобрать у крестьян несколько мешков зерна и угнать в рабство десяток низших. Мы пришли сюда, чтобы смелостью и умением обескровить провинцию, безнаказанно выпить из нее все соки, выжать ее, словно тряпку. И для этого нам мало войти, ударить и сбежать. Любая атака войск князя на наш лагерь станет последней битвой этой войны. А это значит, что нам нужна база. Помните, я говорил вам, что все недостающее мы возьмем на месте? Здесь, в Котле? Так вот я даю вам эту базу — пусть слабую, но все же крепость, из которой мы можем еще долго совершать вылазки почти во все концы Котла, вскоре окончив свою жатву. И поэтому мы пойдем на штурм, завладеем фортом и разгромим лагерь наемников.

Над каменистой вершиной холма, на которой расположились командиры, повисла тишина. Киоши, будто оставшись в одиночестве, смотрел в долину. Он рассматривал отдыхающих демонов войска, дозорных, окружавших стоянку редким кольцом, телохранителей главарей, разместившихся неподалеку, темнеющий красный небосвод.

Перчатка Сگونه принялась негромко гудеть, силясь игриво раскачать кисть, и он

усилием воли приказал оружию успокоиться. Вознеся молчаливую молитву Держателям, юноша попросил их, чтобы на момент атаки в лагере рекрутеров не оказалось ни одного суэджигари...

Анзурон первым поднялся на ноги вслед за господином. Встал прямо, вешая булаву на пояс.

— Ироносу говорит разумнее многих старейшин Гив-Назандара, — кивнул он. — Да, потери будут, но я внимаю его словам и иду следом.

Овилла была второй, молча занимая место за его плечом.

Следующим поднялся Лоава-Пран.

Шицирокину, задумчиво покачивая клювом, присоединился к ним после недолгого раздумья.

Сварна, в отчаянье махнув рукой, но все же улыбаясь, последним встал с подстилки.

— Я и правда услышал слова мудреца, — он потер чешуйчатый висок. — Давайте же засядем в этой крепости, и пусть вся армия префектуры попробует выбить нас оттуда!

Киوشي выпустил воздух сквозь до боли сведенные зубы. Он до сих пор не верил, с какой легкостью способен убеждать бандитов в необходимости нужных ему решений. И вот они поверили — победа при штурме форта должна принести его армии нечто большее, чем просто деньги. Удачный приступ добавит бандитам ощущение неуязвимости и всесилы, которыми так хотел поделиться с ними Иронотсу. А кроме этого, он станет первым серьезным ударом по войсковым соединениям лорда Мишато, действительно даст вторжению базу, запасы провианта и оружия.

Сам князь, гнездившийся в далекой Онадзиро, отныне поймет всю серьезность войны, начавшейся в его землях. Взятие форта будет первым шагом возмездия, пылавшего в сердце юноши, заставит карты мятежников смешаться, и главное — протянет шаткие мостики к замыслу, только крепшему в сознании Киوشي. К замыслу, которым тот пока не делился даже со ставшей его тенью Овиллой...

В следующее мгновение юноша уже ощутил себя на стремительном марше. Скрип кожаных доспехов, позвякивание стали, шелест Нитей и негромкие окрики офицеров окружали его, только что стоящего на холме в свите из вожakov Назандара. Сознание Киوشي принялось окрашиваться в красный цвет, а покорные тоэхи, стремительно пробирающиеся через лес, перестали быть демонами из плоти и Нитей. Теперь они превратились в послушные и могучие фигуры, расставляемые по сложной игровой доске рукой в железной перчатке.

Приготовления к штурму оказались молниеносными. Не обладая парком осадной техники, воинам Иронотсу в предстоящей битве приходилось рассчитывать только на две вещи — внезапность и скорость. Главари разошлись по своим кланам, подробно объясняя бандитам их задачи. Для того, чтобы пресечь ропот, пронесшийся среди опасавшихся штурма, Анзурон распустил слух о хранилище драгоценных минералов, размещенном в подвале форта.

С помощью армейских Ткачей были сплетены десятки заклинаний, придающих устойчивость многочисленным лестницам, построенным из прочной, как камень древесины. Колдуны готовили Нити, отбирая наиболее мощные и надежные, прядя и раздавая по отрядам разовые боевые заклинания. Низшие готовились к битве, разминая мышцы, проверяя и подтачивая оружие.

Овилла, мрачная, будто грозовая туча, тем не менее ни на шаг не отходила от Киوشي, помогая отдавать приказы и активно обсуждая с офицерами предстоящий бой. Юноша пару раз порывался узнать, чем вызвана столь резкая смена ее настроения, но так и не решился. Совесть успокоила его, услужливо предложив мысль о том, что суккуб недовольна стремительными изменениями, происходящими в душе молодого Мацусиро. Признавая их, он, не кривя душой, пугался и сам.

Как и любой тоэх, вступающий в фазу взросления, он менялся не только морально, но и физически. Грудина его раздалась вширь, мех на плечах и загривке стал темно-серым, почти

черным, нижняя челюсть удлинилась, клыки отросли до кинжальных размеров. Перчатка, которую юноша не снимал уже очень давно, буквально приросла к руке, превратившись в огромный нарост угрожающего вида, придавая всей фигуре Мацусиро массивность и силу.

Он чувствовал, что когда идет в бой среди своих бойцов, те буквально питаются исходящей от него уверенностью, теряя всякий страх и сомнения. Так происходило и сейчас, когда он одним из первых шагнул по лесу в направлении обреченного форта. Наступление началось, когда полотнище неба принялось темнеть — нападение должно было свершиться в самую середину Темного Перелива.

Форт представлял собой квадратное, укрепленное массивными стенами из каменных деревьев поселение, с аккуратно расставленными внутри строениями. Четыре мощные башни по углам смутно темнели на фоне багрового неба, прикрывшись остроконечными шляпами ажурных крыш. Мощеная булыжником дорога, поднимаясь на невысокий крепостной холм, огибала просторный палаточный лагерь и мостом перепрыгивала через узкий ров, окружающий форт. Своей дальней стеной укрепление подпирало гладкий отвесный склон скального массива, по высоте вдвое превышающий крепостные башни.

Нити, предусмотрительно уничтоженные на изрядном расстоянии от стен, были сконцентрированы внутри, клубясь вокруг трех Ключей. Завораживающе покачиваясь и извиваясь, в воздухе висели преимущественно Красные струи.

Красно-золотые стяги и вымпелы, укрепленные на стенах и крышах, вяло полоскались на слабом ветру. На одной из башен виднелся высокий гербовой значок, принадлежащий командующему фортом джегалу. Немногочисленная охрана форта громко перекрикивалась между собой, скрипела досками настилов, регулярно совершая обход по периметру. В лагере наемников горели редкие костры, пахло вареным мясом. Поселение горняков, лежащее ниже по склону, негромко шумело собственной жизнью.

Застыв у густой опушки, Мацусиро глубоко вздохнул, глотая чистый и освежающий, словно ледяная вода, воздух. С наступлением Темного Перелива стремительно похолодало, заставив лавовые ручейки со скрежетом и хрустом остановиться, заковывая потоки в морщинистые панцири каменной корки.

Сзади приблизилась Овилла, цепко осматривая вражеский форт из-за крупных камней, служивших укрытием Киоши, Дарвалу и Шицирокину.

— Лагерь пока трогать не станем, — Иронотсу говорил предельно тихо. — Сомневаюсь, что они бросятся на подмогу. А вот если получат удар, станут сопротивляться, спасая жизни. Возьмем форт, тогда и окружим наемников...

Птичий крик заставил Киоши поднять голову.

Теперь изморозь сковала не только Тоэх, но и сердце дерзкого юноши.

Ширококрылая птица, неспешно покачиваясь на потоках ветра, кружила над замком.

Стервятник...

Но Киоши зажмурился, и теплая пульсация перчатки отогнала предательское видение.

Оружие Марвина победило, возвращая хозяина в полный силы и непобедимой мощи мир. Киоши потряс головой, не ответив на вопросительный взгляд суккуба, и склонился к покрытой перьями шее Шицирокину.

— У дальней стены форта находятся клетки со скатами. Запомни, животные должны уцелеть. Как можно больше. Ясно? Исключение делайте только в том случае, если защитники вышлют гонца, тогда можешь бить не целясь.

— Не беспокойся, Иронотсу, — Шицирокину с тихим клекотом открыл клюв, посверкивая его бритвенными краями, и притянул в кулак еще две Красные, усиливая ударное заклинание. Тугой клубок, словно живое существо, ритмично подрагивал на его руке. — За своих воинов я отвечу головой. Не успеешь моргнуть, как у тебя будет личный скат.

Юноша благодарно улыбнулся ему, покидая укрытие вслед за Овиллой.

Снова взглянул на небо, стараясь в неприступных скалах, смертельным проклятием нависших над фортом, рассмотреть укрывшихся воинов Шицирокину. Сейчас там

притаились тоэхи, по большей части имеющие крылья.

Кружащий над крепостью силуэт исчез.

Птица, это была просто птица, не более...

Усиливался ветер, яростно растрепывая редкие кусты, покрывающие далекую вершину, принося вместе со свежестью привкус свежей крови и тяжелое, толчками накатывающее чувство боевой лихорадки. Киоши щелкнул металлом пальцев, с трепетом ощущая, как струится по жилам настоящее пламя. Он подумал, что его никогда не поймет тот, кто не разу не вступал в бой. Кто никогда не врывался, сея ужас и смерть, в ряды врага. Кто не плясал грозного танца битвы, отдавая дань войне...

Тоэхи медленно двинулись вперед, повинаясь приказу Железной Руки. Пошли, словно стена ожившего цунами.

Киоши вскинул вооруженную руку.

Десяток крылатых теней, скользя вдоль скальной стены, стремительно рухнул вниз, разом заноса для удара приготовленные боевыми Ткачами заклинания, разноцветными переливами мелькающие в когтистых лапах. Еще миг — и охрана зашлась в пронзающем тишь вопле, загудели бронзовые гонги, раскалывая сон гарнизона на бесформенные куски.

Дарвал злобно сплюнул на камни, забрасывая заплетенные в косу волосы за плечо, и рывком поднялся на ноги. Но Киоши уже опережал его, скатываясь по мелким камням на ведущую к крепости дорогу. Отобранные в личный отряд Иронотсу демоны огибали валуны, длинными прыжками следуя за вожак.

Крылатые воины Шицирокину уже скрылись за стенами форта, вступая в бой с первой линией охраны, когда небо над укреплением внезапно расцвело, яркими вспышками озаряя округу и рвущуюся к крепости волну демонов. Спрятавшиеся под навесами низких крыш стрелометы принялись торопливо разворачиваться в сторону нападавших.

Дорога летела под ногами, приближая воротную стену все ближе и ближе. Лязгнули магические тетивы боевых машин, и сразу двое тоэхов, бегущих следом за Иронотсу, ошметками плоти метнулись назад. Но вот форт надвинулся вплотную, с его криками и шумом битвы на внутреннем дворе, и Киоши прыгнул, скорее почуяв, чем заметив, как за ним в воздух поднялись Дарвал и остальные демоны.

Рывок был сильным, во всю мощь, отведенную молодому Киоши Держателями.

Усмирив дыхание, он тяжело приземлился на стену, едва не сбив установленные над воротами стяги. Мигом спустя, хрустя древками выпелов и цепляясь руками за зубцы парапета, на стене появился Анзурон, тут же обнажая меч. Остальные демоны карабкались на стену там, где хватало места. Те, кому не досталось сил допрыгнуть до края, торопливо выбирались из глубокого рва, обожженные спрятанными в нем заклинаниями.

Согласно общему плану, именно сейчас Лоава-Пран со своими бандитами должен был направляться к воротам.

Юноша метнулся вперед. Но не к спешащим по стене стражникам, отчаянно размахивающим боевыми топорами, а вниз, на крепостной двор. Там, у клеток, где бесновались, взбешенные нападением, скользкие тела огромных летающих скатов, воины Шицирокину сцепились с насевшими на безумцев защитниками.

Еще не коснувшись крупных камней, мостивших двор, Киоши с размаху ударил одного из ближайших врагов приготовленными Красными. Блестящий мареновый диск, шумно распоров воздух, рванулся к жертве, сильно ударив в плечо коротышку, чье тело было усеяно огромными гибкими иглами. Тот бросил непонимающий взгляд на ставшую чужой руку, отлетающую прочь, а затем резко опрокинулся, со стоном сжимаясь в колючий клубок и пытаясь зажать смертельную рану. Иронотсу прыгнул, оборачиваясь, и с облегчением насчитал почти дюжину бандитов, перепрыгнувших стену форта следом за ним. Не мешкая, прыгнул к воротам, бронированной рукой вцепляясь в тяжелый окованный засов.

В это мгновение на крепостном дворе появился джегал, командующий фортом. Чудовищно высокий, он напоминал только что восставший из могилы скелет, кости которого невероятным образом еще держатся друг за друга. Подхватывая увязанные в пучки Нити, он

сплотил вокруг себя довольно большой отряд подросших воинов. Громогласным ревом отдавая приказы, защитники бросились в атаку на ворота.

Демоны, составлявшие специальный отряд Киюши, вступили с ними в бой. Тоэхи полосовали друг друга лапами, зубами, холодным оружием и Нитями, расходясь и вновь бросаясь в смертельные объятия врагов. В створ ворот слева от Киюши ударили, рассыпаясь искрящимся дождем, два заклинания. Подскочил Дарвал, отбрасывая окровавленный меч, и вцепился, застонав от натуги, в засов, помогая Киюши. Отряд защитников, ведомый комендантом форта, приближался, готовясь отбросить нападавших от ворот и не дать им решительно переломить ход сражения.

Скрип окованной металлом древесины казался Мацусиро долгим, словно растянутым во времени.

Под рычание Анзулона засов неохотно двинулся вверх.

Атакующие защитники замешкались, уже понимая, что опоздали.

Ворота распахнулись от резкого удара снаружи, словно за тяжелые створки потянули сотни невидимых канатов. В освобожденный створ влилась волна ревуших демонов Лоава-Прана, сшибаясь с врагом прямо на пороге его дома. Киюши и Анзулона завертело, сминая живыми тисками, а затем оба развернулись к противнику, поднимая булаву и перчатку.

И началась сеча. Короткая кровопролитная рубка, в ходе которой Киюши не успел заметить, как воины Ссварны взяли одну из стен форта, воспользовавшись заготовленными лестницами. В это время Шицирокину, возглавив резервный отряд, смог пробиться к крылатым смельчакам, начавшим штурм. Отбросив врага от клеток, они погнали его к башне, и теперь битва закружилась не только на земле, но и в воздухе. В небе над крепостью завязалась маневренная и молниеносная схватка, окончившаяся победой бандитов.

Столкнувшийся в давке с Анзулоном комендант форта сцепился с тем в поединке. Они заплясали, сясь достать друг друга оружием, как вдруг зеленоволосая телохранительница, появившись, словно ниоткуда, пробила скелету лоб арбалетной стрелой. После этого Дарвал Нитями и булавой буквально расшвырял коменданта по всему двору.

Киюши продолжал драться. Бил и вновь наносил удары, вертясь и не считая ран. Бил, пока последний тоэх в красно-золотых цветах князя не повалился им с Лоава-Праном под ноги, истекая кровью и моля о пощаде. Только тогда юноша остановился, оглядывая поверженную крепость.

Форт пал, и Мацусиро вознес искреннюю хвалу Держателям и их Путям, приведшим Иронотсу к победе. Дружный рев бандитских глоток потряс округу, когда бандиты осознали сделанное собственными руками. Ведомые вожаками, они пустились прочесывать форт, выбивая из башен и комнат последних защитников. Аристократский значок на башне рухнул, с грохотом отпрыгивая по залитой кровью площади. Победители принялись вязать или добивать пленников.

Лавируя среди трупов, к Киюши приблизилась Овилла, тенью возникнув в пустом проеме распахнутых ворот.

— Я победил, Линда! Мы победили!

Она кивнула, не отпуская его из объятий. Тело суккуба еще горело огнем схватки, сотрясаемое дрожью. Перешагивая через трупы, подошли Дарвал и Ссварна.

— В подвале одной из башен мы нашли действующий стационарный Портал, — Анзулон закрипел кожей перевязи, пристегивая на место булаву. — Мои воины уничтожили его. Но, боюсь, кто-то мог успеть улизнуть.

Киюши кивнул.

— Пленных не добивать, — юноша широким жестом обвел поле боя, указывая на жестоко израненных, но еще живых вражеских воинов.

Бандитские вожди одновременно пожали плечами, и не думая оспаривать приказ.

— Ворота закрыть, на стены выставить дозорных. Пусть каждый клан займет свою сторону форта. Ткачам взять под контроль Ключи и заблокировать Портальные выходы. Штурмовые лестницы немедленно перенести внутрь. Скотов успокоить и усыпить.

Командирам предоставить полные списки потерь и полученных трофеев. Ссварна, пусть твои демоны пресекают грабеж и мародерство. Послать дозорных к лагерю. Дарвал, я хочу, чтобы ты отправился туда лично и узнал, кто командует на вербованными наемниками. Мы не хотим сражаться с ними, мы хотим предложить им нечто большее. Линда, найди Шицирокину. Пусть он поставит несколько своих крылатых воинов на гребень скалы, откуда они атаковали...

Дарвал молча склонился в учтивом поклоне. Казалось, Громовой Плясун до сих пор не может поверить, что план его господина все же увенчался успехом... Ссварна незамедлительно двинулся прочь, громкими выкриками собирая свою банду.

Тяжелые ворота с грохотом захлопнулись за Анзуроном, в сопровождении телохранителей направившегося к лагерю наемников. Дозорные занимали места, доложив о панике, охватившей шахтерскую деревню, лежащую ниже по склону. Крестьяне покидали дома, спешно унося в лес скорбь и детей, но Киоши было на них откровенно наплевать.

Вскоре на стенах форта, возведенные бандитскими Ткачами, тускло замерцали сплетенные из Нитей клановые значки, привычным для Гив-Назандара образом отмечая раздел территории. Немногочисленные пленные защитники форта были брошены в подвалы, где за их спинами защелкнулись замки массивных решеток. Вместо сорванных знамен князя стены крепости украсились трупами поверженных врагов, как убитых, так и медленно умирающих.

Воины Иронотсу принялись за лечение раненых, подсчет убитых, оценку награбленного и шумные кровавые ритуалы, возносящие хвалу Держателям и личным покровителям пантеонов. Радости и безумию бандитов, празднующих победу, не было предела — еще никогда кланы не наносили регулярным войскам такого неожиданного и смелого поражения. По примерным подсчетам армейских целителей и Ткачей, после штурма из войска Железной Руки убитыми и тяжелоранеными выбыло почти четыре десятка бойцов. Однако и это не могло опечалить пирующих — барабаны били не умолкая, а в свете разведенных во дворе костров замелькали блестящие обнаженные тела суккубов, приступивших к обрядам крепкой удачи и силы. Отдохнув, раненые должны были, как и после первой стычки, вместе с добычей отправиться в сторону Портала в Гив-Назандар. Не без удивления Киоши наблюдал, как они доказывают своим главарям возможность остаться в строю, лишь бы те не отсылали их домой, дав возможность продолжить участие в походе.

Не мешкая, Ссварна выполнил приказ, расставив своих тоэхов у продовольственных и винных погребов. Получив собственную пайку выпивки и еды, они с недобрыми улыбками рассматривая любого, пытавшегося сделать хоть шаг в сторону охраняемого каземата.

Сам Киоши в сопровождении Овиллы направился в покои убитого Анзуроном безымянного джегала. Несколько уютно обставленных комнат находились в дальней от ворот башне, занимая два верхних этажа. Поднявшись на самый верх по крепким деревянным ступеням, Киоши ударом руки распахнул двери просторного холла. Десятки ароматных свечей усыпали края массивных столов и шкафов. Возле прогорающего камина разместились два огромных, под рост хозяина, кресла.

Миновав гостиную, юноша прошел в спальню коменданта, устало ваясь на длинную кровать.

Поток бессвязных мыслей, одолевающих его, не давал сосредоточиться. Ему казалось, что перчатка, вдосталь испив крови, словно уснула, лишив своего господина эмоциональной поддержки. Перевернувшись на спину, Киоши принялся в раздумье постукивать когтями левой руки по ее броне. Блоха, покусившаяся на быка, рискнула всем, что у нее было. Бросившись в самое пекло, она рисковала в самом ближайшем будущем запросто проститься с жизнью. И даже победные крики толпы, влетающие в комнаты через узкие окна-бойницы, не могли сейчас вернуть Мацусиро веру в собственные силы.

Овилла осторожно опустила в изголовье, тряпицей стирая кровь с его лица, расчесывая спутанные волосы и осторожными прикосновениями врачую мелкие порезы. Подобрав с прикроватного столика подготовленную Красную Нить, она легким заклинанием

запалила десятки свечей, наполнявших и спальню. Склонившись над разгоряченным лицом юноши, суккуб принялась нашептывать слова, призывая гекару поверженных не держать на победителя зла и подарить тому покой и отдых.

— Мне кажется, ты и сам не в силах поверить в победу... — прошептала она, горячим влажным полотенцем отирая его лицо.

Киоши поднял на нее глаза, неуверенно улыбаясь чему-то. Кивнул, чувствуя, как затекла шея.

— Отныне пути назад не будет, — ответил он, испугавшись слабости своего голоса. — Что-то должно произойти, что-то важное, я чувствую это.

— Да, я тоже.

— Знаешь, я не устаю восхвалять Держателей, что Стервятник оказался в другом месте.

— Да, я тоже думала об этом. Ты понимаешь, что Мишато уже знает о вторжении?

— Понимаю. Теперь об этом знают и князь, и Тоэши...

Киоши со вздохом замолчал, глядя в резной потолок мимо лица демоницы. С этого момента в провинции начнется настоящая война. Лорд и Тоэши-Набо попробуют как можно скорее и жестче расправиться с бандой в своих владениях. А это значит, что через какое-то время Стервятнику станет известно, кто именно ведет головорезов по Котлу. Это станет известно обоим Стервятникам...

Если бомба, оставленная Магистром, и смогла нанести одному из них какой-либо вред, то убила навряд ли. В глубине души Киоши больше всего на свете хотелось верить в самое неожиданное — в смерть одного из суэджигари, но здравый смысл все же брал верх.

Юноша невольно поежился, только представив себе эту смертоносную пару, плечом к плечу стоящую под сбивающим с ног ветром.

Серые плащи, серые глаза.

Они ищут тебя, Киоши.

Без устали ищут от самого дома Слизня. Ищут, словно гончие псы упав носами в пыль дороги. А перчатка и бомба — лишь временные помехи на пути этих псов, предвещающих Кресту гибель...

* * *

Вероятно, он все же задремал. Настойчивый стук в дверь заставил юношу вздрогнуть, разгоняя по телу кровь, и Киоши сел на кровати. Овилла расположилась в кресле напротив, рассеянно рассматривая личные бумаги коменданта.

Ответив на приглашение, в гостиную прошли бандитские вожаки. Не хватало только Анзурона, но дозорные и разведчики сообщали, что глава Плясунов со своими телохранителями до сих пор находится на границе лагеря наемников, ведя переговоры. А еще разведка донесла, что в лагере больше не видно тоэхов в красно-золотых туниках — их тела теперь усеивали ограду, насаженные на окровавленные каменные иглы.

Усталые, но радостные, Лоава-Пран, Шицирокину и Ссварна разместились вокруг камина, подбросив еще дров. Киоши опустился в просторное кресло, сгоняя остатки сна. Овилла встала за его плечом.

Добыча, которую армия Иронотсу собрала при взятии форта, превзошла самые смелые ожидания бандитов Гив-Назандара. Помимо крупного денежного запаса, подвалы форта буквально ломились от партии минералов и камней, еще не успевшей покинуть его пределы. Также бандитам досталась дюжина летающих верховых мант и целый парк боевой техники. Разобранная, уложенная по ящикам и стойкам осадная техника и метательные машины занимали целый каземат. Кроме этого, склады крепости были полны запасами провианта, вина и напитков покрепче.

Сдерживая ликование, Киоши похлопывал рукой в перчатке по высокому подлокотнику кресла.

Однако тут же не обошлось и без дурных вестей.

В отличие от нападения на беззащитное торговое поселение, бандитская армия понесла первые серьезные потери. Летучий отряд Шицирокину, нанесший первый удар внутрь форта, был почти полностью перебит. Оставшиеся в живых регенерировали, но немногим удастся вернуться в строй в ближайшее время. Отряды Ссварны и Лоава-Прана тоже понесли потери, причем было убито двое Ткачей. Сам Лоава получил рану, и сейчас старался не прикасаться к пульсирующей регенерационной корке, покрывающей всю его правую руку.

А еще раненый вожак хотел домой.

— Не казни меня за эти слова, господин, — обыкновенно молчаливый, он с трудом подбирая слова, глядя исключительно в огонь камина. Зверек, теперь прикованный к поясу, беспокойно метался подле его ног. — Но если ты отдашь мне мою долю, я заберу оставшихся воинов и вернусь в Гив-Назандар.

Киоши слушал его, не перебивая, но чувствовал, как перчатка с интересом проснулась, словно тоже прислушиваясь.

— Мы собрали достаточно трофеев, чтобы прослыть богачами, видят Боги и Держатели! — черный раздвоенный язык метался меж крохотных зубов. — Дальнейшая война для моего клана — новые жертвы, и некому станет насладиться награбленными сокровищами. Мы помним, как обещали помогать тебе, но потери слишком велики...

Ссварна что-то пробормотал, исподлбья разглядывая говорившего. Шицирокину был неподвижен, глядя куда-то перед собой. Внезапно он открыл клюв, начав с гневного и громкого клекота.

— А мне мало награбленного. И даже несмотря на то, что Иронотсу отказывается от своей доли, как и обещал. Каждая смерть моего воина только увеличивает желание взять за нее как можно больше!

— Верно, — вступился Ссварна. Вступился рьяно, словно это и не он совсем недавно отговаривал бандитов от штурма. — Мы едва начали, а ты уже стремишься домой, поджимая хвост! Ты же ослабляешь нас! Или ты забыл, что только Иронотсу решает, когда мы возвращаемся в Гив-Назандар? Мы не помогаем ему, глупец, мы на него работаем! Если ты уйдешь, ты оскорбишь нашего господина, запятнав себя позором. Господин проявил себя мудрым полководцем. Пока ни разу он не дал усомниться в том, что когда вокруг нас по-настоящему заскачут раскаленные угли, Иронотсу не станет мешкать с отступлением!

— Но рабов и самоцветов, захваченных нами, хватит на долгую безбедную жизнь! — Лоава-Пран по-прежнему не смотрел на Киоши. — Мы можем захватить в сто раз больше, но где мы возьмем новых преданных тоэхов для своих кланов?

— Найдем! — крикнул Ссварна, вновь принявшись растирать чешуйчатые виски своей несоизмеримо огромной головы. Загремели сотни амулетов. — Стань богачом, и любой наемник сочтет честью влиться в твой пантеон! Освобожденные из темниц форта преступники уже вступили в наши кланы, избрав тот, кто больше по вкусу — это ли не показатель?

— Настоящая преданность не покупается, — без особенной уверенности в голосе парировал раненый бандит, но Шицирокину рассмеялся на эти слова, запрокинув клюв и сочно щелкая языком.

— А может быть, ты просто хочешь успеть в Назандар раньше нас, Лоава-Пран? — его блестящие глаза пристально уставились на него. — Хочешь вернуться со славой и трофеями, купив половину города, пока мы тут будем и дальше ослаблять свои банды? Может быть, ты хочешь начать свою войну, и не где-нибудь, а на улицах Гив-Назандара?

Лоава-Пран вскочил, опираясь на короткое копье. Глаза его полыхали, а язык рассерженно метался среди зубов.

— Ты обвиняешь меня в измене, Шицирокину?! Обвиняешь меня в том, что я хочу ударить в спину кланам, с которыми пошел на войну? Да только за одно это я могу...

Они так и не узнали, что может Лоава-Пран. Киоши уже поднимался из кресла, готовый решительно пресечь спор, как тут дверь распахнулась, и в холл шагнула Ронисори.

— Мой господин, — летящие из-под железной маски слова казались закутанными в

вату, — Анзурон возвращается. И он ведет к стенам форта наемное войско.

Едва не выломав двери, бандиты ринулись наружу, торопливо отдавая слугам приказы. Спор был забыт или отложен, но остроу потерял точно. Киоши и Овилла выскочили следом, бегом очутившись на крепостной стене. Сердце юноши тревожно колотилось, но присутствие зеленоволосого суккуба не позволяло думать о самом худшем. Если бы Дарвал предал, Ронисори осталась бы со своим господином. Овилла, словно прочитав мысли молодого тоэха, будто невзначай заняла удачную позицию за спиной арбалетчицы.

Всматриваясь в багровый сумрак под стенами, Киоши понимал, что посланница Дарвала не обманула — от лагеря в сторону форта действительно двигалась армия, по самым скромным подсчетам насчитывающая не меньше двух сотен воинов. На пике ее, бок о бок с огромной тушей незнакомого тоэха, шагал сам Анзурон.

— Отвечай, Ронисори, кто это? — властно спросил Киоши, не оборачиваясь, и буквально почувствовал, как ломается воля чужого суккуба.

— Это те, кого вербовщики князя приводили в лагерь для подготовки. Мой вождь говорил с ними.

— Каковы их цели?

— Мой вождь лично расскажет тебе об этом, — со странной отстраненностью ответила Ронисори, отступая в тень.

— Радует, что это не войска князя, — негромко вставила Овилла, торопливо разряжая обстановку. — Ведь наши враги могли настроить в префектуре целую систему Порталов для оперативной переброски войск.

— Что затеял Анзурон? — Лоава-Пран и Ссварна подошли к ним, опираясь на зубцы и всматриваясь вниз. — Он что, ведет сюда нанятых князем уголовников?

— Кажется, да.

С недоумением они рассматривали приближающихся тоэхов. В большинстве своем те были вооружены, а некоторые даже несли сплетенные из Нитей значки подразделений. Не скрываясь и гремя железом, отряд демонов остановился перед закрытыми воротами. Дарвал Анзурон и трое его телохранителей вышли вперед.

— Мои воины готовы к драке, — прошептал Ссварна, прижимаясь к Киоши.

— Воины Дарвала находятся под прицелом моих боевых машин и Ткачей, — столь же тихо прошипел Лоава-Пран напряженным голосом, и вновь стрельнул языком.

Подошедшее войско растянулось полумесяцем, занимая каменистые холмы по обе стороны от дороги. На высокий скальный выступ, щербатый край которого еще недавно служил Киоши укрытием, выбрался грузный вожак, сопровождавший Дарвала.

Сам Анзурон наконец нашел Иронотсу взглядом, приветственно вскинув руку.

— Иронотсу, твой приказ выполнен!

— Говори, Дарвал! — приказал Киоши, хватаясь перчаткой за край каменного зубца и подаваясь вперед.

— Эти воины были завербованы князем в свою армию. После того, как мы начали штурм, их вожак усомнился в силе воинов лорда Мишато. Как только крепость пала, наши братья набросились на солдат, перебив всех до единого. Они не желают чинить нам помех или зла, и тогда я предложил им вступить в твою армию. Однако ведущий их тоэх захотел лично говорить с тобой. По его словам, молва о Иронотсу уже докатилась и до Серединного Котла...

— Договаривай, Дарвал!

— Но она сильно преувеличена...

Киоши снова взглянул на массивную тушу демона, оседлавшего скалу.

Медленно перебирая паучьими ногами, тот терпеливо ждал, пока Анзурон закончит свою речь. Юноша прищурился, невольно восхитившись истинной формой предводителя наемников. Тот имел всего четыре ноги, очень похожие на паучьи — с множеством сегментов, толстые и мохнатые, с когтями на концах. Круглое брюшко, закованное в хитин панциря, размеренно покачивалось. Верхней же половиной демон походил на человека,

мускулистого и огромного. Под его серой шершавой кожей перекатывались комки мышц, а правая рука была наиболее сильна, оканчиваясь огромной клешней, какими могут хвастать крабы.

Шесть крохотных глаз кровавыми бусинками усыпали высокий лоб, покрытый жесткой щетиной. Сейчас они суетливо бегали по сторонам, рассматривая форт. Правая рука паука, тяжелая даже по виду, сейчас покоилась на земле, словно нуждаясь в передышке.

Армия Иронотсу в молчании ожидала развязки, направив метательное оружие и ложа боевых машин в сторону подступивших к стенам наемников.

Их предводитель наконец заговорил, высоким скрежещущим голосом обращаясь к стоящим на стенах:

— Почтенный Дарвал сказал верно. После падения форта именно я объединил нанятых князем тоэхов, сделав их своей армией. Несколько пришлось убить, да, но это лишь доказывает мою силу. Некоторые уже успели подписать зачарованные контракты, и погибли сами. Но едва мы получили безнаказанную свободу, я слышу про некого Иронотсу, грозу Серединного Котла, могучего воина и полководца. Х-ха! Меня и раньше забавляли истории о тебе, молодой бродячий джегал с железной рукой. И вот ты на моих глазах осмеливаешься посягнуть на военный форт Мишато. Где же ты, покажись, я не вижу твоей грозной фигуры. Или я путаю смелость с глупостью?

Овилла лишь тихо вздохнула, когда Киоши коротким прыжком вскочил на искрошенный зубец, поднимая перчатку. Оружие пробуждалось, чувствуя настроение своего хозяина, и сила ее на этот раз несла оттенки гнева.

— Я — Иронотсу! По моему приказу был взят форт, и воины называют этот поступок смелым. По моему приказу вас не тронули, предложив решить дело миром. А кто таков ты, дерзкий незнакомый?

Паук одновременно прищурил все свои глаза, одобрительно качая головой. Три сотни тоэхов, наблюдающие за происходящим со стен и из-под них, не обронули ни звука.

— Меня зовут Ииша-Н-Тавелот, и рекрутеры князя дорого заплатили за мой наем! Теперь я на собственном опыте жестоко разочаровался в их силах. Но если ты, Железная Рука, думаешь, что на этой земле хватит места для двух бандитских армий, спешу тебя разочаровать.

Ииша повел челюстью, из глубин которой показались яростно стрекочущие паучы жвала.

— Дарвал сказал мне, что ты нанял бандитских вождей, обещав им богатства Котла. Мне по сердцу эта идея, и я хочу перекупить у тебя их верность. Перекупить силой, Иронотсу, потому что не верю в сказки о тебе. Не ты — я разграблю Котел. Не ты — я подарю этим демонам славу и сокровища, создав собственный, самый сильный и уважаемый клан! А еще, Иронотсу, я заставлю тебя служить мне. Заставлю служить или убью...

Он медленно поднял громоздкую клешню, многозначительно проводя ею у себя поперек живота и оглушительно клацнув.

Киоши отвернулся от Ииши, глазами отыскав предводителя Громовых Плясунов.

— Пока мы не закончим, Анзурон, тебе придется подождать снаружи.

— Я понимаю, господин.

— Если после моей победы эти тоэхи не захотят перейти под твое командование, открывайте ворота и убивайте всех.

— Слушаюсь, мой господин...

Анзурон поклонился с хищной усмешкой, а стоящие вокруг него бывшие наемники на всякий случай отступили прочь. Аппре-Кон, Замма-Кха и Диг-Наг подняли оружие, предусмотрительно окружив своего вождя. Ронисори взвела арбалет.

Ииша-Н-Тавелот расхохотался, перебирая ногами.

— Ты самонадеян, Иронотсу, как о тебе и говорят! Идиот! Неужели ты и правда думаешь, что сможешь победить меня?

— Сдавайся, Ииша, и сразу переходи под мои знамена. Этим мы только сэкономим

время и силы.

По рядам бандитских армий прокатился дружный вздох, в котором читались восторг и опаска.

— Ты сумасшедший! — паук ударил передними ногами, дробя мелкие камни в пыль. — Иди сюда и проверим, чья клешня тяжелее!

— Ну тогда, — Киоши повел плечами, готовясь к прыжку, — после не держи на меня обиды...

Ииша сжался в комок, мгновенно выставляя руки вперед, и засеменил вбок. В триумфальной улыбке он обнажил иглы редких зубов, за палисадом которых стрекотали жвала.

— Овилла? — та мгновенно приблизилась. — Будьте готовы ударить, если игра станет грязной.

Заметив в глазах суккуба тревогу, он левой рукой коснулся ее подбородка.

— Я скоро вернусь, обещаю. Эй, Анзурон! Смотри, для чего в армии нужен настоящий джегал!

Потянувшись к ближайшему Ключу, юноша притянул в перчатку несколько сильных Красных. Свил, забросив моток за плечо, и в неожиданном порыве крепко поцеловал клинок перчатки, ответившей мерным гудением. Усталость внезапно отступила, словно не было двух схваток подряд, долгого изматывающего марша, сомнений и нерешительности.

Не проронив более ни слова, Мацусиро выпрыгнул за стену под единый вздох всей своей армии.

Приземлившись на край рва, он с легкостью перескочил его, выходя на дорогу к ожидавшему Иише-Н-Тавелоту. Вышел и остановился, еще раз поразившись размерам противостоящего ему тоэха. Такие, как поговаривал Хоэда, рождаются раз в эпоху и умеют покорять на Земле целые народы... Противник Киоши был почти вдвое выше рослого юноши, а его клешня в длину доходила Мацусиро до подбородка.

Паук снова улыбнулся.

— Готов сегодня умереть?

— Это был вопрос или твое утверждение?

Киоши пригнулся, выставив перчатку, и приставным шагом двинулся вправо, как можно дальше уходя от протянутой клешни. Перебирая лапами на месте, Ииша принялся разворачиваться, оставаясь к Иронотсу лицом и нависая, подобно башне.

В этот момент воины обеих группировок одновременно завопили, потрясая и гремя оружием. Заорали, стараясь перекричать друг друга, и принялись нестройно скандировать имена вожаков, подхлестывая тех к победе.

Но Ииша, как сразу понял Киоши, глядя в бусины паучьих глаз, не нуждался в поддержке. Он любил побеждать сам. И умел... Только сейчас юноша разглядел разнообразные черепа, орнаментом украшавшие тяжелый пояс врага.

Держась от кентавра на расстоянии вытянутой клешни, Киоши заговорил:

— Ты ничего не потеряешь, присоединившись к моему войску, Ииша, только приобретешь, — Мацусиро старался пристально отслеживать дистанцию. — Станешь главой своего клана наравне с остальными главарями. Получишь добычу. Ты зря бросил мне вызов...

Паук продолжал скалить зубы, отвечая на его слова лишь мерзким стрекотом. Пока он не торопился кидаться в бой, а его клешня приподнималась и опускалась, словно гипнотизируя противника.

— Мне показалось, или ты уже молишь о пощаде, Иронотсу?

Ииша медленно перебирал тонкими лапами по каменистой земле, словно живая бочка разворачиваясь на месте вслед перемещениям Киоши.

— Ты разочаровал меня во всем — мелкий, тупой, трусливый. Только идиот напал бы на форт Мишато, разве нет?

— Ты примитивен и туп, Ииша, и тебе никогда не командовать армией.

Киоши чуть отступил, левой рукой нащупывая приготовленные Нити.

Паук присел, словно готовясь к прыжку, и отвел клешню назад.

— Из-за слабоумия, тебе никогда не увидать картины в целом, как это может сделать только джегал. Войска Серединного Котла собраны под Онадзиро. Император буквально отдал префектуру на растерзание, великодушно прикрыв глаза на мою войну. И никто, ты слышишь, Ииша, никто кроме меня не станет палачом мятежных городов! А о пощаде придется просить именно тебе, клянусь именем моего отца! — последние слова Киоши произносил уже сквозь рычание, вырывающееся из его горла.

— Я убью тебя, щенок, а тело сожру на глазах твоей ублюдочной своры!

— Ни один из нас не собирается уступать, а значит — хватит молоть языками.

Словно соглашаясь, Тавелот широко замахнулся, занося клешню над головой Киоши.

Тот метнулся в сторону, срывая с плеча заклинание.

Клешня шелкнула, вспарывая воздух, и тяжело ударила в землю слева от ноги Мацусиро. Ииша-Н-Тавелот тут же отскочил, семена лапами, но голову прикрыть успел. Раскручиваясь в воздухе, перед его лицом в подставленную паучью лапу ударила гибкая Красная дуга, слетевшая с руки юноши.

Раздался треск, и кентавра отбросило назад. Серый дым, повалившийся от обожженной лапы, облаком окутал огромного тоэха. А Иронотсу уже прыгал вперед, резко отталкиваясь от края дороги и выставляя вперед перчатку. Ииша вынырнул из дыма и приготовился к защите ровно тогда, когда Киоши настиг его, клинком дотягиваясь до правого плеча.

Из-под короткой жесткой щетины брызнула серая кровь. Ииша-Н-Тавелот взревел, откатываясь прочь с безумной скоростью, но все же подволакивая порванную лапу. Киоши прыгнул вновь, на этот раз целя в голову. Кентавр присел, его бронированное паучье тело стремительно развернулось, и в следующее мгновение юноша катился прочь, уклоняясь от прозрачной кружевной пленки, веером рассыпавшейся навстречу.

Противники замерли, меряя друг друга ненавидящими взглядами. Камни и земля зашипели, разьедаемые ядовитой паутиной Ииши. Паук боком двинулся на ровное место, левой рукой зажимая запекающуюся рану.

Киоши снял с плеча новую Красную, разворачивая жгут.

— Значит, ты еще и Ткач? — злобно прошипел Тавелот, ритмично покачивая брюхом. — Ну так останови вот это.

Лихорадочно перебирая ногами, Ииша ринулся вперед, разворачиваясь вокруг своей оси и выпуская паутину. А в следующее мгновение он уже поворачивался обратно, грациозно переставляя тонкие ноги и бросаясь на врага вслед парящему невесомому полотну.

Киоши рванулся вверх, оставляя паука и его смертоносное кружево далеко под ногами, и швырнул заклинание. Занесенная для удара клешня замерла, когда паук врезался в летящий навстречу Красный хлыст, охватывающий когтистые паучьи ноги.

Ииша-Н-Тавелот с грохотом рухнул на дорогу, как подстреленный на крупной рыси конь, взметая в воздух тучу пыли и мелких камней. От удара вздрогнула земля, а над стенами форта загремел победный крик бандитов.

Паук задергался, стараясь выдернуть из заклинания хоть одну из запутавшихся ног.

Неестественно изгибаясь, его задняя правая лапа почти вырвалась на свободу, готовясь хоть приподнять мощное тело демона, когда сверху, падая из-под багрового небосклона, на врага обрушился Киоши.

Упал и сразу ударил в подставленную спину, с обратной стороны пробивая раненое плечо Ииши. Тот взревел, пытаясь подняться на спутанных Красными лапах, но Киоши прочно угнездился на широкой спине кентавра, обеими руками охватывая его шею и голову в жестокий залом.

— Сейчас ты дернешься, и я срежу твои глаза легче, чем гроздь винограда, — подрагивающий клинок латной перчатки замер, едва прикасаясь к краю самого левого паучьего глаза. — Что скажешь, Ииша, глаза быстро регенерируют?

Киоши напрягся, готовясь к тому, что враг все же попробует освободиться, сбросив его мощным рывком, но Тавелот оставался недвижим. Только опустился еще ниже, буквально лег на дорогу, вяло подергивая связанными ногами.

— Не двигаться, иначе отрежу тебе полголовы! — Иронотсу закрепил успех, торопливо переводя дух. — Если согласен поговорить, скажи...

— Согласен, — прохрипел тот.

Словно мертвый, он осел под Киоши, даже не пытаясь вырваться или сбросить. Прямо на глазах у Иронотсу его рана в плече принялась затягиваться, посверкивая искрами регенерирующей ткани.

— Теперь твоя жизнь в моей руке, Ииша-Н-Тавелот.

— Это так.

— Ты все еще считаешь, что слухи о моей силе и хитрости преувеличены?

— Нет.

— Тогда я требую повиновения. Полнейшего.

— Быть может, я предпочту смерть?

Ииша наконец пошевелился, и Киоши легонько ткнул его кончиком клинка в глаз.

— Это будет твой выбор, Ииша-Н-Тавелот.

Киоши позволил себе оторвать от бандита взгляд, бегло осмотрев стены форта и застывших под ними неудавшихся наемников. Как он заметил, к счастью, пока за оружие никто хвататься не торопился.

— Что ты попросишь за мою жизнь, Иронотсу? — обреченно прохрипел кентавр, тихо скрежеща жвалами. — Но прежде чем скажешь, помни, что отплатив любую цену я все равно попытаюсь уничтожить тебя. Рано или поздно, на Внешнем Кольце или во дворце Императора, я найду тебя и припомню...

— Замолчи! — укол короткого клинка заставил Иишу заткнуться.

Киоши втянул побольше воздуха, в случае неудачи готовясь убить врага одним четким ударом.

— Ты станешь служить мне в течение девятнадцати полных переливов! Получишь за это свою часть добычи и рабов. И поклянешься в верности. Подпишешь магический контракт особой силы. Станешь служить честно и беспрекословно.

Ииша-Н-Тавелот замер, перестав дышать.

— Ты нанимаешь меня, Иронотсу? Хочешь, чтобы я служил тебе? Ты и правда странный...

— Ты не пожалеешь, Ииша. Твое имя не станет покрыто позором. Кроме нас двоих никто не будет знать, как дешево я купил твою жизнь. Ну так что, ты готов отказаться от моего предложения и отправиться в Яму?

— Через девятнадцать переливов я попробую вновь убить тебя. Ты хочешь этого, Иронотсу?

— Через девятнадцать переливов я с легкостью одолею тебя еще раз, как сделал это сейчас. Разница будет состоять лишь в том, что во второй раз я тебя прикончу.

— Мне сдается, — Тавелот медленно и осторожно повернул голову, скашивая на Киоши все свои глаза, — что с этого момента жизнь в Серединном Котле перестанет быть простой и безмятежной. Ты ведь не готовишь мне подвох, Иронотсу?

Киоши медленно покачал головой, ничего не ответив.

— Девятнадцать переливов. Затем я убью тебя, Иронотсу, — паук кивнул, стараясь отодвинуться от поблескивающего клинка. — Но пока моя жизнь принадлежит тебе. Я поклянусь тебе в верности.

Юноша медленно убрал перчатку от головы поверженного врага.

— Я верю, Ииша, что у тебя хватит терпения...

Маусиро оттолкнулся от хитиновой спины бандита, соскакивая на дорогу. Ииша-Н-Тавелот медленно поднимался, прихрамывая и освобождая ноги от Нитей.

— Я хочу, чтобы твои воины разбили под стенами форта временный лагерь. Подписав

мой контракт, ты немедленно донесешь до них, кому теперь вы служите. Желаящие вольны покинуть твои ряды, влившись в кланы Гив-Назандара. После этого приходи в крепость, нам многое нужно обсудить.

А форт тем временем продолжал кипеть от криков. Демоны Иронотсу вопили так, что тряслись скалы. Над стенами летело имя юноши, а новорожденное войско Ииши-Н-Тавелота на всякий случай сгруппировалось в шар, отползая ниже по склону и ошетиливаясь оружием.

Киоши не без опаски повернулся к пауку спиной, поднимаясь к крепости. Анзурон, по-прежнему ожидающий вне стен, склонился в почтительном поклоне. Его телохранители последовали примеру. Складывая на груди руки, десятки тоэхов на стенах принялись кланяться, почитая воинское умение своего командира. В приоткрытых воротах появилась Овилла, в руках которой поблескивал лакированный тубус для ценных бумаг.

— Мои поздравления, господин, — она склонилась ниже остальных, протягивая ему бумаги. — Мое сердце поет от радости службы тебе.

— Мы сделали это вместе, Линда, моя джеш, — он поклонился в ответ, открывая тубус и вынимая свитки магических договоров. В жестах его читалась усталость. — Без тебя я не смог бы одержать и сотой доли своих побед. Я хочу, чтобы ты проверила каждого из воинов Ииши. Если в их рядах есть шпионы Мишато или ордена Сна, они должны быть рассекречены и незамедлительно уничтожены.

— Да, мой господин.

Ииша-Н-Тавелот, подтягивая раненую ногу, шел следом, стараясь не смотреть на собственных воинов. Тем не менее, ему хватило такта поклониться как Анзурону, так и Овилле.

Ревущая от восторга толпа встретила Иронотсу на крепостном дворе, бандитские главари склонились в поклонах. А вот их реакция на присоединение наемников Ииши оказалась различной. Лоава-Пран, до схватки вожаков настаивающий на возвращении, словно воспрянул духом, обсуждая с приближенными перспективы дальнейшей кампании. Безродные демоны из рекрутерского лагеря, по его мнению, должны были стать неплохим подспорьем в войне, сократив потери кланов. Дарвал буквально светился от удачного исхода рискованного плана по привлечению на свою сторону многочисленных наемников. Сварна одобрительно кивал головой, подсчитывая прибывшее к войску неожиданное подкрепление. А вот Шицирокину, молчаливо разглядывающий Иишу-Н-Тавелота, вел себя как минимум сдержано.

Разместив свою разношерстную банду под стенами форта и выставив часовых, Ииша лично явился в крепость. Соблюдая обычаи, бандитские предводители неторопливо познакомились друг с другом, стараясь не выказывать эмоций. Киоши, сейчас мечтающий лишь о миске горячей похлебки и теплой кровати, старался как можно скорее покончить с формальностями. Скрежеща жвалами, на глазах у остальных вожаков Тавелот подписал заклые бумаги.

— Отдохнув и перевязав раны, — Киоши рассматривал лица застывших перед ним командиров, — мы нанесем ряд молниеносных ударов по торговым поселениям Котла, находящимся в непосредственной близости к форту. Уничтожив поселение, каждый отряд обязан вернуться в крепость. Так мы расчистим себе путь в сердце префектуры, создав собственную зону отчуждения. Выжигайте все, что горит. Блокируйте Ключи, разрушайте алтари Порталов. Убивайте все, что способно шевелиться или держать оружие. Берите рабов, богатства и припасы. Отдельная группа займется подготовкой осадной техники к транспортировке. Я слушаю ваши вопросы.

— Да простит меня мой господин, — по обыкновению заклекотав, с поклоном заговорил Шицирокину, — но мои воины не желают сражаться вместе со сбродом уважаемого Ииши-Н-Тавелота. Алмазные Грани не доверяют тем, кто был нанят князем. Пусть его воины сначала докажут преданность общему делу, и лишь после этого мы сможем назвать их своими братьями.

— Ты хочешь сказать, что мои воины могут предать? — Тавелот взвился на паучьи

лапы, угрожающе приподнимая раненую клешню. — Да как смеет уважаемый Шицирокину допускать мысль о таком кощунстве? Я дал клятву, скрепленную чарами! Оскорбления, подобного этому, я не стерплю!

— Я лишь высказываю волю клана, — негромко парировал глава Алмазных Граней, старательно не глядя на воинственную позу собеседника. — Решение будет принимать Иронотсу, да продлится его век бесконечно.

— Сразу после совета я лично и несколько армейских Ткачей проверим воинов, завербованных аристократами князя, на лояльность, — негромко добавила Овилла, выдержав полный яда взгляд паука.

— Х-ха, да мне тут не доверяют! Быть может, мне рассказать об этом воинам?

— Ты угрожаешь нам, почтенный Ииша? — в словах Анзурона слышалось почтение, балансирующее на тонкой грани издевки. — Быть может, ты забыл, в чьих руках отныне находится твоя жизнь?

— Я не забыл... — кентавр потер передние лапы, оглушив присутствующих неприятным скрежетом жестких щетинок. — Я покоряюсь слову господина и жду решения Иронотсу. Что скажет он, когда в рядах его армии нет мира и доверия? — язвительно оскалившись, насильно нанятый бандит взглянул на юношу сверху вниз.

— Это, — Киюши тяжело поднялся с каменной плиты, на которой восседал во время совета, — лед непонимания, сковавший наши ряды. А это — мое решение, и каждый из вас должен помнить, сколь весомым оно является.

С этими словами он широко взмахнул правой рукой, беззлобно и даже лениво обрушивая латную перчатку на плиту. С хрустом и скрежетом массивный камень переломился. В наступившей тишине вожаки смотрели, как оружие на руке Иронотсу начинает светиться тусклым огнем.

— Овилла тщательно проверит каждого из наемников Мишато, и это не обсуждается. Пока верность воинов Тавелота не будет доказана, Алмазные Грани и бойцы Ииши станут действовать раздельно, двигаясь параллельными путями. Любые ссоры и стычки будут пресекаться жестоко и на месте. Учитывая многочисленные потери, на плечи клана Шицирокину ляжет проведение отвлекающего маневра, кровавые и шумные атаки на отдаленные деревни. Лорд должен поверить, что в его земли вторглось многочисленное войско, способное затопить весь Котел. Присоединение Граней к основному войску произойдет только в случае крупного сражения. Если почтенный Шицирокину встретит тяжелое сопротивление, он будет волен свернуть наступление, вернувшись в форт или к точке выброски в Котел. Связь с его группой будет поддерживаться через крылатых тоэхов. Еще вопросы есть?

Не спуская глаз со светящейся перчатки, бандитские главари лишь покачали головами.

Овилла, не сдержавшая легкой улыбки, со щелчком запечатала магический замок на шкатулке с договором Ииши-Н-Тавелота.

Эпизод XIII. Война

Он нашел ее высоко на скалах, где умирающее дерево тенями ветвей чертило на морозной сверкающей земле причудливые картины. Шел нарочито громко, чтобы демоница заранее знала, что уже не в одиночестве. Суккуб медленно повернулась, отбрасывая с лица рыжую прядь.

— Эта война тяжела для меня, прости, мой господин. Я была воспитана для шпионажа и тайного противостояния, от вида пролитых тобой рек крови меня мутит...

— Не слишком ли сентиментально для дочери Тоэха?

— Немало прожив на Земле, ты должен знать, что человеческие чувства, когда-то подаренные людям жителями Тоэха и Мидзури, присущи нам в еще большей, обостренной степени.

— Не хотел обидеть тебя.

— Я не обижаюсь, это удел слабых. Но ты становишься все дальше, даже в постели не снимая своего оружия.

Киоши присел рядом, наблюдая за стаями крылатых ящеров, игриво переплетающихся в розовом небе. Потeki темно-красного напoлзали на светлый небосклон из-за далекого туманного горизонта, создавая удивительную по красоте картину. Растегнутая перчатка упала в редкую сухую траву, ломая стебли. Обиженно вздрогнула. Впервые за долгое время сняв оружие, юноша мгновенно почувствовал себя едва ли не голым. Полностью обнаженным, несмотря на кожаную куртку доспеха и тяжелый плотный плащ.

— Что ты задумал на этот раз, мой господин?

— Не называй меня так, прошу. Хотя бы, когда мы вдвоем.

— Зачем тебе Ииша? Взяв форт, мы одержали славную победу, но отныне в обеих армиях только и говорят о том, что через семнадцать переливов он сожрет твой труп...

— Именно это держит их на боевом взводе, как арбалетную тетиву. Они уверены, что я не побегу и дам бой Тавелоту. А это значит, что до последнего момента буду возглавлять их ничтожную армию.

— Я не понимаю тебя.

Киоши замолчал, разглядывая тяжелые лысые ветви над головой. Крохотный зверь, похожий на белку, скакнул с них на землю, с любопытством наблюдая за тоэхами, сидящими на вершине горы. Семена лапками, подобрался поближе, в надежде на лакомство.

— Ты должна знать, — сейчас, без оружия на руке, эти слова давались ему с трудом. — Я не стану охотиться за Тоэши-Набо или вечно пить кровь Мишато. Дойдя до сердцевины Котла, я попробую уничтожить Камень.

Плечи Овиллы напряглись, став похожими на плоть скалы. Она молчала, давая ему возможность закончить.

— Я хочу сделать крупную ставку, — он устало потер пальцами глаза, с удивлением разглядывая правую кисть, ставшую ощутимо бледнее и тоньше. Хрупкие сизые вены слабо подрагивали под посеревшей кожей, и юноша поспешно отвел взгляд. — Я проникну в замок лорда Мишато, где Стервятник собирает Камень. И уничтожу его.

Резким ударом хвоста суккуб перерубила зверьку, подобравшегося на опасное расстояние. Вскочила, позволяя Мацусиро разглядывать точеные гладкие бедра. Юноша слышал ее шумное дыхание, ощущал приятный пряный запах, исходящий от кожи.

— Я не позволю тебе пойти на это!

— Доверься мне.

— Я верила тебе все это время, но не могу поддержать, если ты добровольно идешь на смерть. Где твой разум, когда-то остановивший нас от путешествия во вре?..

— Послушай, Овилла, — Киоши нерешительно прикоснулся к ее ноге, не зная, что делать дальше. — Помнишь, как однажды забитый до полусмерти тоэх доверился девушке, прыгнув к ней в машину? Сейчас я хочу, чтобы эта девушка доверилась ему. Вспомни письма, которых я не писал. Вспомни нашу могилу. Мы вырвались из течения, смогли покорить судьбу, выбрать собственный путь. Пришла пора проверить, так ли это.

— Ведь твоего решения ничто не изменит? Ты принял его, как когда-то решил избавиться от Слизня, убивать рекрутеров Мишато, идти войной в Котел или нанять Иишу-Н-Тавелота, да?

— Думаю, это так.

Овилла сделала несколько шагов вперед, пальцами счищая с хвоста застывающую кровь. Теперь она стояла к юноше спиной, почти на краю скалы, а насыщенный красным цветом мир лежал у ее ног.

— Прости, мой господин. Я не должна была демонстрировать свою слабость.

Он поднялся следом, машинально поднимая перчатку из травы. Застегнул оружие на запястье, сжимая кулак в ответ на благодарное покалывание. Встал рядом, вдыхая ароматы ее волос. Теперь мир лежал и у его ног тоже. Жаркий и холодный до изнурения, темный и наполненный яркими всполохами, жестокий и устойчивый, как свод законов.

Суккуб искоса взглянула на него, сверкая глазами. И только сейчас Киоши познал, о чем демоница говорила там, на далекой дороге, ведущей к Порталу во времени. За долгий срок службы Императору и ордену Сна она просто невероятно устала. И юноша не имел права винить ее за это.

— Я воин, — негромко сказал он, старательно подбирая слова. — Не такой, каких учат в казармах и гоняют сержанты. Не такой, каких целыми эпохами не выпускают из горных монастырей и храмов. Но я джегал, и отец успел дать мне все, что подобает иметь хорошему воину. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Более, чем ты, Киоши Мацусиро, — ответила она, и только сейчас молодой тоэх смог различить невероятную пропасть возраста, разделяющую их. — Но я рада, что смогла заставить тебя поверить в собственное предназначение.

Силясь понять сказанное, Киоши задумчиво подвигал пальцами. Холодная сталь очаровывала.

— Прошу, отведи меня к замку Мишато.

* * *

Закрепившись в форте, диверсионные отряды войска Иронотсу, увеличившегося вдвое, приливной волной растеклись по землям префектуры. Группами по несколько десятков тоэхов они принялись терзать окрестные поселения, не щадя ничего живого. Нападениям подвергались деревни, небольшие города, караваны, одинокие мельницы и кузни, придорожные постоянные дворы и стоянки лесорубов.

Села Котла шипели и плавились в огнях пожаров, заживо пожираемые демонической ордой. Солдаты лорда, не получив толковых приказов и подкреплений, давали бандитам слабый и неубедительный отпор, почти не нанося потерь.

Первый же город, вставший на пути Анзулона через три перелива после начала вылазок, был взят практически с марша. Собрав под своим командованием полторы сотни демонов и подтянув из крепости Иронотсу несколько осадных машин, Дарвал без помех преодолел высокую стену, буквально сравнив город с землей. После окончания штурма выяснилось, что основная масса жителей под охраной гарнизона только что покинула город, торопливо уходя в сторону Онадзиро. Это лишь сильнее раззадорило кланы, заставив Плясунов броситься в погоню и разгромить арьергардный отряд воинов князя.

Киоши, по-прежнему набирающийся сил в захваченном форте, с растущим беспокойством выслушивал донесения разведчиков. Отсутствие серьезных военных сил лорда Мишато в поселениях Котла могло означать две вещи. Князь уже начал свою войну, оттянув маршевые части на некий неизвестный фронт. Возможно, даже перебросив их на Мидзури. Второй вариант развития событий, к которому все больше склонялась Овилла — князь старается сократить потери среди населения, стягивая подданных к столице префектуры, и одновременно формирует ударную армию. По предположениям суккуба, это войско должно в самые короткие сроки выступить к границам Котла, вышвырнув захватчиков обратно в Назандар. Времени на маневр оставалось критически мало.

Но Мацусиро не собирался тратить его впустую. Выжимая из ослабленной провинции все, что только мог, он без устали нагружал бандитские обозы новыми и новыми богатствами и рабами. Шаг за шагом его крохотная армия продвигалась вглубь провинции. Никогда еще Котел не испытывал такого горя — ни одна феодальная стычка не была нацелена на столь массовое разграбление земель. Вылазки бандитов Иронотсу становились все более отчаянными, а переходы — длительными. Киоши медленно, но планомерно расчищал себе путь к княжеской столице.

— Думаю, ты заставил лорда нервничать, — безмятежно рассуждала Овилла, глядя на опустевшую шахтерскую деревню из окна-бойницы его кабинета. После того, как демоница собственноручно осудила двух шпионов Сcone, пробравшихся в лагерь рекрутеров под видом бандитов, чувства и эмоции окончательно покинули ее голос.

Она казнила их собственными руками, вычислив не без труда. Потом рассказала об этом лишь вскользь, словно о происшествии, не заслуживающем внимания. Без каких-либо подробностей, как Киоши ни старался узнать больше. Но от юноши не укрылось, как резко и однозначно изменилось настроение суккуба, вынужденной вычислять и устранять вчерашних союзников. В армии шептались, что демоница смогла опознать их по системе сложных знаков, которые те подавали друг другу, готовясь к обмену информацией со Сконе. Поговаривали, что смерть не сразу нашла шпионов. Наблюдая за демонами целый перелив, Линда лишь тогда приняла окончательное решение, намеренно разогнав всех свидетелей. По рассказам тех, кто наблюдал за стычкой издали, драка не была длительной, а агенты Сна оказались крайне неопытными Ткачами. А еще болтали такое, что и верилось-то с трудом — мол, уже прочитав изменникам приговор, правая рука главаря бандитской армии встала перед шпионами на колени, прося прощения за свой поступок...

И лишь Киоши знал, что нелепые слухи правдивы, а произошедшее незримым молотом ударило по его подруге, превратив в молчаливую и холодную куклу.

Не меняясь в лице, Овилла отошла от окна, отбросив толстое покрывало кровати, и принялась неторопливо раздеваться. Несмотря на душевную боль, она оставалась преданным слугой Иронотсу, оставаясь с ним и в штабе, и на полях сражений, и в постели.

— Мы можем продолжать бесчинствовать здесь хоть до старости, но Тоэши-Набо не позволит Мишато послать сюда крупную армию, ослабив наступление на пограничные рубежи Мидзури, — она нырнула под одеяло, ожидая своего господина и продолжая делиться размышлениями. — Признаюсь, такого исхода не предвидела даже я. Помощи князю ждать тоже неоткуда. Разве что послать гонцов к Императору...

— До того, как я достигну своей цели, кланы Назандара соберут богатый урожай.

Киоши улыбнулся сам себе, едва не раздавив пальцами позолоченный кубок с вином. Юноша ликовал от того, сколь ласковой и щедрой оказалась для него, молодого джегала, развязанная в Котле война. И пусть ощущение чего-то тревожного не покидало его смущенную душу, перчатка делала эти размышления незначительными. Однако даже ее влияние не могло скрыть трещину, растущую между ним и суккубом.

Старательно отменяя скорбные мысли, он принялся перебирать лежащие на столе списки, не торопясь идти в постель. С тех пор, как в распоряжение войска поступила осадная техника, обозы и еще две сотни бойцов, армия Иронотсу не только потеряла в мобильности, но и принялась обрастать бумажной волокитой. Возникали и непредвиденные сложности. Например, не боевые потери. С момента объединения его отрядов с наемниками Ииши-Н-Тавелота, между бандитами неоднократно вспыхивали драки, в которых погибло семь тоэхов. Дарвал, Овилла и сам Мацусиро выбивались из сил, убеждая и наказывая виновных, но в итоге сошлись во мнении, что лучшим средством предотвращения стычек могут стать только сражения с настоящим врагом. А потому Анзурон в прямом смысле этого слова забыл о сне, безостановочно организуя рейды.

Бумажной работы добавили и вести о Иронотсу, разлетевшиеся по Серединному Котлу быстрее ветра. Благодаря историям, что раненые воины уносили с собой в Гив-Назандар, благодаря рассказам беглых крестьян, таящихся по лесам и заброшенным шахтам, благодаря скорости и жестокости армии Железной Руки, победоносно летящей по провинции, в войско неожиданно принялись вливаться подкрепления. Местные разбойники, мародеры, уголовники и грабители со всего Котла шли на поклон к Мацусиро, чтобы пригреться на груди крепнущего войска и урвать свой кусок пирога от раздираемой на части префектуры.

Лоава-Пран, Шицирокину и Сварна упивались собственным могуществом, отныне почти не принимая в схватках личного участия, но каждый перелив принимая в ряды своих отрядов новых и новых воинов. Буквально на глазах дружина Иронотсу увеличилась на треть, затем еще на одну треть, и когда истекла половина отведенного Иише-Н-Тавелоту срока, она составляла уже более пяти сотен представителей самого отборного сброда Внешнего Кольца. Караваны с награбленным, полные припасов, минералов и утвари, один за другим уходили в сторону Портала на Гив-Назандар.

Усилив диверсионные отряды, Киоши приказал своим офицерам взять еще два княжеских города. Один из них пал без особых сложностей, в финале сражения запылав гигантским костром, в котором нашли последнее прибежище почти три сотни солдат князя. Второй — основательно укрепленный и охраняемый, нанес Иронотсу первый ответный удар, умением и храбростью местных аристократов удержавшись от стремительного штурма. Не рискнув начать длительную осаду, Ссварна свернул наступление на этом участке фронта, отступив к форту господина.

Все это время легкие отряды Шицирокину не давали покоя отдаленным поселениям Котла, появляясь то на одной из его границ, то на другой. Не сворачивая в сердце провинции, Шицирокину с честью справлялся с возложенной на него задачей, создавая впечатление полномасштабного вторжения. Выслушивая отчеты его посыльных, Киоши наяву представлял себе, как бесится Мишато и готовится к контратаке Тоэши-Набо. Однако ставшая немногословной, но еще более расчетливой Овилла высказала предположение, что шумные действия летучих отрядов стали еще одной цепью, удерживающей князя от наступления на центральную армию Иронотсу под угрозой удара во фланг.

К окончанию девятого перелива Киоши выступил из форта во главе сильного отряда отборных бойцов, оставив Ссварну командовать крепостью. Бандит все еще не мог прийти в себя после неожиданного поражения, и юноша рассчитывал занять его рутинной и бумажной работой.

Одновременно с тем, как Иронотсу лично выдвинулся в поход, лорд Мишато наконец контратаковал, причем весьма неожиданно.

Отряд Мацусиро разместился на просторной поляне, встретив партию очередных новобранцев, горящих желанием вступить в ряды бандитского войска. Замма-Кха, один из личных телохранителей Анзулона, привел к Иронотсу две дюжины самых мерзких тоэхов, которых когда-либо порождала на свет родина юноши. Приказав устроить привал, тот лично решился взглянуть на отребье, пополняющее ряды его грабителей. Массивное резное кресло, едва ли не насильно подаренное господину Ссварной, было установлено у подножья огромного дерева, где редкая спасительная тень прикрывала командующего от падающего с раскаленных небес жара.

Высоко в алом мареве курсировала едва заметная точка парящего монолита. Разглядевшие остров жрецы принялись творить оберегающие обряды, предвещая беду — оторвавшиеся от своих собратьев, блуждающие глыбы камня испокон веков воспринимались тоэхами, как дурные знаки. Появление таких странников и их приближение к провинциям Империи всегда несло за собой кровопролитные войны или эпидемии Нитей. Стараясь не обращать внимания на завывания шаманов, Киоши сосредоточился на рекрутах. Однако беда, предсказанная безумцами, не замедлила явиться...

Новобранцы выстроились в жалкую цепь, принявшись поочередно расхваливать собственные умения, стараясь перещеголять друг друга в количестве принесенных им в жертву человеческих детей. Они старательно не смотрели на высокого господина, демонстрируя свою покорность и смирение. Овилла и Замма-Кха-Эн заняли свои места по обе стороны от юноши, негромко комментируя.

— Почтенный Анзурон особенно рекомендовал обратить внимание на тех двух, что стоят справа, — голосом, лишенным всякой силы, нашептывал долговязый Замма-Кха, едва ли не вдвое склонившись к креслу Иронотсу. — Пока мы двигались в сторону форта, они проявили неплохие воинские умения. Остальные, мой господин, не достойны включения в боевые отряды. Если мне будет позволено заметить, они едва заслуживают права охранять рабов или перетаскивать осадные машины.

— Я услышал тебя, Замма, — кивнул Киоши, пытливо разглядывая прибывших и, время от времени, косясь на задумчивую Овиллу. — Но для транспортировки осадного парка нам тоже нужны руки. Линда, что скажешь ты?

— Бесов я бы приняла в ударный отряд Анзулона, — бесстрастно произнесла демоница, не спуская с новичков цепкого взгляда. — Заморыша с крыльями отправила к

Шицирокину. А в остальном я согласна с Заммой — грузить снаряжение и таскать машины. Хотя этого я не послала бы и в носильщики — лучше отдай его Иише-Н-Тавелоту, пусть сам решает, что делать...

А в следующее мгновение Киоши уже катился по земле, молнией вылетая из опрокинутого кресла. Паника, охватившая отряд, была подобна рухнувшему с неба камню, накрывшему всех разом. Тоэхи заметались, забегали, крича и потрясая оружием. Суккуб, мощным рывком перевернув кресло Иронотсу, уже бросалась вперед. Сам он, застыв, словно парализованный, рассматривал место, на котором только что сидел.

Спинка кресла, искореженная боевыми заклинаниями, нанизанными на метательные дротики, горела прозрачным синим огнем.

Убийцей оказался один из самых тощих и неприметных тоэхов, старательно не попадавший на глаза весь смотр. Тот самый, которому Овилла не поручила бы и переноску ящиков. Покрытый перьями, невысокий, скромно одетый, он никак не производил впечатление опытного наемника, тем более вооруженного столь смертоносным заклинанием. Как чуть позже с дрожью размышлял Киоши, разглядывая оплавленные остатки кресла, не будь за плечами у суккуба веков обучения в ордене Сна и безупречного, палками вбитого чутья на заговоры, славный путь Иронотсу оборвался бы на самом пике. Но Мишато не мог предполагать, что бандиту служит бывший агент Сконе...

К их чести, новоявленный сброд сам попробовал схватить убийцу, набросившись на того всем скопом. Двое при этом мгновенно распрощались с жизнью, еще один лишился руки, и лишь когда Овилла ворвалась в драку, пытаясь взять асассина живым, тот покончил с собой. Амбула, сплетенная из Нитей, лопнула меж его зубов, и окруживших тело демонов окутало паром ядовитого газа. Задыхаясь, все ринулись прочь, и спастись не удалось еще одному из нерасторопных новичков.

— Я знаю эти заклинания, — осмотрев скукожившийся труп, суккуб внимательно исследовала истлевшее в прах кресло. — В ордене пользовались такими, но это было давно, разработки Ткачей не стоят на месте. Судя по татуировкам на подмышках, убийца принадлежит к одному из Домов Смерти. Хвостов не найти, эти Дома предлагают свои услуги всем без исключения, от Императора до простых купцов... Скажу честно, он был неплохо подготовлен, хотя и лучшим я его назвать не смогу. Скорее всего, хозяин убийцы нанимал исполнителя в спешке, не особенно заботясь о качестве. Не исключаю, что это был Мишато, но что-то подсказывает мне, что князь мог бы более старательно подойти к вопросу.

Прохлада, с которой суккуб рассуждала о подосланном к Иронотсу убийце, заставила юношу оцепенеть. В его душе, словно пытаясь выбиться из-под толстого льда, проснулся Бактияр, миглом всколыхнувший все позабытые страхи. Он вдруг представил себе, как в его войско, предварительно сменив тело, попадает сам Ибара...

Но на расследования или раздумья не оставалось времени, и отряд продолжил путь.

Узнавший о покушении Дарвал по личной инициативе увеличил численность командного отряда, собственноручно отбирая воинов, а также приказал усилить охрану господина. Бандит оставался единственным из вожаков Назандара, кто был полностью удовлетворен предложенным ему контрактом, честно признавшись в этом Киоши, и пообещав идти следом, пока в Котле не кончатся богатства. Как на покушение отреагировали остальные офицеры, Мацусиро так и не узнал.

Вместе с вестями о перемещениях своих отрядов, Иронотсу узнавал и новости из-за границ провинции. Чаще всего их приносили те, кто желал попасть в вольную армию из Гив-Назандара. Ходили слухи, что Император обеспокоен волнениями Серединного Котла. При дворе начались самые разнообразные разговоры. Набор сплетен оказался крайне противоречив, от того, что Мишато открыто объявил войну Трону, до начала неожиданной высадки мидзури. Однако наиболее достоверными можно было считать вести о том, что Император поручил расследование ордену Сна, более никак не отреагировав на начавшийся конфликт. Поговаривали, что Марвин Сконе с охотой выполнил приказ, активизировав

притаившиеся на границах Котла ударные пантеоны.

Гив-Назандар, тем временем, волновался все сильнее. Вожди бандитских кланов вновь сошлись в Зале Ковенов. Одни утверждали, что война с князем привлечет на город страшные беды, другие доказывали о необходимости срочного вмешательства — они считали, что если уж префектура начинает тонуть в крови, в наступившей суматохе грех не воспользоваться таким шансом на обогащение. Говорили, что добровольцы даже продолжали отлов аристократов Мишато, складировав их головы подле "Хрустальной арфы" и терпеливо ожидая вознаграждения.

Неожиданно до Иронотсу докатились вести и с Земли. Очередная цепь войн, потрясших этот молодой Мир, едва не поставила его на грань ядерной катастрофы. Также поговаривали, что некие секретные организации людей все чаще проявляют себя, открыто препятствуя появлению на своей территории тоэхов и мидзури. Было уничтожено несколько Кураторов, изолировались Порталы, а человеческие маги объявили открытую охоту на так называемую нечисть.

Воронка хаоса, в эпицентре которой сейчас ощущал себя Киюши, все туже затягивалась на мирах Креста, и вот уже простые жители Котла заговорили о невероятных вещах. Схваченные при очередной вылазке против поселений князя, они шептались о странном обряде, подготовку к которому завершают Ткачи Императора. По их мнению, когда обряд будет проведен, багровый небосклон-солнце рухнет на остальные лучи, навсегда уничтожив Крест и дав тоэхам бесконечную власть над остальными расами.

Мрачней с каждым переливом, Киюши выслушивал донесения разведчиков и посыльных, упорно продолжая движение по направлению к Онадзиро. Отдав приказы остальным главарям, он оперативно собирал армию в единый кулак, ужаснувшись тому, сколь сильно его новая стая отличается от той, что нерешительно перешагнула границу Портала. Блоха, пьющая кровь быка, превратилась в могучего овода, способного ударом в лоб повалить самое сильное животное.

Вскоро после покушения, у Иронотсу появилась личная возможность убедиться в достоверности некоторых слухов. Неприятных слухов...

Несколько сотен тоэхов слаженно переправлялись через кипящую горную реку, скачущую по разлому пологого склона горы. Берега реки усыпали редкие рощи деревьев, стайками выросших на беспорядочных россыпях валунов. Засада, устроенная на войско Иронотсу, была организована сразу за бродом. Авангард войска — десяток разведчиков, скользивших перед основными частями — был уничтожен быстро, и почти не оказав сопротивления.

Откатившиеся от брода войска замерли в нерешительности, а нападавшие воспользовались эффектом неожиданности, продолжив наступление. Буквально сразу же стало очевидно, что на этот раз бандитам предстоит иметь дело не с полупрофессиональными солдатами князя, но с ударным подразделением ордена Сна. Воспарившие над рекой Нити с хрустом проламывали головы тоэхов, переворачивали повозки, убивали тягловых животных. Вспыхнули пожары, неразбериха перерастала в панику, грозящую превратиться в бегство. Не без труда приказав своим войскам организованно отступать вниз по склону, Иронотсу во главе личного отряда выступил к реке.

Они столкнулись прямо на безымянном берегу — три десятка бойцов Киюши и полтора десятка братьев и сестер ордена. Наполнив душный воздух потоками Нитей, бросились в атаку, забыв ненужные слова переговоров — в ордене Спокойного Сна умели по-своему интерпретировать приказы по урегулированию ситуации.

— Станут держаться вместе, не рассыпаясь... Впереди мастера клинка, чуть позади — колдуны...

Впервые после поединка с Иишей, юноша вступал в настоящий бой.

— Они уверены, что имеют дело с пугливым отребьем...

Быстрым шагом направляясь к броду, молодой Мацусиро внимательно слушал Овиллу, торопливо рассказывающую о тактике ордена.

— Попытаются закрепить успех, уничтожив как можно больше живой силы... Привнести хаос...

Перчатка пульсировала в такт ударам крови в висок.

— Если удержим первую волну Нитей, победим... Им и мысли не придет о скором отходе...

Они побежали, оставляя за спиной беспорядочно отступающих низших и обозы. Аура силы, волнами расходящаяся от Иронотсу, не позволяла идущим бок о бок тоэхам усомниться в исходе драки.

Вырвавшись на открытый участок берега, Киоши и его демоны бросились вперед. Не ожидая решительного отпора, послушники ордена растерялись, промешкав несколько роковых мгновений. Попытались слаженно ударить заклинаниями, но Овилла, Мацусиро и двое Ткачей Анзурона почти полностью блокировали их чары, давая бесам спасительные мгновения для решительного рывка.

Воздух вскипел. Стройные колючие деревья со стонами рушились в обжигающую воду горного потока, чисто срезанные Нитями. По темной бурлящей реке струйками зазмеилась свежая кровь. Вооруженные секирами и мечами демоны скачками миновали наполняющие поток камни, обрушиваясь на воинов Сگونه и сцепляясь с ними врукопашную.

Нити яростно гудели, распарывая воздух, воду, валуны и плоть. Отбросив пробитый Красный щит, Киоши одним прыжком миновал водную преграду, вскидывая перчатку. Сургучная пелена закрыла его глаза, оставив гекару воина саму искать пути к победе. Юноша потерял над собой всякий контроль, словно обезумевший мечась среди врагов и разя во все стороны. Бил Нитями, ухваченными наугад и обжигаясь о чужие Цвета. Бил руками, куда дотягивалась серебристая молния его смертоносного удара. Расшвыривал вокруг себя веера искрящихся красных бусин, тяжело падающих на прибрежные камни.

Окружавшие брод рощи занялись факелами, крики и яростные вопли не смолкали ни на миг.

Внезапно буйство кончилось, отхлынув в тишину, словно тяжелая океанская волна.

Понесся огромные потери, имперцы предпочли отступление. Оставив трупы и умирающих, они выбросили приготовленные маскирующие заклинания, торопливо исчезая в горах и догорающих чащах.

Тяжело дыша, Киоши зашел в воду, опускаясь на колени и позволяя воде подняться до подбородка. Ему казалось, что он провел в схватке целый перелив, столь тяжелым и давящим было чувство. Позволяя воде успокоить тело, он осмотрел свою грудь и руки, выдергивая из многочисленных ран осколки вражеских Нитей. Овилла опустилась на камень неподалеку, врачующим заклинанием перетягивая гребенку змеящихся по гладкому бедру борозд.

— Мы убили шестерых, один еще был жив, но я не успела запретить ему покончить с собой, — задыхаясь, отчиталась она, не глядя на Киоши. — Мы поступили предельно правильно, мой господин, и я выражаю тебе свое почтение...

— Не нужно так...

— В твоём отряде убито семнадцать воинов. Если хочешь знать мое мнение, это была славная победа, доставшаяся малой ценой.

Дарвал и Ииша-Н-Тавелот все же смогли усмирить отступающих бандитов. Перестроив войско и для острастки казнив одного из рьяных паникеров, они вывели воинов на берег, останавливаясь в нерешительности. С каменным лицом Анзурон рассматривал своих воинов, чьи трупы устилали поляны по обе стороны от брода. Ииша с широченной улыбкой глазел на вывернутые с корнем деревья, расколотые камни и шелуху заклинаний, уплывающую по течению реки вперемишку с кровью. Армейские шаманы тут же бросились к трупам Ткачей ордена, начиная свои странные и дикие обряды.

— Оставьте их в покое! — Овилла взвилась на ноги, шелкнув хвостом, и жрецы замерли, не торопясь выпускать тела из когтистых лап. — С ними, отродья, вы ничего делать не станете! Похороните, и это большее, что я вам позволю! Не то будете иметь дело со мной!

Киоши, позволяя потокам парящей воды стекать со своей гривы, выбрался на берег. Он видел, как крупная дрожь сотрясает плечи суккуба, и с неудовольствием разглядел недоумение, отразившееся на лице Анзулона. Ронисори за плечом старшего Плясуна оставалась неподвижной, но юноша был готов поклясться, что под своей железной маской демоница с зелеными волосами улыбается.

Он остановился возле Овиллы, совершенно не представляя, как поступить.

— Линда, это уже не твои братья и сестры...

— Хочешь встать на их сторону? Иди, Киоши, но знай, что сейчас я подниму руку и на тебя...

— Ты совершаешь большую ошибку, — он говорил тихо, но замечал, как офицеры из всех сил прислушиваются к странному диалогу. — Особенно сейчас, когда мы почти на пороге...

— Мне плевать. Эти тоэхи служили тому же делу, что я. Я не предавала орден, я всего лишь пошла следом за тобой. И не позволю надругаться над гекару своих братьев.

Иронотсу перевел взгляд на застывшее в нерешительности войско. На остатки личного отряда, латающие раны и дыры в доспехах.

— Я хочу, чтобы все участники этой битвы были похоронены, — громко произнес он. — С почестями и необходимыми ритуалами. Желаю, чтобы их гекару упокоились в мире, спокойно отлетев на дно Ямы. Я дам вам новые тела для обрядов. Но не эти. Дарвал, Ииша, я хочу, чтобы Громовые Плясуны были должным образом похоронены на том берегу реки. Тела наших врагов будут погребены под курганом на этом. Два могильных холма символизируют славную и кровавую победу, одержанную нами, и заставят врагов помнить, что мы все же смогли переправиться!

Анзулон, не изменившись в лице, лишь поклонился. Уже пряча алый глаз за прядью, он прищурился, и Киоши вдруг вновь почувствовал озноб.

— Ты говоришь мудрые слова, мой господин, — Громовой Плясун почтительно сложил ладони. — Мы исполним твое приказание.

Зеленоволосая арбалетчица за его плечом продолжала улыбаться под своей непроницаемой маской...

— Х-ха, хорошо сказано, — Ииша-Н-Тавелот тоже поклонился. — Но ты излишне благороден, Иронотсу, и это тебя погубит. Эй, бездельники, вы что, не слышали приказа?

Суккуб подошла совсем близко. Наклонилась, накрывая запахом пряностей.

— Спасибо, мой господин, — едва слышно произнесла она, шагая прочь.

Киоши остался стоять на берегу реки, мокрый, израненный, одинокий. Враг князя, враг Империи, предводитель вольной шайки, только и ждущей, когда он оступится. Прикрыв глаза, он устало помолился Держателям, и даже вибрация перчатки не смогла достучаться до его опустошенной души.

Сразу же за перевалом, совсем близко, раскинулась плодородная равнина, вместившая десятки богатейших сел префектуры. На расстоянии вытянутой руки от молодого Мацусиро лежало сердце Серединного Котла — крепость Онадзиро.

Не открывая глаз, он по запаху учуял, что к нему приблизился Дарвал. Протянул правую руку, безошибочно опуская ее на широкое плечо Плясуна. Притянул того к себе, чувствуя, как под пальцами латной перчатки сминается кожа бронированной жилетки главаря. По-прежнему смежив веки, Киоши заговорил, ужаснувшись сухости собственного голоса. Казалось, он разговаривает с небосклоном, заставляя бандита быть свидетелем этого.

— В одном переходе отсюда лежит жемчужина, обещанная тебе, Дарвал Анзулон. И сейчас мы достаточно сильны, чтобы взять ее. Силы, запершиеся в столице, уступают нам числом и храбростью, — совершенно хладнокровно солгал он, буквально заставив перчатку вспыхнуть отвагой и уверенностью. — Разграбив столицу, мы вернемся в форт, где поделим взятые сокровища. Многие погибнут, да, но выжившие озолотятся. На этом кампания будет окончена, и я освобожу вас всех от условий контракта.

Киоши медленно открыл глаза, в упор взглянув прямо в красный зрачок вожака.

— После похоронного обряда все боевые части направляются к столице. Уничтожайте села, но не берите ничего, только разрушайте. Отступившему противнику нельзя давать время прийти в себя. Я хочу, чтобы ты ворвался в Онадзиро снизу, где расположена система пещер. Заблокируйте Портальные алтари, уничтожайте всех, кого встретите. Лоава-Пран и Тавелот широкой дугой выведут остальную армию в долину, подступят к крепости и развернут осадные машины. Дарвал, — юноша чуть сжал пальцы, и по виску бандита скользнула капля пота, — ничего не бойся. Отныне в Серединном Котле не осталось силы, способной противостоять нам.

Анзурон кивнул, но его кожа ощутимо побледнела, когда он выпрямился, освобождаясь от захвата железной руки.

Семенящий мимо Ииша-Н-Тавелот с плотоядной ухмылкой оглядел струи крови, омывающие тело Иронотсу. Облизнувшись, паук молча двинулся дальше, громогласно командуя переправой через поток.

Взмывающие к небесам башни цитадели князя Мишато открылись бандитам, едва те миновали перевал.

* * *

После сражения на лесной переправе едва прошел перелив, но за это время многое успело случиться. Похоронили павших, беспрекословно следуя приказам. Передовые отряды, вторгшиеся в долину, заставили деревни запылать, а саму крепость закрыть ворота и начать подготовку к штурму. С помощью воинов Шицирокину и Ткачей, из-под земли были освобождены несколько осколков парящих монолитов, когда-то взорвавшихся от старости. Застрявшие в гористых границах Котла, они были выпущены на волю, но перед этим умело оседланы, прикованные к живому острову длинными цепями заклинаний. Киюши, не в первый раз поразив бандитских вождей изобретательностью и смелостью планов, без усталости метался по долине, едва успевая перекусить. Овилла, вновь ставшая его сиделкой, буквально силой заставляла юношу поесть или отдохнуть.

Сейчас специальные отряды армии Иронотсу вели заарканенные осколки, словно послушных животных, через долину в сторону крепости, устанавливая на необходимых высотах и монтируя на их поверхности осадные машины. Бока осколков то и дело озарялись вспышками, когда бандитские Ткачи укрепляли свои заклинания. Наблюдая за приготовлениями сброда, крепость высокомерно молчала, как не выпустив парламентаря, так и не начиная обстрел передовых отрядов.

Онадзиро лежала в самом центре узкой долины, окруженной рыхлыми горными хребтами. Сверху казалось, что ее глыба похожа на дремлющего сторожа, присматривающего за разбросанными по полям деревнями. Сейчас от поселений, пыля дорогами, в сторону крепости тянулись тонкие цепочки беженцев. Как и доносили разведчики, никаких армий, готовых к отпору, не наблюдалось.

Приказав телохранителям сделать привал, Киюши взобрался на толстый ствол колючего дерева, напоминающего земной кедр, лично разглядывая окрестности. Он уже не первый раз занимал этот наблюдательный пост, лично разглядывая скалистый остров, на котором покоилась Онадзиро. Поражая опасной красотой, крепость висела в центре овального провала посреди центрального монолита префектуры. Гнездясь на уступах и пиках, могучие гранитные стены крепости летели вверх, широкие стяги полоскались на ледяющем ветру, а башни грозно поддерживали их, вознося еще выше.

Причудливые нагромождения казематов, переходных мостов и разнокалиберных башен давали замку право именоваться одной из самых красивых фортеций Тоэха. Было нетрудно представить, как дорога сфер, сейчас благоразумно уничтоженная, когда-то превращала укрепление в коронованную сотнями бесконечных канатов особу. Дальше в небе, далеко за Онадзиро, за горами и краем острова, виднелся последний монолит Серединного Котла, за которым начиналось Внешнее Кольцо.

Природный крепостной ров, дном которого являлась бездна, сужался там, где к многочисленным воротам подбегали ниточки дорог. Скрытые анфилады подземных мостов соединяли твердыню с парящим островом значительно ниже уровня полей и деревень.

Именно туда свой первый разведывательный удар нанес Дарвал, и это произошло еще до того, как в сердце Котла вступили основные части вольного войска. Киюши застонал от отчаянья, узнав, что бандиту, стремительно ворвавшемуся в крепостной остров снизу, почти удалось захватить системы пещер. Ушедшие с ним демоны потом охотно и шумно описывали этот славный и молниеносный налет.

Несколько десятков избранных тоэхов под командой Анзулона нашли спуски, ведущие от окрестных деревень к подземельям твердыни. Вырезав отряды охраны и караван беженцев, тоннелями направляющийся к Онадзиро, они ринулись вперед, выскочив на удивительной красоты многоэтажные мосты, соединяющие крепость с монолитом. Под их ногами раскинулась багровая бездна, над головами в небосклон упирались темные стены столицы. Гарнизонные части, охранявшие нижние подступы к столице, были захвачены врасплох. Убивая солдат Нитями и клинками, бандиты миновали несколько мостов, ворвавшись в подземелья. В их лабиринтах бой вновь закипел на условиях ублюдков Гив-Назандара. Рассыпавшись по тесным коридорам и хранилищам, они безнаказанно убивали княжеских охранников, но довольно быстро потеряли сплоченность, прельстившись богатствами кладовых.

Покрыв полы подземелий кровью защитников, Плясунам все же пришлось отступить из-под профессионального удара личной гвардии князя. Воспользовавшись тем, что нападавшие прекратили прорыв и не пытаются укрепиться на позициях, отряд Ткачей лорда контратаковал, заставив грабителей бросать сокровища и бежать. Освобождая хранилища, колдуны Мишато буквально затопили тоннели огнем, заживо сжигая и своих, и врагов.

Радовало, что перед тем, как его вышвырнули из подземелий замка, плотно запечатав входы, Анзурон все же успел лично уничтожить несколько Портальных алтарей. Обрушив за собой ажурные мосты, обгорелые Плясуны оперативно отступили на поверхность, присоединяясь к основной армии. Вести об их отчаянной вылазке мигом пронеслись по рядам войска, опьяняя смельчаков и авантюристов не хуже крепкого вина. Теперь у костров и в лазаретах обсуждали только одно — Онадзиро не неприступна, и легко покорится тем, кто готов проливать кровь.

Когда боевые машины были окончательно установлены на парящих над Онадзиро осколках и под стенами, Иронотсу собрал рассредоточенные по долине силы, приказав начинать обстрел. К концу второго перелива осады крепость принялась медленно, до смешного медленно разрушаться под ударами камней и стрел.

Стараясь поддерживать среди офицеров лишь самые оптимистичные ожидания, Киюши все больше времени проводил в командном шатре. В неожиданном смятении юноша признался только своему суккубу — он всего лишь раз в жизни видел, как происходит и ведется настоящий штурм, не имея ни малейшего понятия, что его воинам делать дальше.

— Я тогда был совсем малышом, но яркие воспоминания прочно засели в голове, — негромко рассказывал он, полулежа на колкой циновке и поглаживая демоницу по жестким рыжим волосам. — Соседний род Прогрызающих Сердцевины объявил войну роду Воспламеняющихся, и отец, выполняя условия давнего союза, выставил небольшую дружину. На эту войну он взял и меня. Воины Небесных Пловцов тогда вообще не вступили в драку. Но, наблюдая за схваткой из ставки офицеров, я кое-что разглядел. Падали оборванные Нити и атакующие волокни свои осадные острова к крепости, во много раз более сильной, чем замок Мишато. Били машины, швыряясь булыжниками и взрывающимися шарами. Затем я помню ослепляющий огонь, стойкий запах паленой кожи и крови, бесконечные потоки смолы и лавы, усиленные заклинаниями колдунов клана Воспламеняющихся. Помню отчаянные броски героев Прогрызающих и волны солдат, откатывающиеся от обугленных стен. Крики и стоны, град Нитей, беспощадную рубку на мостах и улицах, дымящиеся проломы, титанически-красиво заваливающиеся башни.

Вылазки осажденных и оторванные от сцепок штурмовые острова нападающих. Залпы мощных машин, сменяющие друг друга слаженные атаки Ткачей, сопровождающиеся грохотом осыпающихся зубцов.

Овилла молча слушала, покорная под его рукой. Она знала, что юноша не искушен в осадах, но и сама впервые ничем не могла помочь ему. Но даже в ее молчании юноша читал, что демоница начинает подозревать о плане, которым тот пока не поделился даже с ней.

— Штурмующие тогда победили, но не ценой взятия крепости, — Киоши вздохнул, с горечью чувствуя отстраненность суккуба. — Потеряв под стенами сотни воинов, они уронили на родовое поместье Воспламеняющихся один из стареющих парящих островов. Ценой этого безумного решения стала гибель всего цвета вражеского рода, после чего крепость, наконец, сдалась. Потери атакующих тогда в десятки раз превосходили потери осажденных.

— Ты собираешься бросить бандитов на стены? Повторить бойню?

— Я собираюсь обещать им, что лично поведу их на штурм. Вдвоем мы сумеем убедить вождей, что Онадзиро — легкая добыча. Хвала Анзурону, он уже помог мне начать это делать...

Юноша говорил предельно тихо, хотя на пустынной вершине холма, где был раскинут шатер, кроме рыжеволосого суккуба не было ни души. Внизу, по периметру склона, своего господина терпеливо дожидался отряд телохранителей, допускающий к Иронотсу лишь проверенных Овиллой посланников.

— Я заставлю их поверить, что мы имеем шансы победить. Стану обстреливать замок с парящих осколков, давить колдовством. Проведу несколько отвлекающих приступов. Мне кажется, что теперь бандитские лорды хотят падения столицы Котла больше, чем я сам...

— Они распознают твою уловку. Поймут, что ты завел в ловушку пять сотен воинов. Попробуют отомстить.

— Будет поздно.

— Надеюсь на это. Ииша принародно считает переlivы, оставшиеся до конца его контракта. Анзурон не в себе — я вижу, что он впервые сомневается в успехе. Лоава-Пран опять поговаривает о возвращении. Они начинают роптать, мой господин...

— Не называй меня так. Ты для меня джеш, больше, чем друг...

— Но я не лгу, когда говорю это.

— И все же...

— Хорошо. Сколько тебе еще будет удаваться водить их за нос?

— Столько, сколько нужно.

— Я верю тебе. Как всегда.

А затем был совет, на котором Киоши выплеснулся без остатка, сметая любые опасения бандитов.

— Крепости берут не герои или Боги, — говорил он, кладя пульсирующую боевую перчатку на плечо притихшего Ссварны. Шел по кругу командиров, всматриваясь каждому в глаза. — Их берут такие же безумные храбрецы, как вы. Тоэхи из плоти, крови и Нитей, пронзающих сущность миров Креста. Берут силой, собственными руками.

Каждый из вожаков, и даже рослый Ииша-Н-Тавелот, в тот миг почувствовал на своем плече уверенное пожатие железной руки. Наплевав на презрение, Киоши говорил с каждым из них, словно с братом. Лгал четко, складно и убедительно.

— Стены — не более чем нагромождение камней. Минуя их, мы сможем встретиться с нашим врагом, и точно знаем, что сильнее. Мы победим в этой драке, завладев хранилищами лорда Онадзиро, его наложницами, его сокровищами, его рабами и арсеналами. Все это станет вашим, я не возьму себе ничего, как и обещал. А после победы мы вернемся в Гив-Назандар, где нас станут чествовать, как героев и Богов.

Ииша-Н-Тавелот хищно щурился, в предвкушении облизываясь.

Лоава-Пран, по обыкновению, оставался неподвижен, выздоровевшей рукой рассеянно поглаживая по шерстке своего крохотного зверька.

Ссварна стрелял глазами по сторонам, теребя амулеты.

Шицирокину важно рассматривал остальных, чинно кивая словам Иронотсу.

И лишь Анзурон, неуверенно сопротивляющийся дыханию перчатки, в сомнениях потирал щеку, глядя себе под ноги.

Овилла, стоящая вне круга, молча наблюдала за представлением. Свежие шрамы на ее левом бедре напоминали узоры, когда-то нанесенные на лицо Танары. Вспомнив о проводнике, юноша заставил себя тут же забыть. Ему было страшно представить, что сказал бы следопыт об изменениях, произошедших с душой молодого Мацусиро...

Киоши задержал дыхание, передвигая игральные фигуры вперед и более не опасаясь потерь.

Ни одна ниточка не всколыхнулась в его душе, когда он осознал, что пришла пора прощаться с вольной армией Гив-Назандара, продолжая свой путь в одиночестве. Оставляя банды на верную гибель, юноша лишь забавлялся, представляя, как от неуправляемой ярости Ииша-Н-Тавелот откусит себе клешню.

Эпизод XIV. Выбор воина

Он сидел в самом центре древнего круга камней, само предназначение которых забылось в веках. Иссеченные ветрами и метеоритными дождями глыбы равнодушно взирали на крохотного тоэха, дерзнувшего нарушить их чуткую дремоту. Над верхушками морщинистых столпов варилось пурпурное марево небосклона, на полотнище которого темные струи воздушных течений рисовали причудливые лабиринты.

Угольно-черный скат, оседланный и одетый в тяжелую бронированную попону, парил у границы круга, терпеливо ожидая хозяина. Его крылья-плавники мягко колыхались, хвост подрагивал.

Мягко ступая по жухлой траве, к животному подошла Овилла. Задумчиво провела ладонью по морде чудовища, потянувшегося навстречу. Помешкав, вступила в круг, с интересом рассматривая стершиеся узоры каменных истуканов. Киоши чуть повернул голову, прислушиваясь к ее шагам, но остался сидеть.

— Ты взял только одного ската.

Она не задавала вопроса, просто констатировала факт, поднимая с земли овальный камешек. Киоши молча кивнул, поворачиваясь. Справа от демоницы на фоне светлого неба чернели башни Онадзиро, мягко раскачивались прикованные к монолиту летающие осколки и мелькали крохотные силуэты летающих бандитов, по приказу Шицирокину ведущих непрерывное наблюдение за осажденной столицей.

Овилла остановилась рядом, вплотную, почти касаясь его плеча раненым бедром.

— Ты не сможешь изменить моего решения, — как можно теплее произнес юноша, без интереса наблюдая за точками снарядов, летящих от боевых машин к стенам замка.

— Знаю. Но хочу пойти с тобой, — суккуб уронила подобранный с земли кругляш, проводя рукой по его волосам, пряча пальцы в жесткой гриве.

Осторожно прикоснувшись к ее ноге, Киоши отрицательно покачал головой.

— Нет.

Овилла спокойно убрала свою руку.

— Понимаю, что ты все равно можешь пойти следом за мной, даже несмотря на запрет. Надеюсь, не сделаешь этого. Поможешь мне здесь, прикроешь спину. Останешься, чтобы как можно дольше потянуть время. А после уйдешь туда, где мы встретимся... в безопасности.

— Хочешь, чтобы я поверила в твое возвращение?

— Хочу. Я не стану верить мрачным предчувствиям и ложным знамениям шаманов. Я сам выбрал свой путь, и пройду его до конца.

— Ты рассуждаешь, как настоящий джегал. Но ставишь на карту жизнь.

— Да, это так. И понимаю, что могу проститься с ней.

— Скажи, эта долгая дорога к стенам Онадзиро стоила того?

- Безусловно.
- Я стану молиться за тебя Держателям.
- Ты не можешь представить себе, Овилла, сколь многим я обязан тебе.
- Могу. Отправляюсь в ставку. Тебе нужно побыть одному.
- Спасибо...

Она ушла совершенно бесшумно, даже не потревожив настороженный транс летающего ската. Только что стояла за его плечом, и вот уже исчезла, оставив после себя лишь ароматный пряный запах.

Киоши вытянул вперед правую руку, медленно расстегивая замки. Стянул с запястья оружие, внезапно показавшееся невероятно тяжелым. Неуверенно пошевелил обнаженными пальцами, похудевшими и болезненными на вид. Почтительно положил перчатку перед собой, поджимая скрещенные ноги.

Отбросив в прошлое все, что произошло с ним до этого мгновения, Киоши Мацусиро решительно оттолкнулся от данной точки сейчас, очищая сознание. Одним порывом разума перечеркнул собственную травлю, бегство на Мидзури, встречу с Танарой, полное опасностей путешествие, Буредду и ее отшельника, суэджигари, очередное бегство, возвращение на Тоэх, встречу с Овиллой и беседы с Марвином Сcone, схватку в доме Слизня, грязь Гив-Назандара, вольную бандитскую армию и кровь, затопившую Серединный Котел. Он оставил лишь существующий миг, молчаливый круг истуканов и перчатку, способную сконцентрированной в ней силой расколоть Камень Пересечения, осколок которого юноша так долго носил на своей шее.

Из мутной пелены выходили знакомые силуэты и лица. Друзья и враги потеряли всякую цену, превращаясь в размытые фигуры, и Киоши медленно бродил среди них, заглядывая в опустевшие глаза.

Набросок был плох, даже на самой начальной стадии картины. Мазок за мазком соперники пытались выровнять ситуацию, но многообразие ударов разноцветной кисти лишь усугубляло беспорядок, делая рисунок размытым, смазанным, вульгарно абстрактным.

Лишь зловещая маска Властителя Путей беззвучно шевелила губами, раз за разом повторяя единственное слово — судьба.

Лица уходили в туман.

Тишина.

Тоэши-Набо улыбается, за его губами ничего нет... Совсем ничего нет. Вселенская пустота.

Вспышки, вспышки. Сполохи, от которых больно глазам.

Цвета сражаются, стремясь достичь главенства.

Смеются Боги, зияет Яма...

Киоши разлепил потяжелевшие веки.

Небосклон потемнел, лишь далеко-далеко за горными хребтами изгибались тонкие сверкающие арки алых лучей. Юноша потянулся, чувствуя, как за время медитации у него затекли мышцы. Мысли двигались плавно и размеренно, от неуверенности или сомнений не осталось и следа.

Суккуб успела вернуться. Не входя в круг камней, она сидела за его границей, наблюдая за своим господином и храня его безмятежный покой. Почтительно поднимая перчатку обеими руками и надевая ее, Киоши поднялся на ноги. Сказал так, чтобы демоница услышала:

— Поверь, я обязательно вернусь...

— Да ты и не уйдешь!

Приглушенный голос, вибрируя металлическими оттенками, долетел из-за спины, предвещая неприятности. Не оборачиваясь, Киоши тяжело вздохнул. Суккуб, с виду по-прежнему расслабленная и сонная, поднялась с бревна, на котором сидела.

— Ты обманул нас всех, ублюдок, и Анзурон не ошибся, приказав следить за тобой. Ты предал нас всех, поганый пес! Заманил в ловушку! И это ради такого жалкого щенка я отняла

жизнь Грызуна? Иронотсу, ты будешь недостоин стать даже рабом Дарвала.

Юноша обернулся, хладнокровно рассматривая сверкающий граненый наконечник, нацеленный ему ровно в лоб. В десятке шагов от круга каменных исполинов, по колено утопая в жухлой траве, замерла Ронисори, целясь в Киоши из верного арбалета. Бесстрастная железная маска равнодушно отражала багровое небо, крохотные искаженные силуэты Мацусиро и его демоницы.

— Не трать силы, господин, — произнесла Овилла, и юноша далеко не сразу понял, что она имеет в виду, — они тебе еще пригодятся...

— А шлюхе твоей конец. Дарвал будет этому только рад...

Ронисори не договорила, вздрогнув и дико изогнувшись. Арбалет звонко щелкнул, закаятая Ткачами стрела вспорола воздух в трех локтях над головой Киоши. Громовая Плюсуня взвыла, пытаясь вырваться из заклинания, опутавшего ее ноги, но Овилла уже волокла ее по валунам и веткам, как рыбак вынимает из щедрого моря тяжелую сеть. Тонкие Красные Нити, почти неразличимые в воздухе, до крови врезались в лодыжки Ронисори, распарывая кожаные штаны и отвороты сапог. Из набедренного колчана посыпались арбалетные болты. Зеленые волосы растрепались, цепляясь за сухие стебли.

Вывхватив нож, суккуб попыталась перерубить заклинание, но подскочивший Киоши небрежным движением перчатки выбил клинок из ее пальцев. Телохранительница сдавленно закричала, закрываясь руками, а над ней уже нависала Овилла, заноса сплетенный из Нитей трезубец.

— Шлюха?.. Ты, бесплодная подстилка, осмелилась сказать это Ткачу?

Овилла ударила в связанную противницу так резко и сильно, словно вложила в удар всю усталость, боль и гнев, накопившиеся за время ведения военной кампании. Словно этим ударом могла выплеснуть все без остатка, наконец-то перестав быть безжизненной куклой и демонстрируя юноше переполняющие себя чувства.

Глаза Ронисори широко распахнулись, тонкие сильные пальцы судорожно вцепились в заклинание, пробившее сердце. Из-под железной маски, скрывающей нижнюю половину лица, вырвался тихий стон.

— Анзурон отомстит...

Она вздрогнула еще раз и обмякла, похожая на пришибленное к земле насекомое. Овилла, словно брезгуя, отбросила прочь концы Красной сети, пеленавшей противницу. Отшвырнула так, будто те были чем-то испачканы.

— Тогда я прикончу и его, — рыжеволосая прищурилась и злобно плюнула на траву рядом с трупом поверженной телохранительницы. — Мой господин, Дарвал не придет в восторг, когда узнает о гибели подруги и твоей измене. Легкомысленную суку подвела вспыльчивость, но скоро ее хватятся. Отправляйся немедленно...

Киоши поднял из-за валуна оброненный арбалет. Швырнул оружие рядом с телом Ронисори.

— Сбрось труп в замковый ров и немедленно выбирайся из Серединного Котла. У тебя еще остались Порталы Сگونه?

— Да.

— В таком случае, возвращайся к ключам Мазавигара, куда мы отступили с Буредды. Не пройдет и перелива, как я нагоню тебя, — не сводя с нее взгляда, Киоши попятился к проснувшемуся скату. — Обещаешь?

Овилла смиренно кивнула, но юноша видел, что в глазах ее нет и капли доверия.

Нагнувшись, она принялась собирать стрелы.

Старательно пряча эмоции, Мацусиро резко обернулся, распутывая уздечку.

Черное, словно оживший пласт угля, животное бесшумно затрепетало и опустилось еще ниже к земле, безропотно впуская наездника на свою спину. Шершавая кожа под ногами едва колыхалась, и Киоши торопливо пристегнулся к стоячему седлу, поднимая поводья. Обсидиановый живой ковер издал пронзительный трубный звук, лениво поведя длинным шипом на хвосте, и начал покорно набирать высоту.

Овилла, забрасывающая труп суккуба на плечо, не обернулась, не подняла головы.

Более вниз не смотрел и сам юноша. Замок Мишато открылся ему во всей красе, и Киоши направил ската вперед.

Бандиты Иронотсу продолжали напрасный обстрел крепостных стен. В небе кружились многочисленные дозорные, с раскачивающихся на цепях осколков били луки, арбалеты и осадная техника. Наблюдая за суетой под стенами, Мацусиро вновь подумал о блохе, сражающейся с быком. Улыбнулся, понимая, сколь незначительными отныне кажутся подобные размышления.

Описав круг над Онадзиро, он попытался подражать небесным разведчикам, двигаясь по наименее опасной орбите. Однако с каждым витком его скат уходил все выше, постепенно приближаясь к острым крышам самых высоких башен столицы Котла. Наблюдатели князя заметили дерзкого разведчика, замелькав в бойницах и даже выпустив в его сторону несколько стрел. Дозорные на башнях засуетились, и он торопливо переместился на другую сторону замка, уходя от разворачивающихся в его сторону баллист. Уже не стараясь отсрочить подозрений собственных воинов, юноша поднял ската еще выше, внимательно разглядывая лежащую под ногами крепость.

В душе его, как и вокруг, живым остался лишь ветер, хлещущий в лицо. Все остальные чувства и мысли застыли в ожидании, притворяясь собственными призраками. Прошлое померкло, будущему только предстояло стать реальностью. Юноша ощущал чуть подрагивающую плоть летающего ската, ураганные порывы, грозящие снести его с курса, и пульсирующую тяжесть на правой руке, где сталью и горящими узорами сверкала массивная перчатка.

Дав возможность животному самостоятельно справиться с ветром, занять спокойное течение и выровняться, Киоши хлестнул поводьями, бросая тушу ската вниз.

Кровь начала закипать, а сердце отбивать боевой ритм. Резкий порыв ударил по глазам.

Все произошло быстрее, чем он ожидал. Полагал, что падение будет медленным, хорошо заметным, многие стражники успеют понять замысел и даже открыть огонь. В действительности все произошло молниеносно, а распознавший желания наездника скат безупречно выполнил маневр. Стараясь не заваливаться вертикально, чтобы не выронить седока, он камнем рухнул навстречу редким стрелам, уходя от обстрела широкими зигзагами. Открытый верх широкой прямоугольной башни резко надвинулся.

Два стражника, запоздало осознавшие, что делает обезумевший дозорный бандитской армии, шарахнулись в стороны. Они никак не ожидали, что у кого-то из вольных солдат осадившего войска хватит ума пойти на такой безрассудный поступок.

Сражаясь с давлением ветра, буквально размазывающего юношу по узкой спинке седла, тот нагнулся, расстегивая крепежи. Завалился на спину, с усилием цепляясь за ороговевшие выступы вдоль позвоночника манти. Кружась и ускользя от брошенных в него заклинаний, скат падал все быстрее.

Охранники — здоровенные бесы, разряженные в знакомые красно-золотые туники — схватились за алебарды. Они до последнего момента верили, что летящий к ним черный верховой зверь сейчас отвернет под громогласные победные крики бандитов, прославляющих храбрость одного из своих ублюдков.

Когда манта, уворачиваясь от стрелы, в очередной раз спланировала над башней, Киоши прыгнул. Животное тотчас развернуло плавники, в недоумении останавливаясь и раскатисто трубя. В это мгновение в него попали две стрелы, не пробив доспеха, но заставив испуганно зареветь и метнуться в сторону.

Юноша рухнул в крепость в тот самый миг, когда один из стражников уже тянул замысловатые переплетения Нитей, убегавших в специальный лаз. Мацусиро скорее почувствовал, чем услышал, как тотчас же заколыхались, просыпаясь в глубине твердыни бронзовые колокола, и подскочившие по тревоге воины князя рванулись с мест.

Сгруппировавшись, Киоши покатился по широким доскам башенного пола.

Ближайший стражник заревел, бросаясь на него с поднятым оружием.

Но вновь обманулся в ожиданиях, ужаснувшись, сколь быстрой окажется жертва. На очередном кувырке юноша лишь сильнее толкнулся ногами, в прыжке разворачиваясь и близко-близко рассмотрев поржавевшую сталь вражеского клинка. Перчатка, словно сама по себе, тут же ударила снизу вверх, разбрасывая горсть кровавых камешков. Стражник споткнулся, сдавленно застонав, брызнул пеной и рухнул вперед, роняя алебарду. Его широкие ладони заелозили по скользкому зеву раны в животе, тщетно пытаясь зажать ее расползающиеся края.

Второй бес, внезапно осознавший, что напарник был повержен буквально в течение вдоха, остановился, отшагивая назад и поднимая оружие. Звериные глазенки метались, с обнаженных клыков капала слюна, а длинный хвост раздраженно скакал. Киоши, после удачного удара приземлившись на корточки в угол башни, поднял на того глаза, хищно улыбнувшись. А затем распрямился, словно пружина.

Перемахнув через умирающего тоэха, он внезапно оказался подле стражника.

Тот отшатнулся, нанося единственный удар, какому его обучили офицеры — от плеча, справа налево, сверху вниз. Чудовищной силы, но столь же ужасный по технике... Изогнувшись, длинное тело алебарды завершило свой путь в гудящих досках пола. Киоши, сверкнув бритвами зубов, прошел под самым древком, с легкостью ломая его клинком перчатки. Затем навалился на беса и замахнулся. В зрачках стражника мелькнуло понимание, после чего юноша безжалостно ударил его ногой в живот, перчаткой в голову, и еще раз, двумя руками одновременно, с каждым взмахом лезвия отсекая куски мяса. Окровавленная туша грохнулась навзничь.

Никогда еще чувство силы не опьяняло Киоши столь ощутимо. Застыв над поверженным стражником, он быстро осмотрелся. Взгляд его ухватывал каждую мелочь, любую деталь — погашенную жаровню для углей, котлы с застывшей смолой, полные стрел корзины, связку сигнальных вымпелов, стойку с алебардами и короткими мечами, солдатские лежаки, пирамиду из бочек, почти скрывавшую невысокие перила, выступающие из пола. Молодой тоэх метнулся к лестничному проему, ведущему вглубь башни, перемахивая через раненого беса.

Его обострившийся слух уже улавливал гудение лестниц и перекрытий, прогибавшихся под тяжестью солдатских ног. Не мешкая, Мацусиро бросился вниз по ступеням, миновав их в два прыжка. Оставив за спиной погруженный в сумрак этаж башни, отведенный под склад, он ударил в дверь напротив лестницы, едва не сорвав ту с петель.

От развернувшейся картины захватило дух. Внутри Онадзиро напоминала каменный колодец, загроможденный многоуровневыми мостами, узкими башенками и сложной системой стен. Ярусы и спиральные эстакады, жмущиеся к стенам резные контрфорсы, извивающиеся лестницы и изогнутые каменные мосты создавали ощущение запутанного, но монолитного хаоса. Образованные казематами и домами горожан узкие улицы и внутренние дворики были заполнены повозками, палатками беженцев и военной техникой. Черепичные крыши и шпили храмов яркими пятнами сверкали значительно ниже уровня внешних стен. Красочные витражи личных апартаментов джегалов переливались драгоценными камнями, дворянские стяги хлопали на ветру.

Но наслаждаться картиной не было времени. Сразу за дверью юношу встретил десяток каменных ступеней, выводящих на крышу каземата, и он бросился вперед. Застыл на мгновение, оценивая ситуацию. Нити, клубящиеся вокруг крепостных Ключей, волновались, спешно подбираемые Ткачами князя. Перескакивая через связки с оружием и груды метательных снарядов, навстречу направлялся небольшой отряд. Командующий стражниками низший, носящий на голове массивные витые рога, первым ринулся в бой, замахиваясь на проникшего в крепость шпиона изогнутым палашом.

Выставив вперед перчатку, Киоши пригнулся и побежал, стараясь до столкновения набрать как можно большую скорость. Перехватил клинок палаша перчаткой, небрежно сломав в пальцах, плечом ударил беса в грудь, рванулся дальше, врубаясь в строй стражников и расшвыривая тех, словно деревянные чурбаки. Пригнулся, кувыркаясь по

узкому хребту каземата, едва заметив две Красные молнии, с шепотом ударившие откуда-то с нижних уровней замка. Мягким прыжком перескочил через нагромождение деревянных ящиков, небрежно раскроив голову еще одному стражнику. Внезапность и смелость, с которой одинокий бандит обрушился на солдат лорда, все еще не позволяла тем спокойно оценить происходящее, окружив и расстреляв наглеца.

Дальним концом каземат упирался в новую башню, немного ниже той, на которую прыгал юноша. Ее массивная дверь, ведущая на широкую крепостную стену, распахнулась. Не останавливаясь и не оглядываясь, Киоши нырнул в открывшийся проем, всей массой сминая хрупкого старика, возникшего на пороге. Ударил того в лицо, вырывая клочок плоти, отшвырнул, с победным ревом захлопывая за спиной тяжелую створку. В пазах рухнул засов.

В отличие от первой, эта башня оказалась жилой и разделенной на комнаты. В крохотном холле, куда ворвался Киоши, теснились письменные столы, шкаф для бумаг и узкий топчан. Свет проникал сквозь узкую бойницу, выходившую наружу, и чуть более широкий витраж, выглядывающий внутрь. В противоположной стене комнаты темнела еще одна дверь. Судя по звукам, сейчас ее торопливо баррикадировали.

Переводя дыхание, Мацусиро мельком взглянул на убитого им старика. Рассыпав по полу приготовленные к активации заклинания, один из Ткачей князя застыл в луже растекающейся крови. Нагнувшись, Киоши снял с его пояса несколько сочных Красных. Резким движением стряхнул с перчатки кровь.

В этот момент тело убитого старика треснуло, словно гнилая тыква. Изогнулось, словно взрываясь изнутри, и выплюнуло огромную сколопендру, тут же поднявшуюся на хвосте и яростно зашипевшую в лицо юноше. Стрекоча, она выползла из бесформенных остатков прежнего тела, многочисленными лапками подхватывая оставшиеся заклинания.

Но замешательство Киоши не было долгим. Благодаря Хоэде, он в подробностях знал об умениях так называемых дубликаторов, обладающих многочисленными формами, вложенными одна в другую. Ухватившись за край стола, юноша швырнул тяжелую мебель через комнату, заставив Ткача переливающейся лентой отскочить от трупа. Зарывав от досады, с неохотой бросил в тот же угол одно из трофейных заклинаний.

Вспышка и глухой хлопок, от которого заложило уши, наполнили комнату башни, а выходящий в крепостные дворы витраж шумно лопнул. В следующее мгновение россыпь Красных стрел с гудением вонзилась в засов и дверь, возле которой уже не было никого. Протискиваясь в узкую щель оконного проема, Киоши готовился к прыжку. Сколопендра за его спиной застрекотала, бросаясь в атаку и поднимая Нити, и он без раздумий оттолкнулся от скользкого подоконника. Прицелиться хватило и краткого мига.

Как оказалось, по внутренней стене башни к витражу уже подступало подкрепление. Несколько солдат князя, торопливо перебирающих по грубой башенной стене когтями и присосками, взглядами проводили его полет. Командующий атакой офицер, верхом на летающем скате парящий возле башни, успел только вскрикнуть. Рухнувшей из-под небес птицей Киоши бросился на него, железной кистью вцепляясь в широкую шею. Свободной рукой он пытался ухватиться за спинку седла, одновременно отбиваясь от ударов четырех рук демона.

Летающий зверь скользнул вниз, в сторону, тут же принявшись раздраженно набирать высоту. Со свистом мелькнул его длинный хвост, шипом на конце едва не вспоровший юношу от пяток до загривка, но все же мазнувший по спине. Киоши зарывал, почувствовав, как из пробитой лопатки хлынула кровь, и еще крепче сжал бронированные пальцы, глядя прямо в стекленеющие глаза умирающего джегала. Животное под его ногами гудело и пыталось сбросить обоих седоков.

Убедившись, что враг лишен сознания и обмяк, Киоши разжал пальцы, удобнее перехватившись за седло, и с размаху вонзил свою правую руку в грудь четырехрукого. Глаза тоэха треснули, будто стеклянные, и юноша двумя короткими взмахами клинка распахнул седельные крепежи, сбрасывая тело на дно каменного колодца. С глухим ударом оно упало на улицу, вызвав среди беженцев настоящую панику.

Лишившись хозяина, манта резко задергалась, уходя на широкий вираж. Злобно зашипев, она стремительно понеслась вглубь Онадзиро, стараясь ободрать чужака о поверхность башенной стены или шпиль. Вслед Киюши летели угрозы. Огненный шар распорол воздух справа, ударившись в угол храма и утопив здание в пламенной вспышке.

Мысли скакали, силясь перекрычать друг друга в сознании Мацусиро. Вцепившись в седло, он из последних сил старался не удариться о пролетающие мимо стены, лихорадочно соображая, как быть дальше. То здесь, то там на стенах мелькали вражеские стрелки и Ткачи, уже берущие обезумевшего ската в прицелы. И тогда Киюши вновь прыгнул вниз.

Мельком успев заметить, как тело манти вскипело в ослепительной желтой вспышке, пронзенное сразу двумя заклинаниями, он упал на шпиль одного из особняков, подбородком чуть не напоровшись на его отточенную иглу. Ухватился за плотный выпел, венчающий медную стрелу, пытаясь погасить скорость. Сорвался, с грохотом покотившись по крутому черепичному склону, и, уже падая в расщелину улицы, смог выбросить вперед перчатку.

Когда заклятый клинок вонзился в каменную кладку, кроша ее в пыль, юноше едва не оторвало руку. Оглушенный и ослепленный танцующей в плече болью, он все же заставил себя подтянуться, хватаясь за край крыши. Неловко раскачавшись, нырнул под короткий козырек, до ломоты в пальцах вцепляясь в гранитную капитель, и замер. Обливаясь кровью, он пытался изгнать из сознания жгучую боль, сражаясь с песочной пеленой, грозившей запорошить глаза.

Дождавшись, пока горячая волна схлынет, попробовал осмотреться, окровавленным изваянием застыв среди колоннады и стараясь лишний раз не шевелиться.

Конечно, его продолжают искать. Даже если кто-то не заметил, как шпион соскользнул со ската за миг до гибели животного, они не успокоятся, пока не обнаружат останки. Он вдруг забыл о боли, подумав, что если Тоэши-Набо в замке, то он тоже может принять участие в этих поисках.

Стараясь двигаться как можно более бесшумно, Мацусиро осторожно спустился на лепной декоративный карниз, по периметру опоясывающий особняк. Он неожиданно осознал, что на самом деле выбрал не самый простой способ самоубийства, но перчатка гневно сжала его ладонь, и юноша помотал головой. Сейчас он переведет дух, заставит раны перестать кровоточить, немного отдохнет и спустится вниз, затерявшись в толпах беженцев. Да, так он и поступит, проскочив буквально перед носом у всей крепостной стражи...

Внизу, по довольно широкой улице, пробежал отряд солдат. Огибая телеги и богатые прогулочные кареты для полетов на скатах, заполнявшие кишку проулка, они старательно обнюхивали каждый темный угол, бесцеремонно расталкивая всех, кого встречали на пути. Беженцы Котла, унося пожитки и детей, старались торопливо убраться с их пути.

Осмотрев неожиданно опустевшую улицу, Киюши приготовился спускаться, прицелившись в нагромождение повозок. Потянув затекшие мышцы, он уверенно ухватился за край резного карниза, но замер, внезапно заметив фигуру, крадущуюся вдоль стены.

Сперва он посчитал, что ему просто показалось. Но затем юноша прислушался к окружившей улицу тишине, явственно различив скрежетание жерновов судьбы. Прищурился, без труда вглядываясь в притаившийся за каретами силуэт, и обомлел.

По безымянной улице Онадзиро, вдоль стены высокого дворянского особняка крался человек. Осторожно огибая препятствия, тот шел по следам отряда, только что обыскавшего улицу. Сравнительно молодой по человеческим меркам, с короткой стрижкой, одетый в длинный тяжелый плащ, он таился за массивными коробами повозок, держа наготове компактный четырехствольный обрез ружья. Настоящий человек. Здесь, в самом сердце Тоэха... По его высокой фигуре пробегала редкая рябь, выдавая сотканную из Зеленых Нитей астральную форму. Это означало, что где-то на Земле хозяин тела сейчас спал, погруженный в специальный колдовской транс, пока его душа...

Солдаты вернулись совершенно неожиданно, вероятно, получив приказ еще раз прочесать квартал. Оцепенело замерли, буквально вплотную столкнувшись с человеком, уже покидавшим свое укрытие. И с ревом бросились в атаку, вскидывая оружие. Заминки

хватило, чтобы астральная форма человека подняла свой обреза, с оглушительным грохотом разряжая его в толпу бесов. Киоши думал, что оружие не выстрелит, подчиняясь законам его родного мира, но тут же понял, что недооценил мощь человеческой магии. Двое солдат упали, распрощавшись с жизнью, остальные смешались, не в силах поверить глазам. А человек, тем временем, перемахнул через оглоблю, развернулся и дал деру, прямо на бегу перезаряжая обреза. Спohватившись, солдаты Мишато бросились в погоню, и вскоре улица вновь опустела.

Киоши был поражен, не стесняясь собственных эмоций. Но жестокое время продолжало таять весенним снегом, и было бы грешно не воспользоваться невольной помощью отчаянного человека, оттянувшего погоню на себя. Юноша мягко спрыгнул со стены.

Улица медленно заполнялась беженцами, испугнутыми со своих мест. Не открывая лица, Мацусиро без труда влился в их толпу. С ног до головы он был закутан в бесцветное крестьянское рубище, подобранное на одной из оставленных в панике подстилок. Сутулясь и пряча перчатку, Киоши с замиранием сердца пропустил мимо себя очередной армейский патруль.

Воодушевленный первой победой, юноша двинулся в центр крепости, стараясь не глядеть по сторонам. Онадзиро со стенами переносила тяжелую болезнь осады, пусть и столь несерьезной, как эта. На улицах копились нечистоты, все больше тоэхов заболели прямо на глазах, дорожали продукты и выпивка. Нити чахли и отмирали. Солдатам приходилось все жестче и нагляднее умирять местных преступников, решивших воспользоваться суматохой. На площадях появились виселицы и плахи. На специальных досках светились колдовским пламенем плакаты, в которых князь пытался поднять боевой дух защитников и обещал скорую победу. Однако крупного гарнизона, способного действительно выйти в поле и разгромить пятисотенное вольное войско, Киоши заметить не смог. Это, в свою очередь, заставляло его надеяться, что вместе с лучшими частями замок покинул и Тоэши-Набо...

Если бы не перчатка, он мог с легкостью пройти мимо этой часовни, притаившейся на краю крохотной площади. Не примечательная ничем, она дремала в совершенном одиночестве и покое, а возле высоких двойных дверей не наблюдалось ни одного охранника. Но стоило юноше пересечь площадь, прицелившись в очередную улицу, как оружие на его руке сжалось с такой силой, что он чуть не вскрикнул. Замер перед часовней, рассматривая ее острую крышу, скромные витражи фасада, увенчанный красно-золотым стягом шпиль. Качнув предплечьем, перчатка снова потянула вперед. Заставив ее умолкнуть, он настороженно осмотрелся.

Как и повсеместно в Онадзиро, края площади и место у колодца занимали крестьяне, спавшие, обедавшие, испражняющиеся и совокупляющиеся прямо тут же, на импровизированных лежаках и под прозрачными навесами. Солдаты, сонно бродящие среди них, все тревожнее поглядывали вверх, где на стены и крыши продолжали сыпаться стрелы металлических машин. Это означало, что бандиты до сих пор выполняют приказы Иронотсу, а его измена не обнаружена.

Остановившись возле стены часовни, Киоши опустился на корточки, исподлобья осматриваясь. Однако даже самое длительное ожидание не принесло ничего нового. Неразбериха и тревога, охватившие столицу провинции после его неожиданной атаки и появления человека, казалось, вовсе не добрались до этой ее части. Он не заметил ни слежки, ни скрытых в толпе охранников, ни магической защиты здания, внутрь которого его влекла латная перчатка Сگونه. Мацусиро был уверен только в одном — когда-то внутри часовни бил Ключ, но теперь его силы иссякли.

Стараясь двигаться как можно более непринужденно, он вдоль стены приблизился к воротам. Стараясь прикрывать руки балахоном, потянул на себя крученное железное кольцо. Отпустил, убедившись, что ворота не заперты. В душе его сейчас наступила настоящая зима, схватив в лапы озноба все мысли, до которых смогла дотянуться. Киоши подумал, что еще никогда в своей жизни не был так возбужден и напуган одновременно.

Вновь потянув кольцо, он приоткрыл высокую створку.

Обратив к Держателям короткую молитву, скользнул в узкий проход, осторожно и бесшумно прикрывая ворота за собой.

И уже в следующий миг понял, что не ошибся. Точнее, молодой тоэх понял, что не ошиблось колдовское оружие, вцепившееся в его правую руку.

Забыв обо всем на свете, он разглядывал часовню, квадратный зал которой был практически пуст. Не было мебели, светильников, алтарей, пыльных занавесей или пышных перин для проведения суккубами своих обрядов. Только блестящий пол, выложенный прохладной плиткой, и резные колонны вдоль стен. Неяркий розовый свет падал сверху и из витражей за спиной, скрывая настоящую высоту строения. Подняв голову, Киоши только сейчас разглядел, что на витражах изображены героические картины войны Бешенства. Нитей не было вовсе, зал был буквально стерилизован от их присутствия.

Единственным предметом, за который мог уцепиться взгляд, было круглое возвышение в центре часовни, достигающее юноше до пояса. На нем, больше напоминая титанических размеров коралл, выловленный в самых мрачных глубинах океана, покоился Камень.

Не иллюзия, не мираж — Камень Пересечения лежал перед молодым Мацусиро, посверкивая миллиардами вкрапленных звезд. Его не окружали специальные символы, заклинания или расчерченные по полу пентаграммы. Умиравшие жертвы не стонали по его периметру, исходя кровью, капающей прямо на вершину бесформенного белесого валуна.

Киоши никогда не ожидал, что достичь Камня станет так просто. Лишь кольнуло в груди, в том месте, на котором он так долго проносил его частичку. Больше ничего. Покусывая губу, юноша подумал, что много бы дал, чтобы узнать, как именно Тоэши-Набо собирается использовать древний артефакт, но тут же отшвырнул такие мысли вон.

Перчатка на его запястье нетерпеливо загудела. Казалось, ей просто не терпится воплотить в жизнь замысел хозяина. Казалось, она дышит все глубже и глубже, словно собираясь перед единственным решительным ударом. Но юноша не торопился, вдруг осознав, что вновь не знает, как быть дальше. Он верил, что оружие Марвина расколется Камень, но что делать с его осколками? Уносить в кошеле, пряча по всем закоулкам Креста? Давить в пыль, чтобы никакие чары не смогли восстановить их прежний облик? Жечь Нитями? Он не видел ответа.

И тут пришло понимание. Одновременно с потоком догадок, затопивших разум, перчатка вздрогнула, словно сбитое с мысли живое существо. Казалось, ее решимость утекает сквозь пальцы...

Сбрасывая тряпки, юноша шагнул вперед.

Содрогнулся всем телом, поразившись странной и давящей акустике, присущей залу часовни. Эхо его шага раскатилось по всему помещению, возвращаясь четким и игривым. Он сделал еще один шаг, чутко вслушиваясь, как вернувшийся отзвук запоздал буквально на долю мгновения.

Облегчение, что хоть в чем-то он не ошибся, не принесло радости. Поднимая правую руку на уровень груди, Киоши сжал кулак.

— Выходи, не прячься.

Он уже представлял себе стройный силуэт суэджигари, моля судьбу, чтобы тот оказался один.

Но когда из-за Камня появился его охранник, Киоши едва подавил вскрик.

Мацусиро ждал Стервятника. Верил, что сможет победить. Верил, что если победа отшатнется, он сумеет дотянуться и все же ударить в проклятый булыжник. Также он не исключал, что отстаивать Камень придет сам князь Мишато, достойный мучительной смерти. Возможно, придет не один, а с отборными воинами, и все же... Но сейчас, разглядывая стража, Киоши чувствовал, как выложенный блестящей плиткой пол убегает из-под его ног.

Появившаяся из-за камня фигура была человеческой. Немного усиленной формы, грацией походки она сразу до боли напомнила Танару. Черный, с едва заметным синим

отливом гладкий комбинезон обтягивал ее с ног до головы, рельефно выделяя мышцы. Лица у демона не было, половых признаков тоже. Только два полыхающих аметиста на месте глаз, вот и все, что выделялось на этой гладкой, как пластмасса, черно-синей фигуре. Пружинящей походкой страж Камня вышел вперед, останавливаясь у стены слева. Падающие через витражи лучи света подчеркивали скульптурное совершенство его тела.

Перед Киоши стоял, мерцая провалами глаз, воин из личной гвардии Императора. Их, избранных и непобедимых, именовали Веерами.

Где-то на высоких башнях Онадзиро, словно сигнал, ударили колокола.

Веер мягко двинулся вперед, и розовый свет витражей словно сгустился, наполнив башню кровавым маревом. Киоши привычно выставил перчатку.

Страж Камня широко взмахнул руками, и они мгновенно исчезли, превратившись в широкие стальные полотна, отточенные кромки которых шептали о смерти. Веер сделал несколько плавных махов, став похожим на странную птицу с железными крыльями. Прикрыв ими голову, он молча приближался.

Киоши прыгнул влево, а затем неожиданно бросился к Камню, едва касаясь ступнями плиток пола. Обреченно зашипел порубленный руками Веера воздух. Отточенные плоскости глухо загудели, когда их хозяин закрутился юлой, подкрадываясь и окружая себя непробиваемой завесой смерти.

Юноша почти сразу понял, что ему не успеть дотянуться до пьедестала. Рывком развернулся, ногой целя в голову врага. Но невесомые полотна звякнули друг о друга, и Мацусиро отскочил, хватаясь за колено. Свежая кровь прочертила дорожку по блестящим плиткам.

Сохраняя дистанцию, Киоши отступил на несколько шагов, но Веер не был тем, кто затягивает поединки. Он двинулся следом, ни на миг не прекращая завораживающий вихрь. Распластанный на куски, воздух часовни стонал.

Чувствуя, как все стремительнее захлопывается западня, молодой тоэх присел, ударив перчаткой, и ее клинок заискрился, прочертив глубокую борозду в щите Веера. Гвардеец Императора сместился влево и внезапно прыгнул вперед, наотмашь рубя обеими плоскостями. Киоши подставил под удар бронированную кисть, попробовал дотянуться до сверкающих глаз врага, но был отброшен, зажимая еще одну рану на бедре. Веер замер, по-прежнему отделяя Мацусиро от хаотичной глыбы Камня.

И тогда Киоши выпил свою перчатку. Приказал ей отдать все без остатка, впитал ее силу, решимость и отвагу. Удар невероятной мощи, пришедшийся откуда-то изнутри, едва не повалил его с ног, и Веер с интересом склонил голову, наблюдая за происходящим.

Юноша зашатался, стараясь сохранить равновесие, затем сжался в мучительный ком, нутжно хрипя. А потом обрел новую форму.

Раны на его теле открылись, разом плюнув на гладкий пол сгустками застарелой боли и страдания. Кости звонко затрещали, а судорожная боль скрутила все до единой мышцы. Трансформация заняла не больше нескольких мгновений, но Мацусиро казалось, что он провел в недружелюбных объятьях пытки целую вечность. Позвонки его удлинлись, вдоль всего хребта шкуру проткнули кинжальные шипы. Лицо юноши вытянулось, теряя последнее сходство с человеческим, клыки опустились до подбородка, зрачки глаз растворились в алой пелене. Бугры обновленных мышц уже готовы были лопнуть, когда перчатка как-то по-старчески закрипела, навеки принимая форму его правой кисти.

Теперь возвышавшийся над Веером почти на целую голову, Киоши вскинул морду к потолку часовни, испустив полный злобы рев. Витражи лопнули брызгами, искрящимся дождем орошая камни площади.

Оставляя в плитках пола борозды от когтей, безумный джегал рванулся к противнику. Он ощущал себя в силах сокрушать целые города, и плевать хотел на то, сколь могучими считались безликие гвардейцы Трона.

Веер вновь зашептал крыльями, все быстрее и быстрее раскручивая матовые черные плоскости.

Могучая туша Киоши на огромной скорости ворвалась в пляску бритвенных полотен, неразличимую простым глазом. Казалось, Веер плетет вокруг себя веретено кокона, сквозь которое уже было не разглядеть даже его фигуры. Перед тем, как окунуться в гудящую завесу клинков, юноша на миг замер, словно прицеливаясь, и принялся бить, показывая стражу все, на что был способен.

Но Ткачи Императора не зря провели не одну эпоху, выводя породу таких, как Веер.

Страж Камня неожиданно остановился, превратившись в неподвижную статую. Единственная капля искрящейся крови поползла с гладкого фиолетового плеча. За его спиной, падая с заданной ему Веером высоты, рухнул Киоши, захлебываясь и корчась. Императорский убийца медленно повернулся к поверженному противнику, наблюдая, как Мацусиро пытается встать, поскользываясь в реках собственной крови.

Туманная пленка застилала глаза, но юноша все равно прыгнул вперед, непослушной рукой занося перчатку. Веер поймал дерзкого тоэха на ковер скрещенных клинков, и дальше для Киоши наступила полная темнота.

Из мрака выступил сгорбленный силуэт наставника Хоэды, с печалью наблюдавшего за беспомощно распластанным на полу учеником. Его губы шевелились.

— Боль — это иллюзия, — шептал наставник, теряя резкость очертаний. — Это чувство, которое мы внушаем себе, чтобы пожалеть и оправдать собственную беспомощность. На самом деле поражение в битве безболезненно. Безболезненна боль утраты и даже смерть.

Но разум Киоши не согласился со словами призрака. Он продолжал убивать юношу, заставляя того корчиться и терять сознание, расцветивая происходящее тысячами рвущих душу и тело оттенков.

* * *

Он пришел в себя, когда беспощадный рывок вздернул его с холодного пола.

Рана, нанесенная летающей мантий четырёхрукого джегала, мгновенно открылась, как и многочисленные порезы, оставленные руками Веера. Теплая кровь побежала по спине и ногам, возвращая в реальность. Тут же накатила ломота, сковывающая правую руку. Следом пришло ощущение тяжести. К земле словно давил какой-то груз, не давая ни разогнуться, ни распрямить плечи. Казалось, что порожденное перчаткой, новое тело будто бы усохло обратно, потеряв стать и жизненные соки.

Киоши попробовал открыть глаза. Левое веко не слушалось, словно на его месте ничего не осталось, но правый глаз с хрустом разлепился, взламывая корку запекшейся крови. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить бедственность положения, и юноша обреченно закрыл его. Все было кончено. Овилла оказалась права. Бродячий парящий монолит, предвестник беды, не обманул. Скрипки Рашимото не зря пели свою скорбную песнь в душе бандита.

Железные колодки, цепко обнимая за шею и руки, тянули к полу. Их окружала искусственная мертвая зона, попав в которую любая Нить умирала мгновенно. Правая кисть была отрезана до середины предплечья, на ее месте зияла кровавая каша, венчающая безобразный обрубок. Культия кровоточила, раздираемая острыми краями металлической колодки. Цепи, опутывающие ноги, не позволяли сделать и шага.

— Я сказал, стоять!

Рев палача еще не утих, когда жгучий удар кнута обрушился на спину. Киоши вздрогнул, чудом устояв и понимая, что новорожденные шипы его позвоночника вырвали живьем.

Застонав и пытаясь выпрямиться, насколько позволяли побои и груз на плечах, он снова открыл правый глаз. Если он сейчас умрет, то при этом станет смотреть своей судьбе в лицо. Стараясь игнорировать огонь, охвативший спину, Мацусиро осмотрел зал, в котором находился.

С неуместной иронией юноша подумал, что все богатые дворцовые залы похожи друг на друга, как братья. Те же безвкусные колонны вдоль стен, экзотические птицы на драгоценных насестах, журчащие фонтанчики с вином, нектаром и родниковой водой, шик парчи, фальшивый лепет резных потолочных плит. Утонченными казались лишь окованные золотом рамы окон, прицелившихся прямо в ярко-красное, буквально кровавое небо. Перед окнами, нависая над мягкими сиденьями дворцовой швали, возвышался трон. Дымы ароматных воскурений, маскирующих защитные заклинания, окружали его со всех сторон.

— Я сказал, стоять ровно!

Свист кнута расколол мир на до и после. Скрежеща поломанными зубами, Киоши с трудом сдержал стон. Он опять подумал об Овилле, в тревоге ожидающей его возвращения на источниках Мазавигара.

— Смотреть на высокого князя!

Он получил еще удар и подумал, что следующий может оказаться для него смертельным. Но и на этот раз устоял, вздернув распухшие губы в комичном беззубом оскале.

Лорд Мишато, восседающий на троне за прозрачной завесой благовоний, небрежно взмахнул рукой.

— Оставь его... Он не нужен мне мертвым.

Киоши прищурился, разглядывая мятежного князя. В новой форме, пусть и искалеченной, ему не нужно было изменять зрачок, чтобы проникнуть за густые завесы из дымов и Нитей.

Рассматривая лорда, Мацусиро осознал, что разочарован... На первый взгляд, Мишато носил человеческое тело, лишь голова которого была полностью опутана колышущимся лесом тонких черных щупов, свисающих почти до колен. Где-то в глубине этой живой чащобы шевелился крохотный рот. Впечатляли глаза князя, яркие, как самоцветы. Они бесстрастно изучали пленника, замершего в десятке шагов от трона. Яркие, но совершенно безжизненные глаза.

Богатые пестрые одежды, в которых превалировали желтая и зеленая гаммы, ниспадали по ступеням высокого постамента, подножье которого было усыпано сверкающими камнями. Как и дым, платья маскировали истинную форму князя, оставляя открытыми только тонкие руки и лицо. На пальцах горели перстни. Равнодушно рассматривая пленника, лорд Мишато был задумчив. Сохраняя молчание, он накручивал на тонкую кисть один из длинных щупов своей гривы, шевелящейся под стенами высокого воротника.

Кроме князя и незримого палача, обдающего спину болезненным зловонным дыханием, больше в просторном зале не было никого. Хотя Киоши знал, что это совсем не означает отсутствия за троном высокой фигуры в сером плаще, внимательно прислушивающейся к разговору. Он вдруг твердо решил, что Стервятник уже прочел его мысли.

— Значит, это и есть Иронотсу, доставивший моей префектуре столько хлопот? Жалкое зрелище.

— Значит, ты и есть изменник, продавшийся суэджигари?

Мишато покачал головой. Его голос был невзрачным, бесцветным, лишенным всякой окраски.

— О, да ты пугающим образом информирован... Но это к лучшему, мы можем говорить откровенно. Знаешь, Тоэши-Набо будет рад, когда я подарю тебя ему. Надеюсь, после он вернет тело. Хочу видеть, как жалкая свора ублюдков заскулит, обнаружив на стенах твой расчлененный труп.

Киоши понял, что не в силах бояться этого монотонного голоса. Даже когда тот рассуждал о страшных пытках и смерти. Он попытался улыбнуться, но вместо этого лишь болезненно сморщился, чувствуя стекающую по подбородку слюну.

— Но Тоэши может и подождать... Прежде чем твой разум умрет в его руках, я хочу задать тебе несколько вопросов. Ты не возражаешь? Славно, — безжизненно и скучно, словно торговец, проводящий опись склада. — Я хочу знать, кто стоит за твоей операцией.

Кто спланировал ее, кто финансировал, кто разработал стратегию. Еще я желаю узнать, откуда ты и твои хозяева знают о Камне.

— Зачем тебе знать это, Мишато?

— Высокий лорд Мишато! — но рука князя властно остановила взвизгнувший кнут.

— Пусть говорит, как захочет. Сегодня он мой гость...

Палач покорно хмыкнул, сворачивая бич.

Киоши попробовал обернуться, желая разглядеть своего мучителя, но колодки не позволили.

— Ты лишь марионетка, князь, — шепелявя, продолжил юноша, стараясь не обращать внимания на металлический привкус языка. — Твоя судьба предопределена, ты сам отдал ее в руки проклятой расы. Так зачем тебе знать то, что в два счета извлечет из моего сознания твой повелитель суэджигари?

— Марионетка? Мой повелитель? Я погляжу, кто-то основательно забил твою голову ерундой, юноша... Да, Тоэши-Набо и правда без труда получит все необходимые мне знания, но ты знаешь, кое-что я хочу узнать лично. Это добавляет некую интригу.

Противореча смыслу произнесенных слов, в голосе князя по-прежнему не слышалось ни капли заинтересованности.

— Так кто ты такой, мальчик?

— Меня зовут Иронотсу...

— Упорством славны только животные, не забывай. Кто послал тебя в Котел?

— Я пришел сам, чтобы отнять твою жизнь.

— Значит, продолжаешь упрямиться? Глупо. Очень глупо. Ты хоть понимаешь, что кроме умений суэджигари, в моем распоряжении раскаленное железо, дыба, расплавленный свинец, иглы и клещи?

— Ты не имеешь права на жизнь, Мишато. Ты посягнул на запреты предков...

— Вор и убийца смеет читать мне мораль? Ты ханжа, Иронотсу.

Князь протянул изящную руку куда-то вправо, вынимая из дымчатого переплетения Красных богатый кубок. Пил долго и с наслаждением, заставляя пленника страдать от внезапно открывшейся тому жажды.

— Я ничего не крал. Я лишь уничтожал...

Киоши попытался пошевелить задранными вверх руками, но только задел краем колодки ожог и заскрежетал обломками зубов.

— Тебе больно? Это работа моих Ткачей, бандит, — впервые в голосе лорда прозвучало что-то, похожее на эмоцию. Не гордость, лишь ее послевкусие. Мишато приподнял кубок в сторону его обрубка. — Рана обработана специальными Нитями, останавливающими регенерацию. Страдания будут долгими.

Юноша опустил голову, сплевывая кровью на инкрустированные плиты пола.

— Они сущий пустяк по сравнению с тем, как станешь мучиться ты сам...

Брови князя сошлись на переносице. Он отбросил пустой кубок в дым справа от трона, где тот исчез в воздухе. Черные шупы на подбородке лорда в возбуждении зашевелились.

— Все ясно. Ты на самом деле всего лишь идиот, Иронотсу. Болван, возомнивший о себе невесть что... Увести его, у меня испортилось настроение. Иди, мальчик, и пусть каждое мгновение ожидания напоминает тебе о скором возвращении Тоэши-Набо.

Но голос князя, как и прежде, ничем не выдал перемены, словно происходящее на самом деле не касалось хозяина Онадзиро.

— После того, как щенок будет прикован в своей камере, собери на совет офицеров внешней стены...

Гудение, раздавшееся за спиной, Киоши сначала принял за гул летящего к башне снаряда. Невольно сжался, ощутив полнейшую беспомощность. И буквально тут же сообразил, что воображение сыграло с ним шутку, не дав различить очевидное.

Лорд Мишато привстал на троне, преобразившись на глазах. Одежды его всколыхнулись, словно сминаемые порывом ветра, потеки дыма взвились спиралями. Теперь

князь действительно был похож на властителя и джегала, собранного, внимательного, готового к любой драке. Раскинув руки, он одним жестом вскрыл расположенные в стенах тайники, одновременно стягивая в ладони десятки Красных Нитей. Палач, среагировавший чуть позже, с рычанием толкнул Киоши в израненную спину, заставляя повалиться на колени. Лязг колодок смешался с шипением выходящего из ножен клинка.

А затем и сам Киоши догадался, что за звук раздался в тронном зале.

— Я хочу пройти.

Смутно знакомый голос пронзал туман готового материализоваться Портала, искажаясь и теряя силу.

— Не вижу в этом смысла, — ответил Мишато, глядя за спину молодого Мацусиро.

На этот раз эмоций в словах князя добавилось. Казалось, он даже удивлен.

— Клянусь, что не стану чинить вреда. Я один. Пропусти меня, хочу поговорить.

— Мы уже обсудили все, что считали нужным, — князь сделал палачу знак, и тот сместился в сторону дверей, с тяжелым сопением готовясь к драке.

— Нет, не все. Пропусти меня, так будет лучше. Ты же знаешь, что в сердце твоей крепости я не смогу причинить тебе вреда. Или ты боишься меня, князь?

— Приди позже, я занят.

— Нет, именно сейчас, — в этих трех словах сконцентрировалась вся твердость вековых скал, и самоцветные глаза князя вспыхнули пониманием.

Какое-то время Мишато оставался нем и неподвижен, словно оценивая услышанное и принимая решение. Наконец коротко кивнул в сторону, не выпуская Нитей из пальцев.

С хлопком Портал обрел очертания, вибрируя и негромко гудя, но Киоши по-прежнему не видел ни палача, ни красного овального зеркала, висящего над полом зала. Опираясь левым краем колодки на расписные плиты, он попробовал встать, но поскользнулся. Когда волна боли, накрывшая юношу, отступила, он различил стук каблуков, сопровождаемый легким бренчанием. Того, кто только что миновал Портал, окружало облако мятных запахов, едва различимо приправленных ароматом паленого дерева.

— Как ты смог открыть Переход в этот зал?

Мишато не торопился опускаться обратно на трон, живым распятием возвышаясь на пьедестале. Нити, убегающие из его пальцев в дым, пульсировали, готовые броситься вперед.

— Благодарю за доверие, — густой мужской голос казался все более и более знакомым. — Ты правильно поступил, пропустив меня. А система защиты Онадзиро так и осталась дерьмовой. Можешь поверить, мне не составило бы труда войти и без приглашения.

— Зачем ты явился?

— Ты сейчас узнаешь об этом...

Марвин Сcone неторопливо прошелся по тронному залу, с любопытством рассматривая лепнину колонн и фальшивую роскошь портьер. Поджал губы, с недовольством качая головой.

— Какой безвкусный интерьер... Рекомендую казнить архитекторов, за исключением тех, кто конструировал оконные рамы.

Магистр остановился в поле зрения Киоши, высокомерно не глядя ни на пленника, ни на его палача. Он был одет так же, как во время их первой встречи — в просторную коричневую рубаху, красный кожаный жилет, высокие сапоги. Однако теперь к наряду добавился изящный меч, оттягивающий широкую портупею. Глава ордена Сна пригладил длинные блестящие волосы, зачесанные на затылок.

Киоши вдруг подумал, что прогнившие казематы Онадзиро сейчас кажутся ему самым желанным местом на всем Тоэхе. Все еще ничего не понимая, он вновь видел воронку хаоса, раскручивающуюся над собственной головой.

Держась расслабленно и непринужденно, Марвин каблуком сапога постучал по серебряным инкрустациям на полу, засовывая левую руку за ремень. В его правой ладони, как обычно, негромко стучали шары.

— Мы уже обсудили все, что хотели, лорд Сcone. Зачем ты здесь? Ультиматум? Вызов на дуэль? Послание Императора? Почему именно сейчас?

— Проходил мимо, — улыбнулся тот, щуря глаза.

— Не время для шуток, Магистр. Мой замок осажден, и в пустых разговорах я теряю драгоценное время.

— Да, конечно, не смею задерживать, — Марвин продолжал ковырять резную плитку носком сапога. Ему даже удалось отломить один из прозрачных камней. — Я пришел по срочному делу, высокий лорд.

— Надеюсь, это дело гораздо важнее твоего желания встретиться с неким мифическим Тоэши-Набо?

— Думаю, да.

— Так поведай?

И Киюши вдруг заметил, как сильно нервничает князь Серединного Котла, изо всех сил старающийся сохранять спокойствие перед лицом нежданного гостя. Мацусиро понял, что тот лишь сейчас догадался, как запросто Сcone мог и раньше проникнуть в крепость. Например, чтобы отнять никчемную жизнь предателя...

— Изволь. Я пришел забрать его.

Марвин лишь небрежно кивнул в сторону пленника, но Киюши показалось, что в него вонзилась стрела из осадной машины. Внутренности свело от ужаса, а боль, пронзающая правую руку, превратилась в досадный ожог, какой может подарить короткое прикосновение к остывшему угольку. Теперь он с бездонной обреченностью увидел собственную судьбу.

— Ты говоришь глупости, лорд Сcone. Это мой пленник. Я лично взял его на этой войне.

— Отнюдь.

— Он мой законный пленник, — с нажимом повторил князь. — И я волен распоряжаться его жизнью, как посчитаю нужным. Ты заметил, что Котел охвачен войной?

— Безусловно. И это заметил не только я. Это, — Магистр снова качнул широким подбородком в сторону распластанного по полу Киюши, — изменник и бандит, посягнувший на земли высокого лорда Империи. Милостью Трона он не будет казнен до тех пор, пока не предстанет перед высшим судом Империи и моего ордена.

— Я сам сумею наказать бандита.

— Император оказывает тебе великую честь, князь. Ведь ты не хочешь оскорбить его решение?

Лорд Серединного Котла замолчал, переводя задумчивый взор с Марвина на Иронотсу. Безусловно, он не смог не распознать отточенной угрозы, кроющейся в равнодушных интонациях имперского посланника.

— Я высоко ценю доверие, оказанное мне его Императорским Величеством, — наконец проговорил он, осторожно подбирая слова.

— В таком случае, — подхватил его мысль Сcone, — как преданный слуга Империи, ты должен передать мне главаря этого никчемного сброда. Высший суд ордена Спокойного Сна сделает этот процесс громким, поверь. Мы наведем ужас на вольную армию под твоими стенами, обратив бандитов в бегство одним жестом. Полагаю, это поможет Серединному Котлу гораздо эффективнее ввода в его земли армии Императора.

— Император готов помочь мне войсками?

— Немедленно, — улыбнулся Марвин, и воздух в тронном зале моментально похолодел от этой усмешки. — Он ждет моего возвращения.

Какое-то время противники молчали, два могущественных тоэха, готовые закипеть и взорваться в любой миг.

— Казнив Иронотсу лично, я сам способен деморализовать бандитов.

— А я наделен полномочиями доставить бандитского главаря в столицу Империи в Золотой Клетке. Ведь мне не нужно объяснять значение этого заклинания? Именно в нем в столицу привозят всех изменников, желающих расшатать основы государства. Итак, князь

Мишато, я жду твоего ответа. Сам Император ждет его.

Нити в руках лорда Онадзиро угрожающе натянулись, но тут же ослабли. Мишато кулем опустился на трон, скрещивая руки на груди. Они прекрасно поняли друг друга, матерые звери, дорвавшиеся до высокой политики, грубо и торопливо опутывающие истинное значение вещей словесной паутиной.

Несмотря на боль и унижение, Киоши ликовал. Он едва не поднялся на ноги, уже готовый умолять Марвина оставить его в Котле лишь для того, чтобы в провинцию вошли имперские войска. Но силы вновь покинули его, и юноша был вынужден безучастно наблюдать за этой странной дуэлью характеров.

— На этот раз ты выиграл, но мы оба понимаем, что цена достаточно высока, — Мишато многозначительно взглянул на Портал, нахально распахнутый посреди тронной залы. — Сегодня побеждаешь ты, завтра удача улыбнется мне...

— Удача тоэха переменчива, как оттенок Нити.

— Но я требую лично казнить наглеца.

— Я передам Императору твое пожелание, князь, — Магистр отковырял от красочного пола еще один камешек, небрежно отбросив стекляшку ногой.

— Мои наблюдатели будут принимать участие в процессе.

— Ты будешь извещен о его начале.

Лорд Мишато медлил с официальным ответом, и Киоши видел, сколь непростая борьба идет сейчас в его душе.

— При столь убогой ставке ты размениваешь слишком крупный козырь, Марвин, — тихо и зло повторил князь, внимательно глядя на Мацусиро. Казалось, он окончательно смирился, но в груди его кипела плохо скрываемая ярость. — Я не узнаю тебя.

— Просто ты совершенно не знаешь меня, князь, — улыбнулся Сконе. — Так что выберешь? Добрую войну или худой мир? Император ждет.

— Передай его Императорскому Величеству, что я высоко ценю оказанную мне честь. Боготворя величие Трона, я смиренно отдаю этого бандита в руки высокого правосудия, нижайше склоняясь перед мудростью и проницательностью Императора. Надеюсь, ты сможешь передать при дворе все уважение моих слов. Забирай свое отребье, оно недостойно даже присутствия в моем доме...

Сконе мгновенно протянул в сторону пленника левую руку и безымянного палача отшвырнуло прочь, его могучей тушей разбивая один из изящных фонтанов. В этот же миг со всех сторон от Киоши замерцали, проступая из колышущегося сумрака, золоченые прутья ажурной решетки, в каких придворные птицеловы приносят джегалам редкие и дорогие экземпляры. Из-под плит пола выступило решетчатое дно, приподнимая юношу в воздух.

— В таком случае, я забираю это, — брезгливо молвил Марвин, все еще не глядя на улов. — При дворе узнают о проявленной тобой мудрости, князь Мишато. Усилия Котла по пленению главаря бандитов также будут по достоинству вознаграждены.

Повернувшись на каблуках, Марвин Сконе приблизился к высокой сверкающей клетке. Взявшись за прут, он без труда поднял ее над полом, словно и она сама, и ее содержимое были созданы из невесомого пуха. Было слышно, как оглушенный палач поднимается на ноги, с глухим рычанием ожидая приказов лорда. Киоши едва слышно застонал, так и не сумев подняться с колен, а новый хозяин его судьбы медленно потянул клетку к Порталу.

— Кстати, лорд Сконе, — Магистр с интересом обернулся на тронное возвышение через плечо. — На тебя в самом деле начали работать люди?

В глазах командора ордена Спокойного Сна мелькнуло удивление, и Марвин нахмурился.

— Не понимаю, о чем ты, — искренне ответил он. — Мое почтение, лорд Мишато...

Князь Онадзиро сказал еще что-то, но Киоши уже не слышал, вместе с сияющей золотом клеткой проваливаясь в густой кисель Портала.

Эпизод XV. Расплата

Как и ожидал Киоши, Магистр вышел из матового зеркала здесь же, на Тоэхе. Но отнюдь не в столице, как того можно было ждать, и далеко не в тюремных застенках. И от этого искалеченному пленнику стало еще более не по себе.

Портал с хлопком свернулся, обрывая подпитывающие Нити.

Они находились в развалинах какого-то замка. Даже не замка, а единственной башни, к бокам которой прилепились пара сараев и приземистый двухэтажный дом, когда-то служивший постоялым двором. Перекрытия и лестницы давно разрушились, превратив квадратное строение в пересохший колодец, крыши сараев поросли густой бледно-желтой травой. Обломки, кирпичи, старая мебель, щепки и кучи нанесенной ветрами пыли устилали пол башни, невольно навевая мысли о падении любого могущества. За проломами в стенах, грозивших в скором времени окончательно обвалиться, проплывали пышные свинцовые облака, напоминающие сонных летающих чудовищ.

— Облака в небосклоне Тоэха... редкое зрелище, — Марвин сосредоточенно двинулся по периметру башни, обрывая маскирующие заклинания, целью которых было скрыть обратную точку Перехода. — Придворные жрецы с ума сойдут от ужаса. Ты знаешь о том, как много при дворе стало жрецов, мой мальчик? Сотни. Творят свои обряды, стараясь привлечь на свою сторону привередливых Богов и умиловить Держателей. Ты веришь в то, что отвернувшиеся от миров Креста Боги вернутся, чтобы принять участие в крушении всего сущего?

Несмотря на нескрываемый пафос, Марвин рассуждал живо и эмоционально, словно разговаривал со старым другом, с которым ему не терпелось поделиться вестями. Учувя хозяина, в проломе зафыркал, колотя когтистой лапой, чудовищный жеребец. С вершины рассыпающейся стены сорвалась стая стеклянных птиц.

— А теперь представь, парень, как кто-то из этих безумцев, предрекающих возвращение величайших Ткачей на всем Кресте, увидел бы эти облака? Как пить дать — знамение. Ты веришь в знамения, Киоши?

— Теперь, да...

Слова давались юноше с трудом, пересохший опухший язык едва ворочался в пещере рта. Он смог кое-как подняться на ноги, тяжело прислоняясь к решетке. Жизнерадостное настроение Марвина настораживало пуще обнаженного кинжала в рукаве. Магистр принялся непринужденно прогуливаться вокруг золоченой ловушки, пиная камни и сухие ветки.

— Я благодарен вам за свое спасение, мастер...

— Никогда не благодари палачей!

От былого дружелюбия Сcone не осталось и следа. Он остановился, словно вкопанный, вцепившись в прут клетки.

— Я спасал не тебя, мальчик, а твою память. Мне удалось узнать, что суэджигари еще не успели поработать с тобой...

Киоши опустил голову. Колодки казались тяжелыми, как никогда прежде, сукровица сочилась из мест, где плоть касалась металла.

— Вы не смогли вывезти мой кулон с Буредды?..

Но Сcone не ответил, задумчиво прищуриваясь и отступая на шаг.

— Я впечатлен смелостью Овиллы, Киоши Мацусиро. Ты должен гордиться ее силой.

— Это Овилла донесла ордену, что я пропал в Онадзиро?

— Да, она сделала это сразу после твоего дурацкого нападения на крепость, — поглаживая рукоять меча, Магистр продолжил прогулку вокруг пленника. — После Мазавигара Овилла была намеренно приставлена к тебе на случай подобных выходов. Должна была пройти Портал во времени, но если бы что-то пошло не так — а не так пошло все — продолжала бы опекать и следить. Конечно, я крайне разочарован ее решением на самом деле стать твоей союзницей, оборвав с орденом всякую связь и убивая своих братьев и сестер. Но в итоге она поступила правильно. У ордена не бывает бывших агентов. Хвала Держателям, я успел... Значит, ты смог увидеть Камень?

— Да, мастер. Он почти завершен.
— Я не допущу завершения ритуала. Кстати, о каких еще людях говорил Мишато?
— Проникнув в крепость, я видел там человека. Он убивал солдат князя. Думаю, это был шпион или вор с Земли.

— Любопытно... Мишато полагает, что это я послал его? Занятное умозаключение.
— Мой мастер? — Сcone заинтересованно остановился, склоняя голову. — Мне действительно предстоит предстать перед судом Императора?

Марвин молчал долго, не позволяя юноше ничего прочесть по своему лицу. Наконец кивнул.

— Не исключаю такой возможности. Теперь ты враг — мой, Трона, всей Империи. предав меня, ты перешагнул черту, хоть мы и предвидели это. Теперь я просто обязан скормить тебя своре палачей, что позволит избежать массы неприятностей.

— Я не смог уничтожить Камень, потому что его охранял Веер.

Сcone очутился перед клеткой так быстро, что Киоши вздрогнул. Он схватился за прутья обеими руками, сжав пальцы так, что решетка закрипела. Плоть под его кожей пошла волнами, словно Магистр был готов одним взрывом сменить форму, дав выплеск ярости и недоверия.

— Повтори, что ты сказал!

Слова обжигали, будто сотканые из пламени.

— Камень охраняет Веер. Думаю, что был бы способен сломить любого другого стража...

— Откуда ты знаешь, что это был Веер? — борьба с собой давалась Марвину нелегко, и он почти рычал, с натугой выплевывая слова. — Откуда ты, щенок, можешь это знать?

— Мало кто в Империи не знает, как выглядят гвардейцы Императора, мастер, — юноша закашлялся. Стараясь не растерять последнее самообладание, он с беспокойством наблюдал за сдерживаемой трансформацией своего спасителя.

— Ты лжешь!

Марвин рванул прутья на себя, взметнув в воздух целый ураган пыли. В тот же миг Золотая Клетка растворилась, беззвучно растаяв, словно и не существовала. Киоши неловко повалился на спину, сотрясаясь от боли, и ударился окровавленной спиной о груды камней. Беспомощный, распятый в железном хомуте, он обреченно зажмурился.

Подскочив, Сcone опустил перед ним на одно колено, хватаясь за край колодки и заставляя приподняться. Юноша застонал, но Магистр не обратил на его страдания ни малейшего внимания.

— Да ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Ты понимаешь, о чем рассказываешь мне, основателю Спокойного Сна? Какую цель ты преследуешь, дерзкий щенок? Думаешь, ложью отсрочить наше путешествие в столицу?

Без усилия потянув, Марвин одним рывком сорвал с его плеч колодки, словно те были сделаны из бумаги. С грохотом отшвырнул на кучу мусора, вскакивая.

— Хочешь, чтобы я поверил, что императорский воин несет службу у мятежного лорда? Не смей лгать мне, ублюдок!

Корчащийся от боли у его ног, юноша смог тяжело вздохнуть, баюкая на груди изувеченную руку.

— Клянусь, мой мастер, это на самом деле был Веер...

— Не лги мне!

— Иллюзии не умеют отрезать руки...

Марвин замахнулся ногой, обрушивая каблук на цепи, сковывающие ноги Киоши. С хрустом разломив несколько звеньев и продолжая равнодушно игнорировать стоны, он отшвырнул обрывки кандалов в пролом.

— Да ты понимаешь, что означают твои слова, щенок?

— Я лишь говорю правду, — перевернувшись на правый бок и глотая пыль, Мацусиро замотал головой, стараясь не потерять сознание.

Ярость Марвина миновала стремительно, как убранный ураган. Плечи поникли, треснувшая по шву жилетка обмякла. Он отступил на пару шагов, поправляя сбившийся на живот меч.

— Ты даже не представляешь, какую лавину пробуждаешь к жизни, глупый мальчишка...

— Я хотел лишь следовать своему пути, мастер...

Марвин Сcone надолго замолчал. Сел на замшелый камень, глядя под ноги.

— В который раз убеждаюсь, что бабочка существует... — наконец произнес он, негромко и задумчиво, словно общался сам с собой. — В который раз убеждаюсь, но так и не могу поверить.

Киоши, все же сумевший сесть, дышал жадно и с хрипом, но нашел силы спросить:

— Какая бабочка, мой мастер?..

— У людей существует так называемая теория Хаоса... Согласно ей, взмах крыльев бабочки на одном конце света вызывает тайфун на другом. Ты и есть эта самая бабочка, Киоши Мацусиро...

Он подобрал пыльную ветку, принявшись откусывать от нее крохотные кусочки, которые метко сплевывал в дырявую медную вазу. В его свободной руке забренчали неизменные шары.

Постарайся никому не верить... Именно так сказал когда-то Сcone ему, и сейчас Киоши было непросто сдержаться, чтобы не вернуть Магистру эти слова, даже рискуя остатками зубов.

Они молчали очень долго, вслушиваясь в фыркание скакуна, птичьи трели и шум водопада неподалеку. И чем больше Марвин стучал своими Сферами Иллюзий, тем более раздосадованным выглядел. Свинцовые плиты облаков продолжали свой путь в светлом квадрате башенного колодца, очерченного над головой.

— Овила сейчас в тюрьме, — неожиданно проговорил Сcone, удивив Киоши резкой сменой темы. — Она лично сдалась мне, умоляя спасти тебя от суэджигари.

Магистр обернулся к юноше, обглоданной веткой задумчиво почесывая широкий подбородок.

— Ты хочешь спасти ее жизнь и репутацию?

— Безусловно, — Киоши закашлялся кровью, поднимая на Магистра единственный уцелевший глаз. Еще никогда он не чувствовал себя столь раздавленным. Раздавленным, но готовым до последнего вздоха сражаться за тех, кто дорог. Даже с отрубленной рукой.

— Тогда я считаю должным сделать тебе одно предложение, — удовлетворенно, но устало кивнул тот, и юноша понял, что новое задание лорда Сcone станет для него последним.

Магистр плавно поднялся на ноги, мягкими шагами приближаясь к Киоши. Протянул ему руку, с участием помогая встать. Тот молча повиновался, и не думая задавать вопросов.

— Ты предал меня, Киоши. Стал опасной непредсказуемой фигурой, способной на любые поступки. В твоей голове хранится тайна, опасная для многих. Ты понимаешь, к чему я клоню? Вспомни, чему учил тебя отец, вспомни основы чести своего клана.

Стараясь не упасть, Мацусиро поклонился Магистру, попытавшись свести ладони в почтительном жесте. Задумчиво уставился на недостающую часть руки, вдруг понимая, что мысли предательски смешались, не позволяя рассуждать здраво.

— Император не отдавал приказа вывезти тебя из Онадзиро, — качая головой, признался Сcone, и у Киоши перехватило и без того слабое дыхание. — Всего лишь очередная ложь для лгуна. С этого мгновения ордену Спокойного Сна приказано уничтожить бандитов, никого не оставляя в живых. Никого. Ты понимаешь, к чему я клоню? Император давно не отдавал таких четких и однозначных приказов. Бандитские кланы будут вырезаны, словно дети.

— Он не может допустить падения Онадзиро...

— Заткнись, щенки! О таких вещах не положено рассуждать даже мне.

— Я второй раз в жизни стою на краю собственной могилы, мастер. Я могу думать, о чем хочу.

— Это действительно так, — многозначительно кивнул Сконе, с бренчанием перекатывая в ладони костяные шары. — Но теперь я не имею права везти тебя во дворец...

— А Золотая Клетка?

— Качественная иллюзия, потребовавшая массы времени и сил, — он приподнял перед лицом юноши свои знаменитые Сферы. — Император ничего не знает о твоём освобождении...

— Если Веер был настоящим, уже знает...

— Я сам решу этот вопрос.

Не выдержав пристального взгляда, Киоши опустил голову, разглядывая валяющийся под ногами хлам. Глаза Магистра прожигали насквозь. Теперь Мацусиро даже стало обидно, что Марвин так медлит...

— Овилла попадет под мое личное расследование, и я постараюсь как можно скорее убрать ее из столицы. Тебя станут искать, но не найдут. Ни Мишато, ни Император, ни Тоэши-Набо. Их поиски дадут мне время, чтобы проверить любые версии происходящего. Но для этого тебе предстоит исчезнуть. Когда это произойдет, оборвутся многие нити, а на поверхности омута опять воцарится ложное спокойствие.

Он замешкался, но Киоши видел, что это замешательство отдает фальшью.

— Однажды я уже предлагал тебе добровольно отдать жизнь за спасение миров Креста. Сейчас я предлагаю вновь. Но на этот раз отказаться или обмануть возможности не будет. Ты готов выкупить спасение Овиллы?

— Я готов.

У Киоши кружилась голова. Впервые стоя у собственного погребального костра, он, опьяненный силой, думал, что прорвал течение, избегнув ужасной смерти. Сейчас все было иначе, и только честь джегала не позволяла ему полностью отдаться на волю страха, вернувшегося из жизни Бактияра. Пути Держателей не видны простым смертным, и незримая река принесла его к обрыву.

Он хотел стать героем... Возможно, для кого-то он им стал.

Этот суккуб полюбит тебя, брат. Полюбит по-настоящему, до самой последней черты, но и ты ответь ей тем же.

Умерев, он станет чистым гекару, сбросит всю тяжесть грехов. Умерев, он навсегда унесет от Тоэши-Набо, Мишато и Императора свои тайны.

Киоши закрыл глаз. Медленно и глубоко кивнул, с болью в спине поклонившись собственной смерти, чувствуя на себе неотрывный испытывающий взгляд Марвина Сконе.

— Ты уйдешь с честью, молодой джегал, — кивнул Магистр. — Когда все закончится, в твоём клане узнают о достойных поступках, которыми ты прославил Небесных Пловцов.

— Обещайте, что вернете Овилле репутацию и сохраните жизнь, мой мастер.

— Обещаю.

— Я могу просить еще?

— Считай, что это твое последнее желание, и я обязан выполнить его.

— Тогда передайте ей, как все было. А еще скажите, что рано или поздно я все равно найду дорогу наверх.

— Я запомнил твои слова.

— Тогда приступим...

Киоши успел лишь мимолетно восхититься, как тяжелое Красное копье появилось в руке Магистра. Древко пригибало руку, широкий отточенный наконечник переливался Нитями. Мацусиро понял, что единственный меткий удар такого клинка окажется для него последним. И не ошибся.

Марвин выбросил оружие коротко и без замаха. Киоши зарычал, левой рукой вцепляясь в древко, и потянул палача на себя, все глубже одеваясь на копье. Опускаясь на колени, юноша видел, как Сконе молча кланяется ему.

* * *

Он падал, не ощущая собственного тела, только впитывая ветер, наполняющий вселенную.

Его сущность осталась одинока, словно обгоревший в пожаре каркас.

Он был мертв, но все еще мыслил.

Жерло Ямы приближалось с невероятной скоростью, и тогда Киоши понял, что начинает гореть. Горела его душа. Гекару — суть тоэха, полыхала сухими дровами прежней жизни, принося неопишуемые муки.

Боль Ямы переполнила его.

Дрогнули обрезанные Нити, и Киоши умер.

* * *

Пепел был повсюду. Сухой, комками забивающий глотку.

Кожа горела, но не испарялась в языках огня, а только подрагивала под робким синеватым пламенем. Его руки, плечи и волосы бесконечно тлели, заставляя тело сотряться в конвульсиях.

Он поднялся на колени, уже устав рычать от боли. Лишь скулил, слезящимся глазом оглядывая узкий клочок серого камня, парящего среди огненной бездны.

Кто он такой? Где он?

Цвета, которыми блистали стены бездонной Ямы, были слишком болезненны, чтобы смотреть на них хотя бы мгновение. Стоны и крики, доносящиеся с пыльных летающих глыб, кружащих по соседству, таяли в удушливом воздухе. Стараясь сбить эти куски праха с курса, по непредсказуемым орбитам неслись дымящиеся островки хищной лавы. Гигантские переливающиеся черви плескались в самом сердце Пекла, вскидывая серпантин тел и срывая с летающих островов крохотные силуэты тех, кого судьба уберегла от падения на самое дно.

Киоши поднял голову, чувствуя, что исходящий от стен свет кто-то заслонил.

Прищурился, шипя и скалясь от страданий, пронизывающих каждую его клеточку.

— Если черви не поймают тебя, ты скоро привыкнешь к этой боли... Мне искренне жаль, что враги все же смогли достать тебя...

Силуэт наклонился, протягивая ему руку, и Мацусиро без особой охоты принял широкую обжигающую ладонь. Понимание медленно наполняло его, но жадное пламя не давало собраться с мыслями.

Раны плавились, пульсируя под дождем из искр и пепла, сыпавшихся с проплывающих мимо мягких кусков лавы.

— Вижу, что теперь в нас много общего.

Размытая фигура неопределенно взмахнула культией.

— Добро пожаловать в Яму, Киоши, — Борис Конта из рода Раконов нагнул, мягким рывком помогая юноше встать на ноги.

* * *

Изумрудная птица, не осознав собственного беспокойства, метнулась в темно-синюю чашу, испуганно крича.

Тонкими струйками потекла каменная крошка, захрустел гранит.

И вот уже целая стая, взбудораженная сородичем, поднялась в воздух подальше от незримой опасности. Фиолетовые солнца мрачными густыми тенями расчертили развалины старинного храма, погрузив углы в таинственный мрак.

Потемневшая кровь, дерзко пролитая пришельцами, зашипела и пошла пузырями,

втягиваясь в камень, словно в пористую губку. В этом месте гранит мгновенно потемнел, делая кровавую дорожку похожей на застарелый рубец. Тяжелая чаша в огромной руке качнулась, каменные кольца на цепи глухо стукнулись друг о друга, разбрызгивая дребезжащее эхо. Толстая слюда, издревле скрывающая грубую плоть, отпадала, словно отжившая змеиная кожа. Руны, усыпающие одежды гиганта, принялись медленно разгораться.

Слипшиеся веки поползли вверх, приоткрывая сапфировые зрачки огромных глаз. Проснувшийся Бог медленно сошел с пьедестала, орошенного кровавыми брызгами, и оскалился в улыбке.